

ЭЙТА

Васка да Ковь

2016

Annotation

Кто в здравом уме наймет рыжего рыцаря, продавшего турнирный доспех, и магичку, с трудом контролирующую свою силу и темперамент? Ни один нормальный человек не решится. А нелюдь? ЧЕРНОВИК.

Эйта
Васка да Ковь

История первая. Русалочка

— А кому яблочки, яблочки сушеные, яблочки в карамели, яблочки засахаренные, яблочки свежие! Ой, какое чудо, чудо, хочешь яблочко?

— Пирожки, пирожки, горячие пирожки! По медяшке за пару, за трешку кулек! Ох ты, прелесть! Возьми пирожок, тетя добрая...

Перебравшая рассеянными тяжелыми бусинами для амулетов Ковь бросила ленивый взгляд через плечо на «чудо-прелесть». Ей стало интересно, кто или что могло выцыганить у ушлых базарных торговек еду, не произнеся ни единого слова. Бросила... и застыла, радуясь, что рядом нету слишком уязвимого для магии Васки.

Потому что посреди ярко освещенных полуденным солнцем ярмарочных рядов стояла маленькая русалочка и жевала пирожок с мясом.

Русалочка, если не приглядываться, выглядела как пай-девочка лет пяти. Словно дочь служанки из какого-нибудь господского дома, где господа щедрые и богатые: красные ленточки в жидких русых волосиках, доверчиво распахнутые зеленые глазенки. Чистенький сарафанчик болтается на узеньких плечиках, беленькие ручки с тоненькими пальчиками крепко вцепились в пирожок, а босые ножки будто и не по пыльной дороге ходили. Пожалуй, не просто дочь служанки, а первенец...

То есть так бы Ковь решила, если бы в ауре девочки был хоть намек на энергию жизни. Но эта девочка была мертва уже лет пять, а то и все десять, и, судя по невидимым для простых смертных щелочкам за ушами и на шее и прозелени в будто бы случайно растрепанных волосах, померла она не своей смертью. Проще говоря, ее утопили, но выловить из воды и по-человечески похоронить не удосужились. И рученьки у девочки не просто так белыми да нежными были: то река их отмыла, прополоскала... Приласкала девочку, новую жизнь подарила, да только жизнь ли?

Агрессии нечисть не проявляла, разве что цепляла слабеньким приворотом торговек с едой и красивыми, на взгляд русалочки, вещичками. Ну так то у русалок врожденное, и хотела бы, не могла бы не зацепить. Из оттопыренных кармашков сарафанчика уже выглядывал пряник, самый кончик зеленой ленточки, алый бочок яблока... Русалочка явно не собиралась на людей бросаться. Опасны русалки, которые на вид постарше, пофигуристей, да и то не в полдень, в толпе народа, на расстоянии часа ходьбы до ближайшей речки. Наверное, русалочка просто подкормиться пришла, да сестрицам гостинцев притащить, и опасна лишь для своего убийцы.

Успокоенная, Ковь снова отвернулась к прилавку. Ох, знала бы, что будет дальше, ни в жисть бы с русалочки глаз не спустила!

С Ваской Ковь не разговаривала с того самого момента, как они ушли из ее родного села. То есть уже три дня. И если в первый день тот еще пытался вовлечь ее в разговор о достоинствах родного флота перед флотом первейшего политического противника, то есть о предмете, в равной мере от обоих далеко, то потом прекратил даже эти тщетные попытки.

То есть, не совсем прекратил. Он упорно думал, как с ней помириться. Не то что бы Васку угнетало это вечное молчание и упрямый молчаливый отказ садиться на его коня, но все это создавало некоторые неудобства. Например, при виде угрюмо шагающей по пыльной дороге босой и растрепанной Кови и едущего на прекрасном жеребце чистейших кровей

рыцаря, окружающие почему-то показывали пальцами именно на рыцаря и укоризненно качали головами. Хотя, конечно, старались, чтобы Васка этого не видел. А то мало ли что деспоту с мечом на ум придет! Не объяснять же всем и каждому, что своего мула Ковь подарила подруге на свадьбу, да и вроде бы он в своем праве, на широкоскулом лице Кови так и написано: крестьянка, но все равно как-то неловко. Эту Васкину черту старший брат обозвал как-то раз слабохарактерностью и потаканием холопам, и в пику брату он ее бережно лелеял и взращивал.

Васке должно было быть очень стыдно, из-за этого ему действительно было стыдно, и поэтому уже через полчаса такого пути пешком шли оба, а конь плелся за хозяином с выражением полнейшего недоумения на холеной морде.

А те два дня, что они с Ковью жили в первом попавшемся клоповнике, поджидая начала ярмарки? Клоповник хозяин гордо именовал гостиницей. Логика хозяина была проста: здание стоит в городе и там сдаются комнаты. Гостям сдаются. Гости что делают? Гостят гости. Значит, гостиница! Но от названия суть не менялась: облезлое, подслеповато щурящееся на узкую улочку маленькими, затянутыми (будто прошлый век и не кончился) слюдой окошками здание было крайне недорогим и не респектабельным. Правда, для Васки ключевым словом было «недорогим». Ковь, хоть какой-то толк в ее молчании, ни слова против не сказала. Правда, посмотрела... На Васку, статного красавца-рыцаря обычно девки все-таки иначе смотрели. А тут...

Он уж думал, что эта ведьма его за эту пару дней испепелит своими взглядами! Ну, поторопился, дни неправильно посчитал... ну так кто мешает потом вернуться? Они и так проторчали в этом селе целую неделю, Васка готов был уже волком выть. Пока Ковь с подружками общалась, его боевитые сельские девки чуть ли не приступом брали.

Ковь упрямо огибала Васку по широкой дуге, оказывалась встречаться с нанимателями, да еще и подсунула ему какое-то мыло, из-за которого натуральный иссиня-черный цвет его волос превратился в солнечно-рыжий. А рыжие, как все знают, хитрецы и пройдохи, куксье семя, и верить им нельзя. Вот и послали его лесом уже трое потенциальных работодателей, зря только пивом их поил... Нет, с Ковью надо было мириться, и мириться срочно. А то она как рассердится, так и перестает думать. И осознать, что отказавшие работодатели — это не только Васкина проблема, она может еще очень и очень не скоро, а денег вот-вот и на клоповник хватать перестанет, придется в заначку лезть...

Васка шатался по ярмарке и искал какие-нибудь особенно яркие бусы. Его отец всегда так мирился: присылал жене конфет и вина, рвал цветы в замковом саду и приходил к ней с этим букетом под вечер. С виноватым видом, конечно. Отработанная поколениями Диерлихов схема была предельно проста: сначала подарить что-нибудь ценное, затем подарить что-нибудь сделанное своими руками и явиться под светлы очи с видом покаявшегося грешника. Васка счел, что и с Ковью должно получиться. Правда, при некотором размышлении от бус он решил отказаться. Ковь могла счесть это оскорбительным намеком на свое крестьянское происхождение, намотать нитку на кулак, и засветить тяжелыми камнями или занозистыми деревяшками Васке в глаз, и Васка ничего не смог бы с этим поделать. То есть он мог бы перехватить ее руку, заломать... но рыцарский кодекс четко и ясно говорил, что на даму руку поднимать нельзя. Да и разве сможет Ковь его сильно ударить? Поболит и перестанет. Ковь еще сама извиняться потом будет, ну, как, извиняться — посопит виновато. Отходчивая она. Так что это не было проблемой...

Но если даже обычный рыжий подозрителен, то рыжий с подбитым глазом

подозрителен вдвойне.

Блуждая по ярмарке, Васка наткнулся на лоток с пуховыми платками, шарфиками ручной вязки и такого же типа варежками. Поколебался, но решил подождать какой-нибудь зимней ярмарки и зимней ссоры, дабы не оказаться непрактичным болваном. По этой же причине он не купил фигурок с лотка стеклодува и сережек из полудрагоценных камней. Сережки бы потерялись в дороге или их выпросила бы какая-нибудь нечисть, а фигурки бы обязательно разбились. И то и то обидно. Да и накладно.

После двух часов скитаний, полуоглохший от выкриков зазывал и визгливых голосов торговки Васка остановился у того лотка, с которого и начал: у лотка с бусами. Ему настолько надоело блуждание по рядам, что он решил рискнуть лицом.

И тут увидел девочку.

Девочка стояла у лотка и застенчиво переминалась с ноги на ногу, устремив зеленые глазенки на коробочки с развесным бисером. Пальчики так и тянулись к бусинкам, но видно было, что денег у нее нет. Торговка изредка лениво поглядывала на девочку, но больше для порядка. Настолько девочка была хорошенькая, миленькая и безобидная. Разве такая чего-нибудь сворует?

Васка поймал себя на несвойственном ему умилении.

После продажи турнирного доспеха отца деньги у Васки все-таки были, но отложенные на самый крайний случай. Васке отчаянно не хотелось их тратить, да и хранились они у Кови, под четыремя наговорами и пятью самодельными амулетами. Потому и искал сейчас Васка какую-нибудь работку попроще, чтобы была у него карманная мелочь. Васка напомнил себе, что как раз сейчас мелочи у него нет, кроме как той, что пойдет на подарок магичке, оплату сегодняшнего ужина, и, может, завтрашнего обеда. Однако...

Девочка, будто почуяв лихорадочные метания честной рыцарской души, обернулась и улыбнулась Васке во все свои остренькие зубки. Очень остренькие зубки. Треугольные такие.

— Купи бус! — в меру капризно попросила нечисть, — А то покусаяю!

Тот зажмурил глаза и досчитал до десяти. Когда он открыл сначала один глаз, потом второй, девочка никуда не делась, разве что теперь держала его за рукав. И зубки ее никуда не делись. Она все так же скалилась-улыбалась и заглядывала Васке в глаза.

Васка попятился.

Девочка не отцепилась.

Торговка скользнула по ним безразличным взглядом и продолжила щелкать семечки. Видимо, зубки демонстрировались ему лично.

— А отвяжешься? — спросил Васка без особой надежды.

— Не-а.

Девчонка мотнула головой и слегка выпустила коготки, впиваясь в жесткую ткань рубахи, а затем и в кожу. От нее пахло тухлой рыбой. Русалка?

— Упокою, — процедил Васка.

— Кишка тонка, — хмыкнула нечисть, — неразумно среди бела дня, в тюрьму загремишь, доказывай потом, что не душегубец. Баш на баш — твою беду знаю, могу помочь. Помоги и ты мне, рыцарь!

И девочка повалилась в пыль, прямо Васке под ноги. Он почесал в затылке, жестом, от который прилип к нему не так давно и ни в какую не хотел отлипнуть. Нечисть только что проговорила ритуальную фразу. И если Ковь еще могла бы отказаться и не поиметь потом

крупных неприятностей с соплеменниками этой соплушки, магичек учат правильно отказывать, то он — нет. Да и не хотелось в комплект к одной обиженной бабе получить вторую.

К тому же, у него, кажется, появилась возможность отделаться от проклятой рыжины и избежать фингала. Говорят, нечисть всегда дает задаток, да не простой... а что может быть приятнее магичке, чем амулет?

— По рукам.

Васка плюнул на ладонь. Девочка моментально поднялась с коленок и отряхнула подол, затем протянула свою ладонь.

— Тогда с тебя голубенькие, зелененькие и парочка красненьких... мельеньких! А, сама наберу, сама-сама! И леску купи, купи-купи-купи леску!

И куда только подевались бесовские огоньки в зеленых глазах, когти и запах тухлой рыбы? Она лучезарно улыбнулась, показав слегка неровные молочные зубы, и кинулась набирать мелкие-мелкие бусинки в услужливо одолженный торговкой кулечек.

Васка машинально посмотрел через плечо, не собралась ли толпа, не тычут ли в него пальцами как в человека, который издевается над маленькими девочками, заставляя их валяться у себя в ногах? Но нет. Видимо, ничего из экспрессивного представления мелкой тварюшки другие посетители ярмарки так и не увидели. Отвод глаз для нечисти дело нехитрое...

— Это что за... Чтоб тебя трое леших заломали в темном уголке! Васка, ты что, башкой ударился?

Васка пожал плечами. По крайней мере, Ковь с ним теперь разговаривала, что радовало. Только вот мерцающие колдовским зеленым глаза магички, смотрящие на него из щели между дверью и косяком, обещали скорую расправу, если конечно, Васка не объяснится. И расправа, пожалуй, будет похуже леших... Васка вспомнил, что он смелый и мужественный рыцарь, расправил плечи... еще раз взглянул на Ковь и решительно вытолкнул девочку вперед.

— Это... в общем, Ковь... может... давай ее оставим?

— Чего-о-о? Я что-то не расслышала... совсем с катушек съехал?

— Ну что мы ругаемся на пороге, давай зайдём в комнату, мирно все обсудим...

Васка схватил край двери обеими руками, уперся ногой в стену и начал осторожно дверь открывать. Противно заскрежетали по полу каблуки. Ковь была не самой слабой девушкой, но рыцарю в плане физической силы не чета.

Первой в образовавшуюся щель прошмыгнула нечисть. Занятая борьбой с Ваской магичка не сразу это заметила, а когда заметила, моментально бросила дверь и сложила руки в смутно знакомом Васке в жесте, с некоторой неуверенностью опознанном им как защитный.

Васка шагнул в номер, прикрыл дверь и встал между Ковью и подобранной на ярмарке девчушкой, скрестив руки на груди.

— Какого ж ты притащил в мою комнату русалку!? — рывкнула Ковь, — На малолеток потянуло? Так и пер бы ее в свою комнату, какого... я должна с этой тухлой рыбиной...

— Это вы, тетенька, зря про малолеток. Я думала, надорвусь, чуть ли не дна иссушилась, а ему — хоть бы хны, — вякнула русалочка из-за спины Васки. — Поразительная устойчивость к магии, небось, часто на нем тренируетесь?

Ковь взвыла и запустила в девчонку невесть откуда взявшимся глиняным кувшином. Тот просвистел у Васки над ухом, и он мысленно поблагодарил Ха за отвратительную меткость напарницы.

— Понимаешь, — Васка поспешно достал из кармана сплетенную из лески, бусинок и проволочек зеленую штуку, отдаленно напоминающую водоросль, и покачал ей у Кови под носом, — так получилось, что я заключил с ней сделку. Из-за кое-кого мне сейчас только с нечистью и договариваться!

Ковь потянулась к «водоросли», желая пощупать, но Васка в последний момент отдернул руку. Русалочка из-за спины Васки торжествующе хихикнула:

— Ну что, Прасковия, согласишься со мной сделку за амулет призыва речных сестер, или ты все еще прин-ци-пи-аль-но не сотрудничаешь с водной нечистью, огневушка?

— Ну имя-то, имя зачем ей сказал, придурок? Я же теперь оказаться не смогу...

Ковь не отрывала жадного взора от амулета. Васка бы улыбнулся, если бы не боялся вызвать этим очередной виток скандала: естественно Ковь могла отказаться, но не хотела. Сделка действительно была ей крайне выгодна, но поломаться-то надо, это же Ковь, просто так с Ваской не согласится, скорее косу до пояса отрастит, а потом сжует.

— Если бы я был уверен, что ты ее выслушаешь, не сказал бы. Я и сам хотел зайти с ней куда-нибудь в малолюдное место и отсечь ей голову, не люблю быть обязанным нечисти... если бы не ее история...

Ковь презрительно фыркнула.

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, а в твоей пустой головешке водились бы мозги... Кто же нечисти-то верит?

— Я верю. Она русалка, Ковь. Как думаешь, что это значит? Ее утопили, понимаешь?

— Или она пошла купаться с друзьями. Нашел, чему верить, Васка! А если я скажу, что случайно сожгла того косорылого чувака, что пригласил меня на танцы три недели назад, и теперь мне срочно нужно в храм, замаливать грехи, ты выдашь мне свои кровные на дорогу?

Вопрос повис в воздухе. Ковь с садистским наслаждением наблюдала, как на лице Васки отражаются все стадии изумления, от легкого, до крайнего. Он потупил минуты две и выдал:

— Ты это... серьезно?

— Серьезней не бывает. Он завалил меня на сено, а потом... я не могла вырваться... Так стыдно, так стыдно... Еще и сено погорело.

Ковь скроила жалостливую мордашку и посмотрела на Васку исполненными страдания глазами убитой горем женщины.

— Сколько? — хрипло спросил Васка.

Ковь — она могла.

Мысль о том, что сжечь назойливого ухажера, это, конечно, в стиле Кови, но вот раскаиваться после — вовсе нет, пришла уже позже.

Ковь расхохоталась, а из-за Васкиной спины ей тоненько вторила русалочка. А затем хихиканье перешло в горестные всхлипы.

— Тетенька... вы... не шутят с такими вещами!

— Понимаешь, тухлятина, я просто объясняю, что верить кому попало нельзя. Вот я ему не верю. И тебе не верю. А он поверит даже старьевщику, когда тот обзовет свое шмотье антиквариатом и потребует тройную плату...

— Я не тухлятина! Я Кирочка! И, тетенька, не шутят! — взметнулась русалочка

карающей волной и даже выскочила из-за спины Васки, размахивая тоненькими ручками, — У меня мамку так утопили. И меня заодно. Только мамку схоронили у обочины, а меня не нашли... вот я и прошу, прошу, ищу магичку какую, или рыцаря с чистым сердцем и мозговитого, хочу, чтобы убийцу моего! Чтобы...

Ковь резко посерьезнела.

— Положим, мозговитого рыцаря ты не нашла, но в этом деле сойдет даже безмозглый, — Ковь бросила на Васку презрительный взгляд, — Ладно, за твой амулетец я, так и быть, схожу к местному барончику, расскажу про ниспосланное мне виденье, пригрожу засухой... как миленького вздернут убивца! Ты только пальчиком в гада ткни, и тетя-магичка разберется.

Васка не сомневался, что ее зацепит.

Ковь и странствовать-то отправилась за всякими амулетами, артефактами и редкими травами. Все это порядочный магик должен был насобирать себе сам, на спокойную старость. Русалочий амулет, конечно, был мелочевкой, но это был единственный амулет, который Ковь вообще увидела за те четыре с чем-то месяца, которые путешествовала с Ваской. Свои самodelки Ковь амулетами не считала, убивать нечисть просто так, из-за амулетов, почему-то не хотела, а схроны с могучими артефактами, как ни странно, на каждом углу не попадались. Расчет Васки основывался на том, что Ковь поймет, что если она откажется от сделки с этой... Кирочкой, амулет рассыплется мелкими бусинками из Васкиных пальцев, и следующий шанс заполучить какую-нибудь магическую вещьцу появится ой как не скоро...

Да и хорошие отношения с русалками еще никому не мешали.

Главное, чтобы Кирочкин случай не показался Кови слишком сложным. Трудностей она не любила. Хотя история русалочки была не из тех, что Ковь пропускала мимо ушей и спускала с рук.

— Так в том-то и дело! Два у нас барона, одинаковых с лица. Молодцы, удалцы... жеребцы. Вот кто-то из них и убил. Наверное. А еще кто-то из них — мой отец. Я смерти-то не помню. Мамкино лицо помню, сестер... а смерть свою...

Васка вышел в коридор и осторожно прикрыл дверь, не желая слушать историю Кирочки еще раз.

Он почти не сомневался, что Ковь рассказ зацепит, такого рода случаи всегда приводили ее в ярость, хотя Васка не видел в них ничего особо необычного и возмутительного.

История русалочки была банальна и стара как супружеское ложе Отца-Солнца, и единственное, отличавшее ее от сотни подобных, происходивших по всему королевству, была трагическая смерть в конце. Все, о чем Кирочка распиналась Васке на ярмарке, пока сидела на пяточке чудом сохранившейся невытопанной травы и плела свой амулет, можно было уложить в пару предложений: жила была на свете хорошенькая служанка, которая имела несчастье влюбиться в своего сильного и красивого господина. И она господину понравилась, и стала она не служанка, а содержанка. А потом господа женились на близняшках, и лишившуюся покровительства содержанку кто-то утопил вместе с не вовремя оказавшейся рядом дочерью. Всего-то разницы, что господ было двое, да и дочерей тоже две, но вторая приболела и с матерью на мостки стирать не пошла. Потому выжила и иногда с сестренкой встречалась, жаловалась на мачеху и с водой игралась.

Да прижитка даже признали, и сестричка Кирочки на бархате спала, с фарфоровых

блюд ела — на что тут жаловаться?

Васка прислонился к стене, прикрыл глаза и задремал, сквозь сон различая мерное тоненькое «бу-бу-бу» за стеной. Если бы он задремал в комнате, растроганная Ковь могла и пакость какую-нибудь сделать...

Проснулся он от того, что его трясли за плечи.

— Васка! Ну Васка же! Вот ведь бессердечная скотина! Просыпайся, кому говорю! Там девочка распинается, рыдает, а он дрыхнет!

«Не глаза, а болото», — подумал Васка, — «и зачем я это все затеял, всю эту глупость, этот обет, гордость... посвящу жизнь служению храбрейшей... знал бы, кому служить собрался, разве я бы так поступил?»

Поступил бы. Гордость, будь она неладна...

— Девочка — это ты что ли, Ковь? У тебя глаза красные.

Ковь вспыхнула. Она всегда стыдилась своих слабостей, а слезы считала именно слабостью. Васка не мог не подколоть.

— Дяденька, тетенька, хватит миловаться! Заходите в комнату. Тетя-магичка, я даже тазик принесла и порошочек развела, как ты хотела.

— Ой, молодчинка! — разулыбалась Ковь, не обратив внимания на легкую издевку, прозвучавшую в голосе русалочки, — Ну что стоишь, пошли, говорю! Ночью надо спать, а не девок портить.

И потащила Васку обратно. Тот, впрочем, не сопротивлялся. Хотел было сказать, что никаких девок он не портил, просто больно клопы в гостинице злые, грызут, гады, но промолчал. Кови ведь, в сущности, все равно.

Посреди комнаты теперь стоял табурет. На табурете стоял большой медный таз, до краев заполненный чем-то зеленым. Вкусно пахло полынью. Кирочка старалась держаться от таза подальше, забилась в самый угол.

— Чего, неужели ты это все сама наплакала? — хмыкнул Васка, — Уважаю.

— Ты лучше примолкни. Мы тебя сейчас обратно красить будем, а то и верно, вся окрестная нечисть сбежится нам работку кидать, — командирским тоном заявила Ковь, закрывая дверь на щеколду, и выразительно посмотрела на рыжую Васкину шевелюру.

Вообще, Васка был бы рад согласиться на это заманчивое предложение... если бы оно не было выдвинуто в форме приказа. А он, может, всю свою сознательную жизнь мечтал быть рыжим! Поймав себя на каком-то детском чувстве протеста, Васка усмехнулся. С кем поведешься, от того и наберешься, так говорят?

— Нет. Мне кажется, мне идет рыжий цвет, так что я против любых манипуляций с моими волосами.

— Издеваешься? — прошипела Ковь, — Как я с рыжим спутником здешним цацам на глаза-то покажусь?

— А башкой надо было горелой своей думать, — слово «башка» непривычно и неправильно легло в фразу, но Васке внезапно захотелось сказать магичке что-то такое, чтобы она заткнулась, чтобы перестала смотреть презрительно и колюче, как на недоноска какого, как на последнюю подзаборную шваль, — прежде чем красить!

Ковь набрала было воздуха, чтобы сказать что-то, язвительное и снисходительное, но Васка смерил ее тем взглядом, которого Ковь... да какая Ковь, Прасковья, Прощка, Прося! Заслуживала по праву рождения. Все-таки иногда брат бывал прав, хотя это было и больно признавать.

Та осторожно, стараясь не расплескать, взяла тазик на медные ручки и надела Васке на голову. Темно-зеленая жижка потекла по волосам и по рубашке, залилась за шиворот. Васка застыл, не зная, как реагировать.

Ковь вышла из номера, бросив на пороге притихшей русалочке:

— Пойдем, Кирочка. Нам еще платье покупать. И, да, сэр Васкилерох, прошу вас принять к сведенью, что для того, чтобы вернуть ваш натуральный цвет, вам стоит не смывать маску еще часа два. Или три. Что-то я запямятовала точное время... Вы же знаете, крестьянские дети таки-и-ие тупые!

Поклонилась в пояс, дождалась, пока Кирочка выбежит в коридор, и от души хлопнула дверью...

— Тетя магичка, тетя магичка, а зачем вам покупать платье? У вас очень миленькая рубашечка, и брючки... вам эта вышивка так идет! И вообще, что может быть премилее девы в мужском платье! Дайте волосы потрогать! Их вам правда дракон опалил?

Кирочка семенила за злющей, как десяток голодных упыриц, Ковью, пытаясь как-то разрядить обстановку, которую случайно сама же и накалила, не уследив за приворотом. Однако у нее не очень получалось. Волосы Кови шевелились, иногда там проскакивали искры, глаза сияли зеленым, губы были плотно сжаты, а шла она стремительно, так, что не будь Кирочка русалкой, догнать Ковь у нее получилось бы вряд ли. В общем, картина «очень-очень злая ведьма» была представлена во всей красе. Прохожие обходили ее по стеночке, собаки не решались лаять, дети прятались за юбки матерей, а какой-то стражник короткими перебежками — от забора к забору — следовал за ними уже три улицы, все не решаясь остановить.

— Нет! — внезапно рявкнула Ковь, топнув ногой по мостовой.

Стражник пригнулся, ожидая молнии с небес, Кирочка тоже вздрогнула. Затем, воспользовавшись временной остановкой, сколдовала отвод глаз себе и Ковь и специальную штучку для стражника: тот же отвод глаз, но на верный путь. Она боялась стражников. На них было слишком много железа: зубами не прокусишь, по крайней мере, русалочьими. Не серебро, конечно... но тоже не слишком приятно.

Русалочка поморщилась. Она истратила слишком много сил на ярмарке, и иссушилась почти до дна. А тут еще колдовать пришлось... скорее бы к речке.

Молнии так и не последовало.

— Чего «нет»? — осторожно спросила Кирочка, выждав для верности еще пару минут.

— Нет, — неожиданно спокойно ответила Ковь и вновь тронулась с места, уже прогулочным шагом, — на самом деле, если по секрету, тухлятина, я просто неудачно прилегла у костра. Где твоя речка?

— При чем здесь речка? — Кирочка удивилась такой быстрой смене темы.

— Слушай, перестань дурочку играть. У меня денег нет, Васкиных я не возьму ни за какие коврижки, он над теми, что в нычке трясется, а других у него просто нет. Это значит что?

Кирочка в растерянности потянула было в рот большой палец, но вовремя вспомнила, что после смерти бросила пагубную привычку грызть ногти и отдернула руку.

— У меня даже платье в голове не укладывается. А ты мне про речку и деньги... тетенька.

— Но ведь прозрачно же! Магичкой я к вашим баронам не сунусь, мне надо там

заночевать, а кто магичку пустит, коль рыльце в пушку и родная дочь — русалка? Да еще в мужских тряпках... я еще не дожила до того момента, когда образ работает на меня. Значит, придется изображать фифу. Богатые фифы носят платья, у меня платьев нету. И денег на тряпки у нас... в смысле, у меня, не водится. Зато у меня есть человек, тфу, нечисть, которая может достать мне речной жемчуг...

— Что, правда? — глаза русалочки засияли прямо таки неземным восторгом, — Познакомишь?

— Тухлятина, не придуривайся. Эта нечисть — ты.

— Ой, и правда, могу. А ты к речке хочешь, наверное, чтобы со мной поплавать?

Ковь закашлялась. Видать, дошло, что плавать с русалкой ночью может только самоубийца. Все-таки инстинкты у русалок порой побеждают разум, особенно у таких юных и наверняка недавно утопших. Так промахиваться было непростительно. Если бы сейчас Кирочка мягко бы не намекнула, что в воду с ней соваться не стоит, то Ковь могла и забыться, слишком была зла и обижена. Уже сейчас в сгустившихся сумерках глаза русалочки недобро поблескивали в темноте.

— Что-то расхотелось. Слушай, Кирочка... я так подумала. Завтра ты придешь ко мне на порог с мешочком речного жемчуга и нормальным амулетом. Не той подделкой-трехминуткой, которую ты скормила Васке. И мы заключим сделку. Нормальную сделку. С настоящими именами и прочими финтифлюшками. Ты как?

— А я не против, тетенька! О честности магичек у нас легенды ходят...

И русалочка растворилась в сгустившейся темноте.

Ковь повернула назад. Надо было возвращаться.

Васка смыл жижу сразу же, хоть для этого и пришлось пройти со своего второго этажа вниз через переполненный обеденный зал. Зато потом, когда он обливался из ведра около колодца, вокруг него столпилось уйма хихикающих девиц, которым внезапно понадобилось набрать воды для ужина. Это слегка приподняло ему настроение.

А еще то, что новая краска не успела сделать свое черное дело. Рыжий так и остался рыжим, разве что чуть потускнел.

Какое-то глубинное чутье ему подсказывало, что чем дольше он будет рыжим оставаться, тем дольше Ковь будет беситься. Ради этого можно было и потерпеть настороженные взгляды окружающих.

К тому же, нанимателя он уже нашел. Ну и что, что нечисть? Очень милая девочка.

Васка дошел до своей комнаты, завалился на кровать и достал из-под кровати старую обтрепанную книжонку. Эту книжку Ковь неоднократно порывалась пустить на растопку, но Васке она нравилась. Повествование о рыцаре, который пустился в путь, дабы спасти прекрасных дев, побеждать врагов и восстанавливать добро и справедливость, а в конце становился королем сказочного королевства, захватывало.

Ковь называла ее «сказочной мутью». Это в очередной раз доказывало, что взаимопонимания им не достигнуть никогда.

Минуты шли, складываясь в часы, тихий гул голосов снизу становился все тише, но потом запела приглашенная менестрель и народ внизу снова оживился. Судя по лихим выкрикам типа «выше ногу!» и «красотка!» она еще и танцевала. Выкрики отвлекали.

Васка отложил книгу, распахнул ставни и высунул голову в окно, в душную летнюю ночь.

За окном было темным-темно, тонкий серпик стареющей луны почти ничего не освещал. Ковь до сих пор не вернулась. Это беспокоило, но не особо. Про Ковь говорили, что она избавила целую деревеньку от настоящего дракона, что она сильнейшая и мудрейшая магичка королевства. Так говорили жители той самой деревеньки, которую Ковь и избавила — и, теперь-то Васка понимал — только они. Васка на свою беду им поверил. Именно поэтому он и дал обет сопровождать ее и охранять от трагических случайностей, а когда понял, что нигде, кроме одной-единственной деревеньки и пары соседних про Ковь не знают, отступить было поздно.

Обет для рыцаря — дело чести, и обычно Васка старательно Ковь защищал, хотя и хотелось порой плюнуть наглую девке под ноги и уйти на все четыре стороны. И от упырей, которые выползают по ночам из самых разных мест, он тоже должен был бы ее защищать. Конечно, в это время года и при такой луне они слабенькие, а Ковь вообще говорит, что городских упырей не бывает. Но мало ли что может случиться? Совесть говорила Васке, что надо выйти из гостиницы и попытаться поискать магичку, а здоровый инстинкт самосохранения, лень и обида уговаривали плюнуть и вернуться к чтению.

Ничего у них не вышло. Когда это рыцари слушали свой инстинкт самосохранения?

Ковь не умела ориентироваться в городах. Вот в лесу все понятно и приметных знаков завалилось. Где береза повалилась, поросла лиловыми трутовиками, как грядка сорняками, где погрызенная жуками сосна стоит, сухая и безжизненная. В общем, в лесу Ковь хотя бы примерно могла запомнить дорогу, по которой шла.

А в городе так не получалось. Вроде и дома разные, и улицы по-разному изгибаются, а все равно, куда забрела, откуда пришла, Ковь вспомнить не могла. Она обошла, наверное, весь город, пытаясь прислушаться к своей мажьей интуиции, но, видимо, сегодня был не ее день.

Вот и сидела теперь на скамеечке, на которой, похоже, в светлое время суток собирались местные бабульки. Землю вокруг покрывала шелуха от семечек, голуби были особенно жирными и противными, норовили чуть ли не сесть Кови на голову, хотя, как порядочные дневные птицы должны были бы спать, под скамейкой валялось позабытое вязание, а какая-то кошка все терлась о ее гудящие от усталости ноги, видимо, ожидая, что сейчас ее покормят. От безнадёги Ковь задалась вопросом, какого цвета эта кошка. Но было уже темно, только тонкий месяц светил, а в темноте все кошки серые.

Ковь понимала, что сидеть ночью на скамеечке не очень-то полезно и безопасно. Никакая нежить, конечно, к магичке не полезет. Нежить тоже псевдожить хочет. А вот какой-нибудь маньяк — запросто.

Подойдет сзади, тихо и бесшумно, обхватит за шею и... в общем, грубой силой принудит к непотребствам. Или убьет. Лучше убьет, хоть не так стыдно будет. Может, конечно, Ковь и отобьется, но маньяки сильные и хитрые, и, наверное, он сразу догадается, что достаточно скрутить ей руки и ее боеспособность тут же снизится до уровня обычной девицы... Какой толк от огня, которым не можешь управлять?

Ковь поежилась, но со скамейки не встала. Так она хотя бы под фонарем сидит, хоть и перегоревшим, а если пойдет дальше свою харчевню искать, то придется проходить мимо темных подворотен, где может таиться целая орда грабителей... и светить ей будет только тускло-зеленый поисковичок, жуть. Да и не поможет поисковичок, они у Ковивыходят криво. А если бы и получился один — у Кови абсолютно вылетело из головы название

нужной улицы. Во вшивом городишке и улиц-то было всего-ничего, а она все равно ухитрилась заблудиться!

«Как говорила Вичка, остается только сесть и заплакать», — вспомнила Ковь лучшую подругу и еще больше расстроилась. Из-за Васки Ковь так и не смогла погулять у Вички на свадьбе. «На ярмарку опоздаем, на ярмарку опоздаем»... сдалась ему эта ярмарка!

Вообще все из-за него. И русалку он эту привел... еще бы к упырю нанялся, трудоголик. Долбоклюв! Слепец! Однако сидеть и подбирать Васке эпитеты Кови очень быстро наскучило. Да и кошка запрыгнула на колени, и теперь мурлыкала, тычась носом в руку.

Все-таки, какого цвета кошка?

Ковь растопырила пальцы правой руки «козой» осторожно отпихнула кошку и пустила между пальцами молнию. Кошка недовольно мяукнула и развернулась к Кови задом. В голубоватом свете молнии она оказалась роскошнейшего рыжего цвета. И котом.

А еще этому коту, видимо, очень быстро надоело электрическое потрескивание, потому что он, спрыгивая у Кови с колен, будто специально задел ее локоть.

Молния красиво ушла в небо, прежде чем Ковь успела остановиться.

«Сколько веревочке не виться, а счета за нанесенный ущерб все равно мне предъявят», — философски подумала Ковь, разглядывая обуглившуюся стену дома напротив. Ну хоть не загорелась, и то хлеб, хотя сил Ковь выплеснула на это немало, не успев перестроиться. Конечно, для достижения большего комического эффекта на колени Кови должен был грохнуться поджаренный голубь или, если учитывать время суток, летучая мышь. Но вместо этого Кови показалось, что где-то далеко она слышит бодрую молитву Васки, которую тот обычно читал на удачу. Ковь впервые так радовалась чьей либо молитве.

Васка совсем не знал, как искать глупую девку в не самом маленьком городе. Поэтому пошел наобум. Он скрестил пальцы и возвал к Богу Ха... по идее, это должно было сработать. Чисто номинально Ковь была Прекрасной Дамой сэра Васкилероха Диерлиха, и тот даже носил у себя на шее медальон с ее локоном, а она в мешочке на поясе — его прядь. Черную-черную, чуть ли не с переходом с синий, натуральную и еще непокрашенную. Все как полагается. Ха, бог судьбы (временно, пока жена не родит) и шуток (со времен сотворения), должен был подать знак.

Хотя рыцарь с магичкой плохо ладили, Ковь вряд ли смогла бы долго странствовать без рыцаря, ее защищающего от таких банальных и немагических существ как дорожные грабители, а изгнанный из дома братом-тираном Васка — без цели и без надежд на то, что когда-нибудь хорошенько прославится и вернется в родной замок триумфатором, заставит брата с собой считаться. Времена одиночек, если таковые когда-либо и наступали, давно прошли. А вот пара из неплохой магички и не самого слабого рыцаря вполне могла чего-нибудь добиться. Они крайне вовремя встретили друг друга.

А обмен локонами, по идее, должен был не дать им друг друга потерять. Васка, в отличие от Кови, магическими способностями не обладал, но даже он, имея локон, мог найти Ковь с помощью молитвы. Если повезет и Бог Ха обратит на него свой благосклонный взор, конечно.

Какая-то тетка едва не вылила на излишне громко чеканящего слова Васку ушат помоев, но тот ловко увернулся. Все-таки рыцарская подготовка — это полезно.

Он искал, наверное, час, прежде чем Ха услышал его молитву: он увидел, как где-то не очень далеко, в паре кварталов, в небо ударила молния...

Он поспешил туда. Кови очень хорошо удавались молнии и прочая огненная магия, ну кто как не она мог быть источником этой? Иногда Васка думал, что это отложило какой-то отпечаток и на ее характер. Очень уж непоследовательна и вспыльчива была его напарница. И, хотя вела она себя так не только с ним, именно Васка страдал от ее вспыльчиво-грозового характера больше всего. Он был аристократом по праву рождения. А у ее села был не самый удачный сюзерен, не говоря уж о том, что на ее лице слишком легко было найти признаки первенца. Она никогда не говорила об этом прямо, но Васка предполагал, что именно поэтому иногда к ней под хвост попадала весьма болезненная вожжа, и она начинала относиться к Васке чуть ли не с ненавистью. Потом, после очередной ссоры, она неохотно пыталась помириться, но и Васиного терпение было не бесконечно. Поэтому такие ссоры как в этот раз, бывали хоть и не часто, но с неутешительной периодичностью.

Однажды они решили, что на извинения уходит слишком много сил и времени, а виноваты все равно оба. Поэтому в таких случаях они просто делали вид, что ничего не было и ничего не произошло. То есть Ковь решила, а Васка согласился.

Васка нашел Ковь сидящей на скамеечке и зябко съежившейся. Машинально подал руку, помогая подняться, та, уже привычно ее проигнорировала и встала сама. Ей было очень трудно заговорить первой, но все же она сказала:

— Тухлятина завтра подгонит жемчуг, и у нас будет настоящий контракт. С финтифлюшками. С именами. Ты доволен?

Васка пожал плечами. Первый шаг он оценил.

Иногда ему казалось, что она специально для него подбирает слова попростонароднее, но он никогда с ней этой догадкой не делился, опасаясь, что она тут же перейдет на какой-нибудь воровской жаргон просто из вредности.

— Как будто ты не живешь на те же деньги. Я не хочу за тобой бегать...

Ковь тяжело вздохнула и возвела глаза к ночному небу. Васка ждал, пока она там что-то разглядит, не стал, и ей пришлось его догонять. Он, как будто и не заметив ее заминки, продолжал выговаривать все тем же монотонным тоном:

— Я не хочу за тобой бегать, Ковь, так, будто это нужно только мне. Мы оба с этого кормимся, и ты отлично знаешь, что мы не сможем вечно проедать мои доспехи, и ты не можешь не признать, что твое ребячество с моими волосами...

— Да-да. А еще мне придется изобразить аристократку. Поможешь? — перебила Ковь.

— Чего? — Переспросил Васка, удивленный столь быстрой сменой темы.

— Ну... — Ковь пригладила волосы, — Фифу же! Ты будешь брат, я сестра. Так мы сможем подобраться к баронам. Законы гостеприимства, все такое...

Васка ненадолго задумался. Это было бы вполне адекватное предложение, если бы... Хотя, может, и удастся взять ее на слабо.

— Да. Я понял. Ты будешь изображать немую фифу.

— Это с чегой-то вдруг?

— А ты прислушайся! Мало того, что ты слишком широко шагаешь и смотришь мне в глаза...

— А, то есть надо еще и глаза в пол! Семенить как уточка! Угнетатель!

— Да, да, конечно. Так вот, кроме того что ты смотришь мужчине в глаза, путаешься в юбке и наверняка не умеешь танцевать, что можно списать на позволительную для дамы эксцентричность, ты еще и говоришь так, что иногда возникает желание вымыть тебе рот с мылом!

— Нифига! Я умею танцевать! — победно возразила Ковь, и уже тише добавила, — и в юбке не то чтобы путаюсь...

— Шаманские танцы? — Не смог не подколоть Васка.

— Вальс, менуэт, полька...

— Знакомые слова перебираешь?

— Да хоть сейчас докажу! Нас в Академии знаешь, как натаскивали?

— А докажи!

Васка остановился и протянул ей руку.

...Высунувшаяся из окна на этот экспрессивный диалог девчонка наблюдала за странной картиной, открыв рот. По скупой залитой лунным светом улице вальсировали двое: дюжая девка в мужской одежде со светящимися фонариками глазами и широкоплечий парень с длиннющим мечом на поясе. Ножны звякали о заклепки на сапогах девки, будто отбивая такт.

Девочка нафантазировала было прекрасную историю о Рыцаре и его Прекрасной Даме, о их невероятно романтической любви, о том, что когда-нибудь она тоже сможет взять любимого под руку и танцевать с ним в лунном свете...

Сказку разрушила ее матушка, зашедшая проверить, спит ли дочка. Кинув короткий взгляд в окно она сказала:

— В сторону клоповника старого Тюпы плетутся. Явно же в дупель пьяные, куда только стража смотрит! Тфу!

И захлопнула ставни.

Ковь со стоном открыла один глаз. Спать хотелось, даже очень. Занятия в Академии начинались уже после полудня, когда день шел на спад, а заканчивались тогда, когда ночь уже понемногу превращалась в утро. После выпуска магичка так и не смогла вернуться к крестьянской привычке вставать на рассвете, что не раз выходило ей боком. Вот и сейчас она мутным взглядом оглядела склонившуюся над ней клыкастую мордочку, натянула одеяло повыше и перевернулась на другой бок.

Ей понадобилось всего лишь несколько мгновений, чтобы проснуться окончательно, подскочить и обернуться к русалочке уже в полной боевой готовности. Но Ковь не строила иллюзий: в другой ситуации эти мгновения могли стоить ей жизни. Она в который раз пообещала себе заняться режимом дня, поправила ночнушку и попыталась сделать вид, что ее вовсе не застали врасплох.

— Ну?

Русалочка, снисходительно оглядев изо всех сил удерживавшуюся от зевка Ковь, фыркнула:

— Плату принесла.

— А что так рано?

— По холодку сподручнее. — Русалочка улыбнулась во все свои клычки, будто напоминая, кто она такая.

— Ну так Васке и несла б! Он наверняка встал давно и мечом махает. Заодно с ним бы и расписалась, а то вцепилась, как клещ...

Русалочка качнула головой:

— Не юли! Сестрицы мне помогли документ составить, батюшка проверил, братец одобрил; выполняй, что обещано. Или мне уйти, а потом на переправе твоего хлопца в речку

утащить? У нас невест много, все жениха ждут.

Ковь едва удержалась от того, чтобы плюнуть себе под ноги с досады. С этой станется и утащить. На то и нежить: своему убийцу отомстить желает пуще не жизни. Хотя и знает, что за «своего хлопца» Ковь всем «невестам» зенки выцарапает, но все равно шантажирует. Потому что одним выцарапает, а другие доберутся.

Ковь с неохотой протянула руку. То, что вчера казалось простым и ясным, сегодня явно требовало переосмысления. Стоят ли несколько горстей речного жемчуга и амулетец, который еще непонятно на что способен, встречи со здешним людским господином, даже двумя? Даже если к всему перечисленному прибавить справедливость, все равно какая-то куцая цена получается...

Кирочка поспешно сунула Кови свиток, будто чуя ее колебания.

— А подписывать чем? — будто невзначай поинтересовалась магичка.

— Ты за дуру-то не держи! — нервно огрызнулась Кирочка.

Ковь развернула свиток и уселась обратно на узкую кровать, подобрав под себя ноги. Пол был холодный и мокрый: с нетерпеливо переминающейся с ноги на ногу русалочки капало часто и дробно.

Ковь мелком подумала, что так может и на первый этаж протечь, капли были самые что ни на есть настоящие, доказывающие, что перед выходом Кирочка как следует «напилась» речной энергии. Опасается... Поэтому Ковь только сказала коротко:

— В тазик встань, если силу держать не можешь, расплескиваешь впустую. А то мне потом с хозяином твоего жемчугу не хватит расплатиться за изгаженный пол.

Кирочка презрительно фыркнула, но без спора метнулась в дальний угол за тазиком. Ковь тем временем внимательно читала договор, написанный на хорошем пергаменте и таким заумным языком, что Ковь едва удерживалась от того, чтобы полезть в сумку за толковым словарем.

Она присвистнула:

— А вас что, законник в речке потонул?

Русалочка довольно улыбнулась.

В давние времена, говорят, все было гораздо проще. С нечистью и более-менее разумной нежитью магии договаривались на словах, плевали на ладонь и пожимали руку, вот и весь договор. А чего изощряться-то? Сродственники же. Родне не врут. А простые люди уже через мажиков договаривались, тем, естественно, капала своя медяшка за посредничество... Ковь вздохнула, пытаясь не слишком завидовать мажикам «старых добрых времен». Да и чего завидовать? Давно в земле лежат, а многие не своей смертью туда сошли...

После «зачистки» мажиков и прочих тварей Ха, предпринятой излишне усердными монахами Отца-Солнце около полувека назад с полного одобрения тогдашнего монарха, Вангета Велеречивого, отношения между людьми и нелюдьми подернулись пока тонким, но уже весьма ощутимым ледком. Нечисть стало некому приструнять, ну не высокородным же магам и магессам от пиров да балов отрываться ради лесов с болотами, да и смерть сродственников нечисть прощать не привыкла. Ох и разгулялись они тогда — и были в своем праве. Это от людей за смерть можно откупиться золотом. Нечисть же подчиняется другим законам, что гораздо древнее человеческих, и за смерть они берут только жизнь — и никак иначе.

Сын Вагнета, Терпеш Предусмотрительный, который с папашей был на ножах в

буквальном смысле (поговаривали, именно он престарелого папашу на нож и насадил, все шестнадцать раз), оказался умнее. Посмотрел на резко возросшее количество утопленников, разорванных волками, замороженных, на взявшую слишком большую силу церковь Отца-солнце и основал Академию.

Официально Академия вместе со всеми своими приграничными отделениями была создана, чтобы учитывать всех имеющихся в стране магов и контролировать. Реально — чтобы хоть кто-то из человеческой мажьей зелени смог дожить до совершеннолетия и войти в силу, не прикопанный где-нибудь в овражке особо истовым верующим. Ну и чтобы урезонить особо обиженную нечисть.

Учили, конечно, не так, как в древнейшей Школе, основанной еще до смены династии — кто же в здравом уме будет обучать деревенских детей так же хорошо, как детишек древних магических родов? Но основы вколачивали накрепко.

Дочитав, Ковь одобрительно хмыкнула, достала из рукава заколотую туда на подобный случай иголку, надколола палец и оставила на пергаменте свой кровавый отпечаток. Шепотнула, чтобы никто сглазить не смог, подождала, пока окончательно побуреет, и отдала документ терпеливо обтекающей русалочке.

— У Васки чтоб не смела ничего требовать, узнаю, за жабры над костром повешу и прожарю хорошенько! — грозно сказала Ковь и протянула ладонь, — Задаток!

Русалочка ссыпала в ладонь мелкий речной жемчуг. Очень скоро ладонь переполнилась, а жемчуг все сыпался и сыпался из сложенных ковшиком ладошек, рассыпаясь по полу, закатываясь в щели между досками. Его было уже гораздо больше, чем могло поместиться в широких Ковиных ладонях, что уж говорить о русалочьих. Однако Ковь даже и не подумала кинуться собирать или хотя бы подставить мешок.

— Так не честно! — пискнула русалочка, — как я могу наполнить твои ладони с верхом, если ты расслабила руку?

— В следующий раз умнее будешь, — ухмыльнулась Ковь, — В любом договоре можно найти лазейку и обернуть в свою пользу. Твоя — просто таки классическая.

— А... — Кирочка быстро-быстро заморгала глазами.

— Поэтому иногда стоит просто поверить. Все. Задаток получен, я в деле. Разве я могу отказаться?

— А...

— Считай это платой за мою науку. Что у вас за речка такая, над каждой жемчужинкой трясетесь — обеднеете, что ли, сильно с пары лишних? Жадность — это плохо. Скажи спасибо, что я не позвала Васку, у него ладони больше моих... Тоже лазейка, между прочим. Ковшик разный бывает.

Русалочка оскалилась:

— Вот поэтому про вашу честность только легенды и ходят! На практике никто не подтвердил!

Ковь поморщилась:

— Я же вовсе не хочу с вами ссориться, делать мне нечего! Забирай все, что сверху рассыпала, ползай на коленках, коль спину не ломает, жалко мне что ли? Я свою меру знаю, и свою медяшку всегда заработаю, хоть одна, хоть с Ваской; с Ваской, конечно, оно сподручнее... С братом познакомишь?

Такой резкий переход сбил русалочку с толку. Вместо того, чтобы склониться за «лишним» жемчугом, она закрыла лицо ладонями и опасливо глянула из щелочки между

пальцами:

— А почему... именно с братом? Как поняла, что родной?

— А кто еще-то? — вздохнула Ковь, — батюшка — водяной, оно понятно. Сестрицы — другие русалки. А брат кто?

— Мавка брат, — русалочка дрогнула плечами, — мавка... на пять лет младше, на пятьдесят мудрее. У батюшки учится, дело принимать будет. С тобой говорить давно хотел, но ему от реки уходить нельзя: приметный больно.

— Мавка — у водяного в учениках? Еще скажи, сродственник...

— Так мужчина же. Мавки-мужчины — большая редкость, может, и не мавка вовсе... Но вот так вот... Получилось. Спины нет, не родился толком... мавка, как еще назвать? Брат он мне единоутробный, а может и родной — кто баронов различит-то? Говорят, они любили в молодости вместе порезвиться.

— Это что же, мать твоя...

— Беременная была. Совсем немножко не доносила...

Русалочка разрыдалась.

— Ладно, тухлятина, не хлюпай. Лучше сбегай, Васку растолкай — пойдем с твоим братцем поболтаем.

В отличие от Кови, Васка был свеж и весел. Кирочка нашла его на заднем дворе, где он лихо размахивал мечом. Вокруг него столпилась стайка восторженных девушек; Кирочке почему-то показалось, что тренировка в одних штанах проводится отнюдь не во славу воинского искусства.

— Тятя! — Пискнула она, и тут же поймала на себе парочку оценивающих девичьих взглядов.

Подпустила волосы личины рыжины и повторила:

— Тятя! Мамка сказала, хватит тут торсом вертеть, дело есть!

Васка резко остановился, зло усмехнулся.

— Тятя? Мамка, говоришь, сказала? Что, так и сказала? Цитируешь, мелочь?

— Я таких слов не знаю, чтобы цитировать! — возмутилась Кирочка.

— Пошли, мелочь.

— Ага! — счастливо согласилась Кирочка, беря Васку за руку.

Когда они отошли немного, Васка холодно осведомился:

— Ну и откуда тебе столько наглости? «Тятя», тоже мне... Ковь тебе за «мамку» голову открутит. Что случилось-то?

— С братиком моим пойдем знакомиться, — выпалила Кирочка, не выпуская Васиной руки, — младшеньким. А тятя ты, потому что иначе как объяснишь, что я к вам в комнату захожу, старый ты извращенец?

— Ой ли? — насмешливо спросил Васка.

Кирочка отвернулась, чуточку покраснев.

— Ты хороший, Ковь хорошая. Извини, очень уж искустительно. Дай помечтать, а?

Васка немного помолчал, потом сказал тихо:

— Мечтай. Вот только сводить нас не смей: упокою.

И как-то так он это сказал, что Кирочка сразу поняла, упокоит. Как решит, что ее магию на себе почуял, так и упокоит. Видимо, из тех кто до последней капли крови отстаивает свою и чужую свободу воли.

Но руку Кирочкину не отпустил.
Добрый.

— Меня зовут Гъетемох. Гъетемох Дитьерлих. Можно просто: Етель.

Васка хотел было спросить, по какому праву этот нечистик примерил аристократическую фамилию и знает ли, что за это бывает, но наткнулся на взгляд мальчишки, и язвительное замечание замерло на языке.

У парня были иссиня-черные волосы, белокож он был почти до прозрачности, да и нос его, тонкий, прямой, гордая посадка головы — все говорило о чистоте породы. От матери он не взял почти ничего — ничего заметного.

Однако не внешний вид заставил Васку промолчать.

Глаза у мальчишки были серые, почти белые, рыбы глаза. И читалась в них всепоглощающая ненависть к живым.

Такой проклянет и не заметит.

Кирочка сжала Васкину ладонь. Эта несносная девчонка как вцепилась в него, так и не отцеплялась, и Васка не видел особой надобности прерывать эту ее странную забаву. Однако сейчас он понял Кирочку чуть лучше.

Ей действительно очень не хватало семейного тепла.

Мальчишка сидел на камне почти у самого берега, скрестив ноги. По щеке его поднималась ко лбу полоска чешуи. Ковь подошла к нему, будто и не замечая, что бредет по колено в воде.

— Боги! Ха! Кирочка, чеж ты не сказала, что брат-то у тебя живехонек? Мавка, мавка...

Ковь обошла камень и рванула на застывшем от изумления мальчишке рубашку. Та была уже порядком драной и ветхой, и клочок ткани со спины остался у Кови в руках. Она довольно кивнула:

— Тухлятина, у твоего брата на спине просто огромный шрамище. Ну, и сколиоз жуткий, его бы к костоправу сводить, спина слабая, вот и... Какая-то тварь небось куснула до того, как водяной его подобрал. Но он не мавка.

Тут мальчишка ожил:

— Да как ты... как ты...

Вода вокруг Кови закипела. Та попятилась. Васка напрягся, готовый нестись и вытаскивать эту дуру — вечно она сначала делает, потом думает. Положение спасла Кирочка:

— Елль! Елль, не кипятись! Это та самая магичка, она нам поможет, я предупреждала, что она та еще хабалка, помнишь?

Кирочка отпустила Васкину руку и понеслась в воду, обняла брата за шею... Ковь же выскочила из реки как ошпаренная (хотя почему «как?»), и Васке захотелось дать ей подзатыльник: надежды было мало, но вдруг мозги на место встанут?

— Ну, ну Васка, ты только подумай! — Восторженно тараторила Ковь, — Ты только подумай, такой магик, такой магик, такой сродственник, что нечисть его за своего приняла! Да что там нечисть, он сам был уверен, что мавка! Ты прикинь, а, какая силища у этого парня должна быть! Его же водяной небось сам высидел!

Васка все-таки не удержался и вlepил Кови щелбан.

— Хватит, а? Успокойся. Извините нас, сэр Гъетемох. Моя напарница немного несдержанная, увлекающаяся, вздорная особа, которой плевать на чужие чувства. Мы

оскорбили вас.

Конечно, мальчишка лет десяти на вид не мог быть сэром. Но Васка искренне надеялся, что такое обращение ему польстит и тут не развернется магическая битва.

Кирочка всхлипнула:

— Живо-о-ой!

Етель глубоко вздохнул, успокаиваясь. Вода вокруг его камня перестала бурлить. Теперь он смотрел на Васку.

— Так понимаю, самый разумный в вашей паре — ты?

— Я, — кивнул Васка.

— Эй! — обиженно перебила Ковь и получила второй щелбан.

— Значит, и говорить я буду с тобой... Договор заключен с магичкой, меня это тревожит. Я бы хотел и твой отпечаток.

Васка пожал плечами. Для мальчишки Етель вел себя слишком серьезно, слишком холодно. И выражался он не как ребенок. Почему-то Васке не хотелось связываться с ним какими либо договорными обязательствами, что-то подсказывало, что это может быть опасно. Да и Ковь больно ущипнула за локоть.

— К сожалению, знаниями о вашем племени обладает только Ковь. У меня нет... полномочий. Но я даю вам слово.

— Слово? — мальчишка делано удивился, — Я не могу просто так поверить тебе на слово, рыжий.

— Придется. — Васка пожал плечами, — а рыжий я по оплошности магички. Как видишь, связав ее, ты связал и меня.

— Кира, они любовники?

Ковь быстро-быстро закивала. Васка задержал дыхание, понимая, что вряд ли Кирочка соврет.

— Да, — просто сказала Кирочка. — Я за них ручаюсь.

Васка выдохнул. Кирочка пожала плечами, мол, я тебе доверяю. Скажи спасибо.

— Я не буду добавлять свой отпечаток, — жестко сказал Васка, — если вы не готовы воспользоваться нашими услугами, то можете искать других идиотов, которые за вшивый амулет призыва каких-то там сестер...

— Речных, — подсказала Ковь у Васки из-за плеча.

— Речных, — повторил Васка, — Так вот, которые за какой-то там несчастный амулетишко найдут и приведут вам убийцу из замка!

Кирочка рассмеялась.

— Брат, я хочу им верить. Пожалуйста. Не превращай все в одну сплошную формальность! Мила за ними там присмотрит. И они принесли нам благую весть...

— Да вы че, сами догадаться не могли? — ляпнула Ковь все еще у Васки из-за спины.

Кирочка спрятала лицо в ладонях, задрожала плечиками. Етель соскользнул с камня и направился к Васке. Сначала по воде, а потом по берегу — трава под его ногами не приминалась. Когда расстояние между ними сократилось до локтя, Етель внимательно посмотрел Васке в глаза — снизу вверх.

— Я прошу.

— Обещаю.

Васка плюнул на ладонь и протянул ее мальчишке. Тот без колебаний ее пожал.

После долгих примерок и походов по магазинам, после целого часа Васкиного кропления над гостевым письмом, после того как большая часть заработанного жемчуга куда-то улетучилось, у Кови появилось платье, у Васки — алая рубашка и бархатные штаны, и была нанята роскошная карета, напарники с шиком подкатили к баронскому замку.

Здесь Васка прекращал быть ведомым (хотя был ли он им хоть когда-нибудь?) и выходил на первый план. Это был совсем другой, непривычный Кови мир. Мир не нечисти и нежити, а большей частью нелюди, про который Васка знал гораздо больше, чем Ковь.

Ковь до сих пор не могла поверить, что Васка вырос в таком же замке — и при этом остался человеком.

— Главное — молчи! Молчи, пока я тебя не представлю, потом по знаку... — шепнул последнее напутствие Васка, и тут лакей открыл дверцу.

Преображение в сэра Васкилероха произошло мгновенно. Никогда еще Ковь не видела у своего невольного рыцаря столько отстраненной холодности во взгляде. Он облил презрением и лакея, который помог ему выбраться из кареты, будто сильный и здоровый парень не мог сделать этого сам, и стражника у ворот... Кови на секунду показалось, что она попала в какой-то кошмар.

Конечно, Ковь знала, что Васка голубых кровей. Однако мало ли их было таких, выгнанных из родных гнезд младших сыновей захудалых родов? Как грязи. Как правило, они шатались по дорогам и наемничали за бесценок. Самые удачливые не спивались, не складывали головы за родную страну и к старости обзаводились домиком и женой — иногда из таких же, как они младших дочерей-бесприданниц, но чаще из простонародья. Через несколько поколений от знатности ничего не оставалось — разве что домишко, чуть покрепче, чем у односельчан.

Васка никогда не вел себя как аристократ из историй, которые так любила рассказывать мать, он был почти своим. После того, как Ковь перекрасила его в рыжий, она вообще иногда стала забывать об его происхождении.

В каких-то вещах он был поразительно наивен, и Кови нравилось его дразнить, иногда ее раздражало, что он чего-то не знает, слишком доверчив... Теперь он знал, что делать и это его новое лицо Ковь пугало.

Васкилерох подал ей руку, помогая выбраться из кареты, и, поддерживая под локоток, повел к воротам вслед за почтительно указывающим дорогу лакеем. Тот помахивал по дороге метелочкой, чтобы гости не запачкали ног. То, что львиная доля дорожной пыли оседает у Кови на расшитом подоле нового платья, видимо, в расчет не принималось.

Замок возвысился над Ковью зловещей черной громадой. Холодной, неживой. Она бы не удивилась, если бы архитектором оказался какой-нибудь купивший людство иноземный упырь, по ихнему — вампир. Выхолощенность линий, крайне острые на вид углы, при этом Ковь могла побиться об заклад, что если измерить любой угол — получится ровно девяносто градусов, не больше и не меньше, тютелька в тютельку. Ни единой завитушки в отделке узких бойниц, служивших замку окнами, стены — черные полированные камни, совершенно гладкие на вид.

На этой земле никогда не воевали: слишком далеко от Столицы, от границы с куксами еще дальше, нечисти больше чем людей, глухие леса. Просто не было смысла воевать. Но этот замок прямо таки похвалялся своей воинственностью. Как рвется в армию заигравшийся в солдатики мальчишка, замышляя сбежать из-под строгого родительского надзора, уверенный в своей силе и взрослости. Только здесь материнским подзатыльником

послужила молния, расколовшая замок на две неестественно равные части.

Как по линейке.

«В этом замке должно быть очень холодно зимой», — подумала Ковь и поежилась.

Она ошиблась. Очень холодно в замке было летом, не смотря на летнюю жару, царившую на улице. Что тут творилось зимой, Ковь боялась даже предполагать.

Их препроводили в обеденный зал со всей возможной почтительностью. То ли Васка превзошел сам себя в составлении гостевого письма, то ли здесь просто очень давно не было гостей, но приняли сэра Диерлиха с невестой по высшему разряду. (После долгих препирательств Ковь все же согласилась, что на сестру Васки не похожа ни в профиль, ни в анфас, и согласилась числиться невестой).

Хозяевами замка и вправду оказались близнецы. Причем близнецы классические, прямо до анекдотичности: похожие как две капли воды и показавшиеся Кови поначалу каким-то диковинным существом о двух головах, аристократически чернобородым, хищнолицым, уверенным в своей силе, наглым. Один из них начинал фразу, другой подхватывал, и казалось, это эхо перекликается само с собой.

— Здравствуйте...

— ...Дорогие гости...

— ...Каким ветром...

— ...Вас занесло в наши края?

Васкилерох разливался соловьем. Мол, по поручению старшего брата искал он себе невесту, здоровую, (тут Ковь согласно кивнула, вспомнив, который по счету сын их владельца прожил хотя бы месяц) не очень состоятельную (тут кивнули уже близнецы, соглашаясь, что от благодетельствованной церковной мыши гораздо меньше проблем, чем от богатой и уверенной в себе бабы с целым выводком влиятельной родни за плечами) и по любви.

Тут впервые шевельнулась высокая, прямая как палка брюнетка с чертами лица настолько правильными, что те складывались в нечто крайне некрасивое. Она напомнила Кови замок: такая же аккуратная и какая-то чересчур остроугольная. Слишком длинный на вид нос, локти, подбородок... Мымра мымрой. Так как она сидела справа от правого брата, Ковь закономерно рассудила, что это его жена и есть.

Жена быстро-быстро затрясла головой и вклинилась в Васкин рассказ как хищная щука в стайку мелкой рыбешки:

— Ваша невеста совершенно очаровательна! Престолица, молчалива... чернь любит ее, наверняка любит, не так ли? И матушку любила...

«Вот ведь стерва!» — восхищенно подумала Ковь. — «Это же надо, так обласкать по матушке! Она б еще прямее намекнула...»

Васка пнул ее под столом ногой. Ковь фыркнула — она и не собиралась отвечать. По крайней мере, сейчас.

— Моя невеста... — замялся сэр Васкилерох, явно не ожидавший такого хамства, — Моя невеста... Она действительно может найти общий язык даже с гадюкой, что уж говорить о черни, о этой соли земли? Не может хороший владелец быть оторванным от дел своих подданных...

— Да вы разделяете идеи Дикольшеха! — всплеснула женщина руками в притворном восхищении, — Вольнодумец...

— Он хотя бы может разделять идеи, а не высмеивать чужие, выпячивая свою

состоятельность, — перебила Ковь.

Тот брат, чьей жены за столом не было, выставил вперед ладони в примиряющем жесте:

— Дамы, дамы, пожалейте мужчин! Так где, говорите, находится ваше владение, сэръ Васкилерох?

...Перед тем, как гостей развели по разным комнатам, Ковь прошипела Васке на ухо:

— Попомни мои слова, неспроста эта гримза на нас так взъелась! Это она во всем виновата, зуб даю! И почему нас не встречала ее сестра? Боится в глаза поглядеть?

— Лучше бы ты язык отдавала. А то зубы на болтливость мало влияют, — огрызнулся Васка, — я кому сказал, улыбайся и молчи, богами заклинаю!

Если Кирочка была очень красивой девочкой, навечно законсервированной в возрасте пяти лет, то перед ее сестрой проблемы утопления не стояло, и она выросла в девушку, пожалуй, даже слишком зрелую для своих пятнадцати. Ради таких, как она, в древности брали города. Единственным ее недостатком в глазах Кови, не понимавшей аристократических мод, было то, что Мила была немного бледновата, ее кожа несла легкий, едва различимый оттенок голубизны, что, впрочем, было неизбежно: все-таки сестра русалки.

Ковь плохо ладила с магичками, которые специализировались на воде. Даже если те были необученные. Однако с этой было нужно поладить, и Ковь дала себе зарок сначала думать, потом говорить.

Мила заявила к ней в комнату на рассвете, очень напомнив сестренку. Но она этот раз Ковь подготовилась: ночью к ней прокрался Васка и теперь дрых на полу как самый верный на свете страж. Мила запнулась об вольготно растянувшегося на полу рыцаря и не смогла застать Ковь врасплох. И, кажется, оттоптала Васке бок, потому что он с отчетливым звяканьем вскочил и ругнулся, держась за пострадавшую часть тела. Кови показалось, что проснулся он уже после того, как выхватил из сапога кинжал.

Она запалила свечу. Солнечного света, проникавшего в покои через узкую бойницу, было вполне достаточно, но Ковь всегда успокаивал горящий огонь рядом.

— Так это вы те двое, которых нашла сестра? — Сразу взяла быка за рога Мила.

— А что, кроме нас еще кто-то приехал? — Делано удивилась Ковь и осеклась, готовая извиниться за вырвавшуюся резкость.

К счастью, Мила не обратила на нее внимания.

— Ну и кто из вас главный?

— Он!

— Она! — Ответили они дружным хором.

Вопросы этой девушки складывались во что-то, очень напоминающее допрос. Ковь переглянулась с Ваской — да, тот тоже едва сдерживал смех. Очень уж серьезно Мила хмурила бровки и очень уж глупо выглядела ситуация вообще.

— Ладно, кто из вас несет ответственность?

— Смотря за что. Если ей блажь придет — то она. А если мне — то я. — Пожал плечами Васка и зевнул.

— А так, — подхватила Ковь, — если никто не хочет — никто не несет. Драпаем мы быстро.

— Я бы сказал, очень быстро.

— Что, и совесть не ограничивает? — Прищурилась Мила.

— Мы, — гордо провозгласила Ковь, — живая формула «мозги плюс сила». Совесть здесь явно будет третьей лишней.

— И кто из вас мозги?

— Я! — последовал единодушный ответ.

— А сила?

— Тоже я! — заявили Васка с Ковью хором.

Ковь обиженно скривила губы.

— Ну ладно, — протянул Васка после долгого молчания, — Так и быть, мы меняемся.

Ковь захлопала в ладоши.

— Почему-то мне кажется, что вы не слишком-то серьезно относитесь к заданию. — Нахмурилась Мила.

— Ты нас разбудила без предупреждения, — пожала плечами Ковь, — мы проснулись, а наша серьезность нет. А можно мы еще поспим?

— Нет. Потом мне никак не удастся с вами пересечься, — отрезала Мила. — Прошу вас, разбудите свою серьезность — это дело моей жизни.

Не стоило обманываться детской припухлостью щек Милы и наивным взглядом ее огромных голубых глаз: она несомненно умела приказывать. Что-то в ее голосе заставило Ковь сосредоточиться.

— Жизни? Мне показалось, ты неплохо живешь. Тебя же признали? — Удивилась она.

— Конечно, признали, — фыркнула Мила, — мачехи-то никак забеременеть не могли... Кто бы мог подумать, что эта вечно больная серая моль все-таки сможет, через семь-то лет бесплодных попыток?

— Так вот почему вы с сестрой засуеились? — Спросил Васка, — Хотите унаследовать замок?

— Мачехи? Так их все-таки две? — Одновременно с ним спросила Ковь.

— Попробую ответить по порядку... Да, мачехи, да, две, вторую вы не видели на ужине, потому что она очень боится потерять ребенка и не вылезает из постели, болезная. — Мила презрительно фыркнула. — А нам с Кирой замок ни к чему, но мы не хотим, чтобы я зависела от Гарпии. Мы давно искали кого-то, похожего на вас...

Ковь отлично понимала, почему это заняло столько времени. Возможно, не стоило отдавать роль переговорщика русалке. Хотя вряд ли у Милы была хоть какая-то возможность действовать вне замка...

— Похожего на нас?

— Нам нужен был кто-то вроде вас. Ну, знаете, кто-то, смахивающий на аристократа... аристократов. Чтобы в компании был хоть самый завалящий магик. Мы подозревали, что Елль живой, но нам он не верил. Он очень упрямый... — Мила чуть-чуть покровительственно улыбнулась Кови, и той захотелось ее удушить. — У вас очень натурально получилось сыграть искреннюю простоту. Вас где-то обучали?

— Я действительно выходец из древнего рода. — Холодно сказал сэр Васкилерох.

Ковь встала с кровати и прислонилась к стене рядом с ним. Коснулась рукава рубахи.

Она тоже могла бы сказать, что ее порыв был искренним, а то и обидеться на «завалящего магика» — но что толку? Миле ничего не докажешь. Все-таки, не стоило Васку перекрашивать, сомнения в родовитости ранили его гордость. Однако не могла же она признаться, что теперь ей стало гораздо проще с ним разговаривать? Она вернет все как было, обязательно вернет... но позже.

— Да, да, конечно. — Рассеяно кивнула Мила. — Просто одним из планов был фиктивный брак. Мы бы просто постояли в церкви, и так далее, и все такое... Хотя теперь он никуда не годится, конечно. Раз Елль наконец поверил, что он живой...

— ...то вы хотите, чтобы замок перешел ему. — Закончил Васка.

— ...вы ненавидите отца и дядю, верно? Тебе недостаточно просто уйти? — Вступила Ковь.

Вопрос был дурацкий: Кирочка точно не могла уйти просто так.

— Да. Именно так. Мы заберем то, что наше.

— То есть вам плевать, кто именно виноват?

Ковь спросила это, даже толком не обдумав. Это просто вырвалось. Однако частично это было правдой, и откуда-то она даже знала, что Мила скажет дальше.

— Да. — Сказала Мила. — Мы хотим, чтобы умерли все. Моль. Гарпия. Ребенок... Если Моль успеет родить, то ребенка воспитаем мы. Дядя и отец должны погибнуть в первую очередь.

Кови показалось, что на самом деле там должно было быть не «мы» а «я».

— Мы не будем убивать. — Сказала Ковь. — В договоре не было ни строчки про убийство. Если вы просто хотели всех вырезать, почему вы не хотите сами?

— Не говори глупостей, Ковь, — поморщился Васка, — конечно, они не могут вырезать всех сами. Приедет дознаватель из этой вашей Академии. Или Школы? Опросит всех... как они умеют. И ничего Етелю не светит. Дело-то государственное.

— А, то есть нас подставлять можно? К тому же я еще ни разу не слышала, чтобы суд судил русалку за убийство.

Васка пожал плечами.

— Осудить не осудят, но если докажут сговор — Мила наследства не увидит, Етель тем более.

— Нет-нет! — Поспешила возразить Мила, — Просто... во-первых, хорошо бы знать, кто именно нам отец, а кто дядя. Ну, просто для общего образования. Во-вторых, я не смогу убить, Кира тоже, мы еще не готовы... а Еллю плевать на обиды, он готовится управлять рекой, и больше ничего его не интересует. Но... ребенок... и время поджигает... и я не могла не попытаться уговорить... Мы просто хотим, чтобы кто-то другой посмотрел, поверьте! Мы не можем понять... За что? А вам все равно, вы не знаете их, вы с ними не знакомы... Вы сможете беспристрастно...

Ковь посмотрела на Милу. Та выглядела такой... растерянной, такой беспомощной... Невольно захотелось ей помочь — просто из человеколюбия. Она в этом замке пленница...

Попросить убить — жест полного отчаяния, заказать убийство или убить самой — невелика разница. Дознаватель из Школы разберется, не успеет Мила глазом моргнуть. А его обязательно пришлют — Васка прав. И это будет не подмажонка и не магик, а полноценный маг с ученой степенью и родословной длиной от Столицы до границы, которому чужие мозги — что бумага с чистосердечным.

Мила явно запуталась. Неужели все эти годы она только и думала, кто убийца, не доверяя никому, кроме не очень-то живых родственников? Неудивительно, что она в таком отчаянии, что готова вырезать всех.

— Это, конечно, очень интересно, но ты не думала, как велики шансы, что тебя выдадут замуж? Ну, когда выскользнула из собственной комнаты ночью? — Вдруг сказал Васка. — Вот-вот тебе найдут подходящего мужа и отправят подальше, раз как наследница ты больше

не нужна. На твоём месте я бы не поступал столь опрометчиво и перестал бы бродить по замку ночами. Ты удивишься, но, скорее всего, это заметят, даже если раньше им до тебя не было ровным счетом никакого дела. Ставлю доспех, скоро зайдут ко мне, найдут какую-нибудь твою вещь...

— ...Твою ж... — Протянула Ковь, отвлекшись от разглядывания Милы, — А ты прав. Только ей даже из комнат выходить не надо было бы... Думаешь? Пятнадцать ведь всего, и ты рыжий. И у тебя есть невеста, которая зубами вцепится...

— Насколько я понял, им все равно. Я-то думал, почему нас так охотно приняли... скажу тебе вот что, Ковь, ни один молодой неженатый аристократ не войдет в замок, где есть несговоренная девушка старше двенадцати. Особенно, если ее хотят сбить с рук. Прислушайся.

— Что?

— Ну, прислушайся, как ты умеешь. Солнце уже высоко, если все так, как я и сказал...

Васке не надо было договаривать, Ковь поняла.

Милы в комнате нет, Васки тоже нет, человек, который пошел бы подкладывать компромат в его комнату, это бы засвидетельствовал. Следующей комнатой, которую проверят, будет ее.

В конце концов, перекупить бедную невесту не так уж и сложно. Вряд ли она выглядела как кто-то, кто втрескался в Васку по уши, и будет драться за него до последнего.

Ковь прислушалась.

Далеко-далеко шумел лес и грыз землю червяк где-то глубоко...

Да уж, настраиваться Ковь так и не научилась. Она стала потихоньку уменьшать дальность.

Гудел ветер где-то на чердаках, шумели кухарки в дальнем крыле, где была кухня... нет, это все еще слишком далеко. Она прислушалась чуть по-иному.

По коридору определенно кто-то гневно топал. Негодующе. Разъяренно. Ковь даже подумала, что для подобной ситуации это как-то чересчур, так топать.

— Ты прав. Еще минут десять и... Мила, прячься.

Девушку затрясло. Ковь удивила такая реакция. Для девушки, много лет успешно скрывавшей свои контакты с братом-мавкой и сестрой-русалкой, Мила была слишком трепетна. Хотя, может, поэтому и скрывала успешно, что боялась каждого шороха? А, может, ее трясет от ярости?

— К-куда? Может, я просто выйду и убегу?

Нет. Не от ярости.

— Чтобы увидели, как ты выбегаешь из моей комнаты? А зачем ты сюда ходила? Быстро, отвечай! — Рывкнула Ковь. — Ну, что ты делала в комнате у незнакомой девки непонятного роду-племени?

— Эм... знакомилась? Интересно было послушать истории о... о... э-э-э...

— Прячься. — Твердо сказали Васка и Ковь.

Ковь не ожидала, что они скажут это одновременно. Иногда их мысли шли в одном направлении, это ее пугало. Вот сейчас, например, ей совершенно не нравилось то, что придется сделать. Она потянулась ослабить ворот ночнушки за секунду до того, как Васка сказал:

— А ты... Приспусти-ка с плечика рукав.

К тому времени, как в комнату наконец постучались, Ковь уже успела задремать у Васки на коленях. Сам Васка не заснул только потому, что волосы «невесты» (первоклассный конский волос, мастер говорил, что непрофессионал от человеческих и не отличит) щекотали ему шею и нос, и он с трудом удерживался от чихания.

— С добрым утром! — Наконец вломилась в комнату небеременная мачеха. Мила, кажется, назвала ее Гарпией, но за обедом ее представили как Ганталену.

От ее резкого возгласа Ковь дернулась и заехала Васке затылком в подбородок. Он прикусил язык, а она, видимо, хорошенько ушибла голову, оттого удивленный вскрик вышел особенно натурально.

— Это не то, что вы подумали! — Не задумываясь, выдала Ковь.

В ее голосе слышалась на редкость правдоподобная паника. Иногда Васке хотелось основать с ней на пару бродячий театр, и жить на гонорары до самой старости.

— Меня мучали кошмары, а сэр Васкилерох знает, что на новом месте меня всегда мучат кошмары, и я закричала, а у нас такая... ну, эта, красная нить, связь богов, судьба, мы любим друг друга, и он тут же примчался, и стал меня утешать, и утешал, и утешал, и утешал...

Конец фразы красная как помидор Ковь уже шептала себе под нос, уставившись на свои босые ноги и сминая в пальцах подол. Где-то Васка это уже видел.

Окончательно Ковь похоронила свою репутацию, когда подняла голову и сказала:

— А так я бы никогда до свадьбы... я порядочная девушка!

— Угу. — Хмыкнул Васка угрюмо и повел себя так, как вел себя его брат, застигнутый на горячем: напал на раздражитель. — Почему вы нарушили покой моей невесты? Таково ваше гостеприимство, врывать ни свет, ни заря в комнаты и будить бедняжку? Это уже неприкрытое хамство, знаете ли. Вы еще на ужине не высказали достаточного уважения... Мы уезжаем после обеда. Я скажу вашему мужу, что вы нанесли мне ужасное оскорбление.

Разумным было бы просто сказать, что она зашла пожелать доброго утра, извиниться и ретироваться, но, к счастью, Гарпия растерялась и дала Васке еще повод для удара:

— Я искала мою падчерицу...

— Простите? В покоях моей невесты?

— Мы нашли ее шарфик в вашей комнате...

— Что? Вы рылись в моей комнате?! — Возмущенно воскликнул Васка. — Мой дядя три года был в свите младшего принца! Мы обязательно... Да как вы...

— Но шарфик...

— Я понятия не имею, как он там оказался. Ваша падчерица... я, кажется, не видел ее на обеде, у вас есть падчерица? Наверное, она живет в этом замке дольше меня? Она могла его оставить до того, как я приехал. Сколько ей лет?

— Девятнадцать! — Не задумываясь, выпалила мачеха.

Васка вскинул брови.

— Перестарок? Вы хотели сосватать мне старую деву, не так ли? Когда я проезжал мимо, я думал, тут живут порядочные люди. Я подам на вас в суд. Так смешать с грязью род Диерлихов! Боги свидетели, я думал подобное варварство в прошлом!

Васка поражался наглости этой женщины. Добавить падчерице четыре года — это же надо! Хотя, конечно, Мила выглядела значительно старше своих лет, в основном благодаря распирающей тесноватое платье груди и коротковатому подолу, едва доходившему ей до щиколоток. Ей явно редко шили новые вещи.

Да и Ковь давно вышла из возраста девушки на выданье; возможно, Гарпия решила что ему не нравятся молоденькие?

Но все равно: зачем ей это делать?

— Нет, что вы, вы не так поняли... — Смешалась Гарпия. — Я не хотела прерывать отдых вашей невесты...

— Не хотели — так идите отсюда. — Не подумав, ляпнула Ковь, мигом выходя из роли смущенной девицы. — Я хочу спать. Я целую ночь не могла заснуть из-за ваших сквозняков. Мой внучатый дядя тоже видел короля, и все-все ему расскажет.

Она капризно оттопырила губу. Конечно, сказала она полную ерунду, но уверенность ее тона подействовала на Гарпию как-то магически: она коротко кивнула и закрыла дверь. Васка даже подумал, не загипнотизировала ли Ковь женщину... если бы он не знал, что к ментальной магии его спутница не способна, то обязательно бы об этом спросил.

— Все, ушла. — Минут через пять сказала Ковь.

Мила выползла из под кровати. Ее трясло мелкой дрожью — вероятно, виной тому были холодные полы.

— Вы отвратительно врете. — Сказала она первым делом. — Что значит «внучатый дядя»?

— Первое, что пришло в голову. — Пожала плечами Ковь. — испуганной девице можно.

— Он обязательно догадается и прогонит вас из замка!

— Конечно. — Согласился Васка. — Мы выглядим, как самые что ни на есть настоящие мошенники. Только посмотри на мою рыжую голову. Авантюристы и прохиндеи, куксье семья... Думаю, она заподозрила нас во вранье еще за обедом. Слишком неприкрыто хамила моей невесте. Но — не выгнала. Если она попросит нас что-нибудь сделать с тобой, то и матушку вашу она или по ее приказу утопили.

— Что?!

Мила присела на краешек кровати.

— Очень просто. Раз мы, скорее всего, асоциальные элементы...

— Он имеет в виду, жулье. — Поправила Ковь, но Мила отмахнулась.

Васка продолжил, будто и не перебивали.

— То нас можно купить. Для того, чтобы играть аристократов, не будучи таковыми, требуется наглость, жадность и толика удачи — иначе нас давно бы поймали... Скорее всего, нас попросят тебя скомпрометировать, уговорить сбежать, что угодно — лишь бы расчистить дорогу тому, кто вот-вот родится. Нас попытаются купить и будут шантажировать. Однако, если бы это было общее желание всей семьи, то ты давно бы плавала с сестрой. Значит, кто-то один... и, скорее всего, это Гарпия, потому что именно она только что пыталась устроить тебе судьбу с непонятно кем.

— Подожди, Васка. Я не согласна. — Вмешалась Ковь. — Тебе не кажется, что для бабы, утопившей соперницу так, что никто на нее и не заподозрил, она слишком топорно действует? Только обкурившийся кейриэ пьяный матрос с провалившимся носом не понял бы, что она хочет сплавить падчерицу замуж. Однако это нормально! Девушек всегда хотят выдать замуж, а в этом медвежьем углу нет достойных женихов, вот Гарпия и суетится. Только вот суетится, чтобы Мила не дай боги на безрыбье не клюнула на подозрительного рыжего прохиндея, зуб даю! Да она сама, сама, самолично! Пошла проверять мою комнату, хотя чего проще прислать служанку. Хотела позлорадствовать? Но раз девчонку признали, то отец не одобрил бы скандала и публичного поругания чести дочери. А значит, Гарпии

стоило бы держаться подальше от этого дела, обстригать чужими руками, дабы с мужем не ссориться. А она сунулась по самые уши. Шарфик нашла она, на скандал с тобой пошла тоже она...

Васка пожал плечами.

— Хотела сама убедиться? Не удержалась? Она же не знает, зачем мы здесь, и что мы знаем о Кире, Етеле... Зачем ей быть осторожной с нами?

Ковь недоверчиво хмыкнула.

— Ты меня чем слушал?! Для тугодумов: даже если она и не печется о падчерице, все равно ей не нужно осложнять отношения с мужем, признавшим левак. Это его дочь, вряд ли он захочет отдать ее первому попавшемуся рыжему проходимцу. При чем тут мы? Я бы не хотела этого говорить, Мила... Ты ведь даже не зовешь ее по имени, чтобы не привязаться, верно? Но, похоже, она о тебе волнуется. Она не прислала служанку, ведь если бы Васки здесь не оказалось, дело было бы гораздо сложнее замять. Она даже накинула тебе четыре года, лишь бы Васка не счел тебя достойным объектом для охоты — кому нужен перестарок без приданого?

В рассуждениях Кови была некая внутренняя логика, но Васка все равно не очень понимал ее умозаключений. Хотя, может, он и не должен понимать всех этих женских штучек, проворачиваемых ради замужества?

И тут Мила задала неожиданный вопрос.

— Почему не отец и не дядя? Вы их даже не упоминали.

Васка поспешил ответить до того, как это сделает Ковь, потому что понимал, что она в словах стесняться не будет.

— Очевидно. Етель очень похож на отца... и на дядю. Они не стали бы убивать женщину, которая носит их ребенка, в этом просто нет смысла. С наследованием у детей законных жен никаких проблем бы не возникло, решают-то они; да и на случай, если Моль с Гарпией оказались бы бесплодны обе, было бы трое запасных наследников, а не один. Предположим, ваша мать их чем-то шантажировала, но ведь сроки были поздние, потянули бы время, пока родит... Ведь Киру тоже успели признать?

— Да. Естественно, мы же близнецы!

— А вот если мужик прижил ребенка от любовницы, когда есть жена... и признал предыдущих детей... Любая жена, у которой хоть сколько-нибудь варит котелок, постаралась бы избавиться от такой помехи собственным детям. Мало ли, что муженек на старости лет в завещание впишет. — Добавила Ковь безапелляционно. — Гарпия и Моль уже были к тому времени в замке, насколько я помню?

— Да, достаточно долго. — Кивнула Мила серьезно.

— Расскажи про них. — Попросил Васка.

— Ну... Гарпия — она злобная. Чуть что — сразу кричит. Юридически именно она моя мачеха, и именно ее муж, Фахлер — мой отец. Мужа мне уже третий год приглядывает. Все время попрекает, что я не ношу платьев, которые мне шьют — а они мне не идут, категорически! И обувью... и когда кто-то повадился вино таскать из погребов, и она заметила, первым делом меня за косы оттащила, а уж потом виновного нашла — это поваренок был... и не извинилась. Ну а Моль... я ее редко вижу. Она вечно в своей комнате сидит, ну и молчит... или книжки читает, всякие... и болеет часто. Вот вроде бы близняшки, а Гарпия здоровехонька, а Моль болеет и болеет. Жалко ее. Манталена очень детей всегда хотела... Не чтобы наследник, а просто... я даже немного рада, что у нее получилось. Она

очень любит мужа. Они с сестрой неразлучны, и, говорят, Гарпия сюда приехала только потому, что не захотела оставлять сестру одну. Каждый день ругается с мужем, орет, орет, орет...

Ковь медленно, чуточку безумно улыбнулась.

— Васка! Я знаю, кто виноват. Мошь же!

Васки подумал немного. Согласиться не получилось — слишком гадкое впечатление на него произвела Гарпия. Он думал, что и на Ковь тоже, но она, видимо, уже и забыла их недолгую пикировку за ужином.

— Я не согласен. По описанию Милы, это безобидная женщина. А вот Гарпия...

Ковь начала загибать пальцы:

— Хочет ребенка. Не общается с падчерицей — все заботы о Миле лежат на Гарпии. Любит мужа! И на нее никто бы не подумал, потому что она вроде бы болезненная и безобидная, тень своей боевитой сестры!

Васка недоверчиво покачал головой.

— Признал-то девочек Фахлер. А Мошь замужем за Тахлером. Зачем ей ревновать чужого мужа к племянникам?

— А лучший ее знает, зачем, мало ли, как бабу переклинило. Но ну сам подумай, зачем Гарпии убивать мать Милы, если мужа она не любит, своих детей у нее как тогда не было, так и нет — она даже о Миле заботится, да и замуж-то она вышла вслед за сестрой? Кстати, а кто из братьев официально старший, Мила?

Отогревшуюся было у Васки под боком Милу вновь затрясло.

— Фахлер...

Васка крепко задумался.

Слова Кови были правдоподобны. А если Фахлер старший, если любовница — любимая, то если бы Етель родился и был бы признан, то велика вероятность, что именно он стал бы наследником. И неважно, кого родила бы жена Тахлера и родила бы вообще. Но нельзя же обвинять человека, которого ни разу не видел?

— А мы можем как-то пообщаться с госпожой Манталеной?

— Увы, никак. — Вздохнула Мила. — Хотя... Она бывает в библиотеке. Наверное, если караулить ее там, то можно. Хотите, я там посижу, а потом вам по воде весточку пошлю, чтобы вы с ней как бы случайно столкнулись? Ковь ведь умеет... ну, магию? Глупый вопрос, я понимаю...

Ковь как-то странно поморщилась, и Васку это насторожило.

— Я специализируюсь на бездымном небесном огне, молниях. Вода мне не очень дается.

— А разве это важно? — Удивилась Мила.

Она протянула руку к свече, зажженной Ковью, сделала пасс рукой — свеча погасла. Сделала еще какой-то сложный жест — свеча зажглась.

— Вот, я же могу с огнем?

В глазах у Кови плескалось безграничайшее изумление.

— Ну, попробуй. — Неохотно сказала она. — Ты, должно быть, очень-очень талантлива и с твоей весточкой у меня все получится.

Мила чуть ли не в припрыжку поскакала к двери, прямо засветилась вся от похвалы. Ее наконец перестало трясти. Самоучку признала настоящая магичка — шутка ли!

Васка подумал, что Миле не стоит скрывать свой дар. Когда они разберутся со всем

этим, он поговорит с ее отцом. Или дядей... Не замуж ей надо, а в Школу.

На пороге Мила обернулась, лучезарно улыбнувшись.

— Спасибо вам... что согласились помочь. Даже если не получится — мне стало легче.

— Зажги свечу. — Попросил Васка, когда Ковь оделась.

Просьбу эту он буквально выдохнул ей в ухо: без его помощи Ковь бы эту пыточную конструкцию, по недоразумению считавшуюся платьем, не нацепила бы.

Ковь замерла. Пикантность момента тут была совершенно не при чем, она просто лихорадочно соображала, что бы соврать. Не признаваться же Васке в том, что она не слишком-то умелая магичка. Что может быть позорнее, чем истратить почти весь свой резерв, просто прислушиваясь? Да, она никогда не умела соизмерять собственную силу, но Васке об этом знать совершенно не обязательно.

— Не-а. Фигушки. — Сказала она лениво.

— Слабо? — Подначил Васка.

Все-таки этот гад ее неплохо знал. Однако и она не лыком шита. Ковь перешла в наступление

— Не-а. Можешь сбегать за Милочкой, попросить, чтобы она еще разок показала. Ты же не прочь, я-то видела, как ты на ее ноги пялился!

— Она ходит босой по холодному полу. Естественно, я удивился! — Васка принял оборонительную стойку. — Но ты можешь испепелить меня пламенем ревности. Или не можешь?

— Дурак. — Расхохоталась Ковь и как-то незаметно для себя призналась. — Не, не могу. Я выдохлась, когда прислушивалась.

— Вполне в твоём стиле. Ну, что говорят на базаре? Рыба свежая?

Да уж, не стоило тратить силы на самообман. Конечно же, он заметил.

Ковь никогда не говорила ему прямо, что не слишком-то контролирует собственную силу, но странно было бы, если бы за столько времени он бы не понял. Да боги, однажды она выжгла целую лужайку во сне, проснулась на пепелище. С тех пор Васка каждый раз, когда они ночевали в лесу, ее окапывал канавкой и сам ложился подальше.

Она зябко передернула плечами.

— Рыба свежая, пряники медовые... и все равно, Васка, я пойду разговаривать с Молью.

Напускная дурашливость исчезла с его лица, будто и не бывало.

— Не-а. — Передразнил он. — Если она действительно убийца, то без магии ты — как котенок.

— Против тебя. Она слабая, болезненная женщина. Беременная! И ты же не верил, что она убийца.

— Это не значит, что я непредусмотрительный дурак. Она может ей оказаться. И кто тебе сказал, что она не умеет колдовать? Хотя бы чуть-чуть? Вдруг она злобная ведьма-самоучка?

— Но ей незачем убивать человека, который просто зашел в библиотеку за книжкой!

Васка закатил глаза к небу, скрестив руки на груди.

— Всемогуший Ха, подтверди: эта женщина может выбесить любого незнакомца с первого взгляда!

— Эй, ты, бог, которому Васка молится только как припрет! Послушай, вразуми дурака, женщина с женщиной всегда общий язык найдет, я должна идти! — Ковь возвела глаза к

потолку и молитвенно протянула руки. — Ну ладно, мне просто интересно на нее взглянуть. С каких пор ты стал параноиком?

Васка отвел глаза.

— Я никогда не видел убийц — ну, тех которые... в мирной жизни не видел. Когда я ходил на Кьяксон — там было понятно. Война же. Да и боя было всего два: сначала мы отбили Кьяксон и я служил в гарнизоне, а потом была осада, меня ранили, и я вернулся домой... А тут мирно. Знаешь, как мне полегчало, когда ты вдруг заявила, что Етель живой?

Ковь не понимала.

Она знала, что Васка год бегал где-то за границей вместе с армией в одной из тех бесконечных стычек за веру — об этом красноречиво говорили настоящие зазубрины на его мече. Она неоднократно предлагала купить что-нибудь поцелее или хотя бы перековать меч, хотя и понимала, что Васка никогда не согласится.

Еще у него была бумага, что он имеет право на клочок земли где-то там, в пустынях под Кьяксонем. Он хотел подарить его Кови на день рождения, но она послала его далеко и надолго, в этот самый Кьяксен, арбузы выращивать. Подумаешь, куксы его отбили обратно.

Но он не был похож на ветерана. У нее в деревне были ветераны какой-то настолько давней войны, которую никто и не помнил... Васка был другим.

Это вообще был первый раз, когда он сам об этом заговорил. До того Ковь думала, что война миновала ее спутника, так не и не оставив в его душе особенно глубокого следа.

Хотя как-то он подозрительно вовремя об этом вспомнил...

— Не-а. Не верю. — Сказала она прежде, чем поняла, что именно говорит. — Ты не боишься. Ты просто не хочешь, чтобы я шла, потому что я докажу что ты не прав, и виновна Моль. При чем здесь вообще Етель?

Васка отвернулся.

— Договорились. Ты идешь. — и добавил, убеждая скорее себя, чем Ковь. — Виновна Гарпия.

Встретиться с подозреваемой удалось только вечером, так что Ковь успела немного восстановиться.

Моль оказалась такой же худой и угловатой, как ее сестра. И бледной-бледной, почти как падчерица. Если бы Ковь не слышала, что это очень болезненная женщина, и не проверила бы на всякий случай ауру, то решила бы, что она нежить.

Моль, увидев незнакомого человека, тут же скрестила руки на огромном животе — защищая. Уронила при этом книжку.

— Здравствуйте, я Ковия. Я гошу здесь. А вы, наверное, хозяйка замка, Манталена? — Как можно учтивее спросила Ковь.

Она опустилась на колени и подняла книгу, отряхнула обложку.

— Хозяйка замка... — Прошелестела Моль, — Это Ганталена... А я замужем за младшим братом, Тахлером... Все путают... но не я...

И она жалко улыбнулась, предлагая оценить... штуку? Наверное, это была шутка.

Они немного помолчали. В воздухе так и витала неловкость. Затем Ковь протянула книгу, краем глаза заметив название.

— интересуетесь древними легендами? Я тоже сказки люблю.

Моль неожиданно дернулась. Лицо ее искривилось в презрительной гримасе.

— Нет! — Воскликнула она, но тут же вновь перешла на шепот. — Сказки — это совсем

другое. Легенды... красивые. Сказки нелепые... В сказках всегда справедливо, а так ведь не бывает. Бывает не так!

Иногда Ковь знала, что нужно сказать и когда именно сказать. Что-что, а интуиция у нее была отменная.

— А как бывает? Расскажите мне, как?

— Бывает, как в «Легенде о Каяке». — Улыбнулась-оскалилась Моль. — Когда девушка бросает свой мир ради любви и уходит к чудовищу в замок... второй женой. Чудовище — вдовец. Первую жену он съел. А вторую постоянно с ней сравнивает, и сравнивает, и сравнивает... и тогда Каяка открывает хрустальный гроб первой жены, чтобы спросить у мертвой совета... Она не враг ей. А там лишь обгрызенные кости, да и то не все. Потому что Чудовище съело ее, и никак Каяка не сможет доказать, что она лучше или хуже. Никогда не сможет, девочка... Я слышала, ты невеста тому рыжему парню? — Теперь Моль просто улыбалась.

Будто и не было той жутковатой гримасы, с которой женщина рассказывала легенду о Каяке.

Кстати, Ковь ее ни разу не читала и не слышала. Однако Ковь многого не читала...

— Да. — Кивнула Ковь. — Выйду замуж и буду Ковия Диерлих.

Она старалась говорить это жизнерадостным, ликующим тоном. Наткнулась на пронизательный взгляд Моли и поежилась. Та как будто догадалась...

— Осторожнее, девочка. В любом мужчине кроется чудовище. Тебе посчастливилось — посчастливилось ли? Стать первой женой.

— Но первую жену же съели! — испуганно охнула Ковь.

— Но ты же первая жена Васкилероха Диерлиха, а не того самого чудовища? Может, повезет. Поверь мне, быть второй — гораздо больнее. — Моль вздохнула и попыталась перевести тему. — Прости мое занудство — иногда на меня находит говорливость. В этом замке мало людей, с которыми можно обсудить прочитанное.

Ковь замотала головой так, что чуть не сбился парик.

— Нет, нет, мне очень интересно! Я просто немножко... боюсь выходить замуж. Это...

— Давай присядем? — Перебила Моль. — Я устала стоять, а чуть дальше в библиотеке... есть восхитительные диванчики.

— Васка, мы были не правы! Оба! — Ковь вломилась в комнату и недоуменно заозиралась по сторонам.

Васка обошел ее и удобно устроился в кресле.

— Прости, не успел обогнать. Но ты можешь вломиться еще раз.

— Ты следил за мной, что ли?

— Да нет, проходил вот случайно мимо библиотеки, даже книжку взял. — Васка помахал в воздухе томиком «легенды о Каяке». — Такое любопытное чтение! Рассказываю: Каяка на балу встречает загадочного и прекрасного принца, влюбляется, и тот увозит ее в свой замок. А потом оказывается, что принц-то чудовище, Каяка — вторая жена, а порядком погрызенные кости первой лежат в хрустальном гробу и чудовище в скобках принц до сих пор на них неровно дышит и капает слюной.

— Точно следил.

Васка попытался сделать лицо поневиннее.

— Ну что ты! Просто сидел в читальном зале, книгу читал, по-соседски, понимаешь ли,

уху грел... а ваша бабья трескотня так в уши и лезла. Могла бы беременность и потише обсуждать. А уж перед описанием родов могла бы этак невзначай предупредить: «Осторожно, Васка, роды! Я буду рассказывать, как все проходило у моей старшей сестры в подробностях!»

Ковь пожала плечами.

— Как врагам головы мечом сносить, так все нормально. А как про самое естественное, что может быть на свете, слушать — так тонкая душевная организация? Я еще не рассказывала, как их принимала — а я умею, представь себе. Васка, сосредоточься. Не время для твоих шуточек.

Васка покачал головой.

— Но ты же пошла а встречу с Молью, будучи насколько не в форме, что даже не засекла моей слежки? Дурная шутка за дурную шутку.

Не стоило бить Ковь по больному, но Васка не смог удержаться. Самонадеянность Кови давно бы стоила ему пары седых волос, если бы вся его шевелюра не была крашеной.

— Я уже не уверена, что она виновата. — Пожала плечами Ковь.

— Я был уверен, что она не виновата. — Откликнулся Васка. — Если так подумать, то мы зря исключили отцов.

— В смысле?

Васка сделал вид, что мысль пришла к нему давным-давно, а не только что. Скорее всего, Ковь не поверит, но почему бы и не попробовать?

— Ты Милу видела? Она отнюдь не выглядит утонченной аристократкой.

— Она красивая! — Обиженно вступилась Ковь.

— По меркам аристократического круга красивого у нее — только бледность, да глаза большие. Отцовского она унаследовала — я присматривался! Волосы да черты лица может быть. Не Етель, далеко не Етель. Да, ее мать была красива — так же, как по крестьянским меркам красива Мила. Ключевое — «по крестьянским». Мила сильная девочка. А вот Моль с Гарпией... изящны и хрупки, как фарфоровые статуэтки.

Ковь перебила.

— Ну и чего ты мне тут про свои вкусы распинаешься? Хочешь Гарпию соблазнить? Подожди, пока я уйду, не хочу попасться под руку ревнивому мужу... ой...

Васка возликовал.

— Дошло? Вот в том-то и закавыка. Как могла та же хрупкая и болезненная Моль утопить здоровую, сильную женщину, пусть и на поздних сроках? Я с самого начала думал именно об этом, когда говорил, что из женщин это могла сделать только Гарпия и то с большим трудом. Мать Киры и Милы даже стирать ходила, значит, вряд ли жаловалась на самочувствие... Как она вообще смогла к ней подойти? Сомневаюсь, что жена и любовница были приятельницами...

Ковь встала на защиту собственной теории.

— Она могла подкрасться сзади и оглушить по голове чем-нибудь тяжелым?

Васка покачал головой.

— Тогда бы Кирочка увидела. По всему выходит, сначала убийца утопил Кирочку, потом ее мать. Но Кира была рядом с матерью! Та бы увидела, если бы убийца сначала оглушил девочку, не думаю, что она бы не позвала на помощь, вряд ли убийца сал бы так рисковать. Можно было отвлечь Кирочку, а если убить надо было и ее — то почему Мила жива до сих пор? К тому же, неопытному человеку гораздо легче убить ударом по голове,

чем оглушить. А тут обоих, аккуратненько... специально, чтобы утопить и получить проблемных русалок, так, что ли?

— Нечисть не помнит последних минут перед смертью. Это минуты две-три. Поэтому Кира не знает своего убийцу в лицо. Однако она могла его увидеть. — Возразила Ковь. — и с чего ты решил, что их оглушили? Речка тут коварная, течение быстрое, могли просто спихнуть в воду.

— За две-три минуты спихнули и мать и дочь? Моль?

Васка торжествовал. Ковь подумала секунд десять — и волей-неволей согласилась.

— Да, вряд ли... и ты думаешь, что это мог быть Фахлер или Тахлер.

— Скорее всего, отец девочек — Фахлер. — Спокойно сказал Васка. — Но Фахлеру Кирочкина матушка быстро надоела. И отцом Етеля я бы назвал Тахлера.

— Откуда такие смелые выводы?

— Ну ты будто не слышала любимой легенды твоей новой подружки! — Поморщился Васка. — Моль явно любит мужа. И она все-все знает. Отсюда и истории про то, что все мужчины чудовища, а тебе повезло быть первой. Кто-то же должен был быть этой самой первой... а знакомые кости у нас одни.

Теория Васки состояла из одних дыр. И под скептическим взглядом Кови он это как-то сразу осознал.

— То есть я правильно поняла, что ты хочешь обвинить Тахлера в убийстве его возможной любовницы из-за легенды, рассказанной его женой непонятно кому и непонятно откуда?

— Ты гостя. Ты скоро уедешь. У тебя сходные проблемы. А выговориться-то кому-то надо. Чаще всего открываются именно незнакомым людям. Ты не знаешь, что у хозяев замка была любовница, ты даже вряд ли знакома с Милой... по крайней мере, Моль об этом знакомстве не знает. — Встал на защиту своих предположений Васка. — Думаю, все дело в том, что они — близнецы. И что первым был Фахлер. В том, что Фахлер старший брат. Тахлер взревновал и убил любовницу, а так же чужую дочь. Вряд ли он поверил, что Етель — его. Я не верю, что кто-то из них мог убить своего ребенка... насколько надо вообще ненавидеть отца, чтобы убить дочь? А у младшего брата часто оказывается причина ненавидеть старшего... поверь.

— Но Кира... и они близнецы! Это же другое...

— Кире было пять лет. Вряд ли мать посвящала ее в такие проблемы. А если и посвящала... думаешь, она бы запомнила? А то что близнецы... Разные бывают люди.

— Она бы вспомнила.

Васка посмотрел на свои руки. Согнул и разогнул пальцы, не спеша спорить с Ковью. Та все-таки продолжила.

— Но я почти поверила... но где ты найдешь доказательства? И... есть еще кое-что, в чем я сомневаюсь. Я бы перекинулась парой слов с Кирочкой...

Васка набрал побольше воздуха. То, что он придумал, Кови понравиться не могло. Просто не могло.

— Мне кажется, нам нужно повторить эту историю. С тобой в главной роли.

От удивления Ковь даже сбилась на свое дурацкое просторечье, которое, как Васка догадался, послушав Ковь в замке, всегда использовала исключительно ему назло.

— Че? Зачем?

— Тихо, тихо! Тебе не придется рожать близнецов, не беспокойся! Просто...

поулыбаешься немножко Фахлеру... чуточку... ну ты же умеешь! Ему твой типаж нравится... Ты же красивая... ну, по-своему...

Он поднял взгляд на Ковь... дело оказалось даже хуже, чем он предполагал. Она была в бешенстве. И единственное, что спасло его Васку от испепеления — ее это выжатый магический резерв.

— По-своему... по-крестьянски, да? — Злобно хмыкнула она. — Ну что, господине, не смею спорить. Правда, не посажу ли я пятнище на твою фамильную честь, увиваясь за чужим мужем при живом-то женихе? А, ты прав, какая разница. Ты приказал — я повинуюсь.

Дверь ударилась об косяк, и звук, казалось, разнесся по всему замку.

Васка знал, что Кови не понравится, но не думал, что все будет так плохо. Она была настолько зла, что даже не любопытствовала, зачем это нужно. А это могло помешать делу.

Расчет Васки был прост: скорее всего, мать Кирочки нужна была Тахлеру не сама по себе, а как бывшая любовница брата, которая предпочла Фахлеру его. В этом случае, малейшее подозрение, что любовница изменяет ему с бывшим — и все, готов маньяк...

Васка понимал, что просто подгоняет поведение Тахлера под свою теорию, и был почти уверен, что Тахлер не попытается отбить якобы влюбившуюся в Фахлера Ковь, тем самым порушив весь карточный домик, построенный на одной единственной рассказанной Молью легенде.

Однако он не мог не проверить.

Впрочем, чуть позже он понял, насколько провальная это была идея.

Операция началась на следующий день и... лучше бы не начиналась. На что он вообще надеялся? Ковь в роли соблазнительницы смотрелась как ездовая коза: седло-то прицепить можно, но далеко не уедешь.

Она и правда пыталась флиртовать с Фахлером за завтраком и за обедом. Правда, понятия о флирте у нее были какие-то странные. Она хлопала глазами, надувала и без того полные губки, иногда картинно фыркала и закатывала глаза. В общем, вела себя как малолетняя дурочка из глубинки, начитавшаяся любовных романов. К тому же, так как с Ваской она все еще не разговаривала, с косметикой у нее тоже были проблемы. Если вчера Васка еще убедил ее, что не стоит так густо сурьмить брови и пудрить лицо, то сегодня Ковь никто не ограничивал. Васка даже подумал, что Ковь сделала это ему назло: ну разве может женщина вообще не иметь вкуса и чувства меры?

После обеда он подцепил ее под локоток, елеяно улыбаясь. Подмигнул в ответ на понимающую улыбочку одного из близнецов-хозяев, хотя в душе зрело раздражение, и хотелось его вежливо послать, а не раскланиваться.

Вместо этого пришлось извиняться. Он брал себя в руки весь путь до покоев Кови и в конце концов с трудом выдавил:

— Это была глупая идея.

Толкнул тяжелую дверь, пропустил ее вперед, давая время придумать хлесткий ответ.

— Надо же, как заговорил! — Всплеснула руками Ковь, — А я-то думала, идея века. Что, недостаточно красивая?

Васка огляделся: комнату Кови выделили большую, просторную, в дальнем, гостевом крыле замка. Можно звать на помощь сколько угодно, и никто не услышит, разве что горло сорвешь. Он не боялся, что она ударит, но он же решил извиниться, а не доводить Ковь до

истерики. Почему-то иногда она очень болезненно реагировала на совершенно обычные вещи, и Васка старался лишней раз ее не доводить — она могла и взорваться. В прямом смысле этого слова.

Он подумал и, тщательно подбирая слова, сказал:

— Я понял, насколько это противоречит твоей... природе. — и, перехватывая ее кулак, проникновенно, — ты не такая, как эти... э-э-э... расфуфыренные фифы.

— Ну, допустим. — Неожиданно мирно вздохнула Ковь, опуская руки. — Все, не буду я драться.

Отошла, присела на кровать и глубоко задумалась, глядя в стену. Васке стало неловко: его вроде бы простили, не прогоняли, но к диалогу расположены не были.

Он сел на широкий каменный подоконник и стал ждать, вдруг Кови захочется поделиться своими мыслями? Все равно кроме этого плана другого у них не было, и нужно было придумать новый.

Наконец Ковь резко встала, оглянулась — и села обратно.

— Я не понимаю.

Васке была знакома и эта задумчивость, и странный выход из нее. Это был способ мыслить: Ковь замирала, полностью уходя в себя, а потом как будто резко просыпалась. Способ всегда приводил к весьма неожиданным результатам.

— Что ты не понимаешь? — Спросил он мягко.

— Зачем мы в это ввязались. — Вздохнула Ковь. — У нас нет опыта, мы тычемся, как слепые котята. Может, Кирочка и правда на нас понадеялась, но это слишком... запутанно, чтобы это могли решить двое со стороны. Мы ничего не знаем, мы чужие — как будто нам что-то скажут, ага.

— Мила говорила, что им и нужны были чужие. Непредвзятые люди, которые смогут иначе взглянуть на ситуацию.

— Хочешь непредвзятости? Ла-а-адно, вот тебе моя версия. Никто не виноват. Несчастный случай. — Ковь развела руками. — Мошь слишком хрупка, чтобы утопить. Она бы купила яд. А больше ни у кого нет причины. Вы же травите друг друга гораздо чаще, чем топите. И куда чаще, чем забиваете топором — стой, не возражай, это был пример... неподходящей вашему сословию разборки, может, и неудачный. Утопить соперницу — слишком... просто. — Ковь пожала плечами. — А вы, родовитые, простых путей не ищете, у вас же мозги как у улиток, хитровывернутые. А Мошь еще и слишком... романтична для такой банальной расправы. К тому же, ты хоть раз видел, чтобы благородная спустилась на мостки, к служанке? Кирочка бы запомнила.

Васка хотел было возразить, но Ковь не собиралась делать паузы:

— А теперь глянь на мои заключения непредвзято. Я похожа на великого сыскаря? Ты — похож? Силы в нас гораздо больше, чем мозгов, опыта нет вообще. Скажи мне, Васка, зачем мы в это ввязались? Ладно, я, меня засыпали жемчугом, амулетами, и история эта... я не могла остаться равнодушной. Да и ты бываешь убедительным, а я редко думаю, прежде чем сделать. Но ты? Зачем в это ввязался ты?

— Я не... — Васка прокашлялся. — Почему-то мне стало ее очень жалко. Думаю, это из-за ментального воздействия, я не могу ему ничего противопоставить, неплохо бы тебе об этом позаботиться. А еще — и это основная причина — у нас не было денег. У нас нет репутации, а для наемников это важно.

— То есть ты хочешь сказать, что парил мне мозг своей рыжиной, зная, что и брюнетом

никому не нужен? — Ковь скрестила руки на груди.

— Да. — Просто ответил Васка. — Кирочка — везение... в каком-то смысле. Репутацию мы на ней не заработаем, остаются деньги, на которые мы сможем протянуть, пока будем зарабатывать репутацию. И ты знаешь, что я прав. И даже если это несчастный случай, либо мы это докажем разъяренной нежити либо... либо я не знаю, что делать.

— А я о чем? Мы не справимся. Но если мы не справимся... — Ковь отвернулась. — Будет очень плохо.

— Что было в контракте? — Спросил Васка, и уже громче, — Что?!

— Ничего хорошего. — Буркнула Ковь. — Не смотри на меня так. Жемчуг. Амулет. Ты был убедителен, а они — еще убедительнее. Но если мы не справимся, к рекам тебе лучше не подходить...

— Могла бы предупредить заранее. — Устало сказал Васка.

Ковь не в чем было винить, но он почему-то чувствовал себя обманутым.

— Ты сам виноват. — Пожала плечами Ковь. — Пока мы не пришли сюда, все казалось таким простым... Я... извини.

Впервые за долгое время Васке стало по-настоящему страшно. Он еще никогда не видел Ковь в таком смятении. Она никогда в себе не сомневалась, она бралась за что угодно и не пасовала перед опасностями, за это Васка ее и уважал. Она была упряма, вспыльчива и неосмотрительна, и это доставляло много проблем...

Но он еще ни разу не слышал, чтобы Ковь извинялась.

Выбираться из замка Кови пришлось ночью. Васке она ничего не сказала — боялась, что одну на речку ее непустит. Все будет так же, как с Молью, но Моль не может почувствовать слезки, а нечисть — легко.

А Кови было позарез нужно, чтобы Кирочка ей доверилась. Сложно доверять тому, кто не доверяет тебе и всюду таскает с собой телохранителя, верно? Прийти вместе с Ваской тоже был не вариант — ну что это за доверительный разговор, когда двое на одного? Это уже какой-то допрос получается.

Вечером Ковь очень много думала. Вертела в голове ситуацию так и так, но одна деталь все никак не желала вставать на свое место. Пока она не додумалась до чего-то настолько простого, что верить в это не хотелось — сразу вспоминались их с Ваской навороченные теории. Озвучила Васке, но он не поверил, не захотел. И правильно. Если она права — они капитально сели в лужу.

Ковь терпеть не могла чувствовать себя душой.

Но именно так она себя и чувствовала, когда тихонько, на цыпочках, кралась по коридорам (она еще и заблудиться умудрилась, и уже было подумала, что ничего у нее не выйдет, но тут увидела-таки заветную дверцу), когда осторожно проскальзывала через черный ход, и когда перебежками от одной хозяйственной постройки до другой пересекала двор, и когда толкнула калитку для прислуги... Тому было две причины: во-первых, скрываться она не любила. Да и не умела. Васка не услышал ее топота только потому, что он пил вино с хозяевами замка, внизу, в зале. И Ковь искренне надеялась, что он упьется до свинячьего визгу, и, вернувшись, не заметит, что в кровати вместо нее лежит сострепанная на скорую руку из простыней кукла, а просто завалится спать.

Во-вторых, она же выпускница Академии! Хоть и закончила она ее кое-как, с большим трудом сдав выпускной экзамен по самоконтролю, забыть основы, которые знают под конец

года даже первачки — позорище. Васка как узнает, так и скажет, что от нее нет никакого толку, и, что самое обидное, будет прав.

— Я хочу видеть Киру! — Рывкнула она, продравшись, наконец, сквозь высокую траву, росшую в пойме реки, — Где эта тухлятина? Я надеру ей уши!

Когда Ковь чувствовала себя глупо, она всегда злилась. На себя тоже, но в основном — на мир вокруг. На выпавшую росу, из-за которой ее штаны были мокры почти по пояс, на холодный ветер с реки и, конечно же, тухлятину, которая, даром, что мелюзга, ухитрилась разыграть ее втемную.

— Чего орешь? — Крайне недовольная русалочка высунула мордочку из камыша, — жить надоело? Сестрицы голодные.

— Не зарывайся! — Рыкнула Ковь, но вспомнила про необходимость доверительного диалога, прикрыла глаза, глубоко вздохнула и выдохнула, — Фу-у-ух. Так. Я погорячилась. Нам надо поговорить.

— Насчет договора? Мне позвать Етеля?

— Не думаю, что ты захочешь, чтобы он это слышал. Хватит лупить глазами, думай давай! Не съем же я тебя, какой мне с этого толк? Думаешь, я тут погулять вышла, а? Мне что, больше заняться нечем, кроме как тебя в болотах вылавливать?

— Ты только не волнуйся! — С наигранным испугом воскликнула Кирочка, уцепилась за рукав и куда-то ее потянула, — Только не горячись, а то мне стра-а-ашно.

Глаза у Кирочки светились в темноте, как две гнилушки. Если бы Ковь посмотрела на свое отражение в воде, она увидела бы то же самое, и это свойство организма ее немало беспокоило: поделаться с ночным зрением ничего нельзя, оно либо есть, либо нет, а кто-то может и внимание обратить. Солнцепоклонник, если он двинутый на голову фанатик, а их таких добрая половина, может и прикопать за такие глазки, не будет разбираться — есть у тебя диплом Академии или ты так, мавка залетная. Поэтому в темное время суток Ковь всегда шурилась, хотя толку-то. А вот Кирочка, безголовая малявка, думать не думала о конспирации. И правда, чего ей бояться, в родной-то реке?

Любого солнцепоклонника в случае чего тут же и притопят. Да и магичку, если вдруг...

Иногда Ковь завидовала нечисти. У них был дом, где они были почти всесильны, у них была простая и понятная цель в нежизни. Взять вот ту же Кирочку...

Та как раз дотащила ее до маленького пятачка скошенной травы и села прямо на землю, натянув холщовый подол сарафанчика на худые коленки.

Ковь, поколебавшись, села рядом — все равно штаны насквозь мокрые. Хорошо хоть хватило ума не идти в платье.

— Твоя цель — не рассчитаться с убийцей, — сразу взяла она быка за рога. — Потому что его нет.

— С чего ты взяла? — Вскинулась Кирочка. — А вот и есть!

— Тогда ты должна его чувствовать. Терять рядом все человеческое... Тебя должно тянуть к нему, ты должна являться ему во снах и манить в реку. Русалка, чей убийца еще жив, просто не может так здраво рассуждать.

— Ничего я не должна! Вообще, может, дело в моей близняшке! — Упрямо возразила Кирочка, надув губы. — Она — человек, и во мне тоже осталось много человеческого, раз я с ней общаюсь.

— Сама эту глупость придумала, или подсказал кто? — Хмыкнула Ковь. — Невозможно это. Твой убийца был бы для тебя наркотиком, наваждением, вкуснейшим, изысканнейшим

блюдом для двинутого гурмана. Неужели ты не спрашивала у сестриц, как это бывает? Они должны были рассказывать.

— Они рассказывали, но я думала, что я — другая. — Кирочка зябко передернула плечами и всхлипнула. — Что я — особенная. Не такая, как все. Понятно? Что йа-а-а-а... — Она вдруг завывала — нечеловечески, тоскливо.

Откуда-то издали ответили собаки. Волков слышно не было, и Ковь порадовалась, что в местных лесах безопасно. Обратной точно нет, эти бы точно присоединились.

Нормальный человек от такого вопля и поседеть мог. Поговаривали, что сирены — разновидность морских русалок. А речные — родственный им вид...

А вот Ковь, дипломированная магичка, просто сидела в растерянности и думала о чем попало вместо дела. Она снова глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки, и снова не получилось. Утешать маленьких девочек было не по ее части, даже Васка справился бы лучше, и мысли так и норовили разбежаться тараканами. Так она ничего и не сделала, просто замерла столбом, боясь пошевелиться, пока Кирочка в нее рыдала.

В конце концов, слезы у Кирочки кончились. Она вытерла нос полой куртки. Любимой дорожной куртки Кови — та поморщилась, теперь стирать придется. Но ничего русалочке не сказала. Успокоилась — и то хлеб.

— Я думала, а вдруг вырасту? Хоть немного. У меня отрастали волосы... и ногти... это потом батюшка-водяной сказал, что они и у мертвых растут. Что я совершенно точно мертвая. Что никакая я не другая, что я самая обычная глупая русалка. И если бы убийца существовал... я бы точно знала, кто он.

— Но Мила с Етелем не поверили.

— Может, и поверили. — Кирочка поежилась.

Ковь сняла куртку и накинула русалочке на плечи. Очень уж на нее было холодно смотреть — хоть русалки и не могли чувствовать холода или жары, и Кирочка ежилась скорее по давней привычке, чем из-за пронизывающего до костей ветра с реки. Кови было ее жаль, оттого она и подыграла ее желанию казаться живой без раздумий.

— Но...

— Да. Раскусила. — Кивнула Кирочка. — Отказались они в это верить. До того, как вы пришли, мы так и жили: Елль отказывался верить, что он жив, Мила — что виновных нет... и, главное, она и Елля заразила своей уверенностью! А он очень, очень умный и рассудительный. Но когда я говорила, что это несчастный случай... Даже когда батюшка говорил... — Кирочка грустно улыбнулась. — Наверное, им тоже хотелось верить, что я особенная?

— Может быть.

От Кови сейчас требовалось только поддакивать. Ее догадка оказалась верной, и теперь Кирочке надо было выговориться — а Ковь предоставила ей жилетку. Этого-то она и хотела, все шло как по маслу, но, почему-то, не было никакой радости. Хотелось завывать, как Кирочка, хотя с чего бы?

— Я говорила: так и так, все просто... случилось. Вы можете жить дальше, ну так живите! Вы можете расти — растите за меня! Мне хорошо здесь! — Она почти выкрикнула последние слова, и Ковь поднесла палец к губам.

Кирочка кивнула и продолжила горячечным шепотом.

— Я люблю батюшку, сестер, я люблю собирать жемчуг, водить хороводы, я могу отходить от речки на ярмарку, я... мне неплохо в посмертии. Кем бы я была, будь я жива?

Байстрючкой? Мама бы надоела отцу, среди сестер немало бывших любовниц, и даже самая старая, что жила три сотни лет назад, говорит, что служанки надоедают, как только у них на лице появляются первые морщинки, а то и раньше. Кем бы были они, останься мы живы? Признал бы отец троих детей от опостылевшей любовницы, как думаешь? Меня-то успели признать, но еще и Елля...

— Вряд ли. — Покачала головой Ковь.

— Вот и я думаю... Стала бы госпожа Ганталена присматривать за Милой, как за родной дочкой, если бы нас было трое? Вот, ты понимаешь... Но они почему-то решили, что должны отомстить. Что обязательно надо кому-то отомстить. Решили, что это все госпожа Ганталена, Мила ее терпеть не может... Потому что она ее воспитывает, а Мила никому не разрешает себя воспитывать, даже Еллю... А я подумала — если во мне столько человеческого, то сколько в Миле русалочьего? Хватит ли, чтоб накрыть для воронов стол? Я подумала — если умрет госпожа Ганталена, мне же не станет легче. Мне будет больно. Она же добрая, хоть и вредная. И у Милы будут проблемы, и Елля разыщут... А ради чего? Бесполезной мести? Я думала — может, я смогу убедить его пойти в Академию, а какая Академия на виселице? Понятно, почему я тебя позвала, да?

— Почему ты решила, что я смогу их убедить? — Тихо спросила Ковь. — Сестра не смогла, а непонятная тетка с дороги — сможет? Что я должна им сказать, что матери лучше Гарпии Миле не найти? Что Етелю нужно вырастать из своего болота? Ты хоть понимаешь, как далеко они меня пошлют?

Кира шмыгнула носом, надулась. Буркнула угрюмо:

— Струсил? Ну и ладно. Я пойду к Васке и все ему расскажу. И он не только объяснит, он тебе это будет вспоминать при каждом удобном случае. А ты ему и возразить не сможешь — он смог, а тебе слабо. Кишка тонка! Потому что ты — труси-и-иха!

— Сама такая. — Не задумываясь, ответила Ковь. — Я за него и волнуюсь. Етель же может напустить на него твоих сестриц, если мы не справимся. А братец у тебя упертый, сразу видно.

— Ты очень убедительно вколачиваешь факты в его голову. Талант! Все с твоим женишком в порядке будет! — Отмахнулась Кирочка, — Половину сделки ты выполнила, не получится вторая половина — прощу. Договор-то между нами, девочками.

— Но по рукам ударили мальчики.

Кирочка замерла, распахнув глаза широко-широко, так, что они стали походить на светящиеся чайные блюдца.

— Это как же ты не уследила?

— А чем ты думала, когда нанимала первую попавшуюся магичку, а, тухлятина?

— Ну, это как раз просто! — Улыбнулась Кирочка во все свои многочисленные клычки, — ты первая, кто понял, что я русалка, и не пошел за святошами. Обычно такая буча начиналась. — Она облизнулась. — Люблю, когда меня ловят, столько эмоций! А потом вижу — мужчина, красивый, видный, пахнет тобой, одет как наемник — решила, друг или напарник... вряд ли любовник, не так уж сильно пахло...

— Можешь не углубляться в подробности, — Ковь аж передернуло, — Любовник, боги...

— Зря ты так, — не согласилась Кирочка. — Он красивый.

— Аристократ. — Коротко бросила Ковь. — Все, захлопнись.

— Ладно, ладно. Что, первенцы в роду? — Кирочка поймала свирепый взгляд Кови и

поспешно перевела тему, — Я решила, что раз подружка мужика, увидев русалку, визжать не стала, то и сам мужик может быть ничего так окажется, адекватный. А раз одет как наемник, то его и нанять можно... А Мила недавно поссорилась с Ганталеной, очень сильно поссорилась, да и Елль все рвется на осенний паводок с батюшкой-водяным поплыть, как будто приемник... Я подумала, что у меня может не быть другого шанса, кто поопытнее в нашу глушь не заглянет. Елль живой, а вдруг его утопят? Он бы не отказался... Только не там, не на сплаве, он не отступает на полпути. Не смог бы батюшку опозорить отказом... Да и Мила ходит-ходит по краю... Мы давно думали кого-то нанять, так, мечтали. Никто не ожидал, что я правда вас приведу. Повторюсь, даже если ты не сможешь убедить Милу, ты уже помогла мне с Еллем, так что если что — клянусь, попробую его уговорить, чтобы он вам не мстил. Только... он упрямый. И у батюшки за родного сына, так что...

— Я поняла. — Перебила Ковь едко. — Покричишь «не надо, не надо», пока он будет нас топить, в надежде, что он одумается. Это больше, чем ничего.

Кирочка развела руками.

— Это все, что я могу сделать. Думать надо было. Но я правда благодарна. Они не хотят слушать меня. Но чужим всегда больше доверия, не знаю, почему так.

Она встала, стянула с плеч куртку, протянула Кови. Та вздохнула.

— Оставь себе. Ты мне жемчуга отсыпала на десять новых.

Она и сама не ожидала от себя такой щедрости, но этот ночной разговор связал их общими тайнами, теми таинственными ниточками, что протягиваются между случайными попутчиками. Когда знаешь, что человек мелькнет в жизни юркой рыбкой и больше никогда не встретится, легче говорить правду и легче делать широкие жесты.

Кирочка снова улыбнулась, но это была нормальная, детская улыбка.

— Спасибо. Я думала, ты гадкая, но ты тоже добрая.

— Еще вякнешь, отберу. — Огрызнулась Ковь.

Кирочка быстро-быстро попятилась с траву, потом раздался тихий всплеск, и из реки крикнули:

— и все равно — до-о-обряя!

Ковь огромным усилием воли подавила желание метнуть на звук огнешар, сплюнула, и, не скрываясь, потопала к замку, предвкушая, какую ей Васка устроит взбучку.

Почему-то в упившегося Васку ей совсем не верилось.

Она очень спешила, и даже забыла про то, что надо красться или оглядываться по сторонам. И на Милу она буквально налетела в коридоре.

— Вас-то я и ищу! — Прошептала Мила, — О чем Васка говорит с... ними?

— А баронами-то? Понятия не имею. Откуда мне знать? — Тут Ковь опомнилась, — А что ты делаешь здесь, ночью, одна, одетая, не ложилась еще?

— Ну, вы оттуда, подслушивали же? Они точно что-то важное обсуждают.

— Еще скажи — тебя. Мир же вокруг тебя вертится, солнышко. — Хмыкнула Ковь. — Какой нормальный мужик захочет говорить о бабах, лошадях и собаках, когда у него есть такая замечательная байстрючка!

— Но я должна знать!

— А что, до сих пор пьют? — Ковь вдруг осенило.

— Ну, камин точно топится. — Мила пожала плечами.

Васка мог... Да, он мог убедить собутыльника в чем угодно, а это кажется неплохой идеей, отличным выходом, вряд ли он будет против... и, может, так удастся дать Миле иную

цель в жизни кроме мести? Ну, пусть только попробует отказаться, не все ж ему без толку пьянствовать!

— Скажи мне, девочка, что ты думаешь о том, чтобы поступить в Школу?

— В какую еще школу? — Не поняла Мила, — не будете помогать — хоть не мешайте!

И устремилась было мимо Кови, в сторону пиршественной залы, но была схвачена за плечо недрогнувшей рукой и возвращена на место.

— Эх, ты... не какую-то, а Школу! Место, где из таких, как ты, делают магесс.

— А другого времени поговорить об образовании у нас не будет?

— Слушай ты, дура! — Рывкнула Ковь шепотом, — Представь себе, не будет. Потому что если ты хочешь в Школу, то тебе нужно, чтобы за тебя заплатили. Чтобы за тебя заплатили, нужно, чтобы твои бароны вообще догадались о такой возможности. Васка пьет, не щадя печени, поверь, он опытный собутыльник, он терпеть не может пить, я об этом позаботилась, но если уж приходится, то делает это вдохновенно. — Она взяла Милу за плечи и посмотрела ей в глаза, отлично зная, какое впечатление может произвести, — Сейчас, именно сейчас, мы можем что-то в твоей жизни изменить.

— Все, что ты мне должна...

— Я ничего не должна тебе. — Сладенько улыбнулась Ковь, — Договор заключался с Кирой. Ее кровь на пергаменте. Это халявная помощь. Я тебя, шмакодявка, пожалела, поняла?

Нельзя было давать ей задуматься. Ковь не собиралась принимать отказа. Она всегда завидовала магессам: у них была библиотека, полная редких книг, и целый полигон, и самые лучшие на свете учителя. Она-то рылом не вышла для Школы и вышла из Академии недоучкой, не способной справиться с собственной силой, магичкой, которую и сопливая русалка не боится. Цена таким как она — полущка за пучок, и тут ничего не поделать.

А тут у девчонки такой шанс! Будущее! Ковь бы уцепилась за него руками, ногами и зубами, а эта будет нос воротить? Ну нет, она не позволит.

— Я... Ой...

Мила вдруг побледнела и уставилась Кови куда-то за плечо. Та не обратила внимания.

Как она раньше не додумалась? Зря они с Ваской увлеклись сложными теориями, зря. Отправить Милу в Школу — отличная идея, овцы целы, волки сыты, никто никого не убьет в порыве страшной мести... Действовать надо просто, четко, эффективно: видать, на нее так замки влияют, она теряет хватку.

— Ты. Что, так хочешь замуж? Что, есть за кого?

— Думаю, это не ей решать. — Резко сказали за спиной.

— Госпожа Ганталена, я...

— Хватит. — Жестко сказала Гарпия. — Я слышала достаточно. Марш в свои покои, выйдешь до утра — будешь наказана. Милочка, вы не пройдете со мной?

Ковь обернулась.

И поняла, что вот она, стоит перед Гарпией даже без парика. Боги, почему она никогда не думает, прежде чем делать? Вот зачем нужно было так орать?

Ну кто мог подумать, что в этом замке вообще никто по ночам не спит, все по коридорам гуляют?

Васка тоскливо глядел в огонь.

Он совершенно не понимал, зачем его сюда позвали. Близнецы были полностью

увлечены друг другом, а Васка лишь изредка кивал в ответ на какие-то вопросы, поддерживая то одного, то другого.

Было скучно настолько, что и вправду хотелось напиться. Он уже два часа вертел в руках один и тот же полный вина бокал. Но Ковь терпеть не могла пьяниц, и как-то раз устроила ему такую истерику, что он предпочитал лишний раз ее не нервировать.

Васка не боялся Кови, но не любил, когда она орала. Ради спокойствия можно и перестать пить. Хотя разве вином можно напиться? Для аристократа вино — та же вода. Только не тухнет и приятнее на вкус.

Но Ковь учует, можно не сомневаться. Она не отличает красного от белого, а белое от сивухи, все ненавидит одинаково, со всем пылом своей огненной души, и Васка хотел бы посмотреть на того храбреца, что попытался бы объяснить ей разницу.

В гневе она была страшна, как воплощение Прахи, богини войны, и на это он в свое время и купился.

Кажется, это было так давно, что они знакомы вечность, а ведь встретились-то чуть меньше пяти месяцев назад, и какая это была встреча! Пожелай о ней поведать летописцы, то померли бы от смеха где-то посередине. Было, было над чем смеяться — тут и наивный рыцарь, не отличивший по неопытности магичку от магессы, и магичка, только-только из Академии, которая понятия не имеет, куда идти и что делать с привалившим счастьем...

Помнится, ему тогда какой-то доброхот указал на трактир, где она обедала. А он, не разузнав ничего, не задумавшись даже, а нужно ли это ей, просто туда вломился и с порога спросил:

— Так это ты та самая могучая магесса, что сразила Дракона лишь одним взмахом брови?

Надеясь, что она откликнется. А она и откликнулась.

— Ну, я.

Вот тут бы ему и отступить: он-то, когда давал обет, представлял себе прекрасную деву с иссиня-черной косой до пояса, стройную, мудрую и утонченную. Именно такие иногда приходили ко двору, запускать фейерверки. На войне девиц-магесс он не встречал.

А тут...

По виду магесса была типичной деревенской девкой, того самого типа, представительницы которого к двадцати годам уже нянчат пятого дитя, становясь шириной с добротный шкаф из дубового дерева. Ох, не мог Васка вернуться в прошлое и дать себе хороший подзатыльник. Где были его глаза, когда он решил, что эта девка может быть его прекрасной дамой? А ведь стала... Потому что он дурак и был.

Широкоплечая, широкобедрая, круглолицая... с короткими опаленными волосами какого-то невразумительного коричневого цвета и глазами болотного оттенка. Только нос был не картошкой, а тонкий, с аристократической горбинкой, и на лице смотрелся чуждо: видимо, какой-то из ее предков родился первенцем.

— Что молчишь? Ну да, магичка я. Прошу не путать. И если бы дракона можно было сразить одним взмахом брови, — ехидно ответствовала девка, несколько не боясь оскорбить представителя высшего сословия, — то они бы все давно повывелись. Да и деньжищи мне бы такие не отвалили за избавление.

Рыцарь стиснул зубы и опустил перед магичкой на колени. Та самая, нет сомнений. За что ему такой позор? Посреди людного трактира, когда последний выпивоха пялится на него как на нянькой грохнутого... но он клялся «как только увижу», а рыцари своего слова

не нарушают. Тогда Васка и вправду в это верил... Вот и встал сэр Диерлих на колени с ужасающим скрипом, (ну и половицы в этом трактире! Трещат и так и норовят провалиться под тяжелыми железными ногами) и склонил буйну голову, и протянул ей меч свой на вытянутых ладонях.

А девка взяла меч за рукоять жирными пальцами, удивленно и испуганно заозиралась по сторонам:

— Ты че, больной? Вставай быстро!

— А не встанет он, девонька, — Сказал кто-то за спиной, и Васка до сих пор не может спокойно вспоминать то тихое старческое хихиканье, — он, понимаешь ли, тебе верно служить поклялся, а ты клятву приняла...

— Че?

— А нишю! Меч взяла? Взяла. Теперь не отвяжется. И не встанет с колен, пока ты у него прядь волос не срежешь, типа, шоб носить у груди, ты ему теперь дама прекрасная, о как!

Тут пьянчуга заржал уже во весь голос, Васкилерох, который еще ни разу не попадал в подобного рода передряги, покраснел, а магичка ошарашенно уставилась на склоненную голову. Полубовалась на шевелюру сэра Диерлиха (цвета воронова крыла, как и у всякого достаточно породистого аристократа — кто бы мог подумать, что ей потом взбредет в голову перекрасить его в рыжий, а ему так понравится, что он крепко подумает, хочет ли он родной цвет обратно).

На его счастье, она оказалось девушкой неглупой, а то они бы еще долго так просидели. А она решила быстро, зло поджала губы, обрезала черную прядь, запихнула в какой-то мешочек у пояса — в один из полусотни таких же.

Сэр Васкилерох вздохнул с облегчением.

А магичка немного подумала, будто что-то вспоминая, и вмазала ему в глаз. Кулаком. Женщина. Больно.

— За что? — Не понял тот.

Тогда он окончательно понял, что нормальной прекрасной дамы из этой сумасшедшей не получится.

— А позоришь меня пред всем честным народом, вот за что! И поесть не дал нормально! И нефиг к порядочной девушке приставать!

«Брат узнает и до-о-олго смеяться будет», — грустно думал сэр Диерлих, пытаюсь не предполагать, что ждет его дальше, и медленно поднимаясь с колен...

Потом его ждал еще один сюрприз.

Магичка принципиально шла пешком. По весенним дорогам. По лужам и грязи. Шла, похрустывала себе не до конца еще растаявшим льдом, и запачканные чуть ли не по пояс штаны ее как будто и не волновали. На Васкилероха же она обращала еще меньше внимания, чем на лужи.

— Давай ты сядешь на моего коня? — предложил сэр Диерлих. — А потом мы тебе купим... мула какого-нибудь?

— Конь твой под нами двоими провалится. Нафиг мне это надо, коновала искать, позвоночник ему сращивать потом. Мне же и платить придется... Нету у меня таких денег, лошадей держать.

В чем-то она была права.

Сэр Диерлих очень быстро обнаружил, что конь его движется примерно с той же скоростью, что и магичка. Видать, действительно — перегрузил бедолагу, конь-то скаковой,

не боевой. Нормальные люди полный доспех все время не носят, а он, видите ли, покрасоваться перед братом захотел... Мол, я и так проживу, без замка, я не юнец неоперившийся и вовсе не наивный... Не нужна опека, и без тебя могу. Ну и заодно заберу побольше, это называется «предусмотрительность».

— А как тебя зовут? — принял он еще одну попытку сблизиться. Девушка внезапно зарделась как маков цвет, хмуро зыркнула в его сторону и буркнула:

— Прасковья. Прощкой зови.

— Не буду я тебя так звать, — возмутился рыцарь, по молодости своей не понимая, что сейчас нарвется на крупные неприятности, ибо обиженная женщина, недоумевающая как избавиться от неожиданного попутчика — это крайне опасно.

— Это почему же? Благородным наши простецкие имена не по нраву? Аль выговорить трудненько? — ошетинулась магичка.

— Нет. Просто «Прощка» это слишком просто для великой магички, прости уж за невольно вырвавшийся каламбур. Можно звать тебя «Ковь»?

Молчание было ему ответом. Видимо, такого изящного решения проблемы ей еще никто не предлагал. А затем осторожное:

— Ну, зови, коль тебе так неймется. Все равно отвалишь после первого же дракона.

Сэр Диерлих благоразумно решил не говорить, что дал обет оберегать храбрую девушку до конца дней своих. После того как увидел погорельцев. На эмоциях. Уже жалел.

— Не сбегу.

— А я тебя назову... Как твое имя?

— Василерох Диерлих. Можно просто: сэр Диерлих.

— Ваской будешь.

Услышав такую вопиющую глупость... или наглость, а то и то и другое вместе, свежеиспеченный Васка смешался и ничего не ответил. Это с врагами он мог быть суров и беспощаден.

А вот возразить этой нескладной магичке почему-то не смог. Наваливалось косноязычие и, почему-то восхищение. До того он встречал мало дам, способных не только связно разговаривать, но и спорить с прекрасным темнооким рыцарем с растрепанной шевелюрой цвета воронова крыла... Обычно они просто валились к нему в объятия, что уже слегка поднадоело. Если честно, Васка вообще в первый раз видел девушку, которая предпочла флирту кулаки, и это было... интересно.

Сейчас, сидя перед камином в чужом замке перед двумя потенциальными убийцами, Васка невольно задумался, что же он такого сделал, что Ха от него не просто отвернулся, но, наверное, еще и плюнул. Может, убил на войне какого-нибудь полубога? Да нет, никогда Васка не был героем, и полубоги, даже самые захудалые, не про его честь.

Да и если подумать, кем бы он стал, не встретить он Ковь? Очередным наемником, стражником у какого-нибудь захудалого барончика? Может, Ха наоборот, приголубил блудного рыцаря?

Ну нет, это вряд ли. Васке не достанется ни замка, ни земель, его дети не наследуют титул... Ха свидетель, он выполняет задание русалки, которая выглядит, как пятилетняя девочка, и ее десятилетнего брата! Главный свидетель — пятнадцатилетняя девушка, настолько незрелая, что носит слишком короткие платья в знак протеста...

Если это везение, то каково неудачникам?..

— Сэр Диерлих? Сэр Диерлих, вы заснули?

— Простите, чуть не задремал. — Васка встряхнулся, отгоняя лишние мысли. — Хорошее вино... Кстати, о вине. Ваша... дочь, вы же планируете дебют в столице?

— О, нет-нет-нет, — добродушно рассмеялся один из близнецов, которого Васка для удобства решил считать Фахлером, — у нас нет таких денег: она сиротка, которую мы признали из милости.

— Сиротка? Говорят, у сироток часто бывают магические способности. — Васка говорил медленно, четко проговаривая согласные, чтобы удивительную логичность его высказываний можно было потом списать на опьянение. — Не хотите попытаться устроить ее в Школу?

— Школу? — Фахлер задумался. — Не думаю. Насколько я знаю, плата за обучение...

— Оно того стоит. Моя троюродная сестра там училась. Страшна была, как... утопленница. Там все девушки страшенькие, да и мало их, кто родную кровиночку отдаст учиться на магессу? — Васка подмигнул, — А вот парни как на подбор — богатенькие, знатные, и выбирать-то им и не из кого... Еще и вошло в моду бедненьких брать, чтобы жена была благодарна — вы же понимаете... Мила окупится. Сестрица-то очень неплохо устроилась, у нее три особняка в столице, собственный выезд...

Он похабно улыбнулся.

Фахлер почесал бороду, задумался. Дальше разговор вел Тахлер и они с Ваской долго дискутировали о лошадях. Фахлер не вставил ни слова.

Клюнул.

Черты Гарпии были искажены гневом, и это делало ее обычно неестественно-правильное лицо почти красивым.

— Кто вы такхи-и-ие?!

Она отволокла Ковь в собственные покои как какую-то сопливую девчонку, больно, наверняка синяки будут, вцепившись длинными пальцами в плечо, и теперь не говорила, а шипела — и четыре длинные косы, в которые были уложены ее черные, без единой седой пряди, волосы, казались змеями, лениво лежащими на простом домашнем платье.

Казалось, рассердись она еще больше, одна из змей поднимет головку, раскроет, красуясь, пасть... Кови рассказывали, что из-за особого строения челюстей змеи могут раскрывать пасть очень, очень широко, оттого маленький василиск так легко может откусить человеку голову...

И вонзят зубы Кови в плечо, прямо туда, где синяки. Конечно, Ковь не сдастся без боя и сожжет этот поганый замок, но...

Пока нельзя. Надо как-то успокоить Гарпию, успокоиться самой, а то когда Ковь пугалась, она совершенно переставала себя контролировать. Привет из сопливого детства: нельзя показывать врагу, что ты слабее, или что ты не знаешь, что делать, а то точно съест. Змеи, кажется, для этого и поднимают головы, желают казаться как можно выше, раздувают капюшоны, громко шипят...

А она сейчас не змея и не магичка, она — фифа. Фифы не только не раздувают капюшонов, но и не ругаются последними словами, не хамят, лишь тонко иронизируют, и, Васка, помнится, подчеркивал это особенно, не общаются с прислугой и не общаются как прислуга. Не ругаются. Не хамят. Не ру...

— То, что вы — самозванцы, я поняла сразу. — Почти спокойно сказала Гарпия, и если бы Ковь не видела, как искривились ее тонкие губы, она бы, может, и приняла это

спокойствие за чистую монету.

— Мой спутник — Васкилерох Диерлих. Сэр Васкилерох Диерлих.

— А может, сразу его Высочество? — Взвилась Гарпия. — Ты хоть знаешь, девка, что бывает за присвоение титула?

Не ругаться. Не хамить. Тонко иронизировать. Тоньше. Тоньше...

— Понятия не имею. — Пожала плечами Ковь. — Я ничего не присваивала. Я — прекрасная дама сэра Васкилероха Диерлиха. А вы... Вы ведете себя неподобающе.

Будь здесь Васка, она обязательно спросила бы, тонко получилось или не очень. Судя по тому, как побледнела (хотя куда уж больше) Гарпия — получилось слишком.

— Что тебе было нужно от моей падчерицы?

— Мне? — Захлопала глазками Ковь, совсем как давеча за ужином, отчаянно соображая, сколько Гарпия могла услышать, — Ничего. Но я могла ей кое-что предложить. Возможно, мой лексикон несколько вас смутил, я понимаю, простите, — Ковь сделала бы реверанс, если бы можно было сделать реверанс в штанах и не показаться полной дурой, — Но я... брожу по ночам, и... Короче, у вашей доче... падчерицы... Хотя вам, наверное, это будет неинтересно. У вас, несомненно, есть для нее жених на примете?

— Это не твое дело. Что не так с моей падчерицей?

— А что случилось с ее матерью? Кем вообще была ее мать?

— Что ты себе позволяешь?

— А с тобой-то что не так? — Ковь поймала себя на том, что перешла на «ты», что Васка категорически запрещал делать, но ее уже несло, — У тебя девка крышей едет прямо под носом! Но ты дальше носа не видишь, ну ничего, еще отведаешь яду в супе — и сама будешь виновата! Ты — и дура, которая придумала себе жажду мести. Что случилось с ее матерью?

— Кто ты такая?

— Так мы далеко не уедем. — Ковь сжала кулаки. — Нам нужен Васка... лерох, да. Сэр. У него получится объяснить лучше.

Гарпия вдруг перестала кривить губы, растянула их в подобии улыбки. Присела на низкий диванчик, похлопала рукой по подушкам рядом.

— Так мы не договоримся, ты права, девочка. Присаживайся, попробуем начать сначала — знакомство у нас не задалось, верно?

Ковь отступила на пару шагов. Очень уж неожиданной была перемена в поведении Гарпии: еще несколько секунд назад она выглядела так, будто готова ее растерзать, а сейчас разве что булочек и варенья не предлагает.

Выглядит, как ловушка. Вот сядет Ковь и как напорется совершенно случайно печенью да на шило, так и погибнет в цвете лет из-за своей наивности и веры в лучшее в людях.

Она отступила еще немного, ощутила спиной холодные камни стены и встала так, чтобы в любой момент можно было сорваться с места и убежать.

Она бы не убежала ни за что на свете, даже если бы Гарпия вдруг оказалась могучей темной ведьмой, но лишать себя возможности глупо, даже если никогда ей не воспользуешься.

Именно поэтому она ответила на это предложение как могла вежливо:

— Ковь. Меня зовут Ковь. Я магичка.

Сказала — и только потом поняла, что. Для нее это признание было такой же неожиданностью, как и для Гарпии. Просто... вырвалось.

— Магесса? — Переспросила та.

Запираться толку не было. Сказала «а», говори и «б»... Васка голову открутит... или, хуже, ничего не скажет, так, вздохнет разочарованно, подумает, мол, так и знал, нельзя на Прошку положиться... и будет прав. Был прав: не получилось из нее благородной дамы. Лучше бы немой прикинулась или блаженненькой, таким все прощается.

— Нет. К сожалению — нет. Но я действительно прекрасная дама сэра Васкилероха Диерлиха, и... он действительно сэр. Мы проезжали мимо по делам и решили заглянуть к вам — просто отдохнуть. Гостиницы — это так утомительно. — Ковь картинно закрыла глаза.

— Допустим, я вам поверю, — царственно кивнула Гарпия. — Но что за договор вы заключили с моей падчерицей?

Ковь не очень умела врать. Она неплохо притворялась, лукавила, импровизации ей давались хорошо, ее ложь было сложно распознать, но она никогда не умела предугадывать последствий своей лжи. И она отлично знала об этой своей слабости.

Но сейчас она легко могла предугадать последствия правды — а потому ответила на совсем другой вопрос, заданный раньше.

— Ваша падчерица обладает сильными магическими способностями, госпожа Ганталена. Вот поэтому я и заговорила с ней. Думаю, ее стоит отправить на обучение. Ее мать обладала такими способностями? Возможно, ее отец — маг воды, но по каким-то своим соображениям этого не афиширует?

Деланая улыбочка Гарпии очень быстро увяла.

— Ее мать была служанкой. Ее отец не имеет ровным счетом никаких магических способностей. Она не может...

— Поймите. — Перебила Ковь. — Я заговорила об этом лишь потому, что я знаю: вы любите падчерицу. Но кто-то же подкинул шарфик в покои моего жениха? Вы понимаете, о чем я?

— Я не понимаю.

— А я не могу! — Рывкнула Ковь и тут же осеклась. — Простите, я правда знать не знаю, как вам объяснить...

— Мне кажется, мы перешли на «ты»? — Ласково сказала Ганталена, да только глаза у нее оставались холодными, злыми, — Откуда у нее магические способности?

— Что случилось с ее матерью?

Некоторое время обе молчали, заговорить — значило проиграть, сдаться. Никто сдаваться не хотел.

— Уже поздно. — Наконец сказала Ковь. — Я пойду к себе, а завтра мы с сэром Васкилерохом откланяемся.

Она уже взялась за ручку двери, когда за спиной раздался голос:

— Она утонула. К немалому моему сожалению. Но ты же и так об этом знаешь?

— Спасибо. — Кивнула Ковь, не оборачиваясь. — Только она?

— У нее была сестра. Очень... милая, подвижная девочка. — Показалось, или голос Гарпии слегка дрогнул? — Она... упала в реку. Такая трагедия! И мать бросилась ее вытаскивать. Течение быстрое, она была беременная... девочку так и не нашли, а мать вынесло на берег дней через пять... слишком поздно и уже без ребенка. Я нашла труп. Я настояла на похоронах. Знаешь, сложно купить правильный участок для утопленницы, никто почему-то не понимает, суеверия благородной даме не к лицу... Фахлер не хотел понимать.

Я не знаю, что вам рассказала Мила, но я была дружна с Велой. Я настояла на том, чтобы Фахлер признал девочку. И если ты говоришь, что у нее есть магия...

— У нее есть магия. — Ковь наконец обернулась. — Она сильнее меня, хотя вряд ли вам это что-нибудь скажет. Ее сестра, брат и мать погибли в воде: все правильно.

Гарпия резко встала, приблизилась к Кови: она была ниже, хрупче, тоньше в кости, но Ковь все равно невольно отпрянула, наткнувшись спиной на дверь.

— Брат?!

Ошибка. Еще одна непростительная ошибка. Откуда ей знать пол ребенка? Откуда, если уж на то пошло, знать его Миле?

— Что тебе известно? — Прошипела Гарпия, — Мой мальчик — он спас-с-ся?

— Ваш?

— Он стал бы моим! — Гарпия сникла, спрятала лицо в ладонях. — Вела была здоровой... и сильной, очень сильной, от нее так и веяло жизненной силой. Она ходила к гадалке и узнала: будет мальчик. Здоровый, сильный мальчик, как она... Мы дружили... Мы договорились... Она хотела ему лучшей доли, а я бы позволила с ним видиться... Нам нечего было делить, я никогда не любила мужа... Мы дружили! Ты кто такая? Откуда ты столько знаешь?

— Кира сказала. — Ляпнула Ковь.

Ей было страшно. Сегодня что, день откровений? Сначала русалка плачется, теперь эта вот... Неужели Ковь так ее испугала? Да нет, ерунда, быть не может... Точно! Она могла слышать имя Киры еще тогда, в коридоре, и тогда понятно, почему она так легко повелась на ее блеф. Надеялась, что мальчик жив... Фартовый парень.

Кто же мог подумать, что злая мачеха обернется страдающей матерью? Скажешь кому — не поверят...

— Кто?

— Я — магичка. — Напомнила Ковь. — Вам тогда не послышалась: я взаправду общалась с русалкой. Вы знаете — у магичек есть право представлять нечисть. Кира — милая девочка. Хорошая девочка. Мертвая. Но она знает, что никто не виновен и просит вашей помощи. Убедите Милу. Расскажите ей свою запутанную историю, как вы скорешились с Велой, давайте. Молчать, боясь травмировать ее — не лучший выход. А лучше — заберите из реки своего мальчика, а то он окончательно спятил: решил, что уже мертв, что ему можно все — и присвоил себе рыцарское звание и фамилию знатного рода, а вы знаете, что за это бывает. Докажите делом, что вы ни в чем не виноваты, что вы любите, давайте! И даже Миле придется поверить...

И Ковь расхохоталась — как все оказалось просто! Какая же она везучая!

Какая странная получилась история — будет, чем Васку подкалывать, когда он в который раз заведет свою шарманку.

А сейчас все решится просто: Гарпия получит мальчика, мальчик получит имя, девочка получит образование, а русалку оставят в покое.

Главное, что Ковь, наконец, свалит из этого дурацкого замка, да и Васку можно будет переправлять через реки безбоязненно.

Однако нельзя так надеяться на везение. Больше Ковь ни за что не свяжется ни с нечистью, ни с замками: лучше устроится в каком-нибудь уютненьком и богатом селе и будет от него волков отгонять холодными зимами...

И Ковь добавила:

— Короче, идите-ка вы на речку. А я — спать, страсть как надоело мне это ваше кубло змеиное, видеть не хочу.

Развернулась и ушла, красиво так, гордо, разве что дверью перед носом у Гарпии не хлопнула — это было бы слишком мелко.

Милу отправляли в Школу. Васка был удивлен даже не тому факту, что Фахлер с ним согласился, нет! Скорее тому, что это была не только его заслуга, он как-то и не ожидал — это Ковь смогла убедить Гарпию, а та уже дожала мужа. Может же, когда хочет...

Правда, когда он догадался поинтересоваться, как именно она Гарпию убедила, ему захотелось побиться головой об стену, или настучать по голове Кови — наверняка звук получился бы гулкий, хороший, солидный такой звук.

Сначала эта... женщина многих выдающихся достоинств ночью, одна, не предупредив никого, без парика, в штанах, полностью наплевав на конспирацию, пошла на речку. Общаться. С нечистью. Гипотезу подтверждать. Даже выяснила что да как, дуракам везет.

Потом, как ни странно, вернулась — живая, здоровая, и очень голосистая. Насчет ее голосистости Васка никогда не сомневался, но тут она превзошла сама себя. Вступила в пререкания о пользе образования с Милой чуть ли не на пороге комнаты Гарпии. Ладно, Ковь понятия не имела, где что в замке находится, но Мила могла бы и додуматься...

Кстати, идея про образование, оказывается, пришла обоим в головы почти одновременно. Так что за свою деятельность Васка даже получил поощрительное: «ну, молодец, че, догадался». Снисходительным тоном.

Захотелось ее удавить.

— Ну что-о-о ты на меня так смотришь? — Помнится, ныла Ковь исключительно чтобы его позлить, зная, как он ненавидит подобные, чисто женские, интонации, это деланное изображение попранной невинности и безвинной обиды, — Я старала-а-ась, без меня бы ничего не получи-и-илось. Ну и, для справки, мне плевать, че ты там себе думаешь.

Когда-то он клялся соблюдать рыцарский кодекс, в том числе и не поднимать руки на женщин (кроме случаев, прописанных отдельно: самозащита, защита государственных интересов и так далее, около пятнадцати пунктов), и в тот момент очень в этом раскаивался. Хотелось позволить себе хотя бы легкий подзатыльник, а то сколько можно трепать ему нервы? Знала же, знала, как он относится к подобным ночным походам, потому и пошла тайно, пока он пил... Он хорошо помнит, как стоял, дурак-дураком, над куклой из простыней и думал: бежать, искать ее хладное тело или, если не повезет, чей-то чужой обгорелый труп, или паниковать рано и нужно лишь подождать еще немного.

Васка мог бы ей тогда сказать, что ее везение — не вечно, и это было бы гораздо больнее подзатыльника. Сказать, что если бы Гарпия после душевного разговора с Ковью молчать бы не захотела, не было бы больше никакого смысла в Кирочкином жемчуге. Он бы весь ушел на то, чтобы доказать сыскарям — да, Диерлих. Да, невеста.

Сыскари давно разочаровались в этом мире, особенно те, что работают в таком захолустье. Единственное, чему они еще не разучились верить — деньги. Конечно, могло повезти: попался бы человек небезразличный, захотел бы разобраться... но в это уже не верил сам Васка.

Еще можно было бы отправить письмо брату и тем самым освободить себя от трат, но письмо может потеряться, ответ — не прийти... В лучшем случае пришлось бы торчать тут месяца два, и жемчуг они бы просто проели.

Но Ковь сияла. Просто сияла.

И у Васки язык не повернулся это сияние погасить.

И Ковь сияла себе дальше.

Сияла, когда Ганталена попросила их остаться в замке еще на неделю, как личных гостей, хотя замок Ковь ненавидела всеми фибрами своей огненной души, к обеду ни разу не спускалась, чтобы не пришлось надевать платья, и все время ныла, как ей надоело в нем торчать.

Сияла, когда Ганталена привела Етеля в замок, заперлась с Молью в библиотеке и очень долго ей что-то выговаривала. В результате переговоров старшей сестры с младшей Мила получила извинения: оказывается, романтично (если верить ее словам) настроенная Моль так оригинально попыталась устроить девушке личную жизнь. В какой-то легенде вычитала про подвязку, но подвязок Мила по молодости не носила, пришлось подбрасывать шарфик. Васка, помнится, не удержался и вслух удивился: мол, не слишком ли фривольная получается легенда? Моль и глазом не моргнула, врила себе дальше.

Етелю тоже повезло — его записали в наследники первой очереди, и если Ха ему улыбнется еще раз, и Моль родит девочку, то ему даже не придется ни с кем делиться...

Как у Ганталены это получилось проверить, Васка понятия не имел. Етель выглядел для неискушенного взгляда как самое настоящее страховидло (как метко выразилась Ковь), со всей своей чешуей, искалеченной спиной, перепонками между пальцев ног и безжизненными белесыми глазами. Возможно, Фахлер просто сдался под его пронизывающим, серьезным, нечеловеческим взглядом, или Ганталена удачно нажала на чувство вины перед мертвой любовницей... Могла и приврать, что мальчик все равно долго не проживет — в этом случае Фахлера ждало огромное разочарование. Васке такие детали интересны не были, вот он и не узнавал.

Как бы то ни было, все устроилось наилучшим образом. А сегодня был тот самый день, когда Милу (растрепанную, не выспавшуюся и не слишком-то довольную) отправляли в Школу. Ганталена уже села в карету, она оказалась единственной родственницей женского пола, которая могла бы сопровождать девушку в этом долгом и трудном пути. И была счастлива ее сопровождать: не только Кови опостылел замок.

Да и было о чем падчерице с мачехой поболтать, было.

Ковь уже привычно сияла.

У Васки же билось в голове две мысли: «ну наконец-то» и «да когда же уже наконец тронемся».

В карету были погружены их с Ковью вещи: три платья (два подарила со своего плеча Ганталена — никто и не заметил), разобранные на устрашающего вида запчасти, Васкин скромный узелок... Планировалось, что они сопровождают Милу до своей гостиницы, а дальше пути их навсегда разойдутся.

Ковь села в карету — надо же, Васка думал, она как обычно, пешком пойдет.

Прицокнул кучер, карета тронулась, Васка пришпорил коня, которого ему одолжили радушные хозяева — его собственный стоял в деннике гостиницы, и Васке не терпелось его увидеть, проверить, все ли в порядке, а то знал он ушлых хозяев и ленивых мальчишек-конюхов...

За этими мыслями он и не заметил, как они доехали до моста через реку. Не заметил бы и как проехали, если все кони в какой-то момент не встали, как вкопанные, посреди моста.

На перилах сидела девочка: черные траурные ленты в русых косичках, простой

сарафанчик из небеленого полотна, крупные зеленые бусы обмотаны вокруг тонкой шейки в несколько рядов, почти скрывая узкие щелочки жабр. Взгляд зеленых глаз слишком цепкий, слишком серьезный для такой маленькой девочки.

Она кивнула Васке, прыгнула на камни моста и пошла к карете, оставляя за собой мокрые отпечатки босых ног.

Из кареты вышли Ковь и Мила. С Милой Кирочка попрощалась вчера, но они все равно обнялись еще раз и стояли так долго, минут пять, как будто говорили о чем-то без слов. Потом Мила отстранилась, и опрометью бросилась в карету, захлопнув дверцу.

Кирочка улыбнулась.

Сняла с шеи бусы.

— Знаешь, зачем твой рыцарь пришел тогда на рынок? — Спросила она, подмигнув Кови.

Та пожала плечами.

— Знать не знаю и... плевать, если честно.

— Что же, тогда с подарком он просчитался, да? — Улыбнулась Кирочка ехидно, обошла Ковь по широкому кругу и протянула бусы спешившемуся Васке.

— Нашел подходящие?

— Нашел. — Васка улыбнулся ей в ответ, перебирая прозрачные зеленые бусины, одну за одной, как четки.

Пожалуй, по Кирочке он будет скучать. Золотая девочка, умная девочка, милая девочка... мертвая девочка. Обидно.

— Всегда обидно, — снова пожала плечами Кирочка. — но случается. Договор исполнен, амулет я передала, жемчуг у вас...

Она достала из-за пазухи пергамент и повернулась к Кови.

— Будешь другом, сожжешь?

— А и буду. — Хмыкнула та.

Пергамент сгорел быстро и бездымно.

Кирочка, стряхнув с рук пепел, поклонилась в пояс, отступила и опрометью бросилась в реку, всплеск — и тишина.

Была русалочка — и нет.

История вторая. Дитя Леса

— Слушай, нас кто-то проклял. Скажи — нас же точно кто-то проклял, так? — Спросил Васка в отчаянии. — Ну не может же так быть, чтобы...

— Нам просто везет. — Хмуро ответила Ковь. — Твой бог, кажись, отвечал за везение? Ты молился на ночь? А утром?

— Ну-ну, — Отмахнулся Васка, — то было давно, а теперь за везение отвечает его нерожденный сын, которого зо...

— Да плевать мне, как его зовут. Я еще во всех этих ваших религиозных заморочках не разбиралась: Ха был богом удачи, еще когда моя прабабка не родилась, им и останется! Вообще, чего сразу проклял-то? У нас есть деньги, жемчуг от русалок до сих пор не вышел...

Васка досадливо поморщился.

Жемчуг остался потому, что Васка отказывался его тратить.

Это было гонораром за их второе задание. Нанимательница оказалась русалкой, но Кирочке до нее было еще расти и расти. В самом соку девица утопилась, красавица была — кто же ее такую бросил? Сильная... Ковь, испугавшись ее внезапного появления, кинула огнешар (а у Кови отлично получались огнешары, тот так вообще был с бычьей головой размером), так он погас, не долетев.

Русалка обижаться не стала. Подошла к костру, села на колени, склонив голову и перекинув на грудь длинную золотистую косу, будто специально выставляя напоказ незащищенную тонкую шею... Руби, рыцарь!

Конечно, он не тронул. Да и Ковь второй огнешар формировать не спешила. Выслушали сначала. Хотя, не случись в его жизни Кирочки, может, Васка и рубанул бы с перепугу.

Рассказала, что какой-то маньяк убивает русалок. Совсем. Окончательно. И ладно бы только убивает!

Вода ему вреда не причиняла, принимала как родного, так что даже река не мешала ему выманивать жертв... они ведь, как потом оказалось, сами выходили. Дурочки, ничему их смерть не научила! Маньяк являлся на бережок с флейтой и наигрывал «Алаану» — песню про несчастного юношу, которого бросила возлюбленная. Красивый был, гад (маньяк, конечно, герой песни как раз был редкостным уродом, за что и поплатился): голубые глаза, волосы на солнце золотом... много ли недолюбленной девке надо? Улыбался ласково... Места выбирал все малонаселенные, где течение сильное было, как знал, где речных жителей и не бывает толком, так, проплывают мимо иногда. Так что местный водяной так и не смог ничего выяснить... Всех свидетелей было — рыбы да лягушки. Лягушки видят плохо, рыбы и того хуже, так себе свидетели. Что им парень с дудкой?

А вот русалки — те любят музыку. Обязательно какая-нибудь подплывала на песню. Что он потом говорил, как говорил...

Позже, уже сдав маньяка в руки водяного, Ковь предположила, что у него в сродственниках была мавка. К сожалению, у тех ошметков, в которые его превратила лобаста, было уже не спросить. Да и... Васка в этом сомневался: нельзя же всю людскую погань валить на неподходящую магию.

А как ловили... Да опять повезло. От них требовалось только поймать, кого указали.

Оставлял он тела в одном и том же месте. Речные создания ворожили-ворожили, но места определить не смогли, и неудивительно: он был углежогом, вот в трубу он их и кидал.

Если кто-то и выживал после всех тех ран, что он наносил в порыве ярости, то все равно погибали в огне, высыхая, сгорая. Так бы и не нашли, если бы не братишка одной из русалок, который по малолетству все к реке бегал, сестричку навещал, чуть ли не всех речных жителей знал в лица и морды.

Мать послала его купить угля короб — рано еще было, первый месяц осени, но она слышала, что углежоги в этом году начали раньше, и надеялась, что все равно выйдет дешевле, чем на рынках прошлогодний брат. Мальчишка хотел еще порыбачить успеть с пацанами, так что прибежал к углежогам до рассвета, и увидел, как один из углежогов сбрасывает тело... Как он узнал подружку сестры — то отдельный вопрос и большое везение. Маньяка вот запомнил плохо: фигуру да цвет волос в отблесках костра разглядел, и то чудо.

Парнишка — дай боги каждому такую выдержку в неполные семь лет — уголь купил, короб матери отнес и только после этого сбежал на речку, где все сестре и выложил...

Ковь потом мальчишке строго-настрого наказала, как бы мать не сопротивлялась, как восемь исполнится, идти напрямиком в местную Академию.

А Васку с Ковью о помощи попросили, потому что Кирочка, добрая душа, чтоб ее приподняло да хлопнуло, прославила их на ежегодном сплаве водяных, и водяной местный, прослышав про рыжего рыцаря и громогласную его спутницу, сразу понял, о ком речь...

— Да, Кирочка нас прославила — не дай Боги. — Вздохнул Васка, определив наконец виновницу всех своих бед. — Это все из-за нее. Сначала — русалки...

...из-за которых Васке несколько дней пришлось работать углежогом. Едкий дым, копоть — он до сих пор иногда кашляет... Ковь называла неженкой — из-за этого, и из-за того, как он с ее царапиной носился. Нож мог быть смазан ядом, почему она вечно отказывается понимать такие вещи?

— из-за нее у нас есть деньги? — Подняла остатки бровей Ковь. — Вот спасибо.

— Нам пришлось...

— Эта мразь заслужила, нет? — Перебила Ковь. — Ты ж в наемники хотел: думал, ручки так чистенькими и будут? Ну нет, возвращайся тогда к сиятельному братику, если тебя печалит, что ты ту тварь лобасте сдал.

— Не в этом дело! — Возразил Васка. — Я бы сдал его еще пару раз, правда. Но он тебя ранил...

— Поцарапал.

— Все равно. Царапины бывают крайне опасны. Куда делась твоя старая кожаная куртка? В отличие от этого тряпичного недоразумения она хотя бы могла...

— Я отдала ее нашей благодетельнице. — Буркнула Ковь. — Еще вопросы?

Она прищорила мула: на горизонте уже было видно городские стены. Васка без труда ее нагнал.

— Ладно, русалки. Но потом была заброшенная баня...

— А я говорила, нечего на остатках хутора рассиживаться! Раз забросили, то не просто ж так! — Фыркнула Ковь. — Ничего, не переломился, починил. Крышу подлатал. В баньке, опять же, попарился. Что тебе, дедушку не жалко?

Васка, который успел поработать не только углежогом, но и плотником, и даже выкапывателем колодцев, только не честным наемником, смолчать не смог.

— Да тебе, я вижу, всех жалко: девочек-русалочек, дедушек-банников, даже бабушек-оборотниц — только вот меня совсем не жалко.

— Слушай. — Ковь глубоко вздохнула, она в последнее время всегда так делала перед тем, как начать ругаться, — Во-первых, оборотница нам нехило так денег отсыпала. Во-вторых, даже не будь она оборотницей, я бы все равно ее без колодца не оставила. И это я, а не ты, истратила на ее колодец магический гребень, который дали нам те русалки в благодарность...

— ...и внук у нее ничего...

— Ничего. — Согласилась Ковь, мечтательно уставившись вдаль, — Очень ничего. Эй, ты!

Васка рассмеялся — подловил таки! Сложно было не заметить, какие взгляды эти двое друг на друга кидали: Васка все думал, кто кого сожрет. Но ничего, внук их задержал на пару дней, а потом ему было пора возвращаться в стаю, и они с Ковью устроили целое представление на прощание. Смешно было наблюдать, как они пытаются попрощаться навсегда — и при этом изо всех сил сделать вид, что ничего не было, перед бабушкой и Ваской. Может, конечно, и не было, Васка свечку не держал, да и прощались они как-то слишком трогательно, обычно Ковь как-то проще со своими увлечениями расставалась...

Было или нет, но Ковь неизменно велась на его подколки уже неделю, пару раз дулась, чуть не спалила Васке штаны... Но оно того стоило, Ха свидетель!

— Ладно, мы все равно в плюсе. — Посерьезнев, сказал он, — В реке мы вряд ли утонем, в лесу мы знаем, какое имя выкрикнуть, если нас вдруг начнут жевать. А то, что у нас не было ни одного клиента-человека... С кем не бывает? Хотя... — Васка вдруг понял, что имени внука совсем не помнит, — Ох, а как этого х... хвостатого звали-то?

— Да пошел ты! — Буркнула Ковь. — Рык у него кличка. Он альфа, между прочим, а чего добился ты? Таскаешься по дорогам с полужнакомой бабой?

— С другом, Ковьюшка, другом. — Ухмыльнулся Васка, — Но да, от сомнительного удовольствия бегать, задрав хвост, по лесам избавлен.

— Закрыли тему. — Отрезала Ковь. — Закрыли, понял?! Будем надеяться, в Гиллекене нам повезет. Тут большой храм Отца-Солнце, так что нечисти в городе, считай, и нету. Если мы и здесь не найдем человека-нанимателя, то это не иначе как твой Ха над нами подшутить решил.

— Он и твой...

— Молись, Васка! Молись тщательнее! — Рывкнула Ковь, — или заткнись совсем.

Кажется, он перестарался. Хотя чего она так бесится? Неделя же прошла, обычно она забывает своего очередного кавалера уже на следующий день. Крепко ее этот Рык цепанул, это Васка не уследил...

В голову полезли гадкие мысли. Однажды он останется на дорогах один, совсем один. То, что он перед этим отгуляет на богатой деревенской свадьбе, радует несильно. Они не могут путешествовать вечно: это жизнь, а не книжка про подвиги, давно пошедшая на растопку костра. В книжках не ноют старые раны, кинжалы травят почему-то только ядами, от которых у героя обязательно есть противоядие, девы прекрасны и любвеобильны, готовы ждать вечно где-то там, за спиной, а злодеи... Они злые. Страшные. Никогда не бывают правы. И даже если герой настолько туп, что, заметив у нового знакомого хвост, клычищи в палец толщиной и подозрительно красные глаза, предлагает ему рассольчик на опохмел — злодей никогда этой тупостью не пользуется, а прет себе голым чешуйчатым животом на меч... Васка даже немного сочувствовал героям: двуручник, полный доспех, держащий арбалетную стрелу чуть ли не в упор, всякие памятные бирюльки от оставленных за спиной

безутешных дев и, наверное, целый мешок различных противоядий, и все это приходится таскать с собой и на себе. Хотя, конечно, коням героев он сочувствовал куда как больше.

Пожалуй, теперь-то он готов был согласиться с Ковью — и правда, муть в таких книжках пишут. Сказочную. Только не вслух, а то совсем нос задерет, а ей вредно, она как загордится, так перестает замечать границы: небо-то, оно бездонное и бесконечное. А на бrenную землю она и не смотрит, пока не запнется, хорошенько башкой не приложится и мозги на место не встанут.

А ведь запнется однажды фатально — не для нее, для Васки фатально. Как бы Ковь не была не похожа на обычных девушек — что деревенских, что аристократок с городских балов, однажды, после очередной встряски, она устанет: осядет, заведет дом, семью и прялку...

Очнулся он от своих невеселых размышлений, когда стражник у ворот вместо того, чтобы просить пошину, шарахнулся от него и залез безил, как перед герцогом инкогнито, а Ковь, заметив это, привстала на стремянах и больно ущипнула его за руку.

— Сделай ши попроче!

— Да, конечно. — Рассеянно сказал Васка, швырнув в стражника серебряной монеткой и передав Кови кошелек, — позаботься о гостинице, я до коженных мастерских прогуляюсь.

— Зачем?

— Так тебе же куртка нужна.

— Зачем ты в него серебром кинул, долбодятел?

— Это какая-то лесная нечисть?

— Это пустоголовый чурбан, который транжирит деньги! Мы не герцога, серебрушку пошину платить там, где проезд — двадцать медяшек за всадника!

— Ковьюшка, не ори так, у меня уже уши болят. — Поморщился Васка. — Задачу поняла? Нам нужен постоянный двор из тех, что попрличней. Надоели эти клоповники, до бесов надоели, хочу хорошую постель и еду, от которой не захочется блевать. Деньги у нас есть, ты только не волнуйся.

— Что-о-о?!

— Ну мало ли, вдруг тебе вредно волноваться? — Ехидно спросил Васка, пришпорил коня и поспешил скрыться в толпе.

Очень уж хорошо Ковь огнешары кидала. Бывало, и с бычьей голову.

И чего он так взбеленился? Не мог за курткой позже съездить, после того, как с хозяином постоянного двора договорится? Ковь никогда этого не умела. Если не ссорилась в хозяевами вдрызг, так все равно получалось не очень. Вот не разбиралась она в постоянных дворах, то есть разбиралась, но совсем не так, как Васка. Она смотрела на стряпню и на постели, но для нее плохая конюшня ничем не отличалась от хорошей, а Васка дворы только по ним и различал.

Хотя в этот раз он вроде говорил именно про стряпню и постели?

Киданул ее в незнакомом городе, гад. Он-то ее в любой момент найдет этой своей поисковой молитвой, а она... Не колдовать же при всем честном народе в храмовом городе Гиллекене?

Ковь заозиралась: она была на площади перед городскими воротами, и тут должны были быть разводящие.

Гиллекен был одним из городов Священной Змеи, в нем был самый крупный храм Отца-Солнца, если, конечно, не считать столичного. Храм строили сорок лет, и со всех концов страны на стройку стекались искуснейшие мастеровые, талантливейшие художники, резчики, стеклодувы... Улицы вокруг Храма считались великолепным образчиком архитектуры позапрошлого века.

Дорога Священной Змеи, что пронизывала Гелликен с юга на север, разделяя на почти равные две части, использовалась не только путешественниками и паломниками, но и многими купцами, была удобна и безопасна.

Так что в Гиллекене (что значило «отражающий солнце» на языке жрецов) всегда была уйма проезжего люда. У южных ворот и северных вечно были огромные очереди желающих попасть в город, и Васка не зря предложил ехать через северо-восточные, про которые мало кто знал.

Если есть, кого разводить по гостиницам, то всегда найдется и кому разводить. Гильдия разводящих была в каждом мало-мальски пригодном для путешественников городе, так что в Гелликене ее просто не могло не быть.

Ковь наконец нашла знак гильдии: стилизованное изображение быка на вертеле. Спешилась, подошла к тому разводящему, что был ближе: высокому, крепко сбитому мужику лет сорока. Маленькие бегающие глазки чуть навывкате, пухлые губы, густящая борода, одежонка обтрепанная, латаная-перелатанная — все это доверия не вызывало, но какая разница?

Грабил бы, носил бы одежонку побогаче и стоял бы у южных ворот, где поток людей побольше. Разве уважающий себя городской грабитель будет выглядеть как оборванец? Он же не разбойник какой...

Ковь достала медную монетку.

— Мне и моему спутнику нужен постоянный двор. В пределах серебрушки в неделю.

— А где спутник? — Разводящий вытянул шею и заглянул Кови за плечо, как будто ожидал кого-то там рассмотреть.

— Пошел дела улаживать. — Сказала Ковь, в последний момент сдержав рвущееся «не твое дело», — Торговые.

К счастью, расспрашивать дальше разводящий не стал. Для себя к счастью, а вот Ковь почувствовала разочарование. Она бы с радостью ответила со всем пылом. После теплого расставания с Ваской ей очень хотелось чего-нибудь этакого... и бабах побольше.

— Кенсвен. — Представился разводящий, — Серебрушку на двоих? Что же, есть на примете одно хорошее, тихое местечко, кормят там вкусно, ручаюсь, да и храмовники в там нечасто бывают, вам, госпожа магичка, будет кстати.

— А что, лютуют? — Обеспокоенно спросила Ковь, — Указ же...

— Открыто-то нет, но вы в храмовом городе, на Дороге Священной Змеи. — Развел руками Кенсвен. — Сами понимаете...

Ковь кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, спасибо. Было бы неплохо, если там и впрямь так хорошо. И... это... у спутника — призовой скакун, если конюшни плохи, он мне голову отвертит, а потом и за вами придет...

— Все по высшему разряду будет, за голову можете не беспокоиться, — неожиданно добродушно разулыбался Кенсвен.

Не соврал, хоть за неделю за две комнаты и вправду пришлось выложить ровно серебрушку, что было досадно, Ковь рассчитывала, что получится уложиться в меньшую сумму. Зато конюшня, вроде, была ничего, комнаты приличные, чистенькие, кровать не разваливалась, клопов не было, и кормили очень вкусно, Кенсвен знал, за что ручаться.

Счастливые морды чужих лошадей даже примирили ее с кислой мордой хозяйки. Та приняла деньги так, как будто те сейчас вывернутся из ее пальцев и сожрут ее душу: чуть ли не в платочек руку обернула.

Что же, ей с хозяйкой чаев не пить. Может, и поссориться с ней удастся, все развлечение. Не зря, ох, не зря она заплатила Кенсвену пять медяшек чаевых сверху.

Вообще-то за его услуги она могла и не платить, разводящих прикармливают хозяева, но так хоть какая-то есть гарантия, что высказанные пожелания учтут. Да и, несмотря на внешность, мужик оказался мировой. Сказал, если вдруг что не так, обращаться по такому-то адресу, и бумажку черкнул.

Помог обустроиться, занес вещи и распрощался.

Правда, ненадолго: когда Ковь после ужина спустилась поблагодарить повариху, она встретила его на кухне.

— Здравствуйте, госпожа магичка! Что, кушанья не понравились?

Ковь перевела взгляд с Кенсвена на зардевшуюся повариху. Некстати вспомнился Васка с его дурацкими шуточками. Запоздало поняла, на что он намекал. И дался ему этот Рык!

Вот уж кому нельзя было волноваться, так это поварихе: судя по животу, девятый месяц как нельзя. А она работает. Да и старовата она, чтобы рожать: на первый взгляд лет на пять постарше... мужа? Вот сейчас Ковь и проверит, мужа ли.

— Нет, что вы. Зашла поблагодарить за ужин. Очень вкусно: мы с другом по дорогам уже долго бродим, но такой стряпни не пробовали. — искренне улыбнулась она. — и вам спасибо, и правда — чудесное место.

— Что же вы хозяйку не благодарите? — Пискнула повариха.

— Так не она ж готовила! А что, помешала? — Ковь подмигнула поварихе, и та несмело улыбнулась в ответ.

— Нет-нет, этот обалдуй, мой муженек, уже уходит. Только...

— Мне хозяйка сразу не понравилась. — Правильно поняла намек Ковь, — Кухня ваша, а от пары горстей крупы никто еще не обеднел. А она на всех так косится? Как кобыла на змеюку, право слово.

— Высокородных любит. — Охотно отозвалась повариха. — Тех, кто попроще — не очень, но терпят, если платят в срок. Магиков выносит еще... А вот магичек... Штаны! — Передразнила она, — Непотребство! Муж у нее поумнее, так что лучше просто пореже с ней встречайтесь. Уж простите, что этот болван вас сюда привел...

— Да нет, вы чего, я все понимаю, не дура, чай. Место хорошее, в храмовом городе лучше и не найти для нашей сестры.

Ковь хотела было уже уходить, чтобы не мешать парочке и дальше мирно себе чаевничать, но Кенсвен встал первым. Чмокнул жену в щеку.

— Спасибо, Люта, я побежал. До свидания, госпожа магичка.

И ушел уже совсем.

Ковь не удержалась. Как только за Кенсвеном закрылась дверь, она спросила не без восхищения.

— и не страшно вам работать?

— Почему должно быть? — Проследила за взглядом Кови, погладила свой огромный живот, — нет, не страшно. Что на кухне может случиться? Да и лекарь у хозяйки прикормленный есть, самый что ни на есть настоящий, с лицензией. Стоит закричать — и ребенка примут, как у благородных принято. Лучше бы, конечно, дома, да повитуха, а не мужик, но тут уж как получится...

— А...

— Знаю, знаю, поздновато. Но так Гарра лет не считает, когда дары раздает. А вы... правда магичка, да? — С каким-то детским любопытством спросила Люта.

— Ковь. Меня так зовут, Ковь. Самая что ни на есть! — и зажгла на ладони крохотный огнешар.

Люта восхищенно охнула.

— А еще чего можете? Про магичек самые разные слухи ходят!

Кови почему-то вспомнилась Кирочка с ее делано-детским восхищением. Она миготом отогнала дурные ассоциации, откуда вообще у нее эта паранойя? От Васки заразилась?

Милая тетечка. Хоть и пожилая, но видно, что душой молода. Дети ее, наверное, очень любят. Так и пышет жизнью и здоровьем. Этакая пышечка-хохотушка: полные руки с ловкими пальцами, ямочки на локтях, низенькая, чуть тронутые сединой у корней волосы убраны под чепец, как и положено добропорядочной матроне. Голубые глаза в сеточке тонких морщинок, широкий улыбчивый рот, нос пуговкой.

— Ну, не так много. — Скромно ответила она. — Со своей родной стихией... Огонь у меня. С нечистью там договориться — если у вас домовый лютует, скажите, я поправлю... Будет ласковый и смирный, первый помощник. Будет дочка, я попрошу, чтобы он ее покачал в колыбельке, домовые — народ привязчивый. Научит своим штучкам. Хорошей хозяйшкой вырастет, болеть не будет. Хотите?

— Не задаром, конечно?

— Ну так каждый кормится, чем умеет. Магия — моя работа. — Ковь развела руками.

— Ничего-ничего, оно и понятно. А еще чего можешь? — Показалось, или тон у Люты сал значительно суше?

Может, не стоило упоминать нечисть? Есть и такие темные люди, что домовых боятся, город-то храмовый, да не просто храмовый, тут главные — солнцепоклонники...

Ох, когда же она начнет думать прежде, чем говорить?

— Ну... в Академии нас всему понемножку учили. Даже целительству. Вывих там вправить, перевязку сделать... — Тут Ковь снова посмотрела на живот Люты и решила упомянуть то, чем больше всего гордилась, — Роды принимать могу. Вот.

— Да, нелегко, наверное, там учиться. — Протянула Люта. — Хочешь плюшку? Не беспокойся, раз за комнату платила, то и за плюшку платила, мне не в убыток.

— Правда? — Разулыбалась Ковь. — Спасибо.

Возвращалась она с кухни в самом что ни на есть радужном настроении. Даже с хозяйкой ругаться расхотелось. Плюшка-то была вкуснейшая, свежая, с изюмом. Да и непринужденный треп с Лютой доставил искренне удовольствие, давненько Ковь так не отдыхала, расстались они чуть ли не подругами.

Ковь заглянула в Васкину комнату, рассказать, что да как — пусто. Не приехал еще.

Да и странно было бы, если бы приехал, а она не заметила, не услышала бы, не почуяла его поисковой молитвы, но почему-то дремала в глубине души надежда — хотя какая надежда, так, надеждишка, что сейчас она откроет дверь, а там Васка, и дневная ссора

забыта, и Рык забыт. Нет, не оправдалась надеждишка, ну и ладно, ну и пусть пусто. Никуда он не денется.

Она аккуратно закрыла дверь и пошла к себе.

Там Ковь сняла сапоги и с удовольствием завалилась на кровать.

Рык... Что Рык? Неплохой парень, хорошо сложен... Глаза красивые, янтарные, волчьи глаза. С Ваской они вроде поладили поначалу. Это потом Рык ее увидел. Полез. Получил по лапищам своим волосатым. И взревновал.

Она популярно этому псиному альфе объяснила, что никаких прав на ревность у него нет, и вообще, если приблизится на расстояние вытянутой руки, то еще долго будет паленой шерстью по всей деревне вонять.

Но он все равно на Васку волком глядел. Как будто Ковь из-за Васки отказала... нет, из-за Васки она еще ни разу не отказывала. Кто он ей, этот Васка, чтобы из-за него отказывать? Так, попутчик случайный, друг...

Но некоторым проще поверить, что все из-за гада соперника, а не из-за того, что сам хамло и руки распустил не вовремя.

Под конец Рык чуть исправился. Цветочки носил. Просто так, в извинение. Всего-то и надо было, что его штанкетиной поперек хребта приложить, сразу мозги на положенное место вернулись. Говорил, что Ковь необыкновенная и он такой девушки еще не видел ни разу...

Наверное, он так всему хутору говорил. Но Ковь смущалась. Краснела. Ей такое нечасто говорили. Даже если за компанию со всем хутором. Было немножко приятно даже... Но выбивало из колеи, а Ковь такого страсть как не любила. И рассталась с Рыком с огромным облегчением.

А Васка почуял слабость и ну подкалывать. Кто другой сказал бы, что это ревность, но Ковь-то знала: Васка просто любит свои дурацкие шуточки, ему без них и жизнь не мила. Зря она каждый раз ведется, не маленькая вроде.

Ничего, в следующий раз она ответит. Обязательно.

Где же его носит? Сколько можно искать одну разнесчастную куртку?

Он вообще, куртку ищет, или что? Если пошел по кабакам, то пусть только попробует деньги растратить! Хотя что это она, Васка — парень правильный, он по кабакам ходит только чтобы нанимателей цеплять. Как-то не так ходит: еще ни одного не подцепил, все больше сами приходили, в основном мертвые или хвостатые.

Зато девок цеплял сколько угодно, девки Васку любят. Неприятности еще неплохо искал на свою голову, все больше с парнями этих самых девок, или со стражей. Из пары городишек, помнится, пришлось улепетывать со всех ног. Чего стоит хотя бы тот случай, когда какой-то парень свою девку избил в порыве ревности, а потом эта странная парочка, убоявшись родительского гнева, ничтоже сумняшеся на Васку побои и повесила.

Чем они руководствовались, понять было несложно. По нему сразу видно, наемник не из богатых, даром, что лицо породистое, кому он сдался? Вид у Васки большей частью лихой и придурковатый, кажется развести такого — дело святое. Поваляется в тюрьке, не в первый раз, небось. Был бы порядочным, по дорогам бы не скитался... Подумаешь, погоняли его с напарницей по селам и весям дня три и до сих пор в окрестностях городка им лучше не появляться — папашка у девицы богатый был, и всю местную стражу на уши поставил. Ничего, чужаков не жалко!

Помнится, Кови тогда впервые в жизни удалось кого-то проклясть. Вот как увидела

листовку со своим портретом на столбе, так и поднялась изнутри горячая волна. Хорошо, удалось сдержаться и проклятие вышло несерьезным, так, вскочил на лбу у той мочалки здоровенный такой гнойный прыщ. Даже хорошо, что так вышло, будет урок, чтобы в следующий раз думала, что делает.

Правда, откатило потом... Пришлось волосы зачесывать на лоб некоторое время. Васка не смеялся, только качал головой, мол, было бы из-за кого страдать.

Перекрасься Васка обратно в свой натуральный черный, было бы гораздо меньше проблем. Одно дело на чьего-то байстрючка нападать, у которого куксы в роду отметились пополам с лисами, другое — на младшего сына знатного рода. Но отказывался. Бес разберет, почему.

Может, не хотел чувствовать себя бесправным младшим сыном, у которого из богатств — меч да имя. Да фамильная гордость еще.

Может, еще какие-то были причины...

Со двора послышался цокот копыт и Васкин голос, положивший конец беспокойству Кови. Приехал, нашел, мальчишку-конюха зовет...

Интересно, что там с конюшней? Не обманул ли Кенсвен?

Ковь закрыла глаза, глубоко вздохнула и выдохнула, вспоминая дыхательные техники для концентрации. В последнее время ей все чаще удавалось не тратить лишних сил на простейшие вещи, и удавалось только потому, что она пользовалась своими способностями в любой подходящий момент. Сейчас она хотела услышать, что творится в конюшне.

Но в этот раз она все же перестаралась: дыхание лошадей, тонкий шелест соломы, легкая поступь мыши — все это почему-то оказалось слишком громким, трудно было разобрать, что говорит мальчишке-конюху Васка, да еще и голос у него превратился в гулкий нечеловеческий бас. А Ковь знала, что это значит: если сейчас кто запищит, Ковь пару дней будет ходить полуоглохшая.

Так что она поторопилась вынырнуть из транса, и вовремя.

Васку встретила хозяйка.

И развопилась.

Голос у нее был как у старой лесопилки. С характерными лязгающими нотками, с протяжным и-и-и, и прочими весьма неприятными для обостренного магического слуха модуляциями, и не успей Ковь перестать вслушиваться, отстирывала бы потом заляпанные наволочки от потекшей из ушей крови (местным служанкам она даже заплаканную наволочку не доверила стирать, оставлять им кровь было бы полнейшей глупостью — мало ли что, мало ли кем эти служанки окажутся, с такой-то хозяйкой).

Когда хозяйка встретила Ковь — она смолчала. Поджала губы, окинула взглядом с ног до головы, но смолчала. Хотя Ковь даже улыбнулась нагло: ну, попробуй, обхами магичку! Посмотрим, в каких бородавках завтра проснешься.

Так, молча, серебро и приняла. Серебро — штука такая, сама к рукам липнет.

Ковь таких часто встречала. Чопорных ханжей, уверенных, что раз они честно вышли замуж, родили в положенный срок детишек, кое-как воспитали и ухитрились за многие свои лета не спутаться с конюхом или соседом (или ни разу не были пойманы) то их гордое звание уважаемой почтенной матроны дает им право осуждать. Не просто осуждать, а Осуждать с большой буквы.

Осуждать всех, кто бродит по дорогам, а не сидит себе дома.

Осуждать всех, кто вышел замуж слишком рано или слишком поздно. Или не за того.

Или вообще не вышел. Или вышел, пожил и ушел от мужа. Таких особенно не любили: ну как же, порядочная женщина должна молча нести свое ярмо — они же несут.

Осуждать всех, кто служит богам иначе, чем они. Например, не зажигает свечей в Храме Солнца в положенные праздники. Или вообще богам не служит, как большинство магов. Или служит не тем богам.

Помнится, Васка как-то намекал, что Ковь могла бы молиться Ха, как покровителю магов и прочей нечисти, но она отказалась: Васка хоть умеет нормально молиться, а она что? Зачем Ха ее глупые просьбы, что ей, делать нечего, бога от беременной жены отвлекать? В лучшем случае примет за дурную шутку и вежливо посмеется, в худшем — Гарра обидится, беременные жены существа капризные.

Зато хозяйка вон, молится Отцу-Солнце усердно, истово, свечи зажигает, в песнопениях участвует, все платье в подсолнухах, на шее бирюлька висит — а толку? Постоялый двор во владении — это не боги постарались, это мамаша умная была, дочурку пристроила...

А дочурка туда же — осуждать.

Вот, сейчас она выговаривала что-то Васке. Васка же на вид безобидный. Нет в нем ни первый взгляд того куража, желания пойти на конфликт — и растерзать оппонента. Для того, чтобы появился, Васку надо довести.

А причина довести? Да всегда найдется. С Васкиной внешностью, с Васкиной верой и не самого популярного бога, с его спутницей-магичкой... Стоит только захотеть, как говорится.

Вот и орет хозяйка, повышая тон чуть ли не до визга на каждое «и»:

— Да как вы сме-и-ите! Да наше сено самое свежи-ие.

А Васка отвечает, вежливо, чуть устало:

— Да, отличное сено. Но я говорил с Фыльком, давал простейшие указания, я вовсе не намеревался вас оскорбить.

Да, почти довели.

Что эта тетка вообще делала около конюшни? Ковь встала, и, перегнувшись через подоконник выглянула в окно. Помахала рукой Васке: тот вымученно улыбнулся в ответ.

Мальчишка-конюх ковырял ногой в земле, опустив голову. Уши у него так и горели. Как его там Васка назвал? Фыльк?

Хозяйка проследила за Васкиным взглядом и скривилась, как будто маринованную сливу проглотила:

— Так это ваша... спутница?

Конечно, за сено Васка почти извинился, хотя с чего бы, так она тут же нашла другую причину для обвинений. Может, не стоило привлекать ее внимание? Да нет, вряд ли это сильно помогло бы...

— Да, это моя спутница. — Не стал отпираться Васка. — Что-то не так?

— Скажете еще — жена? — Ядовито поинтересовалась хозяйка.

— Нет, не скажу. Я еще раз спрашиваю, какие-то проблемы?

Васка потер рукой шею. Ковь высунулась из окна еще дальше, обеспокоенно всматриваясь в Васкино застывшее в гримасе легкого недоумения лицо. Он пока не понимал, в чем проблема, надеялся решить дело миром... Но вряд ли это устроит хозяйку.

— У нас тут порядочный постоялый двор!

Кто бы сомневался.

— Потому моя спутница его и выбрала. — Все тот же недоумевающий тон, — Я правильно понимаю, она же оплатила две комнаты?

— Пф-ф-ф! Да кого вы хотите обмануть! Вы же при всем честном народе вот прямо сейчас — пе-ре-ми-ги-ва-ли-и-сь! — Взыла хозяйка, обличаяще ткнув в Ковь пальцем.

Та едва сдержала смех: ну нет, она умная, она не будет усугублять ситуацию. Все-таки, как бы не была неприятна ей хозяйка, здесь же и правда неплохо готовят и вообще... не хотелось бы вылететь на улицу. Она же уже обустроилась.

Хотя... нет, не получится остаться. Она так сказала «перемигивались», как будто в смертном грехе уличала. Сейчас ведь и правда... уличит. Ума хватит.

— Поздоровались. — Поправил Васка. — Насколько я знаю, в этом нет ничего предосудительного.

— Блудливые отродья Ха! — Плюнула хозяйка.

— ...что? — Тихо спросил Васка, выпрямляясь, будто палку проглотил.

Хватило. Ума.

Ковь привыкла, что ее так называли, да что там, называли и похуже. Она, в общем-то, и не спорила особо. Чего спорить, если загубила свою репутацию давным-давно и так и не поняла, о чем тут жалеть? В Академии нравы вольные, может, есть в таких возгласах доля правды. Может, сама виновата: когда ходишь в мужских штанах, с мужской прической, что еще думать? Когда все твои подружки в деревне замуж вышли, а кто не вышел, тех уже года три как старыми девами в глаза величают? Вичка последняя была, да и то потому, что жениха из армии ждала... и дождалась свое одноногое счастье, и все как у людей...

А Кови от таких слов обидно всегда было чуть ли не до слез. Но еще расплакаться тут не хватало, обломится мымра сушеная на ее слезы смотреть.

А ведь Ковь понимала, к чему идет, но до последнего надеялась, что хозяйка не решится сказать прямо. Надеялась, что сможет потом Васку успокоить, и они останутся здесь жить, главное же с хозяйкой не пересекаться и все. А так тут хорошо.

Повариха хорошая, и вон, Фылек весь сгорбился, сопит, землю сапогом ковыряет, глаз поднять не может со стыда. И зря она о служанках плохо думала, всем же надо что-то есть и где-то работать... А в комнатах чистенько, славненько: не хозяйка же старалась. Такая переломится что-то сама делать, когда прислуга есть, не по чину ей.

Но Васка такого молча сносить не умел. Просыпался в нем сэр Васкилерох, который не в канаве родился — терпеть оскорбления всякой черни. Вторил согласно служитель Ха — Ха бог не лучше и не хуже других, не стоит оскорблять чужих богов.

— Что слышал! — Не унималась хозяйка, — Думаете, прикрылись разными комнатами, так никто не догадается? Скажи еще — она тебе сестра, ага!

— Я — сэр Васкилерох Диерлих. Какое право у тебя, кос-с-сть купеческая, меня оскорблять?

— Да хоть трижды сэр: много вас таких, с купленными именами по дороге ходит.

Васка положил ладонь на рукоять меча. Тут Ковь поняла: надо срочно хоть как-то человека успокоить. Она видела, как дрожат от бешенства его пальцы, видела, как он побледнел — хотя, казалось бы, куда ему бледнеть?

— Васка! Лови меня! — Рывкнула она, и, не дав ему задуматься, перескочила через подоконник.

Даже если не поймает — второй этаж, что с ней случится?

Поймал.

Со стороны других окон послышались одобрительные хлопки и свист.

— Васка, слушай, не унижайся. Не тебе на потеху толпе с этой швалью ругаться. —

Тихонько шепнула Ковь, пока он не успел выпустить ее из объятий.

— Мы уходим. — Васка просто констатировал факт.

— Да. Но денег мы ей не оставим. Я заплатила задаток. Сходи пока, заberi вещи.

Второй этаж, третья и четвертая комнаты.

Васка резко кивнул Кови, отстранился, хлопнул по дороге к дому Фылька по плечу. Тот вздрогнул, посмотрел на каменное, неестественно-спокойное лицо Васки и без вопросов метнулся в конюшню.

Ковь уперла руки в бока.

— Мы уходим. Деньги верни.

— Смотрите-ка, кто объявился. Не стыдно обжиматься-то у всех на глазах?

— Не твое дело. Ты все равно своего добила: больше мы тут обжиматься не будем и другим отсоветуем. Деньги возвращай, раз уж мы съезжаем.

Больше всего хотелось зажать в руках огнешар и погонять эту гадину по двору с полчаса, но лучше было не рисковать, не в храмовом городе, да и покушение на жизнь и здоровье могли выдвинуть: мало ли, какие у нее родственнички в местной страже?

Вот дура, сама же сглазила. Хотела добрую ссору? Получила...

— Что? Какие еще деньги? Ты у меня ела? Ела. Жила полдня? Жила. Еще чего!

— Верни.

— С шалавы — по десятикратному тарифу. Еще накувыркаешь под ры-ы-ыщарем своим. Ничего я тебе не должна, девка. — и ведь верила в свою правоту.

Может, думает, что урок ей преподала?

Ковь почувствовала, как побежали по волосам искры. Она скрестила руки на груди, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Нельзя колдовать. Так же, как нельзя сорваться и вцепиться гадине в длинные бесцветные патлы. Очень хочется, но нельзя.

— Я сейчас пойду за стражей. Разберемся, кто из нас шалава, а кто честная магичка с лицензией? Хотя... чего мне стража? Вижу, у вас тут кикимора домовая есть, слабенькая правда... Эй, выйди, покажись хозяйке, когда сродственница просит?

Показать — не напасть, тут не подкопается даже самый заинтересованный сыскарь.

На пороге, будто из воздуха, соткалась маленькая старушка, покачала укоризненно головой.

— Удружила. Она ж теперь храмовников наташшит, вонять тут будут палками своими, а я ж тута ешшо когда здесь был масляный магазин жила! У, молодежь. Головой не думает. Не была б ты нашша магичка — ух, крепко бы осерчала!

Хозяйка завизжала. Громко, надрывно, схватилась за сердце, покраснела вся и грохнулась в обморок.

Выведший коней Фылек на это посмотрел и опрометью бросился в дом, притащил бадью воды и вылил на хозяйку. Ковь мысленно понадеялась, что вода была ледяной, и что хозяйка хорошенько простудится. Хотя надежды мало: ранняя осень, тепло еще...

Зрителей становилось все больше. Появление кикиморы встретила визгом не одна хозяйка, из окон высовывались любопытные личики служанок, так что была у хозяйки и подпевка. А вышедшая, будто бы воды набрать, Люта картинно осенила себя знаком солнца... Зря Ковь это затеяла: сейчас кто-нибудь из истовых солнцепоклонников в храм метнется и доказывать, что не применяла злокозненные чары.

Хозяйка встала, пошатываясь.

— Откуда у меня это... это...

— Ну так с вами ни один нормальный домовый не сладит. Коль хозяйка — кикимора, так и дома кикимора. Деньги!

— Эй! — Возразила со своего места кикимора, — ты нашу сестру-та не оскорбляй! Я здесь еще до масляного магазина все помню. Мой дом, я хозяйка — а она так... Завелась. — и противно захихикав, истаяла.

— Я магичка. — Просто сказала Ковь. — Мой спутник — высокородный рыцарь. Давайте мы не будем ссориться и просто расстанемся по-хорошему? Деньги!

— Да подавись ты своими грязными деньгами! Ты и твой хахаль! — Взвизгнула хозяйка, метнув в Ковь серебряшкой.

— Угу. — Ковь поймала ее на лету, протерла полый рубахи, положила в мешочек на поясе. — Скажи спасибо, что я не заявлю на тебя в стражу за оскорбления, и Васку упрошу не заявлять.

Васка, легок на помине, с помощью Фылека уже приторочил к седлу мула сумки и буквально взлетел на коня, так что Ковь тоже решила больше не рассусоливать и в свою очередь вскарабкалась на мула. Фылек подал руку, помогая.

Не ошиблась она в мальчишке: он незаметно сунул ей большое красное яблоко (насколько вообще можно незаметно впихнуть в руку большое красное яблоко, но он правда старался), извинялся, наверное.

Васка молча направился к воротам, мул Кови шел за его конем, как привязанный. Они выехали за на улицу, отъехали на квартал — и тут их окликнули сзади. Ковь обернулась: и правда, не показалась, Люта догоняла. Спешилась, Васке сказала остановиться: не хватало еще, чтобы беременная женщина за лошадьми бегала.

Люта остановилась, отдышалась. Из под аккуратного чепчика выбились пряди, смялось платье, задралась рукава. Лицо покраснелось, уши горели совсем как у Фылека... Да и формой похожи, не большие, но чуть оттопыренные. Да и лицо... а не родственница ли она мальчишке? Может, сын или племянник? А что, многие в одном месте семьями работают...

Вечно Ковь о какой-то ерунде думает, когда не надо.

— Госпожа магичка, — совсем как давеча Кенсвен начала Люта.

— Мы же на ты перешли, помнишь? Я на тебя зла не держу. И на мужа твоего. Кто же мог подумать, что так обернется?

— Она как с цепи сорвалась. — Покачала головой Люта. — Обычно она чуть посдержаннее.

— Я мстить не собираюсь. — Успокоила Ковь.

— Да нет, не в этом дело... стыдобища-то какая, муженек мой пустоголовый даже не спросил, кто ваш спутник — а это ведь важно! Вон, ворот знаками Ха вышит, а наша хозяйка, она... — Люта махнула рукой, — а, да какая разница. Я подумала, может, у нас дома погостите? Я денег не возьму...

— А лошади? — Вмешался Васка.

Им так кстати предлагают бесплатное жилье, а он «лошади». Вот вечно он лезет со своими лошадьми куда не надо! На крайняк поставят в общественных конюшнях... ну ему простительно, он Лютиной стряпни не пробовал. Ковь сглотнула слюну.

— Фылек — сынок мой, он ваших лошадок обустроит прямо у нее, ухаживать будет как за родными. Она все равно в конюшни не заходит, воняет ей. А со старшим конюшим я

договорюсь, он пьет много, ему достаточно несколько медяшек сверху зарплаты сунуть...

Все-таки Фылек, а не Фыльк. Ковь пообещала себе запомнить. И правда — сын.

— Да, Фылек ваш — малец славный, с ним мне не о чем беспокоиться. — Наконец оттаял Васка. — Вы уж извините, что так вышло, влетит ему теперь, наверное?

— А, ничего. Не в первой ни за что влетает, мы привыкли.

— Просто она несколько странно...

— Да-да, с ней бывает. Это ей ваш ворот не понравился, и рыжий вы... — Люта махнула рукой. — Хотя по мне что Отец-Солнце, что Ха, что Гарра — все боги, все почестей достойны...

— интересная точка зрения. — Вежливо улыбнулся Васка. — Так чем, говорите, можно отплатить за жилье?

Люта легко нашла к нему подход. Вот, он уже и дышать стал ровнее, и за поводья так не цепляется. Мудрая женщина. Ковь бы еще долго не решалась заговорить, а Люта пару слов сказала, и все, как будто и не было ничего... Кто бы ее так научил. Васка вот, как подуспокоился, думать сразу стал о насущном...

Кстати, и правда: чем они могут отплатить, если не деньгами?

— Ковь магичка же. Много чего может, я хотела, чтобы она амулеты подзарядила осветительные, если не сложно. Ну так вы...

— Так ты... нас нанимаешь, получается? — Потрясенно спросила Ковь, — ты точно человек?

— Да вроде да... — Задумчиво протянула Люта, чуть пригладив волосы. — Всегда была человеком...

— Васка, слушай, нас же нанимают, нанимают! — Взвизгнула Ковь, — Огромное тебе спасибо! — она порывисто обняла Люту, — А то я бы и не знала, куда нам идти на ночь глядя.

— Подождите тогда, я вернусь, Фылек придет, вас проводит. — Мягко улыбнулась Люта.

Ковь кивнула.

Как им повезло встретить такую замечательную женщину, а!

Наконец-то их нанял человек, хоть и получилось все так... нелепо.

Наконец-то их нанял человек... а радости почему-то никакой.

Васке не нравилась Люта. То есть Люта ему нравилась, он ловил себя на том, что относится к совершенно незнакомой женщине как к любимой тетушке, и это почему-то настораживало, заставляя вспоминать свои мимолетные навязанные русалками влюбленности, или как Кирочка пыталась вызвать в нем отцовские чувства... Хотя он был уверен, что в случае Люты это не может быть магией, Ковь бы почуяла, но все равно...

Что-то с ней было не так.

Сначала, конечно, он готов был радоваться вместе с Ковью: как же, человек, наниматель, бесплатное жилье в городе, где столько проезжего люда, что бесплатного жилья не бывает априори, о лошадях позаботятся...

Кормили вкусно, а в ответ почти ничего и не требовали, ну как, не требовали: Ковь потихоньку заряжала осветительные амулеты. Уже дней пять заряжала. Медленно: работа с энергиями была тонкая, это не огнешар сотворить, тут нужен транс и сосредоточение, а то амулет может от переизбытка энергии перегореть.

Из этих пяти дней три Люта сидела дома и смотрела, как Ковь заряжает амулеты. Сказала, хозяйка лютует, работать стало тяжело, так что она решила взять отпуск до родов.

Казалось бы, все так хорошо складывается! Но Васке на месте не сиделось. На третий день он сходил и навел справки. Все оказалось именно так, как он предполагал.

То, что с огромным трудом давалось Кови, что выматывало ее подчистую, оказалось простенькой работкой для профессионала. Васке зарядили прихваченный из дому амулет за полмедяшки. За десять минут.

У Кови на такое уходил день. Васка понимал, что, скорее всего, проблема в том, что ей очень тяжело дается работа с маленькими порциями магической силы, или как это магики называют? Оттого и копается она долго. Но что мешало Люте, посмотрев на скорость работы, взять у них символическую сумму в пять медяшек, которую все равно пришлось заплатить за конюшни, и сходить к местному магику? Боязнь обидеть полужнакомую девчонку? Она и так многое для них сделала... К тому же, они и сами предлагали. Даже не пять медяшек, а в тысячу раз больше, Васка настаивал на том, чтобы она взяла полсеребрушки, но Люта от денег отказалась наотрез. Чувство вины? О да, она много говорила о том, что муж виноват и ошибся, привел их не в то место, но если бы она так переживала за каждого неудачного клиента Кенсвена, то давно бы открыла бесплатный постоянный двор.

Единственное приходившее Васке в голову объяснение — это то, что амулеты это всего лишь предлог, чтобы удержать их в доме, в городе... хотя, наверное, только Ковь, иначе Люта побольше общалась бы с Ваской. А она предоставила его самого себе, совершенно не интересуясь, где он и чем занят. Даже Фылек проводил с ним больше времени, хотя уходил работать засветло а приходил затемно и все чаще в конюшне ночевал. Но все равно выкраивал пару часиков поспрашивать, каково это, быть оруженосцем, или послушать церковных притч — сказок Васка, к стыду своему, не знал.

Казалось бы, мальчишке лучше бы слушать Кенсвена, но отчима Фылек сторонился. Недолголюбивал. Наверное, не просто так, но Васка о таких личных вещах спрашивать не собирался.

В общем, понятно было, что Люте нужна зачем-то именно Ковь. Не даром Люта целыми днями глаз с нее не спускала, иногда забывая и про мужа, и про сына, который, не в силах добиться внимания матери, на Васке буквально вис.

Делиться подозрениями с самой Ковью Васка пока не собирался. Та была счастлива: в Люте она нашла подругу и мудрую наставницу, да и с амулетами у нее получалось все лучше и лучше, а больше, чем халяву, Ковь любила только халявную учебу.

Когда Ковь не болтала с Лютой, она болтала о Люте. Какая она замечательная, какая умная, как много умеет. Какими рецептами делилась недавно, и все в таком роде. При этом ничего глубоко личного Ковь не рассказывала, а ведь поделись таким Люта — не удержалась бы.

А значит, и личным Люта не делилась, держа Ковь на расстоянии, которое только очень уж увлеченная учебой магишка могла принять за дружеское.

Васка поморщился. Точно на таком же расстоянии он держит Фылека. Вот и сейчас мальчишка переминается в дверях с ноги на ногу, не решается зайти, пока сэр рыцарь думу думает.

Надо было дверь закрыть...

Хотя, что лукавить, даже через закрытую дверь он бы это сопение услышал. Люта

совсем недавно Кови противопростудный сбор диктовала, так что же она сына-то не подлечит? Ковь тоже хороша, ушла в свои амулеты с головой, вилки не замечет, пока до рта не донесет, не то, что мальчишку. Надо будет намекнуть, что у нее под носом целый сопливый подопытный, она только рада будет...

— Чего тебе?

Фылек осторожно заглянул в щель, стараясь двери не касаться. Васка обреченно вздохнул: ну откуда в нем это благоговение? Вроде бы ничего такого при мальчишке он не делал. Чудовищ ногами не попирал, девиц из лап драконов не спасал. Драконы — это вообще к Кови.

— Да заходи ты уже, не топчись на пороге. Дверь что, ядом намазана?

— Мама скоро ужин накроет. — Фылек просочился в комнату, но не плюхнулся, как обычно, на стул, а спрятался в темном углу и теперь неловко переминался с ноги на ногу.

Смотрел он почему-то в окно, являя Васке курносый свой профиль. Странно, вроде раньше нормально общались — не на равных, конечно, но чтобы Фылек перед Ваской робел, такого давно уже не было.

— А повернись-ка другим боком. — Тихо попросил Васка, больше всего желая опровергнуть собственную догадку.

Тот неохотно повернулся.

Не получилось опровергнуть. Под глазом у Фылека наливался синевой свежий синяк.

— Ага. Ясно... Кто это тебя так?

Фылек молчал. Сопел.

Снова отвернулся.

Вряд ли мальчишка не рассказал бы, будь это боевые раны, не в его характере. Скорее использовал бы как повод, чтобы выпросить таки у Васки пару уроков кулачного боя. Он давно уже просил, но Васка сам был в рукопашной не силен, а признаваться в этой слабости не хотел, потому каждый раз делал вид, что очень занят.

Значит — подрался он не с уличными мальчишками. Ну да, вон, костяшки целы, штаны чистые. В грязи его не валяли.

— Хозяйка?

Была у Васки отчаянная надежда, что удастся списать все на противную тетку... Жалко, что сам он в это почти не верил.

— Нет. — Замотал головой Фылек, совсем как норовистый жеребенок, окончательно похоронив Васкины иллюзии, — Хозяйка хорошая. Не знаю, как с вами вышло. Не злая она. Магиков не любит, суеверная. Но хорошая. И никогда раньше на постояльцев не кричала... Ну, когда не платили — бывало, но никогда так... Страшно. Как будто подменили. Сама на себя была не похожа. А это... — Он указал на синяк, — Меня... конь. Копытом.

Конечно. Конь. Копытом. По форме — копыто один в один. А звали коня с такими замечательными копытами Кенсвен. А Васка-то еще, дурак, думал, почему Фылек так отчима не любит. С женой-то Кенсвен душа в душу... Вот оно что.

Однако вслух Васка этого не сказал. Не выйдет ничего хорошего, если он вмешается в чужое семейное дело. Если напрямую — так точно ничего. Он же не знает, кто прав, кто виноват, и чем Фылек заслужил фингал.

— Конь так конь. Мой Шалый лютует?

— Нет, ваш смирный. — Улыбнулся Фылек, — ждет. Тоскует немного...

— Думаю, недолго ему тосковать. — Протянул Васка.

— Это ж вы чего, скоро отбудете? — Встрепенулся Фылек и вылез, наконец, из своего угла, — а может, еще чутка побудете?

— Мы не можем остаться здесь навечно. — Пожал плечами Васка, откладывая книгу, которую до того бесцельно вертел в руках. — Нам нужно идти дальше.

— А это куда?

Бесхитростный вопрос. Очевидный. Казалось бы, ответить просто... По дороге и до горизонта, очень романтичный и совершенно нежизнеспособный ответ. Мальчишке понравится, но себе-то врать зачем? И правда, куда? Ковь, наверное, окончит свой путь в деревне, очарованная каким-нибудь особо везучим Рыком, а куда идти Васке? К брату?

Раньше он хотел доказать, что что-то может. Что чего-то стоит. Что есть вещи, в которых он сильнее. Казалось, завоюет он славу, все решится само собой. Брат раскается, зарыдает, скажет... ну, ладно, не скажет, но напишет: «Дражайший мой брат, не прав я был, отказываюсь от наследства и ухожу в монастырь, дабы замолить свои грехи». И пару раз от большой-то печали головой об косяк... Но сейчас Васка избавился от юношеских иллюзий и здраво смотрит на вещи: фантазии его это не сказочная мура, нет, эта мура родом из детских песенок для самых маленьких, где половина слов это «гули-гули».

Какой толк в силе, славе, известности, если у брата есть бумаги? В том числе и та бумага... где двенадцать лекарственных печатей. Брат постарался, обустроил все роскошно: созвал для младшенького консилиум. Сколько он на это денег потратил — страшно предположить. А ведь Васка на следующий год не просто так откладывал. Интересно, справился ли брат с предсказанным неурожаем?

Васка заставил себя улыбнуться.

— Куда ветром занесет.

— То есть правда, да?

— Что?

— Ну, что если Ха служить — судьбу потеряешь и... — Фылек выразительно покосился на рыжую Васкину шевелюру, — С ума сойдешь?

— Что-то новенькое. Я похож на сумасшедшего? — Теперь уже по-настоящему усмехнулся Васка.

— Ну, у нас говорят, что рыжие все немного того. — Фылек выразительно покрутил пальцем у виска.

Тут Васка не выдержал, рассмеялся в голос, громко, до слез. Фылек смотрел на него с интересом: наверное, кроме Васки настоящих сумасшедших не встречал.

Отсмеявшись, Васка вытер слезы рукавом и молитвенно сложил ладони:

— Ха, я оценил. Спасибо. — Потом, резко посерьезнев, — и чему вас тут только солнцепоклонники учат? Ну что у тебя в голове за каша, кто ее тебе туда выплюнул, скажи? Вот стану настоятелем храма Ха, приду и плюну ему на лысину, так ему и передай.

— Но у Ха же нет храмов? — Удивился мальчишка, — Как ты станешь настоятелем?

— Не совсем. Просто Ха было лень продумывать все эти ритуалы, церемониал, молитвы, церковную иерархию... Я его понимаю, ему же еще Гарру надо было у Отца-Солнце отбить, тут не до возни со смертными и собственными недоделками... Знаешь же эту историю?

— Гарру?!

А зацепило мальчишку-то. Не даром Васка подметил, что Люта Гарре молится. Значит и Фылек кое-что должен знать кроме «солнечной» версии. Может, и поверит.

Вообще-то Васка раньше всегда очень осторожно подбирал для Фылека притчи. Они были в меру интересные (особенно если Васка добавлял в центр детективную линию и пару трупов, а мораль тонким слоем размазывал по всему рассказу, беззастенчиво перевирая конец) и в меру поучительные. Но эта история больше походила на похабный анекдот.

Однако перед глазами все еще стояли эти клятые двенадцать печатей под аккуратным выведенным безразличной рукой диагнозом: «умом двинут и зело опасен, к управлению, торговле и служению не пригоден».

Угу, не пригоден. Служение Ха у него никакой консилиум не отберет, ибо не существует у Ха служителей, утритесь, бюрократы. Авось и разбредется эта версия сотворения мира по местным мальчишкам, она-то поинтереснее, чем официальная. А что похабная — так он соблазнение Гарри подсократит, все равно не будет Фылеку это сейчас интересно.

А так хоть от фингала мальчишку отвлечет.

Васка хлопнул себя по лбу. Точно! Вот он дурак! Совсем забыл, а ведь так он еще с неделю шуриться будет — не дело.

Достал из сумки крупные Кирочкины бусы, ощутив, как мгновенно похолодели под пальцами зеленые бусины, выполняя его маленькую мысленную просьбу. Протянул Фылеку.

— На, к глазу приложи пока. Ты же, наверное, слышал историю сотворения людей?

Фылек кивнул.

— От солнцепоклонников? Мама ничего не рассказывала?

Фылек замотал головой, так что честно приложенные к глазу бусы застучали по спинке стула.

— На руку намотай. Давай-давай, они волшебные: Ковь хоть царапинку заметит, на месте испепелит, — полушутливо-полусерьезно посоветовал Васка, — Ладно. Так вот, тогда забудь все, что ты слышал. Я серьезно: выкинь эту чушь из головы. Как ты думаешь, зачем Миру целых три старших бога, если всю работу сделал один? Глупость, глупость и еще раз глупость. Да и Рраха, думаешь, на пустом месте родилась? Никогда не задумывался, как так: Отец-Солнце бог войны, Рраха богиня войны — что делать двум богам на одной и той же войне? Долго еще до ужина?

— Мама фарширует гуся, так что где-то час, наверное. — Задумался Фылек.

— Тогда уложимся. Дело было так...

...Давным-давно, когда Мир еще был гладким шаром, который несся куда-то, не имея ни цели, ни сути, появилось на нем два бога. Как, откуда — то дело десятое. Главное, что появилось.

Никто не знает, как и откуда появились боги. Но служители Ха дают ответ на вопрос «почему?» Все просто: мир отрастил конечности, чтобы слепить себе цель и суть. А люди так, побочный эффект. А третий бог, мой бог — побочный эффект побочного эффекта, но об этом позже.

Понимаешь ли, дело в том, что так исторически сложилось, что суть и цель Миру дают живущие на нем смертные, делая его из скучного никому не нужного шарика своим Миром. Не только люди, не гордись, все смертные существа. А боги — они и есть Мир, что-то вроде его рук, ног, носа — если бы, конечно, руки, ноги и нос обладали бы собственной волей.

Первым, конечно, был Отец-Солнце. И сиял он... не надо? Ну правильно, тебе в Храме Солнца гораздо лучше меня расскажут, как именно он сиял. Вообще ты всю его партию

знаешь, верно? Как он раскатал шарик в лепешку, потом в колбаску, потом в длинную ленту, вылепил горы и реки, а потом свернул ленту спиралью и получил полый шарик гораздо больше прежнего, который мог согреть? Ну, тогда и не буду. Да-да, не совсем спираль, а и правда, что-то вроде картофельного очистка, когда одной лентой снимаешь, похоже-похоже, но в Храме лучше своей догадкой не делись.

Время идет, шарик вокруг своего бога крутится. Мир зарастил все свои щели. Стало Отцу-Солнце скучно и он породил тварей морских, гадов земных — людей в том числе. Так Мир получил суть.

Но так как ни у кого из тварей не было цели, они не могли спокойно умереть, достигнув ее, так и бродили. Плодились и бродили.

Душно стало Миру, вздохнул он глубоко, и появилась Гарра.

Гарра вложила в людей разум и взяла в руки нити их судеб. Твоя мама, насколько я понял, поклоняется Гарре. Ты должен знать обе ее ипостаси, а не только ту, что признают в Храме, верно? Не только Дающую, но и Отнимающую?

Я в тебе не сомневался.

Гарра и жизнь, и смерть. Гарра та, что дала миру цель.

Гарра красивая, сильная богиня: естественно, Отец-Солнце захотел взять ее в жены. Правда, Отцу-Солнце нравилась в ней только жизнь. Какую девушку устроит то, что любят лишь ее половину и лишь потому, что никого иного рядом нет? Но никого и не было, так что Гарра согласилась стать невестой Отца-Солнце, хотя не любила его и на четверть.

Ты помнишь, как твоя мама выходила за твоего отчима? Было у нее время на готовку? Ну вот и Гарре некогда было ткать свое покрывало, отвлеклась она на подготовку к свадьбе. Нити запутались, и люди обрели волю.

Не должны были. Воля — это привилегия божеств.

Обрели.

И породили третьего бога. Бога Ха. Он слабый бог. Он рожден не Миром, а людьми. Он единственный, кто был богом-ребенком: недолго, но этого ему хватило, чтобы создать нечисть и чудеса. А так как человек теперь наделен свободной воли, то он может стать нечисти сродственником и обрести умение творить чудеса. Правда, и со стороны нечисти то акт добровольный, ведь, хоть нечисть суть есть куклы малолетнего бога, Ха было слишком скучно играть марионетками, и он подарил им то, из чего был рожден сам: свободу.

После него рождалось много богов и многие умирали. Стоит упомянуть лишь, как родилась Праха, потому как это имеет отношение к первой троице.

Представь: ты — Отец-Солнце. У тебя есть твой Мир, ты обрел свою половину, почти женился и все вроде бы хорошо, но тут ты замечаешь неучтенную тварь. Которую не творил. Одну. Вторую. Третью. Нелепую, нежизнеспособную тварь, которая живет за счет чего-то непонятного, чего ты никак не предусматривал в изначальном плане Мира. Не должно было в Мире быть магии. Не будь Ха так везуч, не прими его Мир, то все разошлось бы по швам, развернулось обратно в... как ты предложил? Картофельный очисток, и пришлось бы Отцу-Солнце делать все заново.

Вот ты находишь и самого творца: дерзкого мальчишку, которому совершенно все равно, что ты здесь первый и главный. Которому плевать на последствия его действий. Который просто играет в этот Мир, рискуя твоей работой.

Ему, понимаешь ли, никто не говорил, что так, оказывается, нельзя. А когда сказали — он в лицо рассмеялся.

Немудрено, что они повздорили. Отец-Солнце сильнее, в этом и была его стратегия. Так он стал еще и богом войны — той ее части, что ответственна за убийство и прочее... мясо. Увлёкся немного, свадьбу отложил.

А Ха что? Как жареным запахло, так человеком прикинулся. Его попробуй, найди: у него даже лика нет, до сих пор. Вот нет у него устоявшегося образа и все. Даже когда человеком по земле ходил, лицо маской закрывал. Капюшоном. Чем попало. Как-то раз его обокрали, раздели догола, бросили на обочине — думали, убили, но ты пробовал убить Бога — дубинкой? Звучит как не самая удачная мысль, верно? Ну так он лицо ладонями закрыл и пошел... Кхм. Неважно.

Был он увертлив. Хитер. Красноречив. Попутешествовал он человеком не без пользы. Там в Храме словечко вовремя обронил, здесь со славным воином побратался, там ребенка из реки вытащил и сказал за его заступницу молиться... Так и помог родиться еще одой богине. Той самой Ррахе Защитнице, богине стратегии и тактики. Если Отец-Солнце помогает солдату на поле боя, то Рраха помогает военачальнику, склонившемуся над картами.

С Ррахой, первой из многочисленных названных своих детей, Ха смог нет, не победить Отца-Солнце. Но добиться перемирия.

Гарра все это время стояла в стороне. Наблюдала. Над богами она не властна, так что больше ничего не могла сделать.

Как ты думаешь, за то время, пока Ха человеком скитался, он подросток? Вырос. Совсем взрослым богом стал. Не юношей — мужчиной. Появилось у него кое-какое понимание, что он Мир развалить может, что люди хрупки и слишком легко ломаются. А у него друзья были среди людей... Недолго. Кто умер от старости, кому нечисть дорогу перешла, кто на войне голову сложил... Ха не перестал творить что в голову взбредет, иначе то был бы уже не Ха, но он стал чуть... осторожнее. Если сильно портачил, то хотя бы имел совесть сделать грустное лицо.

Прошло время и стали они с Отцом-Солнце не друзьями, нет. Приятелями, пожалуй: всем известно, что врагов лучше держать поближе. Но с близостью Отец-Солнце немного просчитался, позвал он Ха на свою свадьбу, на которую наконец-то нашлось время.

Знаешь же поговорку: «удачей не хвались, из рук упорхнет?» Так она отсюда и пошла. Отец-Солнце невестой похвастался, а Ха на нее глаз положил.

И взял ведь. Соблазнил горячими речами, вскружил голову — и Гарра лебедем обернулась, и улетела к новому любимому, который любил ее и вороном, и лебедью. И я сейчас про ее ипостаси говорил! У Дающей — лебедь, у Отнимающей — ворон...

А Рраха, чтобы обман не раскрылся, обернулась грифом, пробралась в божественные чертоги и вышла замуж вместо Гарры. Под покрывалом-то не видно. Обычай откидывать его, перед тем, как клятвы давать, думаешь, откуда взялся?

А почему Рраха еще и богиня войны тайной?

С тех пор Отец-Солнце крепко зол на Ха.

Даже не за то, что невесту увел, с Ррахой они общий язык нашли, а за то, что разочаровал.

Закончив рассказ, Васка понял, что адепта Ха из Фылека не получится. Мальчишка сразу же спросил:

— То есть получается, Ха нагадил в чужом мире, увел у старшего бога жену, да еще

плюнул на своих последователей, мол, молитесь как хотите, только от меня отстаньте?

— Что-то вроде того. — Не стал спорить Васка.

— Так зачем служить такому капризному богу? Зачем вы ему служите?

— О, так все просто: с Ха иначе и не бывает. Служение ему — это, знаешь ли, крайне редко взвешенное и благоразумное решение. Обычно к нему уходят с безнадёги. А у меня так вообще было банально, никакого пафоса, никакого безумия. Деньги. Все дело в них. Перед тем, как получить рыцарский титул, тогда еще оруженосец выбирает себе бога-покровителя. Обычно — Отца-Солнце. Реже Рраху. Гарри, бывает, тоже выбирают, желая себе счастливую судьбу... А я не хотел обязательств перед Храмами, которые исправно дерут с рыцарей свою долю доходов. В этом, скажу по секрету, и состоит все рыцарское служение богам.

— и выбрали Ха?

— Единственного бога, обязательства перед которым — против его учения. — Беззаботно отмахнулся Васка.

Не рассказывать же сыну кухарки, что его семья тогда жила беднее, чем живет сейчас Люта? Отец болел, все доходы с земель уходили на лекарства. Да и доходов этих было... Какое-то время брат присылал из столицы. Сначала с учебы — сущие латунки, конечно, потом было несколько лет, когда брат открыл в столице свою адвокатскую практику и дела вроде бы пошли на лад... но когда Васке нужно было выбрать себе бога, брат уже месяца два как числился пропавшим без вести.

Васка выбрал Ха.

И остался учиться вместо положенных четырех месяцев полгода. Всех учили стратегии, тактике ведения войны, а его, Васку, правильно молиться и рассказывать притчи. Никто не знал, как молиться Ха, так что дали всего понемногу, гоняя из Храма в Храм, а в конце чуть ли не с облегчением выставили на улицу, с бумажкой об окончании обучения и дарованной после двух пересдач Учения Гарри чуть ли не из жалости приставкой «сэр» к имени.

— А про судьбу? Все-таки правда?

— Я бы не сказал, что лишился судьбы. — Покачал головой Васка. — В конце концов, пока Гарри не может выполнять своих обязанностей, нити в руках Ха. Но, подозреваю, у Ха есть дурная привычка плести из нитей своих почитателей что-то непонятное и мерзко хихикать в особо душещипательных местах.

Васка вспомнил, как приехал и сразу же побежал здороваться с отцом... опоздал. Буквально на день — опоздал.

Похоронную службу отслужил сам, его познакомили с церемониалом, а звать служителя Гарри было бы слишком дорого. Положил отца в семейную усыпальницу, рядом с матерью, которая умерла родами, и их последним ребенком. Распустил половину слуг, пинками прогнал лекарей и остался в пустом замке один-одинешенек накануне посевного сезона...

До сих пор стыдно, что не было у него никаких мыслей о смерти или горя об отце: он так давно болел, что свое Васка отгоревал еще ребенком. Больше всего пугало осознание, что никто его управлять не учил и не научит, а есть что-то надо.

К счастью, крестьяне и сами справились с посевной, без своего бестолкового молодого господина. А когда голод переломал хребет его высокородному гонору, Васка обратился за помощью, и его научили, чему могли научить. Остальное он взял из книг и к следующей посевной был уже готов. К счастью, налогов короне он мог не платить еще лет пять и лишь потом к нему слетелись бы налоговики — гасить задолженность.

Какое счастье, что это уже не его проблема!

— Ха — не тот бог, с которым стоит связываться, когда у тебя есть семья, дети и теплый дом за спиной, вот что верно. А судьба разная бывает. — Васка пожал плечами. — Так что и не связывайся.

— и не буду. Ваш бог слишком человечный. — Серьезно кивнул Фылек, — Отец-Солнце мне нравится больше. Он ведь Ха пожалел.

Васку как будто под дых ударили. Но спорить он не стал: каждый интерпретирует эту сказку как хочет. Если Фылек понял так, значит, так и надо.

Пожалел...

— Пойду, проверю, как там ужин. — Сухо сказал он, направляясь к двери.

Фылек обогнал его, одной рукой захлопнув перед носом дверь, другой, той, что была обмотана бусами, ухватил за рукав. Просительно заглянул в глаза.

— Вы же не обиделись?

— Нет, просто голодный. — Чуть смягчился Васка, — иди, верни бусы на место.

Фылек помотал головой:

— А на хозяйку злитесь еще?

Далась ему эта хозяйка!

— Да. — Лгать Васка не хотел.

— А если она извинится? Ее это до сих пор грызет. Она грустная совсем, но хорошая. Она же вашего коня узнала, но ничего мне не сказала! Хотя я думал — за уши оттааскает и платить не будет с месяц, но она ничего...

— А ты рассказал об этом отчиму. — Протянул Васка, будто размышляя вслух.

Фылек вздрогнул, и Васка понял, что угадал. Кажется, сейчас он разберется, в чем тут дело. Почему их сюда заманили и зачем держат: не сказки же Фылеку рассказывать!

— Так почему же хозяйка хорошая? Даже твоя мама говорит, что она плохая. И Кови она с первого взгляда не понравилась...

— Мало ли кто ей не понравился. — Обиженно засопел Фылек, — Она же ничего, что ей не хочется замечать, не замечает. Вот. Если хозяйка извинится, вы ее простите?

— Как же она извинится?

— Ну, она сказала, что может предоставлять вам бесплатное жилье, когда хотите. и вашим друзьям. И будет очень благодарна, если вы сделаете что-нибудь с кикиморой, а то та совсем разбушевалась, волю почуяла.

— Что же она солнцепоклонников не позовет? — Насмешливо спросил Васка.

— Так... живая же тварь. Жалко... если убьют.

— А еще про извинения ты кому рассказывал?

— Маме... — Почти прошептал Фылек. — А потом...

Потом — отчиму. Молодец, парень. Знает, как исполнять секретные поручения, хоть в глашатаи бери. Растрепал по дороге папе, маме, Васка не удивится, если еще и дружки его знают, что хозяйка хорошая и хочет извиниться.

Но почему такая простая новость вызвала такую реакцию у папы? Кенсвен не похож на человека, который стал бы бить пусть и не родного, но сына. То есть, конечно, на первый взгляд похож, но Васка с ним общался: умный мужик. Не из тех, что руки распускает.

Не похоже это на него.

Да и за что? Нет у него с хозяйкой никакой кровной вражды, чтобы бить ребенка только из-за разговора с работодателем.

Если бы Фылека часто били ни за что, то он бы хоть знал, что делать с этим своим

синяком. А он даже холод приложить не догадался, хотя у каждого уличного мальчишки для этого с собой латунка имеется... Монетка самого мелкого номинала, но, как ни странно, по диаметру самая крупная, очень удобно... А Фылек, сразу видно, все время с лошадьми проводит.

И хозяйка, по словам Фылека, «сама на себя была не похожа». Чары бы Ковь почуяла. Значит, не чары. А что еще бывает?

Еще немного подумал, вспомнил почему-то про каннабис... решил, что это, скорее всего, не то.

— Ладно, скажи, что извинения приняты. Я попробую уговорить Ковь договориться с кикиморой, но ничего не обещаю. А сейчас я хочу ужинать.

Ковь больше понимает во всех этих штучках. Пора делиться своими догадками.

Он опоздал.

Он спустился на ужин, взялся было за вкуснейшее крылышко и как в кошмаре увидел, как кривится вдруг улыбчивое лицо стоявшей напротив Люты, как та хватается за гигантский свой живот и садится на стул. Как к ней бросается Ковь.

Как Люта говорит спокойно: «Ковь, проводи меня до моей комнаты». А на виске у нее — капельки пота.

Кенсвен сидит, бледный, как смерть, смотрит на злосчастного гуся, как на врага.

— Неужели ты не сбегашь за повитухой? — Спросил Васка, чтобы хоть что-то спросить, чтобы перестало быть так тихо...

— За повитухой? Люта сказала, что не нужна ей другая повитуха кроме Кови. Чтобы я их на порог не пускал сказала... Это их, бабье дело, я лишний раз перечить не буду.

Вот оно что, вот, оказывается, как все просто! А он-то голову ломал... Вот за что и вкусный стол, и халявное жилье, и все те рецепты, что Люта Кови диктовала... Не только кушаний, но и особых травяных сборов: от кашля, от простуды... Наверное, есть среди них и те, что вызывают агрессию.

Васка встал стремительно, сгреб Кенсвена за грудки.

— А вы Ковь спросили?!

— Люта хочет, Люта берет. Баба — огонь! — Спокойно, как-то слишком уж спокойно, сказал Кенсвен, — А куда Ковь денется-то? Не бросит же.

Ковь же только хвалится! Она Васке признавалась: да, однажды она принимала роды, но под руководством опытной наставницы! А ведь даже самые опытные повитухи иногда не могут спасти мать и ребенка, отец в свое время самую лучшую нашел! Если Ковь не справится, она же себе этого не простит!

И только присутствие затравленно молчащего Фылека не дало Васке избить Кенсвена до полусмерти. Так, ударил пару раз: подбил правый глаз, чтобы обозначить с Фылем семейное сходство, и, кажется, сломал нос.

За то, что Кенсвен с женошкой своей провернул — это даже не наказание. Так, погладил.

— Ты, главное, дыши, — в панике шептала Ковь, — сейчас приведут повитуху...

— Не приведут. — Спокойно сказала Люта.

— То есть это как... не приведут?

Ковь захотелось завывать: ничего еще не было сказано, но она поняла, что это была подстава. Слишком уж безразлично это звучало, не было в голосе Люты ни капли сомнений.

Дура, дура, дура! Зачем? Говорили ей, много раз говорили, не болтай лишнего...

— Нельзя мне повитуху. Ты, девочка, присядь, я объясню. — Мягко сказала Люта, — Отец — не Кенсвен.

— и что с того?!

— Не перебивай. Отец — не человек.

Замечательно! И кого она будет принимать? Кентавра? Паника сменилась злостью, и сразу стало гораздо легче дышать: она, конечно, дура, что позволила себя обмануть, но сейчас он встанет, хлопнет дверью и оставит эту женщину навсегда, и пусть Люта хоть нага родит, но как-нибудь без нее.

Все было бы иначе, предупреди Люта заранее, договорившись... Ковь бы помогла обязательно, она же считала Люту подругой, сама бы принимать роды не стала, нет, но нашла бы какой-то другой выход...

А может, не было другого выхода? Хотя, скорее, Люта просто не захотела его искать — еще бы, такой подарок судьбы, наивная дурочка-магичка под боком! Ковь-то сама хороша: вечно Васку шпыняла его доверчивостью, а сама-то, сама-то!

— Говори. — Процедила Ковь. — Кто?

— Я собираю травы. В нескольких днях пути от города есть замечательный лесок. Мужа я не беру: бабье это дело. Травки рву не я. Местный лесовик радуется, когда я позволяю собрать для себя букетик...

— Если ты сейчас спишешь все на магию...

— Нет, обычная бабья дурость. — Люта пожала плечами и поудобнее устроилась на кровати.

Достала откуда-то маленький пузырек, зажала нос и глотнула. Скривилась.

— Гадость. — Пояснила, — Обезболивает.

Ковь завидовала ее выдержке. Конечно, у них еще есть время, но, все-таки... Злость куда-то делась. Нельзя злиться на роженицу, особенно магичке — нельзя, она и сглазить может, а ребенок за грехи матери не в ответе. А Люта сама себя достаточно наказала... и Ковь попыталась ее успокоить: кто знает, может, она поэтому боится подпустить повитуху и сейчас все волшебным образом разрешится, и Ковь, преисполненная радости от такого благополучного исхода, уйдет из этого дома вприпрыжку, напевая жизнерадостные песенки?

— Твой ребенок будет совершенно... нормальным. Никто не поймет, что он не совсем человек.

— Знаю. — Кивнула Люта. — Только это — девочка.

Ага. Разбежалась. Допрыгалась. Люта так сказала это «девочка», что Кови, наверное, сразу все должно было стать понятно, но куда там.

Ну, девочка. И что с того? Ковь лихорадочно вспоминала коротенький параграф учебника. Да, у лесовиков, особенно у матерых, опытных лесовиков, есть человекоподобная ипостась, которую можно отличить от человека лишь по косвенным признакам. Человеческая женщина может понести от лесовика. Таких детей настоящий отец всегда признает и у людей те не останутся: если рождается мальчик, он наследует все свойства отца... Если рождается девочка... Про девочек не было ничего...

Наверное, девочка унаследует частицу магии. Возможно, у нее появится второй, нечеловеческий облик: обычно такие вещи совпадают по времени с половым созреванием, так что сюрпризом для бедняжки будет не только первая кровь, но и первая кора.

Ну а Ковь-то тут причем?

— Девочка? И что с того?

— Я не могу отдать ее отцу... настоящему отцу. Понимаешь?

Люта смотрела так, как будто то, о чем она говорила, было очевидно. Но нет, не было. Может, местные и знали все, поголовно, почему нежеланную дочь от лесовика нельзя отдать лесовику и жить-поживать себе спокойно, но Ковь была родом из совсем другой части королевства, и у нее в деревне таких сказок не ходило.

Хотя ее деревня была примером неудачным. Там и нечисти-то обычной не водилось, она была территорией существа посильнее, чем обычный лесовик, но и в Академии ничего такого не изучали...

А дочь-то нежеланная, как пить дать, иначе бы Люта решила все гораздо проще. Такая легко запудрит мозги мужу, и тот даже кору примет за наследство от пра-прабабки жены со стороны матери.

— Нет. — Покачала головой Ковь. — Не понимаю.

Лучше сознаться в собственном невежестве, чем чего-то не понять. Особенно в таких ситуациях.

— Он ее убьет. — Зашептала Люта горячо, как будто боялась говорить в полный голос, — Убьет, убьет! Не потому, что плохой, просто накормит лес. Чтобы росло, плодилось, чтобы эпидемий не было... я правду говорю, ты-то должна верить: обычно для этой цели они таскают с полей младенцев женского пола — слабых, болезных: важна не только жизненная сила, а сам факт жертвы... Мать отвлечется, заработается, они хвать! А дочь — это гораздо большая жертва, чем чей-то чужой ребенок. И это гораздо больше силы.

Ковь пожала плечами: что же, это логично. Это в их природе. Конечно, увидь она, как кто-то крадется во тьме с чужим младенцем, или метнувшуюся на поле тень, она бы отбила ребенка, но осуждать не могла. Они просто другие, они гораздо более консервативны. В ее родной деревне уже несколько веков каждую весну закалывали курицу вместо девственницы, но нельзя забыть многочисленных девственниц только потому, что сейчас люди так не делают. Люди не лучше, просто изобретательнее. Научились платить меньше, а брать больше, а затем и вовсе сделали из жертвы символ...

Но для нечисти жертва — не символ, а плата. Людям на поля курицы хватает. Лес требует от своих созданий большего.

А дочь лесовика спасет немало таких вот детишек.

— Не хочешь отдавать — попробуй оставить себе. — Фыркнула Ковь.

Люта заглянула в ее лицо и тут же вжалась в спинку кровати, побледнев как мел. Ковь ткнула себя пальцем в щеку: вроде все нормально, не горит. Подавляемые эмоции бывало, прорвались огнем, но сейчас вроде не было такого... Или на женщину так подействовало именно спокойствие Кови? И хорошо, пусть считает ее бездушной тварью, пусть знает: нельзя вынудить помочь.

— Неужели тебе не жаль...

— Жаль. — Вздохнула Ковь. — Но что поделать?

И взять на жалость нельзя, когда у собеседника уже не осталось к тебе ни капли сочувствия. Думать надо, с кем кувыркаешься, и не вешать последствия на первых попавшихся прохожих... А то хороша: рыбку съела и теперь удивляется, чего же так обляпалась.

— Да как ты...

— Ты права, жертвенным младенцам приходится не сладко. — Согласилась Ковь, — но

чего те от меня-то надо? Думаешь, я могу махнуть рукой, и спалить их деревянный алтарь нафиг? Могу. Но потом рукой махнут лесовики и построят на моих костях новый.

— Я хочу, чтобы ты приняла ребенка.

— Ну, приму я его, а дальше что? Может, позовешь кого-нибудь, кто взаправду умеет принимать детей? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что я соплюшка без опыта, ага.

Голос Кови дрогнул. Она отвела глаза, сделав вид, что очень заинтересовалась вышивкой на шторах. А та и правда оказалась крайне интересна. Народные мотивы, все больше обережные, вышиты тщательно, мелкими стежками темно-бурого цвета... да, Люта готовилась. Долго готовилась.

Крови не жалела.

Но это еще не повод жалеть Люту. Не будет от этой жалости толку.

Потому что у Кови кишка тонка, справиться с матерым лесовиком, желающим забрать своего ребенка. Да и Ха будет на его стороне, тут и сомневаться не в чем, это не ее плоть и кровь.

Поймав себя на том, что уже почти всерьез обдумывает, как победить лесовика, Ковь вскочила со стула и больно укусила себя за запястье, приводя в чувство.

— Нет!

— Ты не поняла. Я прошу тебя принять ребенка, как своего. Для тебя — малость.

— Малость? Хочешь, чтобы я рисковала из-за твоего отродья? Только потому, что имела дурость у тебя загоститься?

— Так. Именно так. Хотя ты и магичка, ты это сделаешь. Ты слишком человечна, чтобы мне отказать. Ты пытаешься спрятаться за браными словечками и обтрепанной одеждой с чужого плеча, но... Ты слаба. — Люта подняла на нее спокойные глаза, — Совесть — твоя слабость. А у твоего спутника достаточно денег, чтобы отдать стражнику серебрушку и достаточно гордости, чтобы отдать графскую пошлину. Его слабость — его честь и гордость. А еще — ты.

— ...Что?

Конечно, она не будет ни в чем убеждать Васку, еще чего не хватало! Люта свихнулась, с какого... Да как она смеет говорить так, как будто как их знает как облувленных, как будто... Ну да. Знает.

— или смерть моей девочки будет на твоей совести. — Все так же спокойно сказала Люта.

Не ошиблась она. В Кови — так точно.

Куда только делся ее испуг? Жирная самодовольная морда. Как обожравшаяся сметаны лиса, которая нашла-таки крючок, на который можно подцепить жертву. Кто сказал, что лжецы — рыжие? Лжец.

Даже гримаса боли, исказившая эту харю на миг, не смогла заставить Ковь испытать хоть что-то, кроме отвращения и какой-то совершенно детской обиды. Подцепила же.

Девочка ни в чем не виновата. Ковь может сколько угодно ненавидеть ее мать, но уйти сейчас — как отпустить в лес косматое чудище, схватившее ребенка. Все одно, все едино...

Да, она может запретить себе жалеть Люту. Но ребенка — нет. Васка поймет, он ее слабости знает наперечет. Даже без дополнительных уговоров. А если не поймет, то Ковь не будет уговаривать, а сделает как он скажет, она хочет, чтобы он отказал! Нет, Ковь ни за что не будет говорить ему то, что ей посоветовала Люта, потому что если сделает — это будет

гнуснейшим из предательств.

Она его прекрасная дама, а он ее рыцарь, и она имеет над ним эту власть ровно до тех пор, пока не решит, что может ей пользоваться...

Она отвернулась, прислонилась лбом к двери.

Вот бы Васка оказался здесь. Чтобы обозвал ее наивной, доказал ей самой, что она не виновата... На пальцах объяснил идиотке, что Ковь тут совсем не при чем, что она сможет уйти и не жалеть потом об этом...

— Ковь. — из-за двери Васкин голос звучал приглушенно, но Ковь все равно четко различала каждое слово: как он вовремя пришел, будто почуял! — Эта тварь тебя опоила.

А вот и первый весомый аргумент против. Жаль, что не сработает.

Ковь не стала спрашивать, как много он услышал. Сползла по двери вниз, уселась прямо на пол, упершись спиной в шершавое дерево.

— Я ничего не пила.

— Да? Тогда ладно. Она опоила хозяйку той гостиницы, помнишь? Это из-за нее та нас оскорбила.

— Вот оно как. Правда?

Люта пожала плечами.

— Я не могла упустить такой возможности. Но не опоила, просто... особая приправа. Могло дать осложнение на сердце, но обошлось. Видишь? Сейчас я совершенно искренна. Я раскаиваюсь, но я сделала бы это еще раз. Хочешь, дам рецепт? Я ж многому тебя научила...

Ковь уставилась на собственные руки, усилием воли гася загоревшиеся на пальцах огоньки. Вспомнила, как покраснело у хозяйки лицо. Обошлось, да. Чуть не убила ее своей кикиморой... Надо же ей было понтануться, покрасоваться: вот, какая переговорщица выискалась! С любой нечистью договорится, ей это как два пальца, ага!

Нужны ей эти рецепты... Как козлу молоко. Молоко. Младенцу будет нужно молоко.

— Да катись ты со своими рецептами к лешему... Мог бы и раньше сказать. — Упрекнула она Васку.

— Сам только додумался. Слушай... она просит забрать ребенка, правильно?

— Ты слышал?

— Нет, только подошел. — Признался Васка, — но это логично. Зачем ей еще устраивать такое? Это... мы можем говорить, ты не торопишься?

— Когда начнем торопиться, ты поймешь. — Невольно улыбнулась Ковь. — Чего тебе?

— Хорошо бы стробовать с нее пару золотых и герцогскую корону в придачу, но чего нам потом с этим богатством делать? — Ковь слушала его, не сильно вникая, что именно он говорит, Васкин голос просто успокаивал, даже перестали потрескивать волосы. — Если ты решишь принять ребенка, скажи ей, пусть сначала напишет бумагу.

— Бумагу? Зачем? Какую? — Удивилась Ковь, мигом заставив себя сосредоточиться.

Как она же хотела, хотела, чтобы Васка ее отговорил. Но он и вправду слишком хорошо ее знает и не тратит сил на бесполезные уговоры... У него всегда такой... практичный подход. Он и Кирочку в свое время не пожалел, русалка до дна иссушилась, а все равно пришлось сделать, как он хотел: деньгами... жемчугом, но какая разница, все равно ведь заплатить. Вот и сейчас, наверное, хочет дом или денег: логично, если так подумать. Услуга-то огромная, тут можно и жизнь попросить...

— Что полностью отказывается от прав на ребенка и вверяет его на наше попечение. — Ответил Васка совсем не то, что Ковь ожидала услышать, — Понимаешь, я уже

разыскиваюсь за пару краж, избиение, изнасилованье, и, кажется, чье-то убийство?

— Двойное убийство. — Не отказала в себе удовольствию поправить Васку Ковь, и улыбнулась, услышав с кровати испуганное «ах». — Ты знатный маньяк, Васка и известный в парочке городов извращенец. Так и липнет к тебе эта погань...

— А еще — документированный безумец. — Согласились из-за двери, — не хочу в придачу заделаться похитителем детей, знаешь ли. Я запомнил накрепко: не стоит недооценивать силу бумаг.

— Ты прав.

Все-таки не деньги.

Ковь махнула Люте рукой — мол, пиши. Занавески она подпалила совершенно случайно, так, искорки с пальцев сорвались, и тут же потушила — под ее строгим взглядом огонь умер, не успев разгореться. Вышитые на занавесках обережные знаки, к счастью, не пострадали. Отлично, не хватало еще сжечь по дурости то, что могло еще послужить.

Действие обезболивающего, кажется, кончилось. От Лютиного спокойствия мало что осталось.

Наблюдая, как Люта суется, выискивая среди связки ключей на поясе нужный, как не может попасть дрожащими руками в замочную скважину, как с трудом поворачивает ключ и все-таки открывает запертый ящик шкафа, почувствовала что-то вроде злорадства, но волевым усилием ее в себе задавила. Нельзя сейчас ей зла желать. Нельзя.

— Знаешь, кто счастливый папочка? — Спросила скорее для того, чтобы подбодрить саму себя, и Васка поддержал шутку.

— Какое-то блудливое отродье Ха?

Он всегда зрил в корень.

— Угадал. Лесовик. И он пойдет за нами.

— Мало того, что мы не в ладах с людьми, так еще и последнюю клиентуру потеряем?

— Ну-ну, не кипятись. Зато тебя перестанут доставать русалки... ой, наверное, это, все-таки, грустная новость?

Васка хмыкнул.

— Надену черное и буду рыдать по их хладным объятьям. Как думаешь, мне пойдет? А если глаза подведу черным, как тот парень из бродячего цирка? Помнишь, факелы глотал? — и, уже серьезно, — Ковь, ты решила?

— Угу.

— Тогда я пойду, разберусь с теми делами, что остались?

Ковь кивнула, потом поняла, что вряд ли Васка мог этот кивок увидеть, сказала:

— Хорошо бы. У тебя еще часов... пять, шесть, десять, двенадцать — роды, конечно, вторые, но тут как повезет. И... молока бы.

Будь она одна, она бы, наверное, сбежала. А потом жалела бы об этом. Лучше сделать, чем не сделать и жалеть. Хотя... как они справятся, как... может, ну его? Васка поддержит, но понимает ли он, что именно... а она — понимает? А...

Протяжный стон Люты выбил из головы все лишние мысли: она распахнула дверь, рывкнула в коридор:

— Горячей воды мне несите, быстро!

И занялась делом.

Но сначала, все-таки, тщательно пересчитала подписи в Лютиной писульке, а потом, воровато оглянувшись, надколола палец. Мало ли...

В голове было пусто-пусто.

Васка поднимался, уверенный, что уговорит Ковь на все плюнуть и уехать из этого поганого города. Спешил. Прочь, прочь, скорее прочь от как бы вроде бы добрых тетюшек с их фальшивыми улыбками, фальшивым гостеприимством и дурной привычкой перекладывать на хрупкие (на самом деле нет) плечи случайно (тоже нет) попавшей к ним постоялицы самую настоящую ответственность.

Но где-то на полпути его осенило. Он встал как вкопанный, борясь с жутким желанием побиться лбом хоть бы и о перила.

Магичка, которую никто в городе не знал и не запомнил. Наемник тех же характеристик.

Ковь никто не видел рядом с домом Люты, потому что в последние несколько дней она их него не выходила. Его видели, но всегда можно сказать, что он чему-нибудь учил Фылека... да и про Ковь можно сказать тоже самое...

Повитух нет. Свидетелей рождения живого ребенка, то есть, тоже.

Вряд ли Люта хотела бы их убить, убить как раз проще обычную повитуху. С Лютиными-то познаниями даже так, что никто ничего и не заподозрит. Сердечный приступ, падучая — мало ли что случается с честными повитухами? Достаточно подобрать пожилую, и никто не будет докапываться до причин смерти старухи. Главная-то ясна — старость...

То есть что? Есть магичка, есть рыцарь, есть ребенок, про которого никто не знает, жив он или мертв. У рыцаря есть... ну, предположим, деньги: наверняка целая куча народа видела ту серебрушку, вовремя он решил показушничать, нечего сказать. Да и постоянный двор они выбрали не самый дешевый... У Кови... у Кови... Что Люте могло понадобиться от Кови? Навыки повитухи? Вряд ли только они, да и Люта не могла не понимать, что навыки, скорее всего, так себе. Значит, важно то, что Ковь — магичка. Может, ребенок волшебный? Почему бы и нет, ситуация настолько бредова, что можно предположить что угодно, лишь бы понять все правильно...

Рыцарь, магичка, волшебный ребенок в городе солнцепоклонников.

Волшебный ребенок не сможет долго жить в городе солнцепоклонников? Да уж, проблем у него будет побольше, чем у обычного...

А у рыцаря есть деньги, магичка и лошади — все это легко спасет волшебного ребенка от проблем.

Итого? Ну, тут элементарно. Волшебного ребенка милая женщина Люта всучит им нытьем как катаньем. Даже не им: достаточно убедить сердобольную Ковь. Та, конечно, весьма цинична для девушки, но дети ее слабость. А Ковь — слабость рыцаря, у которого есть деньги, а значит — возможность вывести чужого волшебного ребенка из города солнцепоклонников...

А потом будет принимать соболезнования от соседок. Гарра дала — Гарра взяла. Что еще говорят? Слишком поздно, как она решилась, неудивительно, что ребенок родился мертвым... что поделаешь, жалко, горе-то какое...

Васка тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Нет на них времени.

Главное, что в гибели ребенка никто ничего подозрительного не увидит.

Вот почему Люта обрабатывала именно Ковь. Васка бы все равно от нее никуда не делся, так что зачем зря тратить на него время?

Биться о перила он не стал. Буквально взлетел по лестнице, услышал обрывок какой-то

фразы, приник к двери и сообщил:

— Ковь, эта тварь тебя опоила.

— Я ничего не пила...

Васка многое расслышал в этом голосе. Растерянность. Страх. Неожиданную решимость. Очевидно было: он проиграл Люте в сухую и вряд ли сможет что-то сделать.

Слишком уж хорошо Люта подготовилась. Вряд ли он смог бы Ковь переубедить, так что он даже не стал пытаться. Поддержал как мог, уколол Люту напоследок, посоветовав Кови затребовать у нее бумаги, но это была жалкая попытка. Укус загнанной в угол полуживой крысы.

Что же, ладно. Их использовали. Ничего страшного, кроме, конечно, растоптанной гордости. Если все так, как он предположил, то они просто отдадут младенца какой-нибудь сердобольной женщине в близлежащей деревне вместе с остатками денег и забудут это дело как страшный сон. Пусть Ковь поступит по совести, он поможет.

Так что спускался он уже вихрем. Едва не споткнулся о топчущегося у входной двери мальчишку.

Мысли в голове бились назойливыми мошками. Плодились, бесполезные, пустые, лишние, перескакивали с предмета на предмет, с молитв всем известным богам на беспокойство о человеке.

Вот мальчишка... Васка посмотрел в его обескровленное лицо и понял, что не сможет пожелать его матери и не рожденной еще сестрице смерти. Это и избавило бы от многих проблем. Но нет. Потому что вот он, мальчишка. Стоит. Трясет его.

— Чего стоишь?

Куда он пойдет, если что случится? Останется с отчимом? Долго не выдержит...

— Это, ну...

Васка хлопнул себя по лбу.

— Твой отчим в бабье дело не полезет?

— Не-е-ет... — Всхлипнул мальчишка.

Васка взял его за плечи и легонько встряхнул.

— Значит, ты будешь главный, понял? Раз уж Кенсвен такая размазня и на дело... своей... своих рук... — Не стоит мальчишке знать про грехи своей матери, — смотреть боится, то ты должен быть главным. Не реви! Не реви, сказал, некогда.

Уверенность — главное. Фылек должен поверить. Васка старше, Васка укажет, что делать.

Сверху очень вовремя раздалось громкое: «Горячей воды мне несите, быстро!» — и Васка встряхнул Фылека еще раз.

— Слышал? Нужна вода. Кроме тебя этого никто не сделает. Пошел! — и проводил его тычком с спину.

Главное, не дать задуматься.

Мальчишка бросился на кухню.

Потом, конечно, прорывается. Не придется драпать сразу, так Васка даже покивает сочувственно этим рыданиям. Есть с чего. Может, в кошмарах ему этот день сниться будет, а что делать? И правда же, кроме него и некому...

Надо было второй глаз Кенвену подбить. Какая подлость: кроме мальчишки — некому. Но — некогда.

Васка отвернулся, пинком открыл дверь и с наслаждением вдохнул свежий воздух.

Помедлил секунду... и побежал в сторону постоянного двора.

Хозяйка, кажется, хотела извиниться? Ну так пусть извиняется молоком. Вроде, за конюшней был небольшой овин. Должна быть коза или овца какая-нибудь, дойная. Лишь бы была, лишь бы была, Ха-милостливый, лишь бы была! Пусть будет у хозяйки такое маленькое забавное чудачество, хлев в черте города, а в нем дойная коза, пусть будет!

Даже если осенью козы вдруг не доятся (Васка мало что смыслил в сельском хозяйстве) так почему бы Ха не сделать для своего служителя, пусть и такого бесполезного, чудо? Не так уж часто он о чудесах просит...

Можно бы, конечно, завернуть на рынок, на животные ряды... но Васка почему-то упорно бежал на постоянный двор. Почему-то казалось, что там чудо обязательно случится.

Васка бы хотел, чтобы кто-нибудь его взял, как он Фылека, за плечи, встряхнул, сказал, что делать... Но некому.

И он уцепился за высказывание Кови про молоко. Хоть какая-то цель. Хоть что-то он сможет сделать.

Добежал. Мгновение помедлил у ворот.

Пришли в голову мысли, которые до того Васка тщательно отгонял. А если местной хозяйки нет дома, или Фылек что-то напутал, и эта милая женщина не захочет помогать?

Или хозяин окажется нравом крут и налысо брит?

Васка снова мотнул головой, совсем как Фылек, тоже, наверное, похож на жеребенка... только жеребенка-переростка. Надо взять себя в руки. Успокоиться.

У страха глаза велики, а служителям Отца-Солнца не дозволено жениться. Не договорится с хозяйкой, так договорится с кикиморой, не договорится с кикиморой — так с овинником столкнется, лишь бы овин был.

Хоть бы и самому придется налысо побриться, но козу он достанет. Дойную!

Не с коровой же драпать... Да и козье молоко, говорят, для детей полезнее.

Васка вздохнул поглубже и толкнул приоткрытые створки.

Народа в дворике было достаточно: шныряли туда-сюда слуги, помогали постояльцу, чья телега очень неудачно развернулась чуть наискось, перегораживая конным проезд, побыстрее перетащить вещи. Служанки тоже сустились, непонятно, правда, зачем, наверное, за компанию.

Васка обошел телегу кругом и присвистнул. Это же надо же так было исхитриться! Даже если бы Васка специально хотел поставить телегу так же, он бы не смог, наверное.

Одна надежда, что к тому времени, как Васка будет выводить коней, телегу откатят. Вручную, лошадей какой-то умник уже выпряг.

Вещей было уйма, целая гора дорожных сумок, тюков, тючков, узлов и прочего барахла.

Повезло, нечего сказать, прийти, когда все заняты по самое горло. Хотя, может, оно и к лучшему: хозяйке будет не до Васки, она быстренько извинится, отдаст козу... ну и все.

Васка хлопнул себя по лбу. Ну дурак, ей боги, дурак! Зачем выпрашивать козу, если можно просто так ее взять?

Она же приняла его за Ха знает кого, ну так он оправдывает ожидания! Может, он всю жизнь мечтал оправдать хоть чьи-то, не упускать же возможность?

Он поймал за плечо какую-то служанку.

— Ей, девка, — Процедил он, многозначительно оглаживая рукоять меча, — Мне нужна ваша коза. — Подумал немного, — Корова, в принципе, тоже сойдет.

— Че? Какой еще козел?

— Коза. Обычная коза. Козел совсем не подойдет. — Васка отрицательно покачал головой и поцокал языком, — У вас есть коза?

Служанка растерянно захлопала ресницами.

— Господин хороший, с вами все хорошо? Какая коза?

— Дойная. — Нахмурился Васка. — Ну очень надо. Правда. — Шепнул на ухо, — У меня подруга роды принимает. Тайные-е-е... Так что без козы никак.

— Тайные роды?!!! — Воскликнула служанка, — Ого!

— У кого тут тайные роды? — Подлетела другая.

— Кто рожает?

— Мальчик или девочка?

Окружили. Васка вздохнул. А потом махнул рукой: Ха выведет!

— Все всем расскажу. Приведите мне козу вот прямо сюда и я все расскажу. Очень грустная история. В ней есть дама больших достоинств, и... э-э-э... любовь всей ее жизни. А кончится все... — Он смерил замерших девушек возмущенным взглядом, — Какие хитрые! Сначала коза, потом история! — и он с гордым видом взгромоздился на телегу, прямо на какой-то мягкий тюк, выпрямил спину и задрал нос повыше.

Внизу зашептались.

— Это тот, помните? Которого наша прогнала-то...

— Перегрелся?

— Свихнулся...

И, гласом разума, от которого сердце Васки запело:

— Да ну, девочки, интересно же! Он вроде с Лютой пошел, у нее живет, что у нее там, неужели не Кенсвен папашка-то? Ну девочки, давайте приведем козу, не съест же он ее!

— Не съем. — Подтвердил Васка. — Правда.

— и конюха приведем, если что он ему по шее надает...

Вот это понравилось Васке уже меньше.

— Да ну, глянь какой бугай, кто кому надает...

— Калька, Калька! Родненький! Поможешь если что? — и интонации такие игривые-игривые, обещали все и еще больше. — Ты же мой самый лучший друг, ты же если что задашь этому блаженненькому жару?

— Угу. — Ответили густым басом.

Васка хмыкнул. Нет, мужская солидарность требовала бедняге посочувствовать, но Васка взял в свое время за правило не сочувствовать тем, кого собирается однажды приголубить рукоятью меча по голове.

Не, даже ради его счастливого будущего и сотни тысяч детей... Васка склонил голову, внимательно рассматривая парочку. С этой-то невзрачной блондиночкой? Да тут же смотреть не на что, а он ради нее готов блаженного избить? Зве-е-ерь.

Не свезло человеку. Ну ничего, дружба — тоже хорошо.

— Подашь тючок, брат?

— Да не вопрос. — Васка протянул еще одному парню здоровенный мешок. — Ну, мне козу ведут, не знаешь?

— А мое какое дело? — Безразлично пожал плечами слуга, и уже в полголоса, — Ага, ведут. А что, правда?

Васка даже не стал спрашивать, что именно. Кивнул барственно:

— Чистейшая. Кстати, там еще конь и мул должны стоять... Этих тоже приведите, они

мои. — Поднял палец, — Во имя пикантных подробностей.

И он коротко описал лошадей.

Животных привели подозрительно быстро. Не иначе как был, был у хозяйки овин... Свезло Васке: видимо, хозяйка была занята с владельцем телеги и объясняться не придется.

Он спрыгнул с телеги: знал, какое производит впечатление. Улыбнулся, обнажая даже нижнюю челюсть. Люди боятся тех, кого не могут предугадать.

— история проста: красивая женщина встретила мужчину своей мечты. Они поженились: буря, искры, дом коромыслом. — Начал он, приближаясь к козе. — Ребенок.

Взгляд на Кальку: ну как, полезешь геройствовать? Рука на мече, чуть прищуриться: это, стал быть, очень-очень грозный взгляд. Васка очень-очень неадекватен, непредсказуем и порубает всех в капусту чуть что, честно-честно.

Он очень сильный, очень опасный, он сейчас возьмет веревочку и уйдет. Главное, чтобы эта скотина не упиралась.

Скотина не упиралась. Кажется, она тоже не очень понимала, что здесь происходит. Васка привязал веревочку к стремени.

— Девочка. — Добавил Васка уже у самых ворот.

Звякнул чей-то кошелек: когда успели организовать ставки?

— Конец. — и Васка тихонько закрыл ворота.

Хлопнул себя по лбу — скоро у него шишка будет, если так и дальше пойдет, сунул голову обратно.

— Передайте хозяйке, что блудливое отродье Ха ее простило.

Взлетел на коня и шагом поплелся к дому Люты. Галопом — оно вернее, но он побоялся, что коза не поспеет...

Ковь смотрела на козу. Коза смотрела на Ковь. Нагло так.

Кажется, она издевалась.

— Васка, ты ее купил? Скажи мне, я тебя умоляю, ты ее купил?

— Ну, не совсем. — Запустил Васка пятерню в рыжую свою шевелюру, — Но не думаю что она будет жаловаться. Теперь моя очередь: мы же вот это не оставим, а?

И указал на сверток.

Ситуация была дурацкая: они отъехали от города совсем недалеко, когда Васка остановил коня и потребовал объяснений. У него были все основания их требовать, а вот Ковь понятия не имела, как ей объяснять. То есть Васка, конечно, не тот человек, который затопает ногами, заплачет и убежит, бросив ее наедине с ситуацией. И молча не уедет. И вообще — не уедет...

Но как же стыдно за такую подставу!

Вот что Ковь могла сказать, как объяснить? Ну, она и сказала. По существу.

— Оставим...

Васка улыбнулся как-то страшно. Как-то... сразу верилось, что он и правда — документированный безумец.

— Мы. Оставим. Девочку? Мы точно не можем отдать ее в ближайшую деревню? У нас достаточно денег, чтобы...

— Если мы отдадим ее в ближайшую деревню, она погибнет. — Просто сказала Ковь. — Слушай, я тоже хочу себя удушить, я понимаю... правда... В общем... — Она набрала побольше воздуха и выпалила:

— ЕезовутЭха!

— Эха?

— Эха. — Кивнула Ковь.

Как-то бросать ребенка у которого имя есть — совсем не то, что бросать безымянный орущий сверток, который как-то совершенно случайно попал им в руки.

— Ты же это только что придумала? — Подозрительно спросил Васка.

Ковь развела руками. Только бы не зареветь, только бы не зареветь. Только бы не зареветь... Боги, зачем она в это ввязалась, надо было отдать девочку Люте и уехать... руки болят... интересно, она еще жива? Он придет сразу же? Боги, там же остался мальчишка! Она совсем забыла про мальчишку... как его, Фылек, Флек? Фыльк?

Васка сел прямо на дорогу, уткнулся лбом в руки. Потер виски.

— Я, кажется, забыл... Амулет. — Сказал он после невыносимо долгой паузы. — Призыва... сестер.

— К лучшему... — Выдохнула Ковь. — Может, повезет кому... Как забыл! Как можно было его забыть, чтоб тебя?!

— Отдал Фылеку, чтобы он к синяку приложил. — Васка пожал плечами, — А потом знаешь, Люта... коза... Спешка... Как-то так. Извини.

Фылек... Забыла и забыл — лишь бы сложилось в «повезло».

— Квиты. Мы же теперь... Не сможем... дальше?

Васка резко встал, подошел к коню, погладил Шалого по точеной морде.

— Нам все равно пришлось бы где-то зимовать, Ковь. Не извиняйся.

Дальше они ехали в молчании.

Ночью к костру вышли двое.

Васка узнал в них Фылека и Кирочку. Фылек снова отворачивал голову, а Кирочка не скрывала своего недовольства.

— Какого! Вы... Я погибнуть могла! — Рывкнула она, — Совсем совесть поимели? Сами бросили — маленькая девочка разгребай, да!?

За спиной у Васки встала Ковь, дошла нетвердым шагом до Кирочки. Сползла — именно сползла, на колени, ухватила ее за руки.

— Как?

— Как, как! — Всхлипнула Кирочка, — Я просто... Я... Он заплатил цену. И я...

— Фылек. — Перебил Васка жестко. — Повернись другим боком.

Тот неохотно повернул к нему голову: на месте правой глазницы зияла не слишком аккуратная дыра. Приложил амулетик... фингала и правда больше нет.

Кирочка зарыдала, уткнувшись Кови в плечо.

Фылек протянул амулет Васке — растрескавшийся, как будто покрытый вековой пылью. Вряд ли он еще хоть на что-то годен.

Ну что же. Зато Васка теперь может ответить на заданный вопрос.

Куда?

Домой.

Даже если для того, чтобы сделать это место домом, Васке придется проломить головой брата каменную стену.

После недавних потрясений дышалось как-то удивительно легко.

Кирочка сказала, что лучший пойдет за Фылеком, но ничего не найдет: уходили водой. Ковь не стала выяснять точно, что именно произошло.

Главное, вроде бы, оторвались.

Она смотрела в небо. Там, высоко-высоко, кружила какая-то птица: ни забот, ни тревог, птенцы уже улетели из гнезда...

— Ковь, выходи за меня. — Как бы между прочим предложил Васка.

— Типа, ты заделал мне столько детей, что теперь просто обязан на мне жениться? — Меланхолично спросила Ковь.

На это спокойствие ушла вся ее выдержка. Вообще ничего не предвещало подобных внезапных предложений. Хотя... он как пришибленный после объезда из Гелликена, кто знает, что он там себе надумал?

— Кто еще кому заделал! — Возмутился Васка.

Эха на его руках протестующе пискнула, как будто догадалась, что речь зашла о ней.

Фылек пришпорил своего конька, чтобы оказаться поближе. Ковь привстала на стременах и лениво щелкнула мальчишку по лбу.

— Уши не грей, тут взрослые разговоры разговаривают. Знаешь что? Забирай-ка Кирочку и скачите-ка отсюда. Погуляйте.

— Вот всегда-а-а так. — Заныла Кирочка, которая до того буквально не дышала, притаившись за спиной Кови: надеялась, наивная, что про нее забудут, — как взрослые разгово-о-оры, так детей прочь! Мы требуем оставить нашего представителя!

— Тоже мне, дите. — Добродушно хмыкнула Ковь. — Оставим, как не оставить. Вы с Фылеком скачите себе, резвитесь, а Эха вас... попредставляет. Потом спросите у нее, что да как.

— Ну ты же не серье-е-езно!

— Еще как серьезно. — Поддержал Ковь Васка. — Смотрите, какое у вашего представителя лицо сердитое, еще немного помедлите и она ничего вам не расскажет.

— Фыль, ну скажи-и-и им!

Фыль, что, впрочем, совершенно неудивительно, высказываться не спешил. Ковь заметила беспокойство на лице Васки: с тех пор, как мальчишка их догнал, он не сказал ни слова. Кирочка тоже не торопилась делиться произошедшим, все, что из нее удалось выцедить — только первые ее слова про плату...

То, что молчаливость мальчишки связана с его приобретенной одноглазостью, было очевидно. Но узнавать детали Ковь не собиралась: ей хватало возни с обработкой воспалившейся раны, не хватало еще вскрывать гнойник в его душе. Пусть этим Васка занимается.

Кирочка покорно пересела к Фылю, ухватила за его пояс и попросила:

— Ну, резвиться, так резвиться, давай галопом? Пожалуйста-пожалуйста, я крепко держусь! — Как будто и вправду была маленькой пятилетней девочкой, упроставшей брата покатасть ее на лошадке.

Фылек зябко передернул плечами и пришпорил коня.

— Хороший наездник. — Вдохнул Васка вслед. — Талантище. Ну, так что скажешь?

— из него еще может получиться неплохой лучник. — Согласилась Ковь и, поймав укоряющий взгляд Васки делано возмутилась, — Ну что?!

— Выйдешь за меня замуж?

— Нет.

— Ладно. — Согласился Васка, привстал на стременах, прижимая себе сладко сопящую Эху, у Кови всегда сердце ронялось в пятки, когда она такое видела, все казалось, не удержится — или, что страшнее, не удержит, — Еге-е-ей, возвра...

— Да тише ты! — Шикнула Ковь, — Она только заснула, а туда же, орать. Пусть скажут, пока дорога ровная и нет никого в округе. — Подумала немного, и добавила, скорее для порядка, — А почему не спросишь, почему?

— Почему что? Почему заснула?

— Почему не выйду.

Васка фыркнул, не выдержал, расхохотался в полголоса, башку от Эхи отвернул, чтобы не разбудить, наверное. Чего он смеется, гад? Вот вечно, нет чтоб как все нормальные люди, в любви там признаться, песенки попеть... Ну хотя б спросить в горькой печали, чем он не хорош, поплакать там, пострадать, помереть от тоски... А он, гад, пятками коня тронул, с мулом поравнялся и спросил, как будто большое одолжение делает:

— Ну, почему? — и все ржет, как этот его конь.

— Не скажу.

— и не надо. — хмыкнул Васка.

— Ты меня не люби-и-ишь.

Интонации Кирочки бывали крайне заразительны, а Ковь еще и выпятила нижнюю губу, в глубине души надеясь, что похожа на капризную маленькую девочку больше, чем на впавшую в детство идиотку.

— Ну так это же взаимно! — Жизнерадостно ответил Васка.

— Обычно этому так не радуются. — Ковь поправила Эхе чепчик, — А еще ты меня не хочешь.

Васка поперхнулся и заалел ушами. Пришел через Кови улыбаться, и она улыбнулась что надо, злорадненько так.

— А?!

— Бэ! Ну что ж ты трепетный такой, прям юная дева. Брак — это ж не только бабочки...

— ...и единороги, я понял. — Поспешил закончить Васка.

— За долгие месяцы наших отношений, — глубокомысленно продолжила Ковь, — ты меня ни разу ни облапал. Хотя поводов было за-ва-лись. Зато тебе не понадобилось повода, чтобы облапать... Следи внимательно, я буду загибать пальцы, — Ковь даже засучила рукава, — Служанку рыжую — три шт, служанку брюнетистую две шт, подавальщицу плоскую семь шт, пышную — две шт...

— Что-то ты не загибаешь... — Подозрительно протянул Васка. — Зачем я, спрашивается, Эху держу?

— Ну так ни одной порядочной же, все мочалки драные какие-то. Нет, чтобы у меня спросить, я б тебе посоветовала... — Вздохнула Ковь, — ну никакого вкуса у человека.

— Это у меня вкуса нет?! — Возмутился Васка, — А кто заглядывался на хромого дровосека? — и мстительно добавил, — одна шт!

— Ничего ты в мужской красоте не смыслишь!

— Не представляешь, ка-а-к я этому рад.

— Вот и я тебя не хочу. И что это за брак такой?

— О, ты не знаешь, да? Неужели у вас все исключительно по большой любви женятся — да не верю! Фиктивный брак это называется. У тебя — моя фамилия, у меня — жена. Нас

перестают принимать за сбежавших из отчего дома малолеток, мы удочеряем Эху...

— Усыновляем Фылека и Кирочку до кучи. — Подхватила Ковь, — Отжимаем у цыган кибитку и живем дружной рыцарской семьей.

— Вот, я знал, что ты проникнешься идеей! — Восхитился Васка, — Мне нравится ход твоих мыслей.

— Нет.

— Ладно.

— Хотя бы сделай вид, что тебе грустно, гад! — Рывкнула Ковь, — Я девушка впечатлительная, дай получить удовольствие от отказа!

— Мне очень, очень грустно. — искренне сказал Васка.

— Что, не получится брата позлить?

Васка рассеяно провел рукой по волосам: в последнее время он заплетал их в косичку.

— Кстати, у тебя краска осталась? — Вдохнул он, — А то сама видишь. Корни.

Ковь давно заметила в Васкиных волосах пару подозрительных светлых пятен, и в этот раз удержаться не смогла.

— Вижу, перец с солью. Ты поэтому у меня хну тягаешь? Ранние седины? Комплексуешь? Может, тебе еще масочку от облысения?

Васка улыбнулся.

— В нашей семье волосы до старости густые и шелковистые, хоть на парики продавай. А вот седем мы и правда рано... Так что перец с солью это скорее про моего брата. У него шикарная коса до попы, с кулак толщиной, правда-правда, но наполовину седая и это ее портит.

Ковь фыркнула. Почему-то брат Васки представлялся ей мрачным брутальным мужиком со злобным прищуром и жесткими морщинками в углах рта. Обязательно такая же квадратная фигура, как у Васки, только еще массивнее, оскал наемного убийцы... с «косой до попы» образ не вязался никак.

Нахватался Васка у Кирочки детского лексикона. С Эхой гугукает с удовольствием. Фыля растормошить пытается... А чем дальше едут, тем громче говорит и натянутей улыбается.

— Я не спрашивала, но... куда мы едем-то? Где это твое «безопасное место»? — Спросила Ковь, догадываясь, впрочем, что будет ответом.

Не зря же Васка про брата заговорил. Да и про свадьбу, в общем-то.

— Домой. Ко мне домой.

Они немножко помолчали.

— Не мое дело, конечно. — Первой не выдержала Ковь, — Но сколько с тобой... работаю? Путешествую? Не важно. Ты мне так и не сказал, почему с братом поссорился.

— Все просто. — Ответил Васка, — Сначала он исчез. Я доучивался в Треххрамии — это рыцарская школа, знаешь, оттуда с титулом выходят... можно, конечно, по старинке, в оруженосцы, служить-служить и получить меч напрямую от сюзерена, но отец хотел, чтобы я выучился грамоте. Он был амбициозен, мой отец, и ценил образование. Поэтому отправил меня именно в Треххрамие. Это, как ты догадываешься, храмовый комплекс недалеко от столицы. Храмы Старших. Отца-Солнце есть, потом Храм Гарры Отнимающей и Храм Прахи, богини войны. Все три рядышком стоят, дверьми в одну квадратную площадь, и четвертый угол — пустой, через него телеги заезжают, всадники, кареты, дорога там...

— Богини любви. Прахи если. — Машинально поправила Ковь.

— и любви тоже, — согласился Васка, — но для рыцаря важнее война.

Ковь пожала плечами, продолжай, мол, я в таких тонкостях не разбираюсь.

— До того как пропал, брат учился в Столице. Блистательное образование, по судейской, знаешь, части. Я-то что, я-то до двенадцати в замке болтался, но братишка старший, ему отец очень хотел дать самое-самое наилучшее образование, которое только мог дать при нашем-то уровне дохода, так что в десять лет он уехал в какой-то корпус... не помню, чего. Он старше меня на пять лет, так что в детстве я его почти не помню, да и... ему всегда было со мной скучно. У нас еще и каникулы не совпадали...

— То есть вы почти не знакомы? — Удивилась Ковь.

— именно. Фактически мы разговаривали пару-тройку раз в год, случайно. «Передай солонку, дорогой братец», — Передразнил Васка, — «Конечно, дорогой братец, с превеликим удовольствием, дражайший братец!» «Не видели ли вы моего песика, братец?» «Мне кажется, он зарывал что-то вон в ту клумбу, братец, идите в сад и ищите!» — В голосе Васки звучала какая-то детская обида.

— А еще ты любил собак — а он кошек, и если бы вам пришлось сосуществовать вместе, вы поцапались бы в первый день. Но потом бы обязательно помирились. Нормальные братские отношения: у меня трое братьев, я знаю, о чем говорю, — успокоила Ковь.

— Ага. Обязательно. Но, к несчастью не пришлось. — Мрачно согласился Васка. — Отец заболел, все деньги уходили на оплату учебы и лекарств, мы влезли в долги... Потом брат, наконец, доучился, открыл адвокатскую практику. Мы наконец отбились от кредиторов, выкупили замок, дела пошли на лад, даже у отца ремиссия была... Я доучивался, собирался возвращаться домой счастливым служителем Ррахи... Боялся, й-й-йюнец, что теперь, когда у нашей семьи есть деньги, меня откупят от армии и я не смогу покрыть свое имя неувядающей славой. — Васка махнул рукой, — Потом брат пропал, как в воду канул. Ну, кое-какие деньги оставались, но я все равно выбрал Ха. Вернулся — отец умер. Я похоронил, распустил большую часть слуг...

— Загрустил?

— Некогда было. Спрашивали добро на посевную, я сказал старостам: пусть делают, что хотят, но объяснят, как это работает. Брат знал, а я что... Вон, — Васка коснулся рукояти меча, — Железкой махать умел. Молитвы читать. Разобрался кое-как, тут гонец в мыле: очередная войнушка с куксами. Я к тому времени уже понимал: либо войнушка с куксами, либо я смогу хотя бы на налоги наскрести и надел сохранить. Как-то поохладел к подвигам и вспылал к репе, да... Взял парнишку за грудки, сказал: я, конечно, пойду, но и ты только попробуй мое письмишко до командования не донести. В письме расписал: так и так, один, брат пропал уже год как, денег нет, наследника нет, пощадите древний рыцарский род... ну или хотя б освободите от налогов.

— Что, сработало? — Ахнула Ковь.

Вроде и знала, чем все кончится, а все равно почему-то переживала.

— Год письмо шло... может, год читали. — Вздыхнул Васка. — За это время я поучаствовал во взятии Кьяксона, в осаде Кьяксона, в паническом бегстве доблестных королевских войск из Кьяксона... Молодец, герой, у-у-у, по горло нагеройствовался! Когда стало совсем тошно, письмишко дошло куда надо, брата наконец признали без вести пропавшим, меня отозвали, демобилизовали, вернули в замок, как последнего в роду.

Ковь осенило.

— То есть ты поэтому в рыжий красишься? Вина перед куксами, типа?

— А что, куксы рыжие? — В непритворном удивлении воззрился на Ковь Васка, а потом хлопнул себя по лбу, — ну конечно, а я-то думал...

— Ты совсем блаженный? Ты же с ними воевал!

— Я же говорю, меня Ха хранил: я участвовал ровно в двух битвах. Сначала мы вернули под крыло короны славный город Кьяксон. Потом куксы вернули тот же город под крыло другой короны... А между этими событиями я просто, ну... знаешь, жил там. Пограничный городок, кочует из рук в руки чуть ли не каждый год. Житель Кьяксона тебе не скажет точно, кто он — кукс или наш. Они это, кажется, по флагу на ратуше определяют... Языка знают два, даже младенцы, и оба для них — родные.

Ковь покачала головой. Как-то уж очень просто Васка об этом говорил: никакого негодования, скорее легкая зависть слышалась в его голосе. Маловато в нем была патриотизма для верного рыцаря короны. Впрочем, в Кови и того не было.

— Знаешь, Ковь... — Протянул Васка, — Я, пожалуй, плохой воин. Как только мне представилась возможность, я изменил сиятельной Ррахе с репой. И не жалею. Рыжий не вызывает у меня ровным счетом никаких негативных ассоциаций: в Кьяксоне каждый второй рыжий, как кукс, но не кукс. Знает язык куксов... Но зовется «освобожденным гражданином королевства». Легко запутаться. Я решил, что проще всего об этом не думать. Какая разница, кто перед тобой, если он угощает тебя пивом? Вот если он в шлеме и доспехах, если нападает, то все просто — враг. Но, пожалуй, в чем-то ты права. Я так привык к рыжему цвету, что здесь, в родной Йолле, мне стало его не хватать.

— А где тогда моя благодарность? Ну, ты можешь целовать мне сапог и носить на руках! Прямо таки должен, как честный человек! — Безапелляционно заявила Ковь.

— С чего это? — Опешил Васка, — Как честный человек я предлагал на тебе жениться!

— Ну, так я добавила в твою жизнь ярких красок, не отпирайся. Ты просто не достоин такой замечательной жены, это будет мезальянсом. — Хмыкнула Ковь. — Так что было дальше? После того, как тебя отпустили?

— О, я горжусь этим временем! Полгода я сидел спокойно себе в замке, даже доход был, представляешь? Меня на пять лет от налогов, оказывается, освободили, в связи с тяжелым финансовым положением... если с казенного на человеческий — окончательно обнищал род Диерлихов. И тут он... пришел.

Васка замолчал.

Противно заблелая гадина-коза. Ковь поймала Васкин взгляд и отрицательно покачала головой: нет, кормить Эху рано, подоят позже. Боялась, что он сейчас замкнется в себе и все, добавила поспешно:

— Фыль с Кирочкой вернутся... Покормим.

Васка спорить не стал.

— Ты знаешь язык жестов? — Спросил он внезапно.

— Не-е-ет. — Протянула Ковь, — А что, он глухой вернулся?

— Немой. Язык ему кто-то отрезал — чуть не под корень. — Вздыхнул Васка, — А я его, дурак, пожалел. Сидел три дня, не разгибаясь, язык учил — ты бы его правую руку видела, на ней кто-то будто поплясал, а он все равно такие штуки из пальцев крутит, посложнее твоих пассов... ну и я научился — не показывать, так понимать. С пятого на десятое, но все лучше... Думал — ну что, инвалид, что он мне сделает? Я ж не в обиду, я ж добром просил... Не додумался тогда, что за просто так никто ничего не режет и на руках не

пляшет, за аристократа и вздернуть могут, не портовый же бродяга... А братцу расщедрились. Наивный я был... Ни о чем думать не мог, так к куксам не хотелось... Ты бы знала, как я не хотел к клятым куксам! И я предложил не объявлять, что он вернулся. Подождать хотя бы, пока все наладится. А знаешь, что он мне показал?

Васка сложил из трех пальцев неприличный жест, и Ковь неодобрительно покачала головой.

— Ну не рядом с ребенком же, совесть имей! Это он откуда нахвтался, твой очень образованный брат? Этот жест один мой друг у шлюх столичных подсмотрел... Что, небось, еще и прыщавый пришел, а?

— А я на войне. Ходил, знаешь ли, со скуки к обозам... — Васка смущенно кашлянул, — А где нахвтался... вот где три года мотался, там и нахвтался, наверное, кто его знает? Неважно. Кончилась наша бурная дискуссия тем, что он обещал о куксах позаботиться. И позаботился. Помнишь, я говорил, что я документированный псих? Этс абсолютная правда. У братишки хранится бумажка с двенадцатью лекарскими печатями, ни один рекуртер не подкопается... Думаешь, это он от чистого, доброго сердца? Ага! Любой юрист сразу скажет, к кому отходит моя доля наследства, раз уж я недееспособен. Младший по закону получает крупницы, но даже эти крупницы уже не мои. Старший брат — мой опекун, такие дела. Двенадцать врачей тому свидетели. Братишка готов был заботиться обо мне денно, ночью, выдавать содержание... А если уж не уследит и я упаду с высокой башни — так у сумасшедшие на то и сумасшедшие, что у них с головой проблемы, они вечно то вены режут, то с башен прыгают. Очень бы, наверное, плакал братик...

— и ты схватил турнирные доспехи...

— Единственное, что я еще не успел продать. — Кивнул Васка.

— и сам пропал. Сколько, получается?

— Да где-то год.

— У вас это что, семейное? — Фыркнула Ковь. — Представляешь, возвращаешься ты, с младенцем, неведомой бабой низайшего происхождения, одноглазым мальчишкой...

— и маленькой мертвой девочкой... — Подхватил Васка.

— Слушай, я представляю его лицо!

— Да. — Рассмеялся Васка, — Я тоже не откажусь это увидеть!

— Научишь?

— Чему?

— Языку жестов, конечно.

Ковь взглянула на солнце: почти вечер. Коза блеяла уже почти без передышки, устала. Сбоку от дороги тянулось льняное поле, лесок маячил далеко-далеко, деревья отсюда казались птичками.

Остановила мула.

Ковь кое-как сползла на землю. У нее-то не было никакого таланта, она не умела элегантно. Взяла у Васки Эху, и тот единым плавным движением оказался на земле. Вот весело было б, если бы она сегодня согласилась! Где бы еще кто увидел знатную даму, которая плюхается с коня мешком картошки?

— Научу. Привал?

— По рукам. Отлично. А я, в свою очередь... м-м-м, чем же мне отплатить?

Ковь всмотрелась в две маленькие черные точки на горизонте, которые медленно увеличивались. Филь с Кирочкой как ускакали, так всю дорогу держались едва-едва на виду,

а теперь, видимо, заметив, что Васка с Ковью остановились, возвращались.

— Может, сегодня вместо меня с Эхой посидишь? — С затаенной надеждой спросил Васка.

— Ну нет, твоя очередь! — Нахмурилась Ковь. — Не могу же я лишиться тебя радости общения с дитем. Придумала! Научу тебя доить козу. Хорошо придумала?

— Да пошла ты... — Простонал Васка.

Коза отошла щипать травку, и вообще выглядела как миленькая безобидная козочка с лубочной картинки, но не стоило обманываться ее невинным видом. Копыто у нее было поставлено: могла, конечно, убить, но предпочитала мучить несчастных, подошедших слишком близко. У Кови на плече расплывалась целая куча синяков один поверх другого.

Ковь хищно оскалилась, ничего-ничего, теперь она будет страдать не одна. Васка, конечно, надеется, что она отвлечется и забудет, но не-е-ет.

Не отвертится.

И жестовому языку Ковь научит, и сам постигнет нехилую науку дойки. А то что, каждая деревенская баба умеет, а рыцарь, образованный-преобразованный, нет? Прямо таки несправедливость...

Испортит она Васку — или уже испортила. На месте его старшего брата она бы крепко себя невлюбила.

Но когда это еще будет?

Пока они в дороге, осеннее солнце днем еще греет, Эху есть чем кормить и денег хватит на завтра и на послезавтра, и еще не на одну неделю.

Пока все хорошо.

А там видно будет.

История третья. Вспыльчивые люди

Вот это был замок что надо. Настоящий боевой замок, с рвом, с толстыми стенами, с подъемным мостом, с массивными тяжелыми воротами и многочисленными шрамами-выбоинами, оставшимися от давних сражений.

Но цепи моста давно никто не смазывал, ворот утонул в рже и порос мхом, да и сам мост почти врос в землю. Ворота скрипели просто невыносимо, а открывать Васке их пришлось самому: никаких слуг, никаких метелочек, пустой двор, на который, казалось, давно не ступала нога человека.

Вылитый заколдованный замок из сказок. Не хватало только разросшегося по стенам плюща, да и то, может, он рос на другой стороне замка, она же еще не все видела.

Ковь поежилась.

Где замок — там чудовище.

А она, сталбыть, красавица? Ковь трянула головой, отгоняя бредовые мысли. Сдула с носа челку: надо бы постричься, мешает. А лучше что-нибудь удачно спалить, а то вдруг за время долгой и почти спокойной поездки у нее отросли еще и брови?

Не хотелось быть даже неудачной пародией на красавицу (неудачной пародией вообще быть не хотелось), мало ли, перемолет ее сказка? И станет она всепрощающей девой-книжницей, доброй и скромной... тфу, гадость.

Никакая сказка не засунет ее в платье, или она будет не Ковь!

Ковь похлопала Кирочку по макушке:

— Эй, тухлятина? Будешь красавицей?

— Чего? — Переспросила та недоуменно, — Забыла, что ли? Я уже никем не буду.

— Ты это заканчивай. Не обязательно местному чудищу знать, что ты мертвая.

— А что? — Прошипела Кирочка, — Он слепой, да? Не догадается? Так! Подожди-ка, я поняла, к чему ты клонишь: та дурацкая сказка, да? Ну-ну, я росла в месте, где такие бредни популярны, не удивляйся! Но я в них не верю. Как-нибудь без меня. Если уж идти за чудище, то пусть у него будет хоть что-то кроме доброй души, как по мне. А тут... Ты погляди на этот замок: тут даже и запаха денег не бывало. Я богаче, чем местное чудище, да что там, даже ты богаче, чем местное чудище, у тебя хоть деньги с Васкиного доспеха на сохранении, ты хоть знаешь, как серебрушка выглядит...

— Откуда...

— Да вы вечно языками как сцепитесь, так и треплете. — Отмахнулась Кирочка, — Так вот, я, все-таки, почти признанная дочь барона. Что мне какой-то обнищавший рыцарь, а? Выросла бы, не пошла б. Я русалка, моя роль проста: я не спасаю, я топлю. Совсем другая сказка.

Казалось бы, зачем нечисти — деньги? Кирочка цеплялась за чужую житейскую мудрость и, как всегда, когда обращалась к своему русалочьему началу (в худшем его, том самом, нечистом смысле), казалась уже не маленькой девочкой, но радраконенной карлицей.

Глядя на ее искаженное в циничной усмешке лицо, Ковь будто на мгновение увидела свое подернутое рябью отражение в взбаламученной чьими-то грязными ногами воде...

— А я тогда — почти беременная. — Выдала поспешно натужную остроту Ковь, решив не напоминать Кирочке про Фылека, потому что стоило русалочке про это спасение

напомнить, как она становилась совершенно невыносима. — Это ж надо, почти признанная... Все забываю спросить, как там Етель?

— Елль? Да все так же, только сидит теперь не в реке, а в замке, книгами обложился... — Кирочка зябко поежилась, спрятала заострившиеся зубки. — Я еще немного с вами...

— Да не вопрос, обговорили же. — Пожала плечами Ковь.

Имя брата возвращало девочку. Но надолго ли этого хватит? Сегодняшняя Кирочка, казалось, балансировала на грани. Что-то в ней стронулось, и не в лучшую сторону.

Подошел Васка с Фылеком, уже без лошадей. Васка перестал что-то тихо Фылеку выговаривать, взъерошил тому волосы и, подхватив Ковь под локоток устремился ко входу в замок.

Не успели они пройти и половину пути, как дверь распахнулась, и из замка медленно вышел человек. Васка остановился, больно сжав руку Кови: она могла поклясться, что слышит, как быстро бьется его сердце. Правая ладонь наверняка на рукояти меча, пальцы побледнели... Ей не надо было смотреть, чтобы знать, как он сейчас выглядит.

— Васка, спокойнее. — Шепнула она украдкой, — Ты уверен, что нам стоит... толпой? Нам вообще... можно?

— Можно все, что угодно. Я мог бы даже привезти сюда бродячий цирк, позволив ему разбить шатры на нашем дворе, потому что, — тут он повысил голос, хотя человек-из-замка подошел уже достаточно близко и вряд ли плохо слышал, — это и мой замок тоже!

Человек плавно повел рукой в воздухе.

Вообще-то Васка объяснял, что это жест обозначает сомнение, но Ковь вспомнила это не сразу, смотрела на эту руку, чувствуя себя выброшенной на берег рыбой.

Дышать как-то резко стало нечем.

Красивая рука, длинные пальцы... Правая...

Васка говорил, что она была искалечена, но Ковь видела всего лишь пару шрамов и слишком ловкие для когда-то переломанных пальцы с шишковатыми костяшками. Хотя, кажется, у нормальных людей они так и не гнутся, наверное, очень-очень удачно поломали... А тут еще и левая в пару: если бы с такими руками творили магию, то люди бы деньги платили не за фейерверк, а за то, чтобы посмотреть на предшествующие ему пассы. Она не смогла понять ничего из сказанного: тупо пялилась, пока на руках не закряхтела подозрительно Эха, вернув ее в реальность.

После чего Ковь закрыла рот и, на всякий случай, на его пальцы смотреть перестала. Перевела взгляд на лицо, а там какие-то нечеловечески синюющие глаза. Вот смотришь в них и не замечаешь, что нос крючком и губы слишком тонкие, а щеки впалые, как будто он, аки верный волкодав, не ел, не спал, все ждал брата. Просто — смотришь...

Эха, однозначно, была спасительницей одной конкретно взятой замечтавшейся магички: на этот раз она отчетливо причмокнула, второй раз выдернув из голубой дали на грешную землю. После чего Ковь сочла за лучшее рассматривать его правое ухо, оно хоть было обычным и не наводило на странные размышления.

— Кирочка, — пропела она, — родная, я так и не выучила этот клятый жестовый язык, ты не могла бы озвучивать сказанное?

Кирочка посмотрела на Ковь как на идиотку, только пальцем у виска не повертела. Как раз Кови этот язык давался лучше всего, потому что, в отличие от Фылека и Кирочки, а так же от подрастерявшего за год сноровку Васки, она постоянно разрабатывала руки, и пальцы

у нее гнулись замечательно. И если уж Фылек последнюю неделю наострился показывать все на пальцах, а Ковь эти неуклюжие, нечеткие жесты отлично понимала, то проблемы с Васкиным братом возникнуть было не должно...

Ковь вздохнула: ну не объяснять же, что она просто не в состоянии вникнуть в содержание, беззастенчиво заглядевшись на форму? У ее учителя в Академии, настоящего опального мага, и то так красиво не получалось...

— Сомневаюсь, — Кукольным голосом пропищала Кирочка, — О, Гарра Дающая, неужели это мой дорогой братик!

— Без отсебятины, пожалуйста, — Нахмурился Васка. — Гарры там точно не было.

— А я не только по рукам, я еще и по лицам! — Возмутилась Кирочка, — и вообще, раз заказали услуги переводчика, то терпите художественный перевод. Или сами разбирайтесь.

— Васка... лерох, вы продолжайте, продолжайте. — Согласно кивнула Ковь. — Мне очень интересно. Быстрее доругаетесь, быстрее в замок пойдем, а то прохладно же.

— Смотрю, цирк ты уже и так привел. — Пискнула Кирочка, вызвав на лице Васкиного брата кривое подобие улыбки. — Кто эта наглая... сомнение... дева с тобой?

— Сомнение что дева или что наглая? — Немедленно фыркнула Ковь, — Нет... нет?

— Второе, скорее, да... — Протянул Васка. — Сомнение. Это я из вежливости. На самом деле да.

— А есть жест для вежливого сомнения? — Тут же встряла Кирочка.

— Так, так, все, сосредоточьтесь на ругани! — Прикрикнула Ковь, — А то я тут из девы в старуху превращусь. Замерзшую.

— Знакомьтесь, это мой брат. — Васка, наконец, выпустил локоть Кови, — пожкитерох Диерлих.

— Шелешко... кто? — Переспросила Ковь.

Имя звучало как воплощенное шамканье. А Ковь-то думала, что родители Васки за что-то младшему сыну мстили. А это он еще везучий оказался.

— Шеложкитерох. — Терпеливо повторил Васка. — В честь прадеда. А это моя подруга, — Слово «подруга» он выделил, — Ковия.

Ковь невольно посочувствовала еще и Васкиному прадеду.

«Фамилия?»

Прогресс. Вот, как работает хорошее имя: пока пыталась примерить на него это «Шешешеше» отвлеклась и не поддавалась магии его жестов, даже поняла, что он спросил. Глянула на Васку — вот смешно, а ведь он, наверное, и не помнит ее фамилии. Тот почесал в затылке.

— Э-э-а это, у нее на руках моя воспитанница, Эха. Рядом ее брат, Фылек: он в последнее время не говорит, так что у вас много общего...

Фылек хмуро зыркнул на Васку единственным глазом.

«Не думаю», — Шелош... А-а-а, какая разница, он все равно не узнает, как Ковь его зовет про себя, так что будет Ложкой, презрительно хмыкнул, — «Кто они?»

«Я — из мастеровых», — вдруг ответил Фылек. Подумал немного, добавил: «Высокородный господин».

На фоне точных, выверенных движений пальцев Ложки, жесты Фылека выглядели крайне неуверенно, как мазня пятилетки на фоне фрески какого-нибудь умершего в нищете гениального художника, и Ковь восприняла их скорее как «Выкроротный гадин», и долго думала, что же это значит. Помогла Кирочка: она сильно ткнула Фылека в бок и заявила

назидательно:

— Тебе же сказали, воспитанник! А значит, никакой он тебе не господин, а самый что ни на есть дядюшка! Смелее надо быть. Знать свое место. Я — Кира. Кира Дитьерлих.

Задрала подбородок повыше и улыбнулась, даже не подумав напустить на себя самого простенького морока.

«Ты связался с нечистью, младенцем, немым безродным мальчишкой и бабой», — Жесты у сэра Ложки были резкие, раздраженные, даже слишком размашистые, хотя лицо было спокойно, — «Будешь убеждать меня в адекватности?»

Кови прямо таки захотелось вставить, что Васка в последнее время слишком часто красит корни, и это становится похоже на какой-то нервный тик, и что перетаскать у бедной девушки всю хну — это тоже не слишком адекватно, но вот так просто вмешиваться не решилась.

Почему-то она вообще чувствовала себя здесь совершенно лишней. От пронизательного синего взгляда хотелось спрятаться... хотя бы до тех пор, пока не отрастут брови. Сразу вспоминалось почему-то и про прыщик на шее, и про царапину на носу — неудобно, в общем, было.

Васка аккуратно задвинул Кирочку за спину. Выступил вперед.

— Я не планировал никого убеждать, дражайший братец. Они просто со мной. Просто устали, и просто войдут в замок и просто проживут там зиму. Потому что мне просто больше некуда их вести.

«Ты — вернулся?»

Кови определенно не хватало интонаций. Читать интонации по рукам она пока не научилась, и понять, что именно крылось в этом вопросе, не смогла. А Васка и не докапывался, понял так, как хотел понять.

— Зализывать раны. Можешь считать, что я приполз. — Зло сказал он.

И Ковь взорвалась.

— Да Боги! Праха Милосердная, Гарра Дающая, Отец Сияющий, Ха... Ха. Да. Тоже бои Неважно! — Вскричала она, вдруг осознав, что совершенно потеряла суть конфликта и которой окончательно надоело стоять, создавая для этого самого конфликта надлежащее оформление, — Можно мы войдем, а вы тут хоть целуйтесь, хоть деритесь, ей Боги, сколько угодно, но без нас! Мочи нет тут торчать и ждать, пока вы пытаетесь разобраться в том, что за год наворотили! Пока вы разберетесь, кто чью собаку когда пнул, у меня Эха замуж выйти успеет! А-а-а-а-а!

И топнула ногой.

Кирочка с интересом осмотрела обгоревшие камни и отошла подальше.

— А еще он тебя бабищей назвал. — Сообщила она, тыча пальцем в сэра Ложку. — Жуткой, отвратительной, комковатой баби... А-а-а! — Заверещала она, подхваченная сильными пальцами Кови за ухо, — Ну приукрасила немного, никто не лую-у-убит художников!

— Фылек, ты тоже. Подержи сестру, у меня всего две руки, между прочим! А ты, тухлятина, не вертись, а то уроню Эху, добыю тебя, убью двух зайцев разом с чистой совестью.

— Э! — Рывкнул Ложка, и Ковь обернулась, — «Это как понимать?»

— Совсем сбрендил, соваться в мой замок без разрешения, наглая женщина? — Перевела Кирочка, потирая покрасневшее ухо. — Ой, простите, я не учла ваш взгляд? Тогда

еще: убью, расчленю, спрячу в озере и сожру твои кости, стерва. Ну, перевод неточный, я таких нецензурных слов не знаю, дяденька.

— Слушайте. — Мягко сказала Ковь, вонзая ногти в ладони, — Я уверена, ваш брат гораздо лучше объяснит, что наше совместное путешествие — полностью его инициатива. Васка... лерох — мой рыцарь, я его прекрасная дама, у меня есть его локон и все такое. Я не хочу ни с кем ругаться. Ваши разборки ко мне никакого касательства не имеют. Вам охота на осеннем ветру глотки драть — ну дерите, я потом отвар от кашля сварю. Но если у меня простудятся дети...

Да-да, она мягкая, женственная и очень заботится о детях. А если вот так склонить голову, то прыща будет не видно... А основная их проблема вовсе не в том, что они в дороге уже три недели, ночуют в полях, не заглядывая на постоянные дворы и шарахаясь от каждой древесной тени, не в том, что Фылек кричит во сне и не в том, что Кирочка все чаще рассказывает, что она мертвая. Дело не в том, что сама Ковь на грани и вот-вот буквально взорвется. Нет. Главная проблема, что дети могут засопливиться.

Лишь бы он в это поверил.

Потому что иначе она просто вломится в этот клятый замок, даже если придется потом забаррикадироваться и обороняться от местной стражи...

— А еще она умеет готовить. — Встряла Кирочка. — Если у вас столько много слуг, кухарка не помешает, верно?

Ковь дернулась, услышав слово «кухарка». Вспомнилось бледное лицо Люты.

Ложка медленно кивнул. Повел руками.

«иди»

— Спасибо, спасибо, господин хороший. — Склонилась Ковь, развернулась и прошествовала к замку.

— Ты, брат, был бы поосторожнее. — Протянул за спиной Васка. — Так и порыжеть недолго...

Под глазом у Васки расцветал фингал, губа саднила, но, в общем и целом, переговоры прошли нормально — все остались при своем. Пройти плачевно они и не могли: оба брата осознавали свою силу и были в состоянии остановиться и до смертоубийства. Но и до удачных следовало еще работать и работать: в частности, Васке стоило бы поставить удар, а Кит снова держал меч так, как будто вообще не понимал, каким невообразимым образом эта острая опасная штука подобралась настолько близко и появилась у него в руках, как будто отец и не платил когда-то за его уроки...

Что уж, зря Васка мечтал, что за год брат подрастет и свою неведомо откуда взявшуюся форму в бою рукопашном, хоть это у него осталось, хотя и не похож он был на кого-то, придерживающегося регулярных тренировок.

Его внешний вид соответствовал замку: такой же запущенный. Пришел он чуть сутулым — теперь горбился. Раньше был слишком уж тощ — теперь и вовсе казался ходячим скелетом...

Слуг брат распустил всех. Даже ту пожилую пару, которая заправляла постели и поддерживала в жилых комнатах хоть какое-то подобие порядка, и работала буквально на голом энтузиазме. Преданность семье стоило ценить, так что незадолго до ухода Васка даже поднял им жалованье... Лучше бы они ушли сами. Их смерть от старости была бы печальной вестью. Но, как бы то ни было, замок, стараниями брата или полным отсутствием оных,

походил скорее на будущие руины, такой же пустой и заброшенный...

Поэтому Васка валялся на кровати, отгородившись от мира сырым, порядком пожраным молью балдахином и вместо того, чтобы отдыхать с дороги, составлял в уме список дел, которыми хорошо бы заняться.

Он не ожидал, совершенно не ожидал, что брат так запустит... Все. И себя в том числе.

Особенно Васку беспокоили его руки. Иногда рукава задирались, и тогда он видел шрамы на тыльной стороне запястья. Они и раньше были, но, кажется, Васка разглядел парочку свежих.

Интересно, Ковь заметила? Она как впилась в эти руки взглядом, так и не отлипала, должна была заметить.

— Васка! — Кирочка беззастенчиво отодвинула балдахин и плюхнулась рядом, — Вы же помиритесь?

— А? Ты что тут делаешь?

— Ковь затеяла уборку. А я что, Фылек, за метлу браться? — Хмыкнула Кирочка. — Она сказала Диерлихов не дергать. Но я же не дергаю, правда? Правда-правда-правда?

— То есть ты у меня прячешься.

— У, проницательный какой. У вас всегда было так пусто, да? У вас есть склеп за замком, но весь замок как склеп. Я бывала всего в одном замке, но мне не надо видеть сотню умерших замков, чтобы сказать, что этот — едва дышит.

— Я встречусь со старостами. — Кивнул Васка. — и верну слуг.

— Не ты должен этим заниматься. — Фыркнула Кирочка. — Никак не ты.

— Почему? Это мой замок. — Покачал головой Васка.

— Я не Ковь, и я хоть и не росла в замке, но болталась рядом, и я в этом разбираюсь, так что мне можешь не приукрашивать правду. Вы же рыцари, верно? Диерлихи. Значит, замок ваш ровно до тех пор, пока ваше семейство может предоставить королю одного вооруженного рыцаря — это действительно ты. На доспех ты, если призыв вдруг, наскребешь, осталось же что-то, да? Но переходит он старшему сыну — а это Ложка. Так что это его дела, не твои. И замок не то чтобы твой...

— Ложка? — Рассмеялся Васка, — Ковь пепелит?

— Еще как. — Вздохнула Кирочка, — Как будто ее кто-то под хвост ужалил, носится туда-сюда, суется...

— Она может... и как ей Ложка? Она говорила про... руки? Эта ее внезапная просьба переводить, кстати...

— Вряд ли она заметила. Она как-то странно... Не понимаю, зачем, но было весело, правда? Проказливо улыбнулась русалочка и тут же посерьезнела. — Но я — видела. Васка, ты...

— Не знаю. — Он развел руками. — Совершенно никакого понятия не имею. И знать не...

— Зря. Поэтому вы и договориться не можете. — Кирочка расстроено поцокала языком, — Лелеете свою обидочку каждый. Как один мог сделать то-то, когда мне было так плохо? А в результате вы же квиты. Он тебя бросил, да и то не факт — ну так и ты его оставил один на один с надвигающимися налогами и слугами, которые, я уверена, любили и жалели Васкилероха, а не Шеложкитероха. Не заводи свою басню про сумасшествие, не надо. Ты знаешь какой-то другой способ не ходить драться с куксами и сохранить землю, раз уж старший наследник нашелся? Просто я бы тогда его Еллю подсказала: а то, говорят, там

снова планируют Кьяксон брать... А у Моли — мальчишки-близнецы. Здоровенькие. И Кьяксона не увидят точно, не хотела бы я, чтобы они по рассказам Елля его узнали...

— Предлагаешь, — Васка потрогал языком губу, слизнул кровь, — пожалеть беднягу?

— Пожалеть? Человека, так легко уделавшего тебя в «кулак на кулак»? Тебя — дубище? Жалеть человека, который до сих пор жив, несмотря на вот это вот все? — Кирочка высунула язык, и помахала в воздухе ручками, — Не-е-е-е, дяденька, это ты промахнулся. — Будто бы по секрету, созналась: — Ну да, я смотрела, смотрела. А вы всегда сначала мечи, потом кулаки? Чтобы реванш, да? А, ладно... Да он сам тебя пожалел, неужели непонятно? И чем все кончилось? Нашли, кого жалеть, дураки дурацкие. Один не так прост, другой не так прост, а в итоге все сложно.

— Почему тебя вообще потянуло на душеспасительные речи? — Небрежно поинтересовался Васка.

Нет, с Кирочкой творится что-то неладное. Надо посоветоваться с Ковью, как бы чего не вышло...

— Не хочу быть... русалкой-русалкой. — Пожала плечами Кирочка. — Но недавно пришлось. Пытаюсь... компенсировать. Давно не чувствовала себя настолько... мертвой.

— Фылек?

— Да. — Коротко ответила Кирочка и попыталась было сбежать, но была поймана за косу.

— Что произошло? — Жестко спросил Васка.

— А ты обещаешь, что после этого будешь относиться ко мне так же, как до? — Серьезно спросила Кирочка, — Опекаательно, снисходительно... Как к живой. Не жалеть, не бояться. Не как к... нежити?

Васка задумался.

— Я не могу тебе этого обещать. — Наконец сказал он осторожно, — но я приложу все усилия. Это так.

Он отпустил косу и плюнул на ладонь. Кирочка ударила со своей стороны.

— В общем, я попала в дом уже когда лесовик был в доме. Фылек на втором этаже, лесовик и труп мужчины... отец?

— Отчим. — Выдохнул Васка.

— Отчим. — Поправилась Кирочка, — на первом. Женщина — на лестнице. Ну и лесовик на лестнице. Ему было грустно, он... прощался, и эта грусть Фылека спасла: я успела появиться и задуматься, и даже придумать выход... но... и я — он попросил меня вывести, а ты добровольно дал ему амулет: я не могла отказаться и не погибнуть, это значило нарушить обязательство. Как эта ваша Люта нарушила... Спроси у Кови, как работают такие штуки... и тогда я поняла, что живым его мимо лесовика не проведу. Никак. Значит, решила я, надо вести мертвым — но не до конца. Вытащить душу ненадолго. Если дольше, чем на три минуты, живой почему-то тупеет... Батюшка говорил — мозги усыхают.

Васка очень старался не показать этого, не обидеть ее... Но почему-то единственная мелочь бросилась в глаза: она набирала воздух, чтобы говорить, но не чтобы дышать.

И он решил, что честность — единственный выход.

— Ты забыла про дыхание.

— Спасибо. — Кирочка вздохнула и несколько секунд просто вдыхала и выдыхала.

Как будто и правда забыла, как это делается. Косилось украдкой на Васку, старалась повторить его мастерское расширение и сужение грудной клетки. Васка повертел это

словосочетание в голове. Дурость какая-то, сказала бы Кирочка...

Когда Фылек им восхищался только потому, что Васка неплохо владел мечом — это еще ладно. Но такое искреннее восхищение простой возможностью дышать... Да уж, в чем-то брат прав: связался на свою голову...

— Душу через... — Поторопил Васка, поняв, что так она может еще долго ничего не добиться и решив ее отвлечь.

А то и правда, дурость.

Есть вещи, которые совершенно невозможно сделать, если стараешься: даже Васка, вспомнив, про то, что дышит, сбился, стоило попытаться контролировать этот процесс, что уж говорить о Кирочке. Для нее это вообще не обязательно.

Мог бы и промолчать. Должен был промолчать.

— Глазницу. Да. — Кирочка замялась. — А еще я... Нет, прости. Неважно. И ведь провела. Как таковой Фылек его не интересовал, интересовала только девочка. Он имел право отомстить за то, что был обманут. А Люта — расплатилась... И мы... в общем, утопили те простыни с кровью в реке, замотав их в те шторы, так что он будет искать ниже по течению, а сами ушли поверху... Ковь зря волнуется.

— Что же ты ей об это не сказала?

— Я и сама волнуюсь. Зря: у вас в округе поля-поля-поля, и никаких деревьев, да и далеко мы от того леса. Не дойдет. Лишь бы не догадался нанять кого... Но не догадается. — Кирочка вдруг торжествующе улыбнулась. — Я са-а-амая смелая! И нашла самых свихнутых наемников, ага! Он таких ни на какие коврижки не приманит!

— А почему не Кови, Кир? Почему — мне? Я же сейчас что-то напутаю, что-то наговорю, как-то не так передам...

— Ковь не слушает. Она сейчас где-то не здесь. — Грустно сказала Кирочка, — Я не уверена, что ей можно в замки. Она шарахается от стен, и от углов, и вообще... Знаешь, ты ведь не очень долго думал, как ее представлять, да? — Она стукнула его кулачком по лбу, — Взял, представил как любовницу... Дурачи-и-ина. Мог бы служанкой, а меня дочерью служанки. А Фылека и Эху тоже...

— Врать Ки... Ложке? — Хмыкнул Васка, — Зачем? Она и правда мой друг, он же не та добрая хозяйшка постоянного двора, тройной смысл искать...

— Если вы настолько близки, что тебе не надо ему врать, зачем же ты сбежал из дома? — Пожала плечами Кирочка.

— Да Ха попутал, конечно... хотя что это я, Ха тут точно не при чем — я не прав. Перемякнуло меня: вроде бы я все устроил, а потом этот консилиум и я уже никто. Даже и не рыцарь толком...

— Ври-ври. — Рассмеялась вдруг Кирочка, — Просто надоело тебе хозяйство, а война уже не грозила. Захотелось приключений... А тут смываемая только бочкой крови обида и дева с драконом... — Она сникла, подняла на Васку огромные свои изумрудные глаза, — Васка, Васка, я тут подумала: а был ли он? Дракон?

Васка вздрогнул.

— Должен был быть.

— Кому что должен? Кому не все равно, должен ли? Васка, вопрос проще простенького: был ли?

— Был ли? — Эхом повторил Васка.

В коридоре, где-то в отдалении, кто-то громко уронил ведро, и оно, отчаянно дребезжа,

полетело, судя по звуку, по ступенькам. Звук затихал, зато ругательства поломойки набирали и набирали обороты, разносясь по огромному замку.

Васка дернулся, когда упало ведро, а Кирочка быстро-быстро, ужом, юркнула под кровать. Высунула оттуда хитрую мордочку:

— Только тс-с-с! Меня тут нет! Высунешься, расскажу сестрицам, какой ты хороший и хочешь жениться, понял?

И снова исчезла.

— Угу. — Чуть заторможено кивнул Васка.

Ему вдруг показалось, что замок, заслышав это дребезжание, как будто проснулся. Не было того тихого гула людских голосов, который Васка помнил когда-то в детстве, но и не было уже и той гнетущей, мертвой, густой тишины, в которой ему трудно было дышать, и которую, казалось, можно было нарезать ломтиками и продавать на развес.

Был звонкий голос Кови и чуть потише вторил ей плач разбуженной Эхи, и все это взрезало тишину и убило ее, наверное, если не навсегда — то очень и очень надолго.

Кови, может, и не нравились замки, но этому замку она была нужна.

Какая кому разница, был ли дракон, в самом деле?

Ковь ненавидела убираться. Но мама ее, вместе с тремя тетями и двумя бабушками придумали невообразимую тьму способов втолковать родной кровиночке слово «надо». А так как Ковь характером своим, поговаривали, походила на маму в молодости, а та на свою маму, черты которой можно было встретить в любом их шестерых ее выживших вопреки всему детей и большей части многочисленных внуков, то вся эта тьма способов была крайне доходчива и громогласна.

Как бы Ковь не была упряма, такой осады она выдержать не могла. «Надо» было высечено у нее на подкорке.

Стоило ей увидеть замок изнутри, все эти обветшалые сырые коридоры и поросшие кое-где непонятно чем стены, как она почти наяву услышала скрипучий голос старшей из своих тетей: «давай, Прощка, твоя очередь» и целый хор ее собственных сестер и братьев, счастливых, что сегодня не их черед: «Вернемся — прове-е-ерим».

Да уж, немудрено, что она так и не нашла с ними общего языка. Даже не потому, что они вечно дразнились и не слишком-то стремились искать этот язык сами. Просто... кому нужна сестра, которая в любой момент может пребольно обжечь, если есть еще несколько, гораздо более компанейских?

И спала она отдельно, а в комнате обязательно стояло ведро с водой.

Попытки же найти ведро в этом замке пока были тщетны. Перед выходом стоило запастись хотя бы картой, но Ковь понадеялась на авось, за что и расплачивалась. Она блуждала невообразимо долго, под конец уже уверившись, что тут она и умрет, вот прямо посреди этого бесконечного коридора с портретами, с каждого из которых, вот ведь жуть, пыль не стирали уже лет сто. Умрет, но и призраком не обретет покоя, и вечно будет стирать пыль с тяжелых золоченых рам...

И когда она будет доходить до конца галереи, придется возвращаться в начало и начинать заново стирать уже свежую пыль. И так до самого конца Мира, а если он так и не настанет — вечность. Ковь скривилась.

Какое место, такие и мысли. Из пышущих жизнью и сильных духом тут были разве что пауки, причем в каких-то совершенно невообразимых количествах.

А вот Кирочке здесь нравилось. Приведи русалку в сырость, называется... и ведь исчезла моментально, стоило ей только прослышать об уборке: наверняка у Васки прячется. Ну и пусть. Толку-то с нее.

Интересно, как там Фыль? Его она тоже послала за инвентарем, но он, скорее всего, по давней привычке мальчишек-конюших, хоть и покивал-покивал да умчался резво, всей спиной своей демонстрируя готовность работать, все равно потом где-то там задрых.

Сказать Васке, что Фыль в местной конюшне прописался, или пусть идет как идет? Кови об этом думать не хотелось, и она приняла волевое решение — сами как-нибудь разберутся, не Эха, чай. А коней все равно надо кому-то чистить и кормить. И козу кормить. А потом в суп ее, мерзкую мстительную тварь! Жаль, что Эхе без молока никак, а то Ковь давно бы с удовольствием резанула козе горло, столько она ей крови попортила...

Эха сладко посапывала в перевязи у Кови за спиной. Была у нее такая странная привычка: засыпала Эха только на руках или вот так вот, в перевязи. Стоило отойти от нее хотя бы на полшага, она начинала противно орать, требуя подлючую Ковь вернуться и взять ее на руки. Так же она вела себя, когда ее брала Кирочка, ревела и не успокаивалась, пока ее не брала Ковь или, на худой конец, какой-нибудь Фыль, так что Ковь решила, что это какая-то особенность Эхиного организма — нужен кто-то живой в непосредственной близости. А даже если и каприз... Никаких признаков энергетического вампиризма Ковь не замечала, обычные дети орут куда как больше и противнее, так что почему бы и не таскать? Привыкла уже.

Даже слишком.

Скажи ей кто сейчас, что можно спокойно отдать Эху доброй женщине, она бы, наверное, не отдала. Она же ее приняла, она же ее кормит, как это — отдать?

Уж ни на это ли рассчитывала Люта, ведомая своей почти звериной хитростью? Не поэтому ли учила всем тем несложным, но крайне полезным рецептам, что так упрощают жизнь молодой матери? Всем этим бесчисленным средствам от колик, от вздутий, от всего многообразия детских болезней, которых взрослый-то и не вспомнит?

Было бы глупо думать, что нет. Ковь покачала головой: нет, все же она, несмотря на всю свою магию и похвальбу, что она-то уж никому просто так не поверит, устроена проще простого, и кто угодно может найти нужные слова, стоит этому кому-то только захотеть. Нужно научиться относиться к другим критически, так-то. Они ей — слово, а Ковь раз! Нашла подвох. Как Васка это только делает, надо бы у него спросить, осторожненько, чтобы он ни в коем случае не загордился, а то будет еще нос задирать и заставит подаренную куртку носить... А она при ходьбе дребезжит!

И все ж таки надо было послушать его несмелые предположения еще до того, как она обзавелась грудничком, а на сдачу прикупила немого мальчишку! А она: «Васка, Васка, смотри, светильник светится!» — тфу, вспоминать противно. Развели как пятилетку.

— Э!

— Ой...

Ковь попятилась. Она не врезалась в Ложку только потому, что он буквально утек с ее пути, как капля ртути, единым плавным движением. Она бы его и не заметила, если бы он ее не окликнул: так, как мог.

Он начал было выплетать слова руками, но тут, вспомнив видимо о Ковьиной неспособности понимать жесты, порылся в карманах и достал маленькую книжечку, а потом — тут Ковь глядела уже во все глаза, она никогда не видела, чтобы так делали мужчины —

тонкий грифель из пучка, в который была плотненько подколота его коса.

Коса — символ законника, ни разу Ковь не видела законника без косы. Всегда было интересно, как их угораздило занять такой символ? Это же неудобно, требует кучу времени и средств, за такими длинными волосами надо ухаживать, а все те законники, что Ковь встречала, носились в вечной нехватке времени, как белки в колесе.

Ложка же был похож на обычного законника не больше, чем знатная дама на Ковь. У него была какая-то неуловимая легкость движений, но не было суетливости.

Хотя Ковь видела в основном только мелкую сошку, мальчишек на посылках (хоть некоторым из них было далеко за сорок) и, наверное, не с теми сравнивала. А вот однажды в городе, где Ковь училась, проводили показательную казнь казнокрада, и вот там был королевский законник, который уж точно никогда не бегал белкой в колесе. Как раз на него Ложка был чуточку похож — разве что не было на лице у Ложки того противного спесивого выражения... ну так кто знает, может, если его приодеть и откормить, появится еще?

— Я ищу ведро. И-и-и вообще. — Сказала Ковь, наблюдая за тем, как Ложка строчит что-то в своей книжечке, — Уборка.

И сунулась под его левый локоть, чтобы разобрать, что он там пишет.

От стены тянуло холодом, а вот Ложка был ничего, теплый... Ррах Милосердная, это же не Васка! Этот не так поймет!

Ну и пусть, решила Ковь. Какая вообще разница. Тот Диерлих, этот тоже Диерлих, вот. Пока все Диерлихи, что ей попадались, были ничего, если к ним подход найти, и этот не хуже... К тому же так правда удобнее. И пахнет от него приятно, никакого железа — запах мужского тела, пыли и ношенной одежды, ничего лишнего. И стенка холодная, а он теплый — чего еще для счастья надо? Да и вообще, что можно не так понять, когда к тебе прижимается женщина с ребенком за спиной? Ребенок сразу убивает все глупые мысли, проверено. Эх-спасительница.

А он зачеркнул уже написанное и вывел: «Гостя. Не стоит утруждаться».

— Как же не утруждаться, если тут такой свинятник? — Возмутилась Ковь, — Может, вы близоруки? Может, не видите паутины на потолке? Копоти над светильниками? Сора на полу? Если я не утружусь, то кто утрудится, а?

Ложка неопределенно махнул рукой.

«Кто-нибудь».

— У вас тут призрачные слуги? — Притворно удивилась Ковь. — Какая-то магия, которая убирает замок, который никто не убирает? — Она порылась в памяти в поисках словесной конструкции посolidнее, — Мне жаль, что приходится вам это говорить, но, в таком случае, — тут она встала на цыпочки, чтобы хоть как-то дотянуться до его уха и гаркнула, что есть мочи, — она сломалась!

— Э...

— А я магичка, но не того профиля, я тут все могу только спалить. — Солнечно улыбнулась Ковь, — Так что придется по старинке, знаете ли. Самый древний способ: ведро, тряпка, и пошла драить.

Да, примерно таков план и был. Разве что не весь замок, а только жилые комнаты. С замком пусть слуги мучаются, которых Васка когда-нибудь на что-нибудь наймет.

Какая-то ее часть, та, что отвечала за благоразумие, схватила за голову и завопила что-то нецензурное, но Ковь пошла в разнос, ошалевшая от растерянного взгляда синих глаз. Зацепила, зацепила — а раз не бледнеет и не тянется к чему потяжелее, то и не злой еще. И

Эха, что замечательно, спит себе крепко, не проснулась...

Может, он все-таки отведет ее к вожденной цели — ведру и тряпкам?

«Я не знаю, где», — написал Ложка, — «Не спрашивал. Важнее: магичка? Как?»

— Что как? — Не поняла Ковь.

«Встретились»

— О, это замечательная история! — Ковь даже отступила от теплого Ложки на пару шагов, чтобы вдоволь поразмахивать руками, — Короче: сажу. Никого не трогаю. Курицу ем. Нет, не так, не так! Вот, представь...те себе трактир. Неплохой, кстати, хотя грибы были не очень, но зато подлива... Додумалась же я туда пойти! Еще и содрали втридорога... И вваливается в трактир парень в полном доспехе, как на войну вышел, только дверью ошибся. А потом как хряпнется на колени! И меч мне в руки сует! И как заголосит про прекрасную даму! У него этого сора в голове было полно, как будто лопатой туда сыпши — ничего, порастряс. Ну вот, а до меня не дошло, что надо тикать, пока он меня не захомутал — ну так он меня и захомутал. Теперь вот хожу с ним по дорогам... — Ковь грустно вздохнула, опустила очи долу, — Вытаскиваю из передрыг. Ну и он меня иногда. Бывает. — Шмыгнула носом. — Совсем честно, в основном он меня тащит. Ну ничего, пока по детям он ведет. — и пояснила, — Кира с Фылеком — его косяк, а вот Эха — мой. Хотя Фыля можно и пополам...

Ей нравилось выражение его лица. Что-то было в этом недоумении, какая-то удивительно лестная заинтересованность: он больше не смотрел мимо... Хотя он и раньше мимо не смотрел, но что-то изменилось, будто щелкнуло, и Ковь уже чуть меньше беспокоил клятый прыщ и потрепанная дорожная одежда.

И тут вклинилось разобиженное здравомыслие с единственной мыслишкой, ну да ее хватило: «Этот человек выгнал Васку из родного дома, а ты перед ним распинаешься». На Ковь как будто вылили ведро холодной воды, приподнятое было настроение упало куда-то ниже, ниже — к червям.

А ведь решила же, к каждому относиться с опаской. Быть осторожной. Неужели Люта ее ничему не научила?

Стоило ему посмотреть без злобы, и вот она уже вьется вокруг ласковой кошкой. Радует, что свежую рубаху надела. Тфу! Последние мозги растеряла.

— Я могу быть свободна? — Холодно спросила она. — Я рассказала даже все.

«Имя»

Ковь отобрала у него книжечку, вывела стремительно и зло: «Прасковия Тыпка». Протянула было книжечку обратно.

— Подави...

И тут ей в голову пришла замечательная идея. Она быстро перелистнула пару страниц.

«Некий горожанин, воспользовавшись отсутствием мясника, украл...», — Ковь покачала головой. Ну вот, она-то надеялась на стихи. У Васки точно была книжечка со стихами — так, сопли, да еще и нескладные. И подражательские, строки так и просилось прилечь на мотив известных песенок — криво и враскорячку. Васка давно бросил это дело, как и чтение обожаемых когда-то книжонок... Ага, прямо в огонь и бросил. А этот что-то странное записывает, какой-то горожанин, какие-то украденные свиные туши, преступление века просто.

Ложка аккуратно, двумя пальцами, вытащил книжечку у нее из рук. Поцокал языком, покачал головой укоризненно. Но злость и стыд в одной маленькой Кови одновременно не помещались — только по отдельности, а Ковь все еще помнила, что должна быть зла, так что

она просто вздернула подбородок повыше.

Протянула требовательно руку.

— Ведро!

Ложка почти незаметно дрогнул уголком рта, развел руками... потом вдруг поднял указательный палец вверх, кивнул сам себе, выдрал из книжечки листочек и через несколько секунд Ковь уже читала под похождениями незадачливого горожанина кучерявое: «Прямо до арки, потом налево, три двери мимо, и будет кладовка».

— То-то же. — Сказала Ковь, тщательно выдерживая недовольный тон, — Запомни, лень — плохо. Да. Можешь разгрестись — разгребай, пока не завалило.

Сказала, просто желая заткнуть всех тетюшек мира показным трудолюбием, и лишь по разом заледеневшему взгляду Ложки поняла — брякнула что-то совсем не то.

— Мне пора! — Пискнула она, обошла его бочком-бочком и устремилась, куда послали, в любой момент ожидая возмущенного «э!».

И даже немножко разочаровалась, когда оно так и не прозвучало.

Но зато не обманул: Ковь нашла указанную кладовку. А в кладовке удивительное богатство: и швабры, и тряпки, и ведра, и даже скамеечку для ног. На скамеечку Ковь, недолго думая, сгрузила Эху: от той уже минут пять как слегка пахло. Достала из сумки чистые пеленки (с появлением Эхи Ковь начала постоянно таскать при себе сумку со всем необходимым, хоть Васка и называл ее за это двугорбой верблюдкой, но Ковь не знала, кто это, и не обижалась) перепеленала, грязные свернула. Эха проснулась, захныкала: Ковь взяла девочку на руки и сунула ей бутылочку.

Оставив на время сумку на скамеечке, впервые за день чуть расправила усталые плечи, прошла, укачивая Эху, по коридору, рассматривая, за отсутствием других достопримечательностей, камни стен и резьбу дверей.

И тут в одну из бесчисленных дверей что-то гулко ударилось.

Тяжелое.

Ковь отпрыгнула, прижав Эху крепче к груди. Ей показалось, что дверь хрустнула под весом чего-то или... кого-то с той, другой стороны.

— Кто здесь? — Спросила она тихонечко.

Мало ли, вдруг это несчастный пленник, которого Ложка заточил тут и не выпускает, да так давно, что уже и сам забыл?

Тот, кто был за дверью, не ответил. Вновь прозвучал гулкий удар, дверь выгнулась — но удержала, а потом было шкрябанье, долгое, противное шкрябанье, от которого Ковь пробрало холодом до самого сердца. Это не было похоже на звук кошачьих когтей, нет, никак не кошачьих, скорее... человеческих?

Эха выплюнула бутылочку и вдруг заорала: громко, отчаянно. Крик множился, отражаясь от каменных стен, дробясь на звуки потише, и, в конце концов, угасая впустую.

Но громче этого вопля Кови показался тихий хруст петель, последовавший за очередным ударом. Тот, кто был за дверью, чуял ее, слышал ее, чувствовал биение ее сердца и хотел ее: Ковь почти физически ощущала его голод. И Эху... Сильную, сладкую, беспомощную Эху, чья полная магии древняя кровь хоть ненадолго, но приглушит его жажду...

Она почти слышала его мысли, она чувствовала эту сосущую, пожирающую остатки души пустоту в желудке, она почти окаменела, заколдованная... Тихонько всхлипнула Эха, и тут, разгоняя сковавший Ковь могильный холод, быстро-быстро забилося сердце, прогоняя

по жилам живой огонь. Она метнулась к кладовке, положила Эху на широкую скамеечку, на которой пеленала. Эха больше не кричала, и маленькое ее личико с голубыми младенческими глазами казалось слишком уж сосредоточенным, неестественно сосредоточенным. Почему-то это мгновение растянулось для Кови янтарной каплей смолы, а потом время понеслось вскачь, отыгрывая свое.

Ковь захлопнула дверь в кладовку, прислонилась к ней спиной, обшарила взглядом пока еще пустой коридор: там, за дверью, Эха... а та, другая дверь вот-вот сдастся под весом ломящегося в нее существа.

В голове проносились обрывки мыслей: откуда? Как? Знал ли Ложка? А руки гнулись в причудливую фигуру, хрустели пальцы. Потом будет больно, лишь бы было это «потом»...

И дверь выпала с оглушительным грохотом.

А он был красив.

Шел неторопливо, пружинисто, хищно улыбался, а во рту передние зубы были золотые. И в правом ухе — массивная золотая серьга: кричащая роскошь обитателей помойки. С ободранных пальцев капала гнилая кровь.

Рыжий.

Не как Васка. По-настоящему рыжий. Брови рыжие. Усы рыжие. Волосы — огонь. И почему-то, самое пугающее — веснушки на синюшной коже.

А потом вдруг страх пропал — осталось восхищение красотой и жалость. Хорош мужчина... Нет, ошиблась, парень. Медногривый. Ясноглазый. Юнец. Мальчишка совсем. Жить да жить. Дергается, как на ниточке, кадык, пересохли губы... шутка ли, отбился от каравана.

Разве заслуживает заблудший в пустыне смерти от жажды?

Разве грех это — желать напиться?

Так чего же она боится? Она лишь протянет жаждущему кувшин воды, протянет руки, лишь чуть-чуть поможет, все равно вода однажды прольется в горячий песок и уйдет — бесполезно, безвозвратно...

Ковь шагнула к нему, зачарованная сладкой сказкой, бессловесной песнью, страстным зовом. Он прав. Желать — не грех. Нельзя не дать того, чего так искренне желают. Вот, он остановился, ждет: он не возьмет ничего против ее воли, он — лишь смиренный проситель... Гнет спину, голову склоняет...

Улыбается солнечно, глядя исподлобья, и удлиняются белоснежные клыки...

И за спиной почему-то — детский плач. Откуда в пустыне дети? А плач все громче и громче, раскалывает бездонное голубое небо, раскалывает землю, и песок высыпается в образовавшуюся трещину, и лицо рядом искажается нечеловечески.

И не колени преклонил он, а к прыжку готовится, чтобы раз — и в горло. И не осталось в нем ничего человеческого, и жажду его не утолить водой.

Ковь не протягивает руки в жесте помощи, но выставляет их вперед, защищаясь и защищая, а он прыгает, тянется к горлу, и Ковь бьет огнем и огнем дышит, и волосы горят — она сама огонь: не жалкий огонек, а неукротимый огненный поток. И за спиной его плавятся камни.

И сам он плавится, не в силах укунить живое пламя.

И когда все заканчивается, Ковь падает на колени рядом. Сгорел не только он, она сама чуть не сгорела, последним, отчаянным усилием воли остановившись.

Но Ковь понимает: никогда она еще не была так близка к гибели.

Эха-спасительница...

И тут ей на плечи упала чужая жилетка. Она пахнет пылью и Ложкой. А сам Ложка присел рядом с трупом на корточки — на Ковь он старательно не смотрел — взял его за руку, как дорогого друга, и снимает теперь с пальца железное кольцо: оно чуть оплавленное, горячее, но Ложка сжимает его в руке.

Крепко.

Пальцы у него перестают дрожать.

И Ковь выворачивает от запаха горелой плоти и паленых волос — и собственных тоже. А она хотела стричься. Теперь нечего.

Такая глупая мысль.

Такая... несвоевременная.

Ковь сжала кулаки — рукам больно...

И Ковь плачет — впервые за долгое-долгое время рыдает, не стесняясь. Да чего уж тут стесняться, сидит голая, в копоти, в чужой жилетке, и рыдает — сопли пузырями, ну так кому какое дело? Кто ей скажет, что нельзя? Тому она сразу в морду — и, глядишь, полегчает.

Хорошо хоть жилетка длинная, запахнуть — почти как платье. Руки путаются в пуговицах. Ложка не глядя помогает — хорош помощник, но все лучше, у него пальцы ловкие, застегивает наощупь, а пуговиц и сама Ковь за слезами не видит.

А потом Ложка встает, открывает дверь кладовки, берет на руки Эху: видно, что он знать не знает, как брать на руки детей, держит осторожно, как вазу какую. Та не плачет. Сопит — Кови почему-то кажется, что сердито. Как будто распекает: «Ты, такой-сякой, я тебя звала — а ты когда пришел?»

Ложка передает Эху Кови, и та прижимает ее к груди. Он помогает подняться.

Потом взгляд его вдруг упал на оставшееся в кладовке ведро, и он, жестом извинившись (и, конечно, забыв, что Ковь не понимает жестов, она и сама об этом забыла) взял его, аккуратно поставил, примерился и вдруг пнул с нескрываемой злостью. И то покатилося до самого конца коридора, а потом по ступенькам, все дальше и дальше. А Ковь и не знала, что там лестница — еще одна глупая мысль.

И Ковь открыла рот и закричала все, что боги на душу положат, в такт этому дребезжанию.

Плывать ей, что о ней подумают, она только что встретила самого настоящего свежего упыря куксьего роду-племени, в Пустыне их побывала — ей можно и благим матом.

Каждый упырь в свой ад приглашает, и кажется, что жизнь в том аду слаще меда. И Кови свезло, что у куксов ад — бесконечная огненная пустыня, а то бы ей не хватило... ее бы не хватило — Эху спасти.

И Ложка пришел бы к совсем другому трупу.

Ковь кричит, срывая горло, и крик этот раскатывается по замку, но не умирает, а возвращается.

Если бы Ковь верила в то, что замок живой, она бы решила, что разбудила его. Что он очень недоволен окончанием своей короткой спокойной дремы.

Что упырь этот — лишь объявление войны.

Но замки не бывают живыми, зато у них есть владельцы. Владельцы, которые пришли, когда все уже закончилось.

Слишком поздно.

Случайно?

Ковь оглядывается на Ложку. Малодушно отворачивается, глубоко вдыхает саднящими легкими.

Нет, сейчас она не сможет у него ничего спросить. Не в силах разбираться.

Пусть... Васка.

Что-то было не так.

Да, Ковь частенько ругалась, ругалась громко, глотка у нее была луженная. Но...

Но это не была обычная вспышка, когда Ковь чехвостила в хвост и гриву весь мир вокруг и окружающих в частности. Она делала это не так злобно, а, скорее, ради самого искусства ругани, без того противного истеричного надрыва, который слышался сейчас, без бабьих визгливых ноток, от которых у Васки начинали ныть зубы.

Там определенно что-то случилось — и очень неправильное.

Васка встал, схватил меч. Кирочка выкатилась из-под кровати, посмотрела настороженно:

— Тоже кажется?

— Да.

— Смертью пахнет. — Вдруг сказала Кирочка, — Резко так. Как будто раньше ее не давали чутать, а тут стенка рухнула. Плохой. Неправильной смертью. — Она принялась, разувая ноздри, — Последней...

Васка не стал спрашивать, что она имеет в виду, просто поспешил на звуки.

Кирочка бежала за ним, но очень быстро отстала. У Васки промелькнула мысль, что не стоит оставлять русалочку одну в месте, где случилась та самая, последняя, смерть, чтобы это не значило, остановился и подхватил ее на закорки.

Если придется драться, он просто отшвырнет ее: пара синяков — ничто для нежити.

Промелькнуло беспокойство о Фыле, но не бежать же за ним на конюшню? Хотя бы посмотрит, что именно произошло...

А посмотреть определенно стоило. Картина была страшная.

В центре композиции — Ковь в жилетке с мужского плеча. В бедрах и груди она ей была ощутимо мала, Васка почти слышал, как трещат бедные пуговицы, зато длина хороша, в самый раз для того чтобы обозвать картинку не срамной, а лишь слегка эротической. Кроме жилетки на ней не было ничего — если, конечно, не считать копоть за одежду. С младенцем в руках, пищащим — а значит, с Эхой все тоже в порядке.

Рядом — слишком близко — обожаемый братец, он же, похоже, благословенный жертвователю жилетки. Лицо бледное, губы поджал, но так на вид само спокойствие и безмятежность для любого, кто на него не смотрит. Растрепанный и тоже весь в копоти.

И, конечно же, как Васка мог не заметить, действительно! Обгорелый труп. Та самая деталь, добавлявшая открывшейся картине перчинки. Судя по всему, он и тут и помер той самой последней смертью, о которой говорила Кира.

Васка бегло оценил размеры трупа и у него от души отлегло: не Фылек, кто-то совсем незнакомый и массивный, в самый раз чтобы Ковь сожгла его, защищаясь, у Ложки будут аргументы для суда... Если до суда вообще дойдет, может, удастся просто тихонечко прикурить (раз уж к Кови с Эхой полез) прикопать... Постойте-ка!

— Братец, откуда тут труп? — Спросил Васка, аккуратно приобнимая Ковь за плечо и отодвигая ее подальше от предмета разговора. Ну и от братца заодно. Очень уж много

появилось к нему вопросов.

Ковь даже не сопротивлялась. Ей было совершенно все равно, что с ней делают, куда ее двигают, как она выглядит — и это безразличие Васку пугало. Слова у нее кончились, она уткнулась в него и просто заревела. Продолжила начатое, судя по красному лицу с распухшим носом. Почти беззвучно заревела, слишком уж тихо для Кови. Краем глаза Васка заметил, как Кирочка медленно приближается к труп, серея с каждым шагом. Вон, жабры видно...

Ложка пожал плечами.

«Напал и сожгла».

— За дурака меня не держи. — Резко сказал Васка, — Это твой труп. Или твой знакомый...

— ...упырь. — Звонко закончила Кирочка, и у Васки отлегло от сердца, суда-то уж точно не будет. — Свеженький совсем. Был. Айя-а-а!

В единое мгновение голова у трупа была отрублена мечом, а в сердце с смачным хрустом воткнулся метательный нож.

— Вы чего? — Удивилась Кирочка, переводя взгляд с одного брата на другого. — Он и так с концами, это был проводительный... провожательный... прощальный! Прощальный крик.

— Не пугай так. — Покачал головой Васка. — Предупреждай о криках, ладно? С провожательных в том числе, — и, куда как жестче, — Кит, откуда упырь? Даже не так, мне плевать, откуда: почему я о нем не предупрежден?

На лице Ложки промелькнуло удивление.

«Чего еще ждать от человека, путешествующего с русалкой? Я не знал об упыре».

— Ты не мог не знать о трупе. Не сам же он пришел. — Покачал головой Васка. — Объясни. Объясни, что происходит, брат? Почему ты распустил слуг? Что у тебя в замке делает упырь? Кто научил тебя так метать ножи? Почему ты вообще носишь с собой нож — здесь?

На самом деле их было куда больше. Например, неплохо было бы узнать, откуда у него шрамы, кто отрезал ему язык и сплясал на его руке. В общем-то, все эти вопросы сводились к одному-единственному: куда ты, братик, пропал на год и какие у этой пропажи еще будут последствия? Но вряд ли Ложка захочет на него отвечать — Да и Васка не был готов ответ услышать, поэтому начал с малого. Впрочем, и на малое ответ был на диво предсказуем.

Ложка поддернул рукава и с некоторым даже удовольствием медленно, как будто по слогам говорил, вывел в воздухе:

«Это тебя не касается».

— Ошибаешься. Касается. Я чуть не потерял подругу и воспитанницу, потому что ты решил, что я не должен чего-то знать. Если бы Ковь не была столь сильной магичкой, если бы она не смогла убить... это... что бы я сказал ее матери? Что бы я сказал Фылеку? «Мой брат не уведомил меня об упыре, и я решил, что в моем родном замке мне нечего бояться»? Дарьяна Тыпка расплющит мой череп сковородкой за такие слова — и будет права. Я сам ей висок подставлю.

Васка медленно вложил меч в ножны. Это было неудобно делать одной рукой, к тому же левой, правой он все еще приобнимал Ковь, потому меч противно скрежетнул, добавляя веса его следующим словам:

— Я вернулся домой, Кит, потому что решил, что здесь будет безопасно, понимаешь? У

меня тут женщина, двое детей и почти ребенок; если нам нужно отбиваться от упырей, я не брошу тебя, просто объясни, как так вышло? Скажи, в какие еще коридоры лучше не заглядывать? Нужно ли мне срочно бежать и спасти Фылека от призрака взбесившейся лошади, который совершенно случайно, ты понятия не имеешь как, поселился у тебя в конюшне, или я, все-таки, могу выдохнуть в родном замке?

Отобрал, наконец, Эху у Кови, передал ее Кирочке, а то было совсем неудобно. Васка ожидал, что Эха завопит, как вопила каждый раз, оказываясь у Кирочки на руках, но та вдруг наоборот замолчала. И это тоже пугало.

Но весь его страх каким-то непостижимым образом превращался в злость, а злость, наверное, под гипнотическим действием всхлипываний Кови — в безграничное спокойствие, которое в любой момент могло вернуться обратно и дальше — в ярость.

— Спроси про кольцо. — Вдруг хрипло сказала Ковь в Васкино плечо.

— Что?

— Он взял у него кольцо! Железное кольцо! — Почти взвизгнула она, и засопела совсем как Эха.

Кажется, слезы у нее кончились.

— Ну и про кольцо тоже можешь рассказать.

Ложка отрицательно покачал головой.

«Больше в замке трупов нет, ничего никому не угрожает. Можешь быть спокоен».

— Не смогу.

«Твои проблемы», — немного подумал, добавил, — «А твоя женщина не так уж и беззащитна, я видел, как она... горела».

— Гы-ы-ы, — рассмеялась Кирочка некстати, — Ковь, он тебя Васкиной женщиной назвал!

— Я своя собственная! — Рывкнула Ковь, от Васки, впрочем, не отстраняясь, — Так что пошел бы он... Васка, он мне здесь кладовку указал! Вот здесь, рядом с той дверью, которая выбита, упырь там сидел!

Васка поискал глазами выбитую дверь: не так уж и близко, конечно, но... Если это... Может ли это быть правдой?

«Думай что хочешь», — ответил Ложка на так и не высказанный вопрос, — «Я не имею к упырю касательства».

— А убил его кто? В первый раз? Да еще и комнату запер, на это-то ума хватило. — Снова встряла Кирочка, — Что же вы дураки такие? Убил — похорони, не жди, пока встанет.

«Твои существа зачастили с советами», — раздраженно огрызнулся Ложка, — «Заткни их».

— Не раньше, чем ты докажешь, что они не правы, — спокойно сказал Васка. — Пока я вижу обгорелый труп и Ковь в истерике. А Кира сказала, что запах смерти кто-то скрывал.

— Упыри скрывают свой запах. — Снова встряла Кирочка, и снова не вовремя, — Так что тут Ложка чист. И мы не слышали борьбы, потому что звуки они тоже скрывают, вот. И возни его...

«Ложка?»

— Не переводи тему.

«Ты ничего не добьешься, лучше успокой...» — Он начал было выплетать «свою», но исправился, — «Ковь».

— Кит... — Угрожающе начал Васка.

«Я не готов делать тебя соучастником: если я тебе объясню, ты будешь обязан донести», — Ложка поморщился, — «Но ты не донесешь, потому как Диерлих Диерлиха всегда прикроет, верно? Подумай сам, оно тебе надо? У тебя женщина, двое детей и почти ребенок, это не тот груз, с которым стоит соваться в мои дела». — Он цокнул языком, добавил, — «и, в любом случае, я не готов обсуждать это при не твоей — посторонней — женщине и...» — Презрительный взгляд на Кирочку, — «Почти ребенку, слишком уж смышленном для своей шкурки».

— Она не посторонняя. И девочка не посторонняя.

«Я правильно понял, что ты хочешь ввести ее в семью?» — Ложка поднял бровь, — «Прости, я не понимаю. Ты, Васкилерох Диерлих, хочешь ввести в семью Прасковию Тыпку? И младенца? Может, ты еще русалку удочеришь? Брат, я право на свое имя потерял; не мне говорить, что то, что ты делаешь — неправильно. Но я скажу».

— Она мне отказала. — Широко улыбнулся Васка. — А брата Эхи я действительно планировал ввести в семью. Ха-свидетель, Кит, что осталось от нашей семьи, кроме имени? Что я и ты должны хранить? За что ты так цепляешься? Я — безумец, ты калека. Калека не побьет карту безумца, и не рассчитывай. Мы — равны. И я не хочу меряться с тобой несчастьями, и мне совершенно безразлично мое имя... с некоторых пор. Если уж на то пошло, и мы тут разбрасываемся пафосными фразами, то я тоже его потерял и не особо жалею. Пока оно принесло мне лишь проблемы. Я хотел бы помириться, насколько это вообще возможно сделать над обгорелым трупом. Но откровенность — часть примирения, брат.

«Ты не дождешься от меня откровенности. Для твоего же блага».

— Тогда ты не дождешься от меня примирения, — Васка все так же улыбался, но у него отчаянно ныли уголки губ — так сложно было удерживать эту улыбку, — Думаю, мы друг друга поняли.

«Вполне».

— Пошли, Ковь, тебе нужно прилечь. — Потянул Васка Ковь за руку, и та пошла, уткнувшись взглядом в пол.

Перед тем, как спуститься по лестнице, он оглянулся: Ложка замер около упыря на коленях, молитвенно сложив ладони.

Как будто... молился за ушедшего?

Нет, он не уйдет от ответа. Васка слишком долго ждал этого примирения, чтобы все развалилось из-за какого-то упрямства. Кем бы этот труп брату не приходился, как бы брат это не скрывал — узнает.

Он не думал, что все так обернется. Он подозревал, конечно, что все будет не так просто... Васка не хотел возвращаться в замок, потому что понимал: раз вернулся, то придется мириться. А это обещало стать сложным делом. И неприятным — в том числе и для Васкиной гордости. Но не настолько же!

Брат, похоже, не понимал этого вовсе, так же, как не желал понимать того, что Васку уже не нужно опекать, поздно; и это усложняло дело еще больше.

Васка довел Ковь до ее комнаты, шуганул вертлявую Кирочку. Вернулся к себе, надел забытые в спешке сапоги, и пошел к Фылеку, в конюшни, где мальчишка обосновался.

Васка об этом, конечно, знал, но решил не вмешиваться. Этот парень потерял дом. А еще он полжизни провел в конюшнях, так что, может, хоть там он сможет чувствовать себя

уютно?

Фылек сидел на перевернутом ведре. Второе ведро стояло в отдалении, и мальчишка кидал туда камешки, видимо, специально набранные для этой цели. Васка остановился в дверях, наблюдая.

Недолет. Перелет. Недолет. Снова мимо... Упавшие камешки выстраивали на полу конюшни почти прямую линию.

Фылек нахмурился, чуть высунул язык. Повязка, скрывавшая пустую глазницу, сбилась на лоб.

Недолет. Перелет... Фылек вскочил и размахнулся: камешек глухо ударился о деревянную стенку, отскочил и с гулким звоном упал на дно ведра.

Тут Васка понял, что стоять дальше смысла не имеет, потому что Фылек вот-вот расплачется, а ни один мальчишка не захочет предстать перед старшим заплаканным. Подошел, заглянул в ведро: камень лежал там в совершеннейшем, вопиющем одиночестве.

И то случайно попал.

Фылек деловито стал подбирать камешки и упикивать в карман. Если он и утерся пару раз рукавом, то Васка этого совершенно не заметил, он ведь тоже занялся важным делом: помогал собирать камешки. Набрал штук десять и ссыпал в протянутые руки.

— Нужно фураж закупать?

Фылек кивнул.

— Справишься, если денег дам? Помнишь, где деревня?

Во всем, что касалось лошадей, Васка знал, на Фылека можно полностью положиться. И выказывал это доверие каждый раз, когда только мог, чтобы немного ему польстить.

Все-таки Васка чувствовал себя виноватым, иначе бы не решил бы то, что решил. А подсмотренная сцена только укрепила его в этом решении: одноглазость, немота, все это, в какой-то степени, его, Васкина вина.

Фылек снова кивнул.

— Ковь сегодня... положила... — Васка прокашлялся, — Кхем... упыря, кхем. Ничего подозрительного не случилось?

Фылек отрицательно помотал головой.

— Точно? Если что-то вдруг, обязательно скажи. И кричи. Не играй в храбреца, ладно?

Вопросы как будто уходили в молоко. Это не было привычное молчание онемевшего мальчишки: Фылек не хотел с Ваской говорить. Что же, очень вовремя, Васка понимал, что однажды этот нарыв достаточно созреет, чтобы его вскрыть. И теперь был к этому готов. Брату он уже сообщил, осталось разобраться с самим будущим Диерлихом. Уговорить мальчишку из мастеровых принять аристократическую фамилию — как бы смешно это не звучало.

— Ковь спасла Эху. — Добавил он тихо.

«Я должен быть благодарен?» — Вскинулся Фылек, — «Спасибо».

— Не должен.

«Ковь могла спасти не только Эху, раз уж она такая сильная магичка и у нее есть такой сильный вы».

— Не думаю. — Покачал головой Васка. — Я не дал бы ей сунуться.

«Вы бы даже не попытались?!»

Жесты у Фылека были размашисты, экспрессивны, не очень точны, но вполне понятны. Еще немного и он научится не хуже Ложки... Хотя Васка все-таки надеялся, что сперва

Фылек все же вспомнит, как говорить: ему ничего не мешало, кроме какого-то маленького стопора в голове. Васка слышал, такое случалось с детьми, пережившими что-то страшное, да и не с детьми тоже, а еще слышал, что иногда это проходит и искренне надеялся, что последние слухи — правда, раз уж правда первые.

— Я не понимал, что грозит твоей семье, именно поэтому я не сгреб Ковь в охапку еще до рождения Эхи и не увез ее против воли. — Просто сказал Васка. — Ковь не обязана расплачиваться за грехи твоей матери собственным страхом и собственной жизнью. Не факт, что мы бы победили. Никто не обязан был — кроме Люты. Люта устроила все в лучшем виде, но ты же не ждешь от меня благодарности? Одобрения?

«Но ты же...»

И это случайное «ты» резануло Васку хуже ножа — столько в нем было разочарования, переданного не интонацией, но жестом, выражением лица, опустившимися плечами. Но он не стал возражать, лишь сказал мягко:

— Только в сказках рыцари могут спасти и принцессу, и служанку, и, если понадобится, дракона и пару королевств — и все это одновременно. В реальности приходится выбирать что-то одно. Определять для себя приоритеты. Для меня приоритет — Ковь, а не младенец, которого даже не знаю, и не его мать, которая подвергла опасности себя, тебя, своего мужа, своего ребенка, меня и Ковь — просто поддавшись похоти.

Он был готов к тому, что Фылек сбежит после таких слов куда глаза глядят — и это будет его выбором и его ошибкой. Если он правильно понял объяснения Кови, в лес этому мальчишке лучше не попадать, но хватит ли у Фылека ума это понять? А если лесовик сможет его достать и за границей леса? Он был готов к его побегу — и он знал, что сделает все, чтобы этого не случилось.

«Если бы ты знал, ты бы даже не оставил мне амулет», — Горько сказал Фылек, — «Я ведь тоже не приоритет»

К сожалению, нельзя было соврать. Сейчас мальчишка бы почувствовал любую фальшь.

— Да. — Просто сказал Васка. — Тогда — не был.

Фылек попятился было, чтобы убежать, но Васка удержал его за плечо.

— Я дам тебе возможность поступить иначе. Оказаться на моем месте и остаться рыцарем из сказок. Думаю, это будет честной платой за все то, чего я не сделал.

«Как же ты это сделаешь?» — Едко усмехнулся мальчишка.

— Дам тебе свое имя. Отошлю в школу, в которой я учился. И ты возьмешь оттуда все то, что захочешь взять. Я готов оплатить любого бога, любую специализацию, собственного коня... — Васка почесал затылок, — Хотя ты должен понимать, что у меня пока не так много денег на второго роскошного скакуна. Хочешь кого-то уровня Шалого — бери Шалого.

«Твоего коня?» — Округлил единственный глаз Фылек в непритворном восхищении, но тут же опомнился, вздернул нос, — «Мне не нужны твои подачки!»

— Ты не совсем верно понял, Фыль, — улыбнулся Васку уголком рта, — это извинения. Прими мои извинения. И... не убегай, если сможешь. Подумай, пожалуйста, ладно?

Васка оставил мальчишку в конюшне, надеясь, что у него хватит мозгов согласиться, но, конечно, совершенно случайно забыл дать ему денег на фураж. Завтра сходит, а сегодня нечего искушать.

Он и не заметил, как оброс обязательствами, как старый пень трутовиками. Он не знал, плохо это или хорошо. Пожалуй, все-таки, хорошо: он еще помнил, как ехал по дороге в

одинокестве, и казался себе никому не нужным раскисшим кленовым листом, который прилип к чьему-то окошку. Теперь у него хотя бы есть, чем заняться.

И Ковь Эху не бросит. Как бы она не ворчала, как бы не ругалась, уж Васка-то видит, что она крепко к девочке сердцем прикипела. А в замке условия все-таки получше, чем среди ее шумной родни, ее родню, если подумать, даже упырь не перещеголяет, да и лесок у нее рядом с деревней есть, вот и не случится никакой деревенской свадьбы ближайшие года два. А потом еще что-нибудь произойдет...

Васка даже замечтался, что сухарь-Ложка влюбится в Ковь, возьмет ее замуж и Васка будет тетешкаться не просто с Эхой, а с самой что ни на есть почти родной племянницей... а потом и родные пойдут...

Ну не может же быть что-то настолько страшное и непобедимое, как Ложка намекает. Справятся как-нибудь общими силами, как справились с маньяком и лесовиком. В крайнем случае, просто убегут — только их и видели, подумаешь, замок! Хотя это, конечно, уже не серьезно. Скорее просто выдержат небольшую осаду или вроде того... Ложка достаточно умен, чтобы вывернуться из чего угодно, и образование имеет соответствующее. А Васка поможет.

Все поженятся, а Васка будет подносить браслеты, и солнышко, и голубое небо, и никаких тебе проблем, полное взаимопонимание. И Фылек закончит рыцарскую школу с отличием, но на войну не поедет, потому что она кончится.

Замечтался настолько, что чуть не запнулся о Кирочку, которая появилась как из под земли, и тут же схватила его за руку. Васка досадливо поморщился: Ха, ну за что ему столько детей! Хоть бы один был его собственным, хоть понятно было бы, зачем он с ними возится.

— Я тут подумала. — Сказала Кирочка.

— Поздравляю.

Васка понял, насколько он устал, раз уж скрывается в розовых мечтах от суровой реальности. Но от суровой реальности не скроешься, вот она, в лице Кирочки. Открывает рот, полный треугольных зубов, чеканит:

— Кроме твоего брата убить труп было некому.

— Ха-свидетель! — Простонал Васка, — Ну вот только-только исправилось настроение... Видишь, Кирочка, вот это вот солнышко? Вот этих вот птичек? Они щебечут о любви, а ты...

— Сейчас поздняя осень. — Фыркнула Кирочка. — Они щебечут о том, что хотят жрать.

— ...убила момент напрочь. — Упавшим голосом сказал Васка. — Понимаю я. и что?

— Неужели ты не хочешь выяснить, почему?

— Кира. — Серьезно сказал Васка, — Пойми, если мой брат, подававший огромные надежды законник, а ты должна бы знать, что законники — самые склизкие существа в Море, сам не захочет мне рассказать, зачем он убил труп, то я, безнадежный дубоголовый рыцарь, сам не смогу выяснить.

— А если тебе поможет остроумная русалочка? — Белозубо улыбнулась Кирочка, — Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, позволь мне поучаствовать в расследовании!

— Каком еще расследовании?

— Ну и ладно. — Буркнула Кирочка. — Но ты не сможешь закрывать глаза вечно. И тогда ты обратишься к кому? Правильно, ко мне, потому что твоя Ковь влюбилась в Ложку по самые по уши, и не в состоянии относиться к нему критически, во-о-от!

— Что-что она сделала? — Васка даже остановился.

К воплощению розовых мечт в реальность он почему-то оказался не готов.

— Ну, я подумала, почему она себя так странно ведет, да? И немножко с ней поговорила, а еще последила, и я тебе говорю, влюбилась! Потому так на руках его зависала, что влюби-и-илась!

— Кира. — Сказал Васка медленно. — Когда ты за ней последила? Около труп? Извини, но вряд ли там вообще можно было что-то увидеть.

— Хочешь сказать, что русалки — неисправимые романтичные дурочки?

— Заметь, не я это сказал.

Кирочка закатила глаза.

— и этот человек только что загибал мне про птичек! Ну тебя. Все равно меня не остановишь.

— Главное, помни, как он метает ножи! — Крикнул Васка в ее стремительно удаляющуюся спину.

Удержать ее он не пытался.

Попробуй, запрети что-то ребенку, даже если формально это уже и не совсем ребенок. Ну нет, это верный способ раззадорить ее еще больше. Пусть делает что хочет, вдруг и правда узнает что-нибудь полезное? А он, если что, сделает вид, что он тут не при чем.

И правда, может сработать.

Почему бы не попробовать?

Уже пять дней Ковь валялась и поплевывала себе в потолок.

Оказывается, если ты бедная, несчастная, завалила упыря и очень переживаешь по этому поводу, то у всех остальных разом просыпается совесть. И Кирочка комнату прибирает — любо-дорого, и Фыль вон яблоч где-то натырил целый мешок. И даже Васка как-то внезапно освоил готовку, хотя сколько Ковь его помнила, все делал вид, что не умеет, а при попытках Кови научить его хоть кашу варить бесстыже жег крупу... а уж как у него взрывались яйца — это просто песня была... Сначала медленно, гулко: бах, бах, бах, а потом остальные друг за дружкой бахбахбабабах! Ковь как будто снова выпихнули на полигон к боевикам, она чуть не поседела — а это Васка яйца в чугунок закинул и на огонь повесил. И, главное, потом смотрел такой хитрющими своими карими глазами и тянул: «Я все сделал как ты сказала.... Что? Вода была нужна? А я не зна-а-ал... Ну, не дается мне готовка, не мужско-о-ое это дело». Ничего, в замке ему, видимо, родные стены помогли: с третьего раза и суп неплохо вышел, а кашу этот гад наверняка еще в Кьяксоне освоил. Все те три вида, которые воины в походах едят. Там-то баб не было.

А обе неудачные попытки супа Ковь прямо в окошко и выливала, она в растрепанных чувствах, что чужие жалеть, из вежливости давиться? У Васки на то чужие дети есть — не свои, не жалко.

А Ковь держалась на яблоках. Хорошие яблоки, хоть и мелковаты, да и надоели до оскотины... К тому же, Васка их как-то, забывшись, ранетками назвал, и Ковь заподозрила, что объедает Шалого. Как-то даже не определилась, как к этому относиться — Фыль же от чистого сердца, все-таки...

А еще Васка у Кови еще вечером первого дня тактично отобрал, мол, что-то у тебя, бедная, ручки дрожат, давай-ка я подержу, а так потом Кирочке передал и теперь они ее по очереди пеленают. В основном, конечно, Фыль — Кирочка из него веревки вьет. А Эха даже не протестовала — предательница!

И Ковь никто не трогал.

Может, и рады бы потрогать, но она что, дура, что ли, из комнаты выходить? Ей и так хорошо.

Вот и сидела Ковь в комнате пятый день. И было скучно. И никто ее не вытаскивал. Пробовали уже. На третий. Она тогда свое отражение в бадье с водой увидела и чуть не спалила те жалкие остатки волос, что у нее остались. Смешное дело: вот, думала же совсем недавно, что неудобно, отросли слишком, даже в хвостик, как Васка когда-то делал, не соберешь пока, в глаза лезут, резать надо... спалила, очень теперь удобно, вообще ничего никуда не лезет. Нечему лезть-то.

И сразу так обидно стало почему-то. У всех нормальных баб в ее возрасте четыре косы, дом да дети, а она что? Головешка обгорелая, вот что! С чужими детьми и краденой козой таскается по дорогам, в чужом замке живет... Даже у Ложки... да что так у Ложки, даже у Васки коса есть! Ковь как вспомнила его рыжую косицу, так это и стало последней каплей, чуть не разревелась...

Вот так Ковь Киру и шибанула с расстройства электричеством немножко, она-то не хотела, случайно вышло, пол был мокрый, и Кирочка мокрая, ну и... с тех пор никто Ковь и не дергал. И еду Кирочка носила, она мертвая, ей-то ничего не грозит. Глазик подергается немножко и пройдет.

У Кови всегда после перенапряжения с огнем начинались проблемы с огнем бездымным. Как икота после истерики. А тут еще и все остальное навалилось...

А разве ж она виновата? С чем не родилась, то дали. Она что, о силе просила? Да ни разу, она что, дура, что ли? Много силы — много печали, хуже только знания, от них в голове совсем уж лишние мысли заводятся. Вот, сеструха ее, она тогда без огня вернулась. Когда Ковь ее в последний раз ее видела — нянчила третьего, четвертого носила, мужа строила... Чем не счастье? А что Кови недоступно — так тем желаннее. Но кому вообще нужна магичка? Для своих, деревенских — она выскочка непонятная, опасная и заумная. Может и прижилась бы, вернись она сразу после Академии, лишь иногда просыпалась бы среди ночи и по городской жизни тосковала, но прижилась бы, и стала бы как сеструха... А сейчас... Непонятно чего хочет и о чем думает. Где шлялась столько, что делала, что у нее за душой... Нет, дома-то ее примут, но и только. Будет век при матери старой девой жить. Да и что уж тут — сама Ковь уже в деревне не уживется. Тесно там, скучно, это хуже, чем пятый день в комнате сидеть, силу усмиряя, потому что на всю жизнь.

А для таких, как Ложка, она деревенщина неотесанная, подумаешь, магичить умеет... Кость широкая, кожа солнцем пропеченная, для работы рожденная, и под обгрызенными ногтями земля!

Да и люди сытые да безбедные магичку не примут, кем бы они ни были. Магия от Ха, магия заносит в жизнь хаос, как срамную болезнь, и уж не выведешь: не зря же Отец-Солнце заповедовал с магией не связаться. С магиком поведешься — бед наберешься. И только... А те, что в беде, с бедой справятся и забудут и беду, и вытащившую магичку с легким сердцем. Зачем плохое помнить?

Вот к чему был этот бум свадеб на последних годах обучения. Ковь помнила, как спросила подругу, зачем той замуж так рано, да еще и за боевика контуженного и слышала вполне логичное: «А куда еще?» Тогда Ковь, дура романтичная, не поняла вопроса. Попыталась что-то про любовь сказать, подруга же боевика своего любить не любила... а та только грустно смеялась. Просто раньше все поняла — вот и все. А Ковь понять не успела...

Так и болтается теперь где-то между, с отщепенцами, которые и сами не знают, кто они, откуда и чего хотят. И куда бредут, и зачем — того не понимают, наугад выбирают и кривая сама выводит. Навроде Васки. Это он с ней не путешествовал, это он так домой кружным путем возвращался, и Ковь знала, знала, знала, что кончится все его замком, и этого боялась...

И вот. Сбылось.

И от осознания волосы так и трещали, и искры так и сыпались во все стороны. Васку-то вывело, и что же, Ковь одна останется? Не жить же вечно приживалкой в чужом замке?

Так что Ковь не просто так из комнаты не вылезала. Она спасала всех остальных от собственного общества. Очень полезное занятие.

Только вот с него выть хочется.

И скучно.

Кирочка вроде книжек принесла, целую огромную стопку, но по своему вкусу: все какую-то ерунду про призраков и восставших мертвецов. Кто бы ей сказал, что после того, как одного упокоил, про других читать совершенно не хочется... Ковь вот сказала и весьма витиевато, но Кирочка, вместо того, чтобы устыдиться, обиделась, глазом нервно потикала, развернулась и так с Ковью разговаривать и перестала.

В общем, почти единственным полезным развлечением было пропускать между пальцами тоненькие ниточки-молнии. Когда с пальцев срываться перестанут — можно будет и выйти. А что в комнате грозой пахло — так Ковь окно открыла, и сразу запахло еще и гнилыми осенними листьями, и сырой землей... осенью.

С осенней прохладой Ковь боролась радикально: сидела в старых, вытертых на коленях, зато очень теплых и удобных штанах поверх других штанов, модных таких, в облипочку, которые она в Академии когда-то носила, и которые на ней теперь болтались, как на вешалке, и Васкиной куртке поверх рубахи.

Чтоб она еще раз доверила Васке купить себе куртку! В ней Ковь могла только сидеть, потому как стоило ей встать, и куртка тянула ее плечи книзу, как будто на спину Кови взгромоздились все грехи Мира одновременно, да еще и друзей позвали. В кожаной куртке должно быть меньше железа, как бы еще Васке это объяснить и на крик не сорваться...

Ковь совершенно не ожидала, что в дверь кто-то постучится, и потому вздрогнула от внезапного звука, и молния красиво ушла в потолок. Захотелось впасть в детство и затопать обеими ногами сразу: у нее же получалась! Если бы ее не сбили!

— Ну? — Рявкнула она.

Тишина была ей ответом. И еще один стук.

Ковь напряглась.

Васка стучал быстро, дробно, и почти сразу открывал дверь, чисто символически прикрывая глаза ладонью на всякий случай. Кирочка вообще не стучалась — зачем? У стука Фылека тоже был совершенно другой ритм...

— Э-э-э... — Наконец неуверенно протянули с той стороны двери.

Кови захотелось провалиться под землю вместе со своими дурацкими штанами отвратительно-грязного болотного цвета и короткой подгорелой щетиной вместо русских кос до пояса толщиной в Васкин кулак.

Почему-то рядом с Ложкой ей хотелось либо провалиться, закопаться и исчезнуть, чтобы он ее не видел, либо наоборот, выпендриться покруче, чтобы уж точно заметил.

А тут сам пришел. Хотя... вряд ли по своей воле.

— Э-это. Входите. Не заперто. — Выдохнула Ковь, пряча молнии.

Те вдруг стали послушными, как котята, и исчезли почти без усилий, ощутимо кольнув напоследок кончики пальцев. Зато ладони вспотели, и сама Ковь выпрямилась, несмотря на давящую куртку, предвкушая первое за несколько дней развлечение.

И Ложка осторожно приоткрыл дверь и проскользнул в комнату. Коротко, кивком, поздоровался.

— Вам тоже не хворать. — Протянула Ковь.

И тут Ложка сделал то, чего Ковь уж точно не ожидала. Это, наверное, был какой-то очень сложный поклон, к тому же Ложка пытался, кажется, что-то еще сказать на ходу... В результате он выдал достаточно странную последовательность движений (Ковь даже посмотрела, не встал ли он случайно босыми ногами в лужу, как давеча Кирочка. Нет, совершенно сухой пол, и неплохие, хоть и потрепанные сапоги) замер в какой-то совершенно невообразимой позе. Ковь почему-то вспомнила, как играла в детстве с остальными в «замерзайку» и как все старались перекривлять соседа, а потом замирали, когда водящий неожиданно выкрикивал «зима». А потом прохаживался меж остальных, выбирая самую нелепую и смешную фигуру...

Ложка бы выиграл всю сосновую смолу. Вот точно, обчистил бы карманы приятелей Кови до донышка, всего лишь повторив всю эту сложную последовательность вроде бы поклонов, полуповоротов и жестов и вот так вот замерев.

Ковь рассмеялась.

— Это что?

Ложка скользнул рукой к карману, достал оттуда бумажный комочек и швырнул им в Ковь. Тот попал ей прямо в лоб и отскочил в руки. Ковь могла поклясться, Ложка специально целился.

«Поклон. Церемониальный. Извинения».

Написано было заранее, красивыми зелеными чернилами. Завитушка на букве «и» была бы произведением искусства, если бы за ней не проглядывала замаскированная клякса. Переписывать набело — для слабаков, надо же изощриться, ага.

— А это точно извинения? — С опаской спросила Ковь, — А то мне уже как-то грохнулись на колени, я так рыцаря себе завела. У вас это семейное? Откуда вы вообще выкапываете эту пропылившуюся ритуальную древность?

Ложка отвечать не спешил, стоял себе. Кови захотелось хлопнуть его по плечу и сказать «весна». Вдруг отомрет? Хм, а неплохая же идея! Она подумала несколько секунд, подыскивая волшебные слова, которые подошли бы для детей старше десяти.

— Ну-у-у... извинения приняты?

Пусть, скорее всего, его вынудили извиняться, но все равно приятно. Не каждый день аристократы перед Ковью спину гнут. Васка не в счет, Васка башкой повернутый, в нем от аристократа — только меч. А еще гордость, которая как медведь-шатун — разбудил, сам виноват, что голова под куст укатилась...

Ложка выпрямился моментально. Как будто палку проглотил. Кажется, он выше Васки, вот ведь чуден свет... Хоть в плечах и ощутимо уже.

И пошел на выход.

Так же внезапно, как пришел. Нет, понятно, разбудили человека среди... бела дня, вон, даже косу заплести нормально не успел и в узел подколоть, заставили идти извиняться к незнакомой бабе, шантажируя невесть чем, но хоть бы сделал вид, что сам пришел!

— Ты... Можно же ты? Раз виноватый, ага... — Заторопилась Ковь, от которой решительно уходило ее внезапное развлечение, — Ты зачем вот этот вот танец ужаленного в хвост енота изображал? Достаточно было просто... Достаточно просто... ну, рассказать. Объяснить, типа, как так вышло. Ну, или просто вон той записочки зелеными чернилами — мне б хватило.

Ложка остановился на полпути к двери, смерил Ковь недоверчивым взглядом. Достал из кармана знакомую книжечку.

И снова в лоб. Ковь специально не уворачивалась. Точно — целился!

«Я уже объяснял, почему я не намерен рассказывать».

— Да вот как-то недосуг было слушать. — Пожала плечами Ковь. — А, ладно, забыли, так забыли, принято, так принято. Но кто старое помянет, тому глаз вон. К тому же хороший человек упырем не поднимется, так что, наверное, туда ему и путь-дорога... Только вот... — Ковь судорожно вздохнула, с трудом проталкивая в легкие холодный воздух, — Только вот... Ты меня тоже пойми, вы поймите — это мой первый труп. Я не Васка, этот с Кьяксона вернулся отмороженный, ему что живой, что мертвый — взмах железкой разница. Я...

И она развела руками. Вышло, наверное, жалко и беспомощно.

— ...не могу вот так просто. Так что... ну, тебя ж все равно Васка заставил, ты того, передай этому интригану-недоделке, я пока выходить не хочу. Пусть дальше супы варит, последний неплохо вышел. Съедобный даже.

В этот раз бумажка прилетела прямо в руки.

«Если я не хочу извиняться, брат бессилен. Я действительно виноват; впрочем, инцидент исчерпан. Кстати, как я стал Ложкой? Было бы интересно знать, чтобы больше так не промахиваться».

Ковь пожала плечами.

— То есть, все-таки, уговаривал. Но мы-то гордые, мы бы и сами пошли, просто так совпа-а-ало, — издевательски протянула она. — Все просто, господин Ложка, твое имя просто невозможно запомнить простому смертному. Только легендарным сказителям, которые про древних бают, они-то вечно языки выламывают заради имен, и твое имечко прям под стать будет.

Следующая бумажка щелкнула ее по носу.

«Шеложкитерох Диерлих»

— Думаешь, хоть так запомню? Это вряд ли. С именем у тебя родители промахнулись. — Вздохнула Ковь. — Бедный твой прадед... Бывает. А что, мое имечко прилипло? Какая жалость, но я только с тухля... Кирочкой поделилась по секрету, если тебе нужно выдрать у кого-нибудь язык за позор твоего древнего рода — лови ее, она тут трепло. Все равно она со мной не разговаривает, не жалко.

Записку с насмешливым «Надеюсь, девичьей памяти хватит запомнить» Кови пришлось выпутывать из волос. Нет, он точно издевался. Вроде бы и не из чего выпутывать, а он ухитрился в почти единственную уцелевшую прядь попасть, которая чубчиком торчала надо лбом.

Страстишка издеваться над бедными-несчастливыми девушками — это у них семейное, ей боги! Ковь кольнуло раздражением: к волосам прикасаться было неприятно.

— Боюсь, не хватит. — С притворным расстройством вздохнула она. — Так, побалакали — и ладненько. Вали из девичьей светелки!

— Э-э-э...

— Ва-ли. — Тут Ковь вспомнила кое-что, и, понимая, что хуже не сделает, недолго думая, сменила гнев на милость, — Стой! — Ложка остановился, взявшись за ручку двери, — Седину закрасить надо?

Этот недоуменный взгляд был лучшей наградой. То-то же, не только Диерлихи умеют издеваться!

— Ну, что? — С видом оскорбленной невинности выдала Ковь, — Твой брат у меня краску таскает, а рассказал про твои проблемы — так я для тебя басмы прикупила. Чтобы не с пустыми руками в чужой дом... Потом, правда, мы друг друга недопоняли, а потом упырь... но ты ж извинился. — Ковь встала, подошла поближе, склонила голову на бок, отгоняя от себя мысли, как нелепо сейчас выглядит, ухмыльнулась, — Мы ж друзья?

И протянула руку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Распахнувшаяся дверь ударила Ложку в спину. Тот пошатнулся, но устоял, и руки подать не успел. Ну, то есть Ковь очень надеялась, что поэтому. Но за мгновение до этого у Ложки как-то неувовимо знакомо исказилось лицо, и Ковь даже успела подумать, что довела Васкиного брата до точки кипения. Переборщила. Так что надежда была слабенькая и совершенно нежизнеспособная.

Ворвавшаяся Кирочка обвела хмурым взглядом Ковь, Ложку, прижала покрепче хнычущую Эху и выдала:

— Дяденька, тетенька, хва... а-а-а, у меня де-жа-вю. Могла бы хоть не Диерлиха для разнообразия... Вот. У тебя! — Она ткнула пальцем в Ложку и тот даже попятился, такой у нее был решительный вид, — Бумага есть? Грифель? Можешь молчать, если так хочется — есть, конечно. Вся комната в записках, Ковь, я больше за тебя убираться не буду, так и знай. Вы! Двое! Мне скучно, я хочу играть, а Фыль уехал с Ваской за припасами. Так что со мной будете играть вы! На!

Губы надула, ножкой топнула... Эху Кови отдала — как-то слишком поспешно. Мелкая сразу хныкать перестала, загугукала радостно, руки к Кови потянула...

Ковь присмотрелась, механически принимая ребенка: жабры у Кирочки пульсировали, отчаянно прогоняя воздух, привычно пахло тухлой рыбой... Слишком много зелени в волосах, слишком блестят глаза. Проверила лоб — горячий. Под тонкой шелушащейся кожей можно прощупать чешую.

— Все нормально?

Русалки не простужаются. И не болеют. Тут что-то другое. Раз уж Кирочка обиду свою забыла и к Кови пошла. А обида была крепкая...

— Ерунда. — Отмахнулась Кирочка. — Но — хочу играть. До смерти хочу!

Ковь кинула на Ложку извиняющийся взгляд, пожала плечами. Тот кивнул, соглашаясь. На лице — ни следа недавнего гнева. Будто Кови просто показалось. Да и на Кирочку он посмотрел... с сочувствием?

— Хочу играть в корабли и палубы! — Заявила Кирочка через несколько минут, когда все устроились и приготовились внимать ее капризам.

Ковь сидела на кровати, Кирочка угнездилась у нее на коленях, привалившись горячим затылком к груди и вцепившись в левую руку. Ногти ее ощутимо давили на кожу, но не настолько, чтобы проткнуть, так что Ковь терпела. Ложка развалился на кресле, закинув ногу на ногу. Он, видно, тоже сделал какие-то свои выводы и, не слушая Кирочкиных возражений, закрыл окно, так что в комнате стремительно теплело, и Ковь уже сбросила

куртку.

Вспомнила, что так и не вернула Ложке одолженную жилетку, но махнула на это рукой. В следующий раз. А то Эха под боком у Кови как-то сразу заснула и будить не хочется. Ну да, если ее на Киру оставили, то она за день хорошенько нарыдалась... А Кире, наверное, обидно. Всегда обидно, когда тебе напоминают о недостатках, а уж когда о таких... А с Эхи что возьмешь? Она не замолчит из такта, она просто не хочет, чтобы ее нежить качала. Вряд ли сама понимает, чего рыдает. Мелкая еще. Хоть и сильна будет, когда подрастет: Ковь уже предвкушала это развлечение. Себя в детстве помнила, умножала раз в пять — и предвкушала...

— Ты! — Кира ткнула пальцем в Ложку, — Разломи грифель и дай бумажку!

Ложка, не споря, просто достал из карманов второй и кинул Кире в руки вместе с книжечкой, из которой предварительно выдрал листок и для себя. Вот ей он в руки целил, а не в лоб, ну что за ерунда такая?

Правила этой детской игры никому было объяснять не нужно, а через некоторое время Ковь даже увлеклась. Ложка оказался умелым противником, как будто мысли читал, череп ее насквозь просвечивал своим пронзительным синим взглядом, корабли так и гибли, но и Ковь была не лыком шита...

Кирочка пригелась и заснула, успокоенная, у Кови на руке. До того пыталась иногда давать советы, но ведомую ей эскадрилью быстро разбили. Она разобиделась, но как-то не всерьез, и просто стала слушать, как играют взрослые. Вот и разморило... И пахло от ее русых волос мылом, как от обычной девочки. И ноготки разжались...

Что-то с ней было неладно. Но да с кем было ладно? С Фылем? С Фылем Васка разбирается. С Ваской? Все никак не разберется, что с братом делать. С Ложкой? Этот вообще мутный какой-то. Вроде бы и готов пойти навстречу, Васке слова поперек не сказал, но чувствуется, что есть в нем эта граница, за которую лучше не заходить. И если по Васке сразу видно, когда ты до предела терпения добрался, то по этому попробуй, разбери! У него и меча-то нет, чтобы хвататься и пальцами белеть, и голоса — чтобы подводил... и до самого предела он будет вежлив и предупредителен.

И кинжал в спину метнет вежливо.

— Ка-девять!

— Попах! — Отмахнулся Ложка огорченно и замер столбом. Выпрямился, как палку проглотил. Опять.

Ковь сделала вид, что ничего не заметила. Продолжила:

— Ка-десять!

— М... Мымо!

Ну вот, теперь с Ложкой чуть ладнее. Ковь улыбнулась себе под нос, погладила мягкие волосы Кире.

Все образуется.

Обязательно-обязательно.

Хорошая игра. Теплая такая. Наконец-то тепло и перестало пахнуть грозой: вот ведь дура! Сама себе проблем наделала, и радуется, что кто-то за нее исправил...

Не кто-то.

Уж себе-то врать какой толк? Хватит уже. «Почему-то», «как-то так получается», ага. Вроде не маленькая уже, должна знать, что значит, когда от мужика то в жар, то в холод кидает и хочется под руку подластиться, как кошке драной, и страшно — ну как оттолкнет?

Либо больна, либо влюбилась — а Ковь не больна. Хотя лучше бы заболела. Не хочется в этом признаваться, ни себе, ни кому-либо вообще — но что уж тут поделаешь?

Ковь украдкой посмотрела на неуловимо изменившееся Ложкино лицо: он наконец-то и вправду увлекся игрой, и сразу куда-то подевались тени из-под глаз, перестали сжиматься упрямо тонкие губы... Что уж греха таить: она рада, что ее проблемы решил Ложка, что он вообще сидит напротив и играет с ней в игру для малолеток — как с равной. И что хмуриться перестал — рада. Невеликое, вроде бы, достижение, а душу греет больше, чем закрытое окно...

Кирочке было спокойно.

Не зря она к Кови пошла. Теперь грелась в чужих положительных эмоциях, отогревалась. Смотрела одним глазком сквозь дремоту, как увлеченно играют взрослые и тихонечко радовалась тому, что никто не ссорится, не ругается и не вспоминает лиха. А благодаря чему? Благодаря ее, Кирочкиному, вмешательству.

Вот и Эха замолчала наконец, заснула, посапывает сладко. Такая же тварь, как и сама Кирочка, ну, наполовину — а нос воротит, как же! Орет и орет, хотя что Кира ей сделает, вот что? Хотя мелкая еще, рано ей хоть что-то понимать. Много она сама понимала, когда ее река разбудила? Эха иллюзию упыриную разрушила чистой силой на инстинктах — и молодец, за то Кирочка этому незатыкаемому фонтану рева, слез, соплей и слюней даже благодарна.

Одна бы Ковь не справилась. Сострадательная слишком. Сострадательными легко управлять. Не только упырям, но и вообще. Вон, Эхой обзавелась. Кирочке помогла. А все из-за сострадания своего.

Кирочке было хорошо у Кови на коленках. Ковь вообще — теплая.

И тут вернулись Васка с Фылеком — не одни.

Взрослые отложили игру, разбудили Кирочку и пошли встречать. Ту, еще одну. Которая с Ваской приехала.

Ложка ее через окно увидел и подскочил. А Ковь — за Ложкой, как на ниточке. Только задержалась чуть, Эху взять.

А Кирочка за ними, любопытно же!

И вот, смотрит. Красивая. Рыжая такая, не как морковка — золотистая, что ли. Глаза большие, янтарные, чуть раскосые, губы пухлые, краснющие, носик чуть вздернут... Грудь платье почти не скрывает, задницу тоже облегает плотненько, сапожки на точеных ножках — как перчатки. Ох, утони в их реке такая вот кукся морда, не было бы у сестер ни шанса. Хотя как посмотреть еще: сестер-то больше.

Даже Фылек вон как глаз таращит... а, нет, и слава Ха — это он дамское седло в первый раз видит. С ее то платьишком нормально не сядешь, только боком... Вот Фыль деревенщина-деревенщиной, хоть и городской! Неужто и правда не видел, раз так пялится? Вот Кира видела. У Милы было дамское седло, последняя столичная мода, Гарпия выписала, а Мила все нос воротила — Кира помнит.

И так сжало сердце в тоске по сестре да по брату...

Но она все правильно решила. Не даст она им подумать, что в реке лучше. Не даст и все. Пусть предательницей считают, но в реке их больше никто не ждет. И сестрицам, и батюшке Кира строго-настрого наказала, чтобы не принимали.

Васка с коня слез... почему-то не с Шалого, на Шалом ехал Фыль. Наверное, попросил

покататься, Фыль рассказывал, Васка и подарить обещал... Только Фыль о таком никогда не попросит. Потому что и без Васкиных слов понимает, как ему повезло с Ваской.

Вслух не скажет ни за что и никогда, мальчишка упрямый, но — понимает.

И Васка мог бы и помолчать, Фыль и так знал. Ему не обязательно было слышать, но больно. Кирочка утешала потом немножко.

— Шлюха. — Тихонечко обронила Ковь рядом с Кирой, поправив резким жестом перевязь с Эхой.

— Почему? — Не преминула спросить та.

— Вон, видишь? На руке, под рукавом, браслетик. — Фыркнула Ковь. — Шлюший знак.

Это ж как надо было напрячься, чтобы браслетик тот увидеть! Кирочка вот так и не рассмотрела. Правду говорят, у ревливой бабы глаз орлиный, а Ковь и раньше на зрение не жаловалась.

А запах ревности Кирочка за милую чует. Еще бы, ревность половину русалочьего племени сгубила и до реки довела, так что его многие русалки знают. А Кирочка еще и тренировалась, все пыталась в Гарпии или Моли тот застарелый отголосок вынюхать, который ее мать до смерти довел. Не вынюхала, потому что и не было ничего...

Но Ковь-то не Гарпия. Та как скала была, непоколебима. Мила орет — она спокойна, Елль здороваётся, она «сыночек!»... Ковь вон вообще себя не контролирует — волосы очень уж характерно потрескивают. А все почему? Потому что рыжуха со своей кобылы изящно так слезла, сапожки в осенней грязи умудрившись не запачкать, и Ложке на шею — вись!

И Кирочка на всякий случай подальше от Кови отодвинулась. К Фылеку. А то знает она, чем это потрескивание заканчивается, особенно когда лужи кругом. Эхе-то что? Эха — бревно!

— Что случилось? — Ему на ухо шепнула.

«Она нас на обратном пути встретила», — Фыль поправил повязку, как будто она ему на голову давила, — «Тоже к замку ехала. Решила, что я... Что я Диерлих, я попросил Шалого ненадолго... долго говорила о сострадательности Ложки к убогим», — отвернулся, чтобы на Кирочку не смотреть, — «Решила, что он меня на попечение взял, потому что я тоже немой. А еще решила, что Васка — слуга мой, я возразить хотел, но Васка не дал».

— О-го. — Выдохнула Кирочка, — Че, за меч уже хватался?

«Думал, рукоять расплющит», — вздохнул Фыль, — «Но не как обычно. Не потому, что его со слугой спутали. Там кто угодно бы спугал. Просто она о Ложке говорила как о... как обо мне. А обо мне, как о... я не знаю, как объяснить. Я никогда еще так не чувствовал, что мне не хватает глаза и голоса, понимаешь? Что я неполноценен, что я жалок... Даже когда камни кидал. Васка перебил, стал про зерно говорить, но...».

— Говорила я, дурная была идея с камнями. — Кирочка шмыгнула носом и обняла Фыля. — Не беспокойся из-за всяких там заносчивых теток. Вовсе ты не жалкий, я тебя обожаю, потому что ты сильный, вот. И я всегда могу за тебя спрятаться.

«Но сначала я спрятался за тебя».

— Это был коварный план, — улыбнулась Кирочка, — Всегда хотела необычного старшего брата, младшенький-то есть! Познакомлю когда-нибудь, обязательно-обязательно!

Фыль чуть оттаял. А Кирочке захотелось выцарапать рыжей глаза. Она за каких-то полчаса чуть не испоганила ей несколько недель упорной работы!

— Гарра Всеблагая, это что, ты нежить обнимаешь?!

Рыжая расцепила свои руки и сползла с Ложки. Да лучше бы так и висела! А то тут же

выцепила взглядом Киру с Фылем и начала, как будто она тут опекунша. Если учесть, что никаких попыток обнять ее в ответ Ложка не предпринимал, так и стоял с каменным лицом и неприкаянно висящими вдоль тела руками, она еще долго продержалась, а опекуншей Ложкиному воспитаннику ей стать не грозило вообще никогда и ни за что. И Кирочке очень хотелось это озвучить.

Как назло, Васка ушел с лошадьми, а Ковь замерла столбом, пытаясь удержать свой гнев в узде.

Кирочка спряталась Фылю за спину и оттуда оскалилась. Подставлять Фыля она не хотела, так что смягчила свою речь как могла.

— А тебе какое дело, тетка? — Зашипела. — Пшла отсюда! Этот Фыль — мой и мой, я его обнимаю, я его утешаю, смекнула? Ты через него никуда не подлезешь, змеюка!

— Кира. — Неожиданно спокойно сказала Ковь, выйдя наконец из своего ступора. — Тихо. Не пугай нашу гостью. Простите, это моя русалка.

Встала напротив Рыжей, скрестила руки на груди.

Грудь у Кови была больше, но смотрелась меньше — если Рыжая ее вываливала, как на прилавок, как только не мерзла, то на Кови было несколько слоев одежды, к тому же она ее стеснялась и утягивала. И вообще. На фоне рыжей Ковь смотрелась воробьем, пришедшем подкормиться к королевскому лебедю. Не способствуют двое штанов изяществу ног, а плотная куртка скроет даже самые точеные плечи и хрупкие ключицы. Даже если бы у Кови все это было.

И Кирочка снова зашипела, уже без слов.

Ковь себя стеснялась, это Кирочка давно заметила. Собственной непритязательной внешности. Только Ковь из комнаты вышла, только перестала украдкой голову щупать, только все устаканилось, только Кира почувствовала, что вот оно, хрупкое равновесие, установилось...

Только пригрелась!

И эта приперлась и все порушила! Все-все-все! А Кирочка старалась! Упырь-то тупой, он не понял, как все Кирочке перекосячил, да и сдох уже, чего на него сердиться, а вот этой рыжей тетке Кира с радостью вцепилась бы в нос.

— Ваша русалка? Шелли, это нормально, что твои служанки содержат русалок? — Протянула капризно.

Ковь рассмеялась и Кирочка тоже не выдержала. Все-таки не сvezло Ложке с именем. Очень.

— Попробовал бы он мне что-то приказать. — Вдруг резко посерьезнела Ковь. — Назовись хоть, горемышная.

И по запястью этак пальцами провела.

И волосы пуще прежнего у нее затрещали.

— Шайне. — В тон ей откликнулась рыжая.

— Ковь.

— Нет.

— Ну так и ты не до конца. — Хмыкнула Ковь.

Некоторое время они просто сверлили друг друга взглядами. Кира взглянула украдкой на Ложку. Тот заложил руки в карманы и смотрел в сторону конюшен. Васку ждал.

Ну да, что ему бабьи споры. Понятно же, что он и к Кови-то пришел, следуя старой поговорке: «Хочешь у короля милости, очаруй его рыцарей». Похоже, с очарованием

рыцарей у него проблемы. Кирочка вот зла до жути, а она ведь тоже важный рыцарь у Васки. Как и Фыль. И как Ковь, которая будет злая-злая теперь, а когда эта Шайне уедет, будет еще злее.

И Кирочка не погрееется больше.

И она снова зашипела, обращая на себя внимание. Фыль зажал ей рот рукой, задвинул за спину, но она куснула его в ладонь. Он немного ослабил хватку, не издав, впрочем, ни звука, и Кира все-таки продолжила смотреть, хоть шипеть ей уже не давали.

— Так это твоя русалка.

Он нее так и веяло опасностью, хотя говорила она веселеньким и нежненьким голосочком. «Вообще-то я милая и красивая, особенно когда на меня смотрит мой дорогой Шелли, но тебя я убью», — или что-то вроде того Кирочка прочла в ее ласковых янтарных глазах.

— Я магичка. — Развела руками Ковь, тоже уловившая так и не сказанное, — Только тронь ее, и у тебя будет две смерти на выбор... твоего братца... Это же был брат? Я уже сожгла. Хочешь так же?

Кира уткнулась в Фыля. Боги, ну почему Ковь никогда не думает, прежде чем говорит? А если Ложка хотел это скрыть, а Ковь порушила ему все-все-все.

— Ты-ы-ы?! Сожгла? Шектаха? Ты?

Да, Ковь всегда говорила в лоб, но, кажется, в этот раз это все-таки была верная тактика. Шайне даже сбилась со своего колокольчикового тона. Да что там сбилась: кажется, она и правда не подозревала о смерти брата. То-то так радостно на Ложку вешалась.

— Он был уже мертв. — Ковь безразлично пожала плечами. — Я-то думала, почему убитого не похоронили. Разве мало вокруг земли? А хозяин родственничков дожидался. Кем был твой брат? У сестры браслетик, что значит колечко, а, королевшна?

А может, и думала. Похоже, Ковь решила, что обращения в стражу от рыжей можно не ждать, и теперь наглела, как могла.

За спиной у Кови вырос Ложка, поцокал языком укоряюще. Написал что-то на бумажке, сунул ей под нос. Ковь упрямо мотнула головой, но отступила. Брезгливо отодвинулась от Ложки, выгребла из карманов несколько скомканных записок и выкинула их в грязь, развернулась и пошла к замку, наступив на белые комочки каблуком.

Фыль потянул Кирочку за ней, хотя ей было интересно, о чем еще Шайне скажет. Но Фыль как-то уж слишком буквально понял свою роль защитника и возражений не слушал.

Потом Кира поняла: сейчас Шайне сделает потрясающее открытие. Ложка-то к Васке как к слуге не отнесется, не дурак же он... Потом эти двое опять немножко поссорятся, а это еще минут десять, а потом еще что-нибудь и еще что-нибудь, и у Кирочки есть замечательная возможность залезть в Ложкин кабинет и там покопаться!

Она уже хотела залезть ночью, но он там и спал, в ворохе бумаг на диване. Она только посмотрела, где что, и ушла... Если подумать, он долго жил один и запирает кабинет наверняка не привык... Это шанс! Шанс продвинуться в расследовании!

— Все, пусти... — Сказала она Фылю в замковом коридоре, — Я на улицу не пойду.

«Обещаешь?»

— Ха-свидетель!

«Разве что Ха...»

— Спасибо, спасибо, спасибо! — Разулыбалась Кирочка и даже чмокнула Фыля в щеку.

Тот что-то заподозрил, хотел ее удержать — но не тут-то было.

Дверь в кабинет и правда была не закрыта. Возможно, подумала Кирочка, дело тут не только в одиночестве. Все-таки замок — Ложкин дом. И брату он доверяет, знает, Васка не из тех, кто будет лазить по чужим бумагам. Да и Ковь тоже.

А Кирочка вот может. Она — маленькая девочка до тех пор, пока помнит об этом. Со всеми полагающимися ей послаблениями. Например, ее ни за что и никогда не примут всерьез. А еще никто и ничто не помешает ей залезть в ящик стола и достать огромную пачку писем. Ей, может, и было бы стыдно, если бы Шайне не порушила ей равновесие. Теперь она не просто маленькая девочка, а обиженная маленькая девочка...

Ого!

Письмо от папашки?

Ну, тут уж она даже в чужую переписку не лезет, родной папашка же... наверное. Хоть о ней и знать не знает, но все равно.

«Уважаемый Шеложкитерох Диерлих, довожу до вашего сведения...»

Кирочка нахмурилась, она взяла в бессмысленных буквах. Пришлось продраться через несколько абзацев расшаркиваний, чтобы доползти, наконец, до сути.

Фахлер доводил до сведения Ложки, что некий рыжий пройдоха назвался его братом. С пройдохой была девица неясного происхождения, назвавшаяся его невестой... Конечно, ни девица, ни пройдоха не причинили вреда, более того, очень понравились жене, но, все-таки... не надлежит ли Фахлеру обратиться в стражу?

Ответ лежал в совсем другом замке, и никогда еще Кирочке не было так обидно, что у отвечающего не сохраняется копии.

Но, судя по всему, в стражу Фахлер все же обратился. Кира задним умом понимала: она краем глаза видела как-то раз листовки. Правда, на ней Васка сам на себя был похож не сильно, а Ковь раздуло, как будто ее пчелы покусали, так что она даже и не соотнесла это со своими помощниками.

Это что же выходит, она виновата в том, что за Ваской и Ковью гоняется стража, стоит им в город ехать? Могла бы и додуматься...

Было бы странно, если бы Ложка узнал своего брата в подобном описании. Кирочка задумалась, сидя на столе среди разбросанных писем. А говорить ли Васке, или лучше оставить все как есть и надеяться, что Ложка расскажет все сам?

Но Шайне...

Шайне выглядит как кусок дурнопахнущего прошлого, на который вылили несколько бутылков духов. А потом замотали в зеленый шелк. Она богата, кричаще богата, об этом орут во весь голос и тонконогая ее кобылка, и многочисленные кольца на тонких пальцах, и звенящие при ходьбе серьги, чем-то похожие, насколько Кира помнила, на оплавленную золотую серьгу в ухе упыря. Но она не из знати. Никак не из знати. И близко не лежа...

За дверью послышался нежный голосочек.

Кирочка вздрогнула. Запихала письмо за пазуху, заметалась по комнате, разметывая письма. Надеялась, что в общем бумажном бардаке Ложка и не заметит капельки ее хаоса.

Уже слышался перезвон многочисленных украшений. Испуганная, Кирочка бросилась в самое банальное место — за штору. Сжалась в комочек.

Казалось бы, откуда этот страх? Что ей может грозить? Ковь за нее изжарит двумя способами, она не шутила!

И все равно, сердце билось бешено... Впервые за долгие годы оно вообще

соблаговолило забиться.

Шаги Шайне — звонкие, как ее голос, каблучки, наверное, чем-то особенным подбиты. И шаги Ложки — мягкие, почти не слышные. Шайне остановилась у двери.

— Как ты мог?! — и в голосе гораздо больше патетики, чем страдания.

Ложка, тут видать, Ха от Киры отвернулся, подошел к окну, оперся ладонью о подоконник. Скосил на Кирочку синий глаз.

Усмехнулся краешком рта.

— Ты ответишь мне или нет? Я устала смотреть на твою удаляющуюся спину!

Кирочка скривилась. Слишком много пафоса, слишком высокие ноты. Даже Ложка уже не пугал на фоне этой фальши. Он же ее не выдал. Наоборот, подмигнул — как сообщнице. Он тоже это слышал. И ему тоже не нравилось.

Сделал незаметный, почти неуловимый жест. И в ладонь выскользнула из черного рукава полированная рукоять ножа.

Замершее было сердце снова забилося быстро-быстро, разгоняя стоячую кровь по телу. Кирочка побледнела — впервые за всю свою не жизнь побледнела, и впервые обмерла от страха. Мало ли что ему в голову взбредет?

Мало ли?

А вдруг?

А потом исчезнет. Вместе с Шайне. Не жизнь за не жизнь. Брат брату.

Ложка даже не обернулся. Метнул нож на голос, и Кира почуяла запах крови. Несильный. Так, капелюшечку пролил.

— Ты с ума сошел? Совсем, да? — Взвизгнули от двери скорее сердито, чем испуганно.

Вот теперь он развернулся, оперся сутулой спиной о подоконник.

Кирочка отлично видела его руки. На мизинце блестело тоненькое железное колечко. Кирочка вспомнила крик Кови. Неужто то самое?

«С ума сошел твой брат и уже очень, очень давно. В Жаркую Ночь. Я соболезнаю, Шайне».

Колечко легко соскользнуло с его пальца, он ловко пропустил его меж костяшек. Кирочка вспомнила, как Васка подобным образом пропускал меж пальцев монетки и учил тому же Фылека на коротких привалах.

Вот она и узнала, кто научил этому Васку.

«Но я отдал все долги, и вымогать дальше твой брат уже не имел ровным счетом никакого права».

— Он считал тебя другом, мерзкий ты глист! — Зашипела Шайне.

«Другом? Возможно. У него были весьма интересные понятия о дружбе».

— А в твои, похоже, входит нож в спину? Ты никогда бы не победил его честно! Ты никогда бы, потому что ты всего лишь жалкий, изворотливый червь... и ты ударил его в спину. Ты — его ученик, его кровник, ты — ударил в спину... — Шайне догадалась случайно — и не могла поверить собственным словам.

«А я его другом не считал никогда». — Ложка развел руками, соглашаясь. — «Прости, он перешел границы. Он мог сколько угодно ломать мою жизнь, раз уж он ее спас. Но он не имел права замахиваться на мой род, мой замок...»

— Да где твой брат, которого ты так ценишь, которого ты так бережешь?! — Перебила Шайне, — Его нет! Шектах был с тобой все эти годы, он спас тебя, он вытащил тебя из грязи, а где был твой брат? Протянет ли он тебе — тебе! Руку теперь? Ты так тянешься за

теплом, что подобрал немого мальчишку, но даже он отвернется от тебя, когда узнает чуть больше, увидит твою гнилую натуру! Он точно так же вонзит нож в твою спину, ибо по делам воздается! Шектах любил тебя, как брата, но ты его оттолкнул — почему?

«Потому что он мне не брат?» — Зло ухмыльнулся Ложка, — «Потому что я не просил его любви, я просил, чтобы меня оставили в покое. Он — и все его Пустынные Шакалы разом! Я просил покоя — и что я получил? Предложение отдать замок — по-братски? Да к Ха такие предложения! Его любовь была слишком сильна для меня, он лепил из меня — себя, а я не настолько безумен!»

Ложка убрал с лица выбившиеся из косы пряди и продолжил уже спокойнее.

«Шайне, я отдам тебе его кольцо. Твой выбор, что с ним делать. Разве ты не этого хотела? Назначь на место главы кого-то, кем действительно сможешь управлять, похорони... тело. И забудем друг о друге, как о страшном сне».

— Ты же знаешь, что кровь смывается только кровью?

«Неужели ты действительно готова начать против меня всю эту вашу ритуальную кутерьму лишь потому, что я сделал это раньше, чем кто-либо другой?» — Несмотря на издевку в его словах, Кирочка не могла не заметить, как напряглись его плечи.

— Лишь тебе он доверял настолько, чтобы повернуться спиной. — Теперь Кира слышала в словах Шайне неподдельную горечь и неподдельную ненависть, — Если бы не ты, этого никто бы не сделал!

«Боишься не найти такого же сильного покровителя, Шайне?»

— Заткнись!

«Забирай», — кольцо полетело в сторону Шайне серебристой рыбкой, — «Нам обоим надоел этот разговор. Забирай тело брата, и если я увижу хоть одного шакала на моем пути...»

— О, будь уверен — не одного! Ты увидишь множество шакалов! И каждый будет жаждать твоей крови...

«Ты всегда любила красивые вещи, Шайне. Красивые серьги. Красивые кольца. Красивые платья... и красивые слова. Но доставал их для тебя брат, которого, увы, больше нет. И слова твои исполнял тоже Шектах. Я посмотрю, как ты справишься с Шакалами, Шайне. Сможешь удержать в своих красивых ручках? Сможешь натравить на меня? Тогда и торжествуй. А пока — забирай тело и убирайся».

— Одна?!

«Тебе стоило бы просчитать все варианты, прежде чем заявляться сюда одной, но, так и быть, ты можешь взять повозку».

И Ложка сунул руки в карманы, завершая разговор.

Шайне пропыхтела от двери что-то нецензурное, а потом унеслась, стуча каблуками.

Когда стих перезвон, Кирочка высунулась из-за занавески.

— извините.

«Не за что», — отмахнулся Ложка, — «Когда я тебя здесь увидел, я решил, что это судьба. Шайне есть за что меня ненавидеть, меня и... всех, кто мне близок, как ты понимаешь. Я думал, она может струсить, она должна была струсить, но, увы, ее смелости хватило на объявление мести. Поэтому я больше не думаю, что молчание сможет решить хоть что-то, молчание, увы, опасно».

— Тебе нужна была свидетельница, которой Васка поверит, и которая не вылезет в самый важный момент из-за шторы, полыхая гневом. — Кивнула Кирочка.

«Несмотря на определенные недостатки, ты достаточно умна, чтобы вести себя как пятилетняя девочка в пятилетнем теле. И достаточно умна, чтобы сидеть тихо», — кивнул Ложка, — «Поэтому я решил — это не иначе как судьба».

— Ковь тебе Шайне не простит. — Вздохнула Кирочка.

«Я умею выставлять приоритеты».

— Вы с Ваской очень похожи. — Хмыкнула Кирочка, вспоминая рассказ Фыля, — в чем-то. Но он не простит тебе Ковь.

Ложка развел руками.

«Он сказал, для примирения достаточно искренности, и я дам ему искренность». — Снова откинул мешающиеся пряди, зарылся пальцами в волосы на мгновение, — «Ты же хочешь, чтобы все было хорошо? Ты так старалась... Ну так и сделай... я совершенно разучился иметь дело с нормальными людьми!»

Кирочка задумалась.

Она не знала, что это за человек, она не могла точно знать его целей. При ней он хорошенько поцарапал незащищенную девушку ножичком — вон он, торчит себе в двери, как будто всегда там был. Он убил как минимум одного человека... который потом встал упырем.

Он брат Васки. И нравится Кови. И он воспринял ее всерьез. С самого начала, когда увидел ее в первый раз, он уже знал, что никакая она не маленькая девочка.

Как когда-то Ковь.

Как когда-то Васка.

И он позволял ей дурачиться. Он сел играть в игру, когда она попросила.

Пожалуй, этого Кире достаточно.

Почему бы не помочь хорошему человеку?

«Хочешь, убью ее для тебя?»

Вопросительный знак — стремительным росчерком. Слишком угловатый на фоне кучерявых Ложкиных букв. А сами буквы стоят рядочком, аккуратные, ладные, как будто не на весу писались. Бока у них округлые, хвостики завитые, ни единой помарки.

Рука писавшего не дрожала.

Как будто эти слова такие же обыкновенные, как просьба поджарить картошки на ужин, которой Ложка кинул в Ковь во время игры.

Ничего не значат.

И только последний знак выдает волнение. Слишком угловатый, слишком поспешный — как будто его писала совсем другая рука... Но Кови почему-то казалось, что это волнение не о сути записки, а о том, как ее примут.

Ложка отчаянно пытался понравиться. Все эти церемонные извинения, вежливая речь, игра в корабли и палубы с капризной нечистью и полужнакомой женщиной... и то, насколько далеко он может зайти на этом пути, пугало. И ничуть не тешило ее женскую сущность: Ковь отлично понимала, вряд ли она нужна сама по себе, просто... Васка ее ценит.

Ковь скомкала записку. Хватит, хватит об этом думать.

Эху отобрал Фыль, а жаль. Сейчас Ковь с радостью на нее бы отвлеклась. А так сидела, неприкаянная, в комнате, и не знала, что делать и куда себя деть. Пойти, приготовить, правда, картошки? Васка привез.

И зерна привез.

Его узнали. Встретили тепло, преломили картофелину... Васку теперь кормить не надо, Фыль тоже там поел.

Хорошо, что Васку тут помнят. Не только для Васки, но и для его крестьян. Хороший владетель — всегда удача. Можно, конечно, рассудить, что лучше бы совсем без владетеля, но это не так. Такие мысли заводятся в головах у дураков беспутных, которые в Море еще ничего не смыслят, а пытаются вековой порядок менять. Потому как именно владетель — связующее звено между крестьянами и столицей, и без него деревня будет болтаться как льдина в проруби. Тут же начинаются проблемы с налогами, которые надо как-то отдавать, иначе налоговики явятся в деревню, да с солдатами. С продажами, опять же, могут проблемы возникнуть...

Есть вольные города и села, которые так живут. Но там староста имеет гораздо больше полномочий, ему не нужно разрешение на каждый чих, но и работы у него — завались.

Васка вернулся злой. Не только из-за Шайне, хотя Шайне сильно испортила ему настроение, приняв за слугу и хорошенько покапав на мозг Фылю, но и из-за того, как Ложка запустил его хозяйство.

То, что хозяйство именно его, Васкино, уже само собой разумелось. Ложка совершенно не умел или, может, не хотел его держать, так что Васку не просто так встретили как владетеля, а Васка вел себя как владетель, сам того не замечая.

Все-таки у него был к этому талант. Стоило проскитаться по дорогам почти год, чтобы это понять... Может, у Кови тоже какой-нибудь талант есть? Коз доить, сыры делать? Но Васка стронул ее с места слишком рано, вот она и не знает...

Ничего, узнает. Не может же она жить здесь вечно! Однажды придется уйти.

Ковь подошла к окну, глубоко вдохнула холодный воздух. из-за ветра было плохо слышно, что творится внизу, поэтому она просто наблюдала, как медленно ползет к воротам старая, рассохшаяся телега, подскакивая на неровных булыжниках двора.

На козлах сидела Шайне, и ветер трепал ее огненные волосы. Пожалуй, единственный звук, что долетал досюда, кроме, конечно, истошного скрипа телеги — это перезвон многочисленных вплетенных в прическу Шайне золотых цепочек, которому вторили серьги и нанизанные на левую руку многочисленные браслеты — золотые, конечно.

На правой браслеты носят жены, на левой — шлюхи. А на обеих руках — Гарра, покровительница и жен, и шлюх.

На телеге, завернутое, запеленатое, лежало... да тело это было, но так сразу и не поймешь, на первый взгляд так, сверток и сверток, мало ли что там. Васка положил его на холод, так что, может, и не почувешь еще...

Рядом с телегой плыла белая кобыла Шайне. Хоть бы расседлать ее догадалась, горемышная... а может, потому и не расседлала, чтобы в любую минуту вскочить и унести искрой в ночь, бросив тело брата страже, буде такая на пути попадется. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что Шектах был человек лихой, и что сестренка не смогла в его лихости не извазюкаться.

В телегу же запрягли мула Кови, она узнала его гнедую масть и светлую гриву. Тут бы ей возмутиться, но она лишь выдохнула: живая, отпустили. Почему ей стало легче? Ведь Шайне ей, мягко говоря, не понравилась... но Ложка не запачкался еще больше. Хотя, казалось бы, что мешало? Васка принял бы и этот труп, если бы тому была весомая причина — он ведь когда-то убивал таких же рыжих и ради невесомых... А Ковь?

И будто почуяв ее сомнения, Шайне оглянулась. Она была далеко, и вряд ли вообще заметила неприметную серую Ковь на фоне серой же стены и темного провала окна, но той показалось — Шайне глянула ей в душу, выворачивая потаенное наизнанку.

Вот оно, смотри кто хочет: Ковь просто не хотела об этом думать. Потому что чувствовала себя совсем слабой и беспомощной, когда понимала: она бы не смогла этого принять. Хотя и влюблена по уши, не смогла бы принять еще одной смерти. Трусливо, гадко: ведь ту, что случилась не на ее глазах, она уже и забыла почти. Может, потому, что для нее загадочный Шектах так и останется упырем.

Ковь провожала телегу взглядом, пока та не скрылась далеко-далеко, за горизонтом. Глаза слезились от холодного ветра, но почему-то казалось, что отвернуться, вернуться в тепло, будет слабостью.

Она не знала, сколько она так стояла, и когда за спиной возник Ложка. Он передвигался бесшумно. И это тоже в нем пугало.

Легче сказать, что ее в нем не пугало.

После той записки — ничего. Он был пугающим и неправильным, непонятым и непредсказуемым. Вроде бы доброжелательным и предупредительным, но вдруг проскакивало в нем что-то стремительное, хищное, вопросительным знаком среди округлых букв, резким жестом среди поклона, внимательным, слишком внимательным взглядом... И это было страшно.

Вот Васка мог быть непредсказуемым сколько угодно и не быть пугающим, потому как Ковь знала: Васка всегда удержится на краю, он твердо стоит на ногах, сколько б не корчил из себя прибабахнутого.

А вот Ложка как раз наоборот, прибабахнутый, который корчит из себя нормального. Только прибабахнутый может совершенно искренне забыть про труп в гостевой спальне, а потом удивиться — а с чего это он встал и пошел?

Ложка отчаянно ищет точку опоры для давно съехавшей крыши, почему-то приняв Васку за столб, за который можно уцепиться, который может оказаться спасительной подпоркой. Иначе — зачем бы он так старался помириться? Зачем терпел бы все Васкины заскоки? Выгнал бы весь их табор к Ха, сунув Васке под нос пресловутую двенадцатипечатную бумажку, и дальше бы горя не знал.

Но он забыл, как нормальность выглядит.

Он не удивился тому, как вернулся Васка, потому что раз это Васка — то все нормально.

Одного только Ковь не понимала. А она-то тут при чем?

А, нет, еще кое-что. Как он ухитрился незаметно оказаться за ее плечом и сколько он здесь уже стоит?

Она отпрянула тут же, как его заметила. Ложка невозмутимо закрыл окно с негромким, но каким-то исчерпывающим стуком.

Ковь как-то сразу подумала, что видок у нее еще тот: рожа красная, глаза слезятся, волосы встрепанные, широкий ворот рубахи полз на правое плечо... Нет, не так, не так принимает порядочная девушка загадочного мужчину с пронизывающим синим взглядом и аккуратно подколотой в пучок косой. Его-то одежда явно шилась на заказ, красиво облегает фигуру, изысканного черного цвета, аккуратно застегнута на все пуговицы. Они рядом — как древняя, покрытая пылью бутылка вина из подвалов и бутылек мутной самогонки со сколотым горлышком.

Ей бы хотя бы платье — как то, в котором она Кирочкин замок навещала. Прическу. И прочие шпунки. А так... ну, скажет она сейчас все, что думает, но получится, что она его пилит, а не утонченно упрекает: как все-таки одежда может менять суть сказанного.

Ковь даже подумала, не поискать ли платочек, чтобы прижимать к глазам. Чтобы хоть что-то было. Но представила себя с кружевным платочком в руках и чуть не рассмеялась из-за нелепости картины.

Ну нет, родилась самогонкой — самогонкой и помрет. А что бабка самогонку как-то раз винишком разбодяжила — ну так от того, почитай, только нос и достался и проблемы.

Наверное, надо было что-то сказать.

— Че пришел?

Наверное, надо было сказать что-то вежливое, но эта мысль посетила Ковь слишком поздно.

Ложка едва заметно поморщился, мягко развел руками.

«Спрашивать».

— Ну? — Набычилась Ковь.

«Огонь и молнии — разные вещи».

— Вали. — Резко отвернулась Ковь. — Не твое дело. А я пошла картошку жарить.

Ложка как-то внезапно оказался между ней и дверью. Ковь попыталась его обогнуть — не тут-то было. Ковь, уже скорее из спортивного интереса, попыталась еще раз — снова не получилось. У Ложки оказались очень длинные ноги и не менее длинные руки.

Еще минут через пять она волевым усилием остановилась, понимая: вот-вот это превратится в беготню десятилеток вокруг стола, когда каждый уж и забыл, кто же водит. Глупо, хоть и весело. Она всегда рядом с ним ведет себя как ребенок, и он, кажется, привык и веселится вовсю, вон, улыбается краешком рта.

«Если хочешь, я готов взять у тебя басму», — склонил голову в издевательском поклоне.

— Это ты к чему? — Удивилась запыхавшаяся Ковь.

«Русалка на хвосте принесла, что стоит тебе кого-нибудь покрасить — и ему все прощается», — Ложка пожал плечами, — «Странно, но осуждать не буду: каждый имеет право на маленькие фетиши».

У Ковь почувствовала, как запылали уши. Остатки страха исчезли, растворившись в смущении.

— Сам такой! — Выпала она и снова почувствовала себя десятилеткой.

Встретит Кирочку — уши ей надерет. Во трепло зловерное!

Ложка поймал ее взгляд, медленно завел руку за голову и вытащил какую-то шпильку. Пучок разрушился моментально. Он перекинул косу на грудь — любуйся!

Было чем: волосы на вид гладкие, на ощупь, наверное, чистый шелк, и серебристые прядки...

Ковь тут же руки за спину убрала. И лишь по кривоватой ухмылочке Ложки поняла, насколько жест оказался красноречивым.

— Пригнись-ка чутка. — Поманила она его пальцем, — Ну, поближе, поближе.

Он пригнулся, все так же мерзко ухмыляясь, а Ковь потянулась к нему, встала на цыпочки.... Скользнула рукой по щеке... и оттянула вверх и в сторону левый уголок рта.

— Вот теперь — симметрично! — Гордо заявила она, — Так и улыбайся.

Ложкины пальцы легли на ее пальцы, не дав разорвать прикосновение, и гулко забилося сердце в какой-то невозможной надежде... Но тут Ковь увидела — его пальцы не сильно-то

толще, чем ее. У него руки хоть и крупнее, мужские, но красивые, холеные. Хоть и изломаны пальцы, и подозрительно припухли костяшки, но все равно совсем не то, что ее кривые, мозолистые культияпки... и ей вдруг стало отчаянно стыдно, что она тут вот так вот лезет своими кривыми пальцами куда не надо.

Она отступила на шаг, стряхнула его руку и, старательно не смотря ему в лицо, спросила — между прочим, от чистого сердца:

— Басма басмой, но у тебя, наверное, на такую-то погоду костяшки болят? Вон, как припухли — хочешь, мазь дам?

Куда-то исчезло ощущение, что все происходящее — всего лишь игра. Лицо у Ложки как будто заострилось, улыбка исчезла, сделав лицо идеально симметричным, и Ковь подумала желчно, какая же она молодец, добилась таки своего, сейчас он развернется и уйдет. Она заметила резкие морщины — от уголков губ, в уголках глаз, он как будто в единый миг постарел. Всего лишь распрямился — а стал так высоко и далеко...

«Так что молнии?» — Резко спросил он.

Не развернулся — и то хлеб. Хотя лучше бы развернулся, чем спрашивал. И чего это он? Нашел чем озаботится, когда его наверняка Васка ищет со своей сотней сотен вопросов, на которые Ложке еще пафосно молчать.

— Че молнии? Ну, молнии. Ну, умею. — Буркнула Ковь и отступила еще на шаг.

«Разве существует нечисть, что может и то, и то?»

Ковь скрестила руки на груди.

— Тебе-то че?

И вдруг замерла: она отвечала на жесты. С самого начала разговора. По рассеянности она и забыла, что не должна, не так давно с Фылем болтала, вот и забыла... Ложка застал ее врасплох, появившись из тьмы за ее плечом жутковатым призраком. И Ложка знал, что она сможет ответить на жесты и наверняка не просто так не постучался, прежде чем войти. Выводы напрашивались.

— Давай так. Что тухлятина тебе наговорила?

«Только то, до чего додумалась сама. Магия дается двумя способами, так?»

— Ну, двумя. — Согласилась Ковь. — Что с того?

Найдет — не просто уши надерет. Язык оторвет этому треплу! Отец-Солнце любит троицу, вот и будет ему трое немых, как по заказу!

«Можно быть сродственником нечисти. Это первый путь. Твой официальный».

— Мой. — Кивнула Ковь. — Настоящий.

«Нашла с кем играть в слова», — фыркнул Ложка, — «А еще можно получить ее по наследству».

— Можно.

«Так что именно ты получила по наследству? Огонь или молнии?»

— Какое тебе... — Ковь осеклась, понимая, что выдала себя с головой — если у Ложки и были хоть какие-нибудь сомнения, — Какая разница?

«Есть. Я хотел бы знать».

— Если я твоя потерянная в детстве сестра-близнец, я этого не переживу. — Ковь пожала плечами, — Это и правда неважно, Ше... Шело... — Она достала из кармана бумажку, — Ше-лож-ки-терох!

И поспешно упихала бумажку обратно в карман. Только что она, не подумав, спалилась, что ее хранит. Боги, что же она рядом с ним так тупеет-то!

«Мне нужно для метрики. Я знаю род, который владеет огнем и род, который владеет молниями, но я не знаю, какой стоит вписать в твои поддельные документы: возможно, есть разница в степени контроля силы? Которую опытный маг сразу почует. Я бы хотел знать точно, чтобы не было потом непредвиденных осложнений...»

— Для... чего?

Ковь не хотела верить своим ушам. Совершенно не хотела и не понимала, что происходит. Какие еще поддельные документы, что за дичь? Но Ложка на удивление серьезен.

«Документы. Кира сказала — ты хочешь учиться».

— А ты хочешь купить меня, подделав мне родословную, чтобы я смогла попасть в Школу?! — Догадалась наконец Ковь.

«Не буду спорить, хотя формулировка оставляет желать лучшего».

— Это нево...

«Слепец заметит — у тебя в роду был первенец, и не так давно. Бабка? Прабабка?» — Ложка склонил голову на бок, — «Есть обедневшие рода, что роднятся с богатыми купцами, и это вовсе не позорно, мы же не будем претендовать на статус высшей аристократии, верно? И тебя легко выдать за дочь одного из таких».

— От смены формулировки суть не поменяется. — Всплеснула руками Ковь, лишь бы возразить хоть что-то.

«Я бы поспорил», — Криво ухмыльнулся Ложка. — «иногда неточность формулировок спасает жизни... или губит».

— Ты законник, ты в этих словах живешь, как Кирочка в реке. — Фыркнула Ковь. — Слушай, тебе стоит...

«Огонь или молнии?»

— ...обсудить это с Ваской. — Она вздохнула, пожала плечами, — Молнии. Но... Это...

«Что именно не так?» — Сверкнул синими глазами Ложка, — «Почему бы тебе не принять от меня помощи?»

— Потому что я чувствую себя веревкой, которую перетягивают ребяташки. — Отрезала Ковь, — Не хочу, чтобы меня так откровенно покупали.

«Я не покупаю. Ты чуть не погибла из-за моей халатности, ты близкая подруга моего брата — а значит, и твоя судьба и мне не безразлична». — Он, сам того не замечая, стал трепать кончик косы, — «Почему бы тебе не поверить в то, что сказал я, вместо того, что говорила тебе твоя... прабабка? Бабка? Я отпустил Шайне, как ты и просила, хотя это доставит проблемы, и я не сделал ничего плохого до сих пор — такого, что коснулось бы тебя, почему бы тебе не принять мою помощь?»

Ложка умен, в этом ему не откажешь. Хотя не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что могла сказать бабка.

История-то древняя. Жила-была на свете хорошенькая служанка, которая имела несчастье влюбиться в своего сильного и красивого господина. И она господину понравилась, и стала она не служанка, а содержанка... А потом любовь прошла, завяли помидоры, живот ветром надуло, и вернулась служанка в родную деревню с ребенком и годовым содержанием.

А бабка не из тех, кто может простить обиды. И Кови от нее всегда доставалось больше всех ее внуков и любви, и ненависти, потому как она взяла у деда больше всех. Даже больше матери — такая вот злая шутка богов.

— Потому что все, что тебе нужно — это брат. И ты не хочешь объясняться, но...

И одну мысль Ковь всосала с молоком матери, с леденцами бабушки, укрепила с бабкиными подзатыльниками, пинками и щипками: аристократам нельзя верить. Иногда ей снилось бабкино лицо, изборожденное морщинами, как сморщенное яблоко, поджатые губы, белые слепые глаза: нельзя, нельзя, нельзя. Ковь усвоила это накрепко, а кошмар этот не давал забыть пройденного.

Это потом появился Васка, но он неправильный аристократ, его вечно с человеком пугают, а Ложка — он что ни на есть настоящий.

Руки у него такие...

А влюбляться в тех, кому верить нельзя — это, наверное, Ковь в бабу и пошла...

«Я объяснюсь». — Ложка пожал плечами, — «Теперь, когда Шайне объявила кровный долг, молчать больше нет смысла, хотя я не хотел вмешивать брата; видишь — мне нет смысла тебя покупать».

— Тогда зачем?

«Я благодарен тебе за то, что ты его не оставила?» — Предположил Ложка. — «Думай, что хочешь, мне просто не сложно сделать тебе приятное...»

— ...и набрать в глазах брата несколько дополнительных очков...

«Не уверен, что мой метод сгодится для набора очков. Есть еще одна маленькая тонкость, с которой ты вряд ли согласишься... и он», — Ложка сгорбился и стал похож на большую черную сову со своим крючковатым носом и темными кругами под глазами, — «Я не могу дать тебе имя чужого рода, потому что тут начнут докапываться не Школьный секретариат, но целый род... поэтому, по сути, я уже достаточно долго предлагаю тебе замужество».

В комнате резко перестало хватать воздуха. Ковь захлопала ртом, как выброшенная на берег рыба, и только проскользнувшая мысль о том, как глупо она опять выглядит, помогла ей взять себя в руки. Ну, по крайней мере, закрыть на мгновение рот, набрать побольше воздуха и разразиться гневной тирадой.

— А где мои браслеты? Фанфары? Фейерверки? Ужин, в конце концов? — Возмутилась она, и, не в силах поверить, уставилась на Ложку, — Ты совсем с дуба съехал? Крышу ветром унесло, мозги птицы расклевали? Оно тебе надо? И это что — маленькая тонкость? Да она размером с этот замок, эта твоя тонкость! С целый мир размером, то-о-онкость!

Ложка картинно поморщился, накрыл ладонями уши. Дождавшись, когда ее пыл поутихнет, отнял руки от головы, и продолжил:

«Подумаешь, это же не так важно! Будешь Ковия Диерлих, как будто есть в этом что-то позорное. Пара лет счастливого фиктивного брака, за которые мы немного примелькаемся в столице, и я дам тебе развод... Доучишься спокойно в Школе — не придется возвращаться туда, откуда Васка тебя похитил, в эту свою пасторальную деревенскую жизнь. Хороший молчаливый преподаватель этикета, немного прилежания — и никто больше не примет тебя за крестьянку, я гарантирую».

— Я не понимаю, зачем тебе это, — Ковь помассировала виски, — Просто не понимаю.

Невозможно, чтобы было просто так. Нельзя ему верить. Ему даже родной брат не верит. Она же не деревенская дурочка, верить каждому, в кого влюбилась? То есть деревенская и рядом с ним дуреет, как мартовская кошка, но не настолько же!

Она отвернулась, чуть ли не с головой залезла в дорожную сумку — так не заметить, как у нее пылают щеки. Ну и страшна же она сейчас, страшна, как смертный грех. Невестушка!

Хотя фиктивная, с фиктивной и спать не надо, какая там разница, что у нее за рожа...

Ну где же, гуда она сунула эту дурацкую банку? Она искала рьяно, пытаясь заглушить всю ту тучу мыслей, что вертелись в ее голове, жужжали растревоженным ульем.

«Очевидно — хочу подлизаться к брату. Неочевидно — скучно всю жизнь ходить неженатым», — Ложка покачал головой, — «Сколько мне еще выдумать причин, чтобы ты согласилась?»

Скучно ему... Ковь нащупала банку: тяжелая, холодная. Достала, прижала к пылающему лбу.

— Что за бред ты несешь? Точно кукушечка съехала... — Вздохнула.

«А кому еще кроме вас я буду такой нужен?» — Развел руками Ложка. — «Я не самый завидный жених, и мне, в принципе, не жалко дать имя попользоваться, чтобы не пришлось ради каждого упыря себя под корень сжигать... там же этому учат?»

— Мне надо обсудить это с...

Она говорила это, понимая, что бежит. Не хочет принимать решения сама и прячется за такого надежного Васку. А может, приняла, и теперь желает его одобрения.

Растревоженный пчелиный рой в ее голове гудел слишком громко, чтобы она могла хоть что-то разобрать.

«Нам», — улыбнулся Ложка ехидно. — «Нам, дорогая».

Терпение лопнуло, как струна на мандолине, Ковь даже почти услышала звук. Рой порешил — долбануть этого издевальщика чем покрепче, а потом уже разобраться, без отвлекающего фактора под боком.

— Да пошел ты! — Рывкнула она и метнула в него банкой с басмой.

Он поймал ее с легкостью, поклонился изящно.

«Как скажете, моя госпожа, как скажете».

И вышел, оставив ее чувствовать себя самой большой идиоткой на свете.

— Ой, а не порвется? Смотри-смотри, дырища...

Кира ткнула пальцем в мешок, и тот подтвердил ее опасения жизнерадостным треском.

— Придержи. — Коротко сказал Васка Фылеку.

— А может, он и донесет? — Беззаботно — слишком беззаботно — предложила Кирочка.

Васка прищурился.

— Что-то горит? Кто-то?

Та замотала головой.

— Тогда подожди. Это последний.

Кира спорить не стала. Засеменила рядом, иногда чуть отставая, иногда забегая вперед, точь в точь собачонка, так и норовила подвернуться под ногу. Просто так идти ей быстро надоело, и она запела походно-строевую, безбожно фальшивя, перевирая слова (каким-то невообразимым образом в текст песни про braveго неудержимого солдата удачи пробралась любовная линия, и, похоже, трое жен и семеро детей таки смогли прекратить его путешествие, объединив силы и коварно заманив в семью) и не попадая в ритм: и не скажешь ведь, чтобы отошла и не мешалась, она же помогает изо всех сил!

Впрочем, чепуховая песенка и приятный голосок и правда помогли. Поганое Васиного настроение чуть приподнялось из той выгребной ямы, куда его свалили долгое возвращение в замок в не слишком-то приятной компании, ссаженный о телегу локоть и преследующее

Васку ощущение, что от его рубахи за версту несет горелым мясом.

Наконец Васка сгрузил мешок ко всем остальным мешкам, в последний раз чуть не задев вертлявую Кирочку.

Хорошо съездил. Теперь в замке хотя бы есть еда, а то Васка так и не смог понять, чем же питался все это время Ложка. Не остатками же армейских сухпайков из его походной сумки, что Васка забыл забрать собой в свой последний побег из дома? На них не прожила бы даже мышь.

Но никакой другой еды Васка, вернувшись, не обнаружил.

Ну и ладно, хоть бы он и мышей ловил, теперь-то перестанет. Сегодня они с Фылеком привезли картофель, какое-то вроде бы зерно и другие овощи, пусть уж Ковь разбирает, какие именно, а то Васка с трудом отличает петрушку от укропа. Выхай обещал собрать налог, попросил всего два дня срока: дар судьбы, а не староста... Еще послал внуков оповестить две другие, дальние деревни: не Васке же туда ездить. А старосты их Выхаю — один свояк, другой племянник... тоже, в своем роде, владетельная семья, но границ не переступает, а Выхай так и вовсе помог молодому господину разобраться, что к чему тогда, когда это было необходимо всего более, и за то Васка ему еще долго благодарен будет.

И за то, что своячницу свою им вслед послал. Та, к счастью, с рыжей разминулась. Пришла — и сразу дело пошло быстрее. Эха у нее не гугукает, но хоть не орет благим матом. Платить придется, как постоянной прислуге, конечно... Но зато Фыль освободился и смог помочь. А то Васка до утра возился бы в одиночку...

Васка невольно нахмурился, вспоминая: когда он спросил, почему Выхай не помог Ложке так же, как когда-то помог ему, старик, решительно встопорщив бороденку и выпрямив спину, как будто на плацу стоял, а не перед ним, Ваской, сказал твердо: «Вы как хотите, милуйте, казните, но я прямо скажу. Брат ваш — человек лихой, страшный, по всему видно; желал бы помощи — приказал б, а я к нему суваться... стар, да из ума еще не выжил».

И слова эти заделали Васку.

Его брата слишком уж боялись.

Зато к Васке относились запанибрата: пока они с Фылеком сидели у Выхая, вокруг хлопотала наседкой его жена, вздыхая, как же он исхудал да побледнел, и кудахтала в тон ее приживалка-сестра, строила глазки Выхаева внука...

Он привык, что в дороге крестьяне относились к нему как к равному, привык к гостеприимству Йелльских домов, к многочисленным бабушкам-наседкам. Приятной привычкой были и томные взгляды их внучек...

Но то — дорога. В дороге он путник. А здесь — владетель.

— Ва-а-аска! — Кирочка подергала его за рукав, — Ты чего? Хмурый такой... Я же хорошо спела... Ты плохо съездил? Шайне уехала и не вернется, мешки кончились, ну чего ты-ы-ы?

Шайне? А, точно, вот как ее звали! Та самая легкомысленно одетая рыжая... девушка, из-за которой пришлось выводить старую телегу и мула отдавать. Выглядела она... дорого, так что, может, Ложка и по цене платил. Вроде бы сестра упыря... совершенно не хотелось думать еще и о ней. Уехала — ну пусть Ха с ее путем поиграется, туда ей и дорога.

Хотя, конечно, стоит спросить Ложку и о ней. Кем же она ему была? Васка вспомнил, как Шайне повисла на Ложкиной шее, сцепив руки в крепком собственническом захвате и как единодушно звякнули ее браслеты в этот момент — чем-то это Васке напомнило звук, с которым защелкиваются кандалы. Хм... Любовницей? Или, все-таки... нет, слишком смелая

догадка, но... любовницей?

Можно и погадать, раз уж ответа, как бы он очевиден не был, все равно не получить...

— Загадку хочешь? — Спросил Васка без особого интереса, сделав вид, что не заметил, как та махала руками на Фыля — уходи, мол. И тот покорно исчез.

Он вообще Кире не прекословил, а та взяла его под крыло: порой это смотрелось забавно, а порой Васку мороз по коже пробирал, когда он осознавал, с чем справилась эта хрупкая и на первый взгляд абсолютно беззащитная русалочка. И что та может проверить все, что захочет, и счастье, что хочет она только хорошего.

Очередного «тайного-претайного» разговора не хотелось, но Кира была настроена серьезно, так что Васка и не рассчитывал от него уклониться.

— Давай-давай! — Улыбнулась Кирочка.

— Что лучше, когда тебя уважают и не любят, или когда любят — но не уважают?

— Неправильно. — Отчеканила Кира. — Надо и то, и то. И никаких но. Любовь без уважения быстро помрет, или, того хуже, выродится в жалость. Уважение без любви... держится на страхе. Так?

Васка кивнул, хотя вопрос и был риторический. Кирочка даже на него не посмотрела, продолжила:

— А страх — это то, что человек стремится преодолеть. И однажды преодолест. Так что без любви уважение тоже долго не продержится. Вот.

Васка почесал в затылке.

— Странная логика...

— Какая загадка, такая и логика! — Надулась Кирочка. — Но у тебя все получится. Когда тебе рады — это всегда хорошо и тепло-тепленько. А теперь — к делу! К расследованию!

Она вытащила из-за пазухи смятое-перемятое письмо, протянула Васке.

— Во, погляди-ка, что мой папочка написал. — Протянула она на редкость противным тоном, а слово «папочка» вообще как выплюнула. — Твоему братику. И, думаю, твой братик... не узнал тебя по описанию. — Она закатила глаза и процитировала, — «Рыжеволосый оборванец странных манер и его подозрительно развязная подруга», кажется. Вот поэтому у вас и было столько проблем с местной стражей. Вот. И тебя за самозванца принимали.

— Я не буду...

— ...читать чужую переписку? — Хмыкнула Кирочка, обнажая острые зубки, — Так мы вроде друг другу не чужие? Не чужие же? А это мой папочка написал... твоему братику.

Васка скомкал письмо в руке, посмотрел на Киру строго.

— Нет.

— А вот и да! — Топнула ногой Кира.

Для того, чтобы щелкнуть ее по носу, пришлось нагнуться.

— Думаю, я просто спрошу у Ложки.

Кира тут же уцепилась обеими руками за его руку, притихла, склонила голову на бок.

— А он обещал мне, что ответит. — Наконец сказала она. — Значит, мое расследование и не нужно, да? Раз он сам ответит... и ты не будешь...

Да ладно? Неужели созрел рассказать? И тут без маленькой хитрюги уж точно не обошлось. Да уж, она всегда добивалась своего — не нытьем, так катаньем.

Васка погладил ее по голове. Присел на корточки. Под каблуком треснула картофелина:

придется сапог чистить, ну да и ладно.

Кира уже очень долго вела себя, как маленькая девочка, и иногда слишком вживалась в роль. И в такие моменты Васка всегда играл по ее правилам, не желая рушить своим скепсисом все то, что она так тщательно выстраивала.

— Ты не чужая. Правда. И ты очень помогла. Он же тебе обещал? Значит, ты захватила его врасплох и выбила у него обещание, а я вот так и не смог! И теперь-то он не отвертится, да?

Кира уткнулась в его плечо, не отпуская руки. Потерлась носом: ну вот, теперь вся рубашка в русалочьих соплях, еще и ее стирать...

Прошептала почти неслышно:

— Помириться... хорошо?

Ну вот как тут отказать?

Утро следующего дня не закончилось безобразным скандалом лишь потому, что Васка слишком хорошо помнил просьбу Кирочки и повторял ее как мантру.

— Ты не могла бы еще раз? Я, кажется, не так расслышал.

— Ложка предложил мне пару лет счастливого фиктивного брака. — Терпеливо повторила Ковь.

Васка тоскливо глянул в окно. Да, формально, конечно, она пришла к нему с утра, но по сути — это была ночь, но очень, очень глубокая.

У Васки слипались глаза, ломило спину, ныли мышцы рук, очень хотелось спать или хотя бы достать меч, старое тренировочное пугало и хорошенько размяться. А то совсем забросил тренировки, стоило только в замок приехать, расслабился, а опасность — она и дома опасность.

Хотя есть ли в этом хоть какой-то смысл? От Ложки с его потрясающими идеями меч не поможет, нечисть Ковь прекрасно жжет и без него, а враг приходил на эти земли, если ему не изменяет память, лет триста назад и пока больше не собирается.

Да зачем он тут вообще нужен?

— Надо помириться, надо помириться... Угу. Ну, предложил. Помнится, в прошлый раз ты недолго раздумывала...

— Ну...

— и правда, что это я. Это же совершенно другой Диерлих предлагает тебе совершенно другой фиктивный брак. — Вздыхнул Васка. — Ладно, ладно, не оправдывайся... и не подходи! Я что, не вижу, ты же вся трепещишь...

Ковь кивнула.

Решительным шагом пересекла комнату, плюхнулась в кресло, подобрала ноги. Откинула со лба отросшую прядь, та тут же упала обратно, но у Кови не было сил воевать с ней дальше. Она нервно хрустнула пальцами и сказала резко — и, если хорошо ее знать, можно было расслышать, что и самую чуточку жалобно:

— Ты б тоже трещал. Я б на тебя посмотрела, если б тебе замуж предложили...

— Да, я бы несколько удивился. Но я не магик. — Отрезал Васка. — А был бы магиком, заколдовал бы дверь, чтобы счастливые невесты не будили меня в такую рань радостными новостями.

— Я не...

— Понимаю, ты всю ночь не спала, думала... — Уже мягче сказал Васка. — извини, ты

правда... неожиданно.

— Да послушай же ты меня, дундук ты несчастный! — Рывкнула Ковь.

Пахнуло жженой тряпкой, но магичка быстро взяла себя в руки, сжала кулаки в знакомом жесте. Раздражена, не знает, что делать — и все больше склоняется к радикальному варианту. Ее любимый: все спалить, в глаз дать для верности, а уж потом думать...

— А я чем занят? — Нахмурился Васка. — Слушаю, вовсе не обязательно так кричать...

— Надо же было перекричать твою уязвленную гордость, она вопит, как резаная. — Ковь поджала губы. — Я к тебе как к другу пришла, а ты... Сидит, глаза бесстыжие трет, да еще и издевается надо мной, никакой совести у аристократов нету! Правильно мне бабушка говорила...

Васка вспомнил бабуку Кови, то ли Ларысю, то ли Парысю... Сморщенную, злобнук старуху, которая, единожды его увидев полуслепыми, выцветшими от старости глазами, устроила такую бучу, что Дарьяне пришлось попать все мыслимые и немыслимые законы гостеприимства и устроить гостя дочери у соседей.

Вот с кем Васке придется тягаться? Польщен, польщен.

Если Ковь согласится, дома ей лучше не появляться... Разве что на похороны бабки приехать, и то, лучше над гробом не признаваться, от кого ей заветный браслетик на правую руку достался.

А то Ларыся ка-а-ак завертится! Выскочит из гроба и голову внучке оторвет...

Хотя вряд ли ей придется, она в этой голове и так надежно поселилась. А кому изгонять? Ему, Васке: не зря Ларыся его невзлюбила, все, как она и предсказывала. Вот втравил Ковь в подозрительные делишки, отдал на растерзание кровопивцу, а как первого сожгла, так и второй нарисовался... Но тут уж Васка не при чем, Ковь и сама не прочь отдаться.

Откуда у него эта уверенность, что Ковь хочет согласиться? Кирочкины намеки всходы дали? А ведь не хотел он ей верить, зря. Хотя... а вдруг не зря? Вон, Ковь вся в сомнениях. Глаза в темноте зеленым мерцают, в волосах искры, колени обняла зябко, из-под ночной рубашки торчат босые пятки. Даже не обулась.

Крепко бабкины заветы в голове засели.

А, может, не только в бабке дело, может, поважнее надумала причины?

Пришла просить... чего? Совета? Или, все-таки, благословения?

А она сама-то понимает, зачем пришла?

— и что же она говорила?

— Что все вы одинаковые! — Без тени сомнений оттарабанила Ковь.

— О. — Васка невольно улыбнулся, — Кто это — мы?

Нет, ну что еще она могла говорить? То же, что и сотни разочарованных бабок до нее. Когда Васка слышал такое от дедок, матерей, старших сестер и прочих бабок своих пассий, он никогда не спорил и покорно принимал помои. Они были правы, легко вычисляя в нем человека, который больше чем на неделю не задержится. И он таких слов заслуживал.

Но тут случай другой.

Не стал бы Ложка ради сиюминутной прихоти Ковь обихаживать. Она, все-таки, не трактирная девка. Да и не требует он ничего взамен. Просто делает подарок... Как обычно с его подарками — какой-то странный и подозрительный, как та бумажка с печатями, но, наверное, от чистого сердца?

— Аристократы...

— А я-то думал, что у твоих братьев ко мне за претензии. — Хмыкнул Васка. — А это ненависть к аристократам, впитанная с молоком матери, вот оно что. А я еще и кулаком добавил к молоку, эх... теперь меня твои еще больше ненавидеть будут. Так?

Да, такое и правда было. Но Васка не придавал этому особого значения, и об инциденте Кови не рассказывал. Благо Дарьяна, узнав о выходке своих сыновей, долго перед ним извинялась и детинушек своих в дом погнала чуть ли не пинками. С тех пор у Васки сложилось о матери Кови замечательное впечатление.

Низенькая, коренастая, с хитроватым прищуром серых глаз, на фоне своих многочисленных детей она почти терялась, пока не возникала вдруг громогласным вихрем прямо посреди очередной родственной ссоры и не разводила спорщиков по углам, разделив подзатыльники поровну, или не брала слово на сельском собрании, убедительно доказывая, что все вокруг понятия не имеют, как будет правильно.

И ведь слушали и слышали.

— Не совсем. Ты — неправильный аристократ...

— А Ложка — правильный? — Еще больше развеселился Васка.

— Не-е-ет, но...

— Ковь, это же твое замужество, а не замужество твоей бабки, а? Как ты там говорила... ты его хочешь? Ну и бери. Не хочешь? Ну так даром не надо. Все, больше у меня слов и нет. И стоило из-за этого меня будить, ну? Что я сказал такого, чего бы ты не смогла сказать себе сама?

Ковь даже трещать перестала. Кулаки разжала. Замерла. Ну, это она думает... Васка приготовился ждать, считал про себя, загибая пальцы. Три, два, один... вскочила, бросилась Васке на шею.

— Просто нужно было от кого-то другого услышать, а от зеркала не то, оно какое-то... неубедительно... и... просто... Спасибо.

Все-таки она пришла за благословением.

Васка даже как-то передумал выяснять у Ложки, что за гадость тот затеял. У Ложки уже есть опасный противник: Ларыся. Васка ставить палки в колеса не будет, просто передаст ему Ковь вместе с голосистой бабкой. В конце концов, все же устроилось наилучшим образом? Он, Васка, сам этого хотел. Сам на это надеялся. Конечно, было бы неплохо, если бы тут вспыхнула неземная любовь, про которую сестрицы Кирочки сложили бы сопливую песню, но так тоже сойдет. Ковь практична. Ложка, может, и рассчитывал вскружить ей голову, но более приземленного создания Васка, пожалуй, и не видел. Кто кого еще на землю вернет: фиктивный бра-а-ак. Пару лет и разбежи-и-имся, так он, наверное, говорил?

Интересно, сколько их таких, собиравшихся просто пару лет пожить бок о бок, а потом разойтись, как в море корабли? И сколько из них так и не разошлись? Что-то Васке подсказывало — немало.

Ковь Ложкину гадость себе на пользу обернет, она такая. Оборотистая. Второго Диерлиха оборачивает.

Так что браслеты можно будет подносить с чистой совестью. Вот Кирочка-то рада будет!

— Киру бы будила. — Буркнул Васка, осторожно похлопав ее по спине и отстраняясь. — Ну, ты как?

— Хочу. — Не задумываясь, ответила Ковь. — и возьму. Раз сам предложил.

— Отлично. А теперь можно я dospлю? В отличие от некоторых я работал целый день и устал, как собака...

Сон не шел.

После ухода Кови в голову полезли мысли. Продолжение вечерних мыслей, тех, что прогнала своим пением Кирочка, тяжелые, как морские чудища, ворочались, переплетались хвостами, выползали на сушу, ползли, переваливаясь с одного белесого бока на другой...

...заглядывали бесцветными глазами в душу.

«Зачем ты теперь нужен, Васка?»

«Остался ли хоть кто-то, кто назовет тебя сэром Васкилерохом при встрече? Сognется в поклоне?»

«А имеешь ли ты вообще право на свое имя?»

Открывали полные острых зубов рты и шипели, обдавая зловонным дыханием: «Уходи. Ты снова лишний в своем доме!»

«Ненужный».

«Оторвали — и выбросят с удовольствием».

«Не любят и не боятся».

«Уходи».

Белая чайка закрыла крылом слепящее, иссушающее солнце и крикнула насмешливо, заглушив разом и тварей, и море, и даже запах водорослей: «Вроде большой дядька-то, сколько спать-то можно? Пора мириться».

Васка с трудом открыл глаза, и увидел в непосредственной близости сияющую мордашку Кирочки.

— Что?

Все-таки заснул.

Солнце заливало своим светом комнату. Васке достаточно было прищуриться, чтобы разглядеть пляшущие в солнечных лучах пылинки.

Кирочка отодвинулась, и в глаза снова резанули солнечные лучи, Васке даже пришлось сморгнуть непрошенные слезы.

Когда Ковь лезла обниматься, она отодвинула полог в сторону, и забыла вернуть, как было. Вот почему он чуть не изжарился: на удивление теплый и солнечный день для такой поздней осени.

Давно ему таких кошмаров не снилось.

Васка мигом вскочил.

Казалось, стоит ему закрыть глаза, и снова появятся бесчисленные чудовища с налипшим на тучные, колышущиеся тела песком, снова будут смотреть бесцветно и спрашивать, и отвечать...

— Правильно! Быстрее, торопись! Слышал новость? Ложка Ковь замуж позвал! Представляешь, представляешь? А я говорила, говорила — а она и согласилась! Только я сказала, что сначала мириться — а свадьба потом, так же, так?

Кирочка скакала по кровати, бестолково размахивая руками. Волосы растрепались, щеки покраснелись, она просто лучилась счастьем, напомнив Васке раздувшуюся от гордости после удачного завершения Кирочкиного дела Ковь.

— Это же не было выплатой долга? — Подозрительно спросил он.

— Что? Да какой там долг! — Отмахнулась Кирочка. — Мы же не чужие друг другу,

вот!

Кровать подозрительно хрустнула, и Васка на всякий случай поймал Киру в следующем прыжке. Аккуратно поставил на пол.

— Прыгай на полу, он каменный.

— Пятки отобью. — Надулась Кира. — Давай-давай, не стой на месте! Жду не дождусь когда все будет раз — и хорошо!

Васка даже спорить не стал.

Сложно спорить с кем-то, столь решительно настроенным сделать раз! И хорошо.

К Ложкиному кабинету Кирочка Васку тащила, как один очень сильный и очень упертый бурлак баржу.

Васка чувствовал себя почти голым без перевязи с мечом. Стоило ему за него взяться, Кирочка чуть ли не истерику устроила: мол, это родной дом, ты пойдешь с миром, хоть здесь расслабься, расстанься уж с любимой игрушкой на полчаса. Пришлось оставить.

Почти — потому что у Васки все-таки был еще кинжал во внутреннем кармане куртки, и еще один, маленький, с узким лезвием, почти дамский, зубочистка на самый крайний из крайних случаев — в сапоге. Кирочка, конечно, покосилась на него подозрительно, когда он куртку надел в такую-то теплынь, но Васка ловко перевел разговор на сквозняки.

Дверь Кирочка распахнула ногой — но она и не была плотно прикрыта.

— Васка, я-то думала, только ты у нас с ума сходишь по железу! — Выдала ему Ковь вместо приветствия, — Но у этого уже пятый кинжал вытаскиваю.

Жесты у нее были размашистые, энергичные... Ложка ловко уклонился от лезвия, едва не лишившего его носа, и проводил свой метательный нож тоскливым взглядом.

— Это метательный нож. — Поправил Васка из братской солидарности.

— Уху. — Вздохнул Ложка грустно.

И как-то весь поник, сделавшись похожим на большого черного филина. Порядком обтрепанного и промокшего. Даже Васка впечатлился, но бессердечные девки продолжали свое черное дело.

— Да какая к Ха разница? — Фыркнула Ковь и отложила нож на подоконник.

— Во-первых, — начал было Васка, но его перебила Кирочка.

Она сказала деловито:

— Рукава ему закатай!

Чем вызвала у Ложки еще один страдальческий вздох. Похоже, широкие длинные рукава были дороги ему так же, как Васке — левый сапог.

И тут Васка заметил, что Ложка сидит в кресле босой. Ложка рассеянно шевелил пальцами ног, лицом, впрочем, не выдавая своей нервозности, и Васка понял: Ковь слишком много знает.

— Спасибо. — Хмыкнула Ковь, — Сапоги.

— Поняла! — Хихикнула Кирочка.

«Дай вам волю, догола разденете», — проворчал Ложка, — «А смысл?»

— Никакого. Они просто любят издеваться над людьми. — Кивнул Васка, подвинул огромную кучу бумаги и взгромоздился на стол, — Ну не буду я железа доставать, Кир, успокойся... Ну вот, видишь, сапог, ничего нет...

— Это только один. — Поморщилась Кирочка и отшатнулась, — Фу-у-у! Снимай левый и отбрось подальше. Тогда поверю. Если не звякнет.

— Конечно, звякнет. — Пожала плечами Ковь, с дивана, — У него куда не ткни — везде звенит. Руки! — Последнее она буквально прорычала.

Ложка, несмотря на то, что Ковь забилась на противоположный конец дивана, легко дотянулся до ее головы и к тому времени уже несколько минут как задумчиво перебирал ее волосы.

Просто диван был тесный, а так бы она еще дальше отодвинулась. Да-да.

— Все. — Поморщился Васка. — Пора прекращать это развлечение для заскучавших дам. Кит, мир?

Язвительную подколку для Кови он все-таки сумел проглотить, ограничившись не очень язвительной.

— Уху.

«Я-то думал, ты сначала захочешь услышать чистосердечное...»

— Кира обещала, что ты все равно все расскажешь. — Ухмыльнулся Васка. — К тому же, мной тоже Ха гордится. Кажется, я упоминал, что Эха — дочь лесовика?

«Вскользь».

— Лесовик очень на нас обижен, мы похитили у него дочь... Ну и Фыля заодно. А так как ты мой кровный родственник, тебе лучше в лес по грибочки не ходить. — Развел руками Васка. — Если коротко — то это все.

«Вот к чему была та речь про безопасность», — Ложка усмехнулся краем рта, — «Чего еще ждать от человека, путешествующего с русалкой? Только лесовика во врагах. Мои враги на этом фоне меркнут: обычная человеческая падаля, ничего экзотического».

И Кира, и Ковь замерли, Кира так и дышать перестала. Можно было, конечно, их прогнать, но это было бы слишком жестоким наказанием за невинную шутку с разоружением.

«Когда я еще мог трепать языком», — начал Ложка, — «я был одним худшим из лучших студентов. Столичная практика мне не светила, так что после выпуска я переехал в Аллакс. Крупный торговый город... самый пострадавший в Жаркую Ночь. Если в Столице стража бдила и обйеллевшим куксам просто побили стекла, то в Аллаксе была бойня, и эхом этой бойни стал Шектах с его Пустынными Шакалами — все живые куксы Аллакса связаны с ними так или иначе».

Его руки замерли на мгновение.

«Шектаха я встретил в каталажке, когда отрабатывал положенные часы на благо города. Замели его по пустяковому поводу, и мне не составило труда его вытащить. Я не знал, почему это так важно и не знал, что стоит страже копнуть чуть глубже, откроется целая выгребная яма. Зато это знал Шектах... и он остался мне благодарен, к сожалению. Впрочем, тогда я и не думал о благодарности брата. Мотивировала-то меня сестренка...», — Он поморщился, — «Шайне замечательно играет в деву в беде. Так я и увяз; за спасение его шкуры Шектах решил меня опекать. Когда тебя берет под опеку глава Пустынных Шакалов... Не думаю, что вам интересна эта микрополитика... Если коротко, в какой-то момент я опомнился. К тому времени меня уже не существовало для внешнего мира достаточно долгое время, я растворился в тени. Обнаружил себя правой рукой Шектаха, немой и покорной и... невидимой. И бросил нож в знак протеста».

Ложка развел руками. Васка пожал плечами: бывает, мол. Что не сделаешь в знак протеста.

«В общем, теперь тебе не стоит гулять по Аллаксу, братец».

— Письмо. — Коротко сказала Кирочка. — Что ты ответил на письмо моего отца?

«Вот куда оно пропало?»

— Васка не читал. — Хмуро буркнула русалочка.

«Знаю», — кивнул Ложка, — «Я спутал... Брата с Шектахом. Такое описание... я не думал, что кто-то может додуматься перекраситься в рыжий цвет».

Вот и ответы.

А дальше все раскладывается, как пасьянс: слуг Ложка распустил, потому что убил Шектаху; там явно пропущен огромный кусок, но пусть уж созреет до того, чтобы рассказать и его, основное-то понятно...

Да и раньше было понятно. Но теперь — сказано.

— А почему он молчал-то? — Недоуменно спросила Кира у Кови театральным шепотом.

— Ну... — Протянула Ковь, — Ты расскажешь Фылю, где в полнолуние русалки танцуют?

— Я еще не совсем того, — помотала головой Кирочка, — его ж съедят, если он вдруг сунется...

— Но ты же понимаешь, что Фыль — благоразумен и, скорее всего, не сунется? — Хмыкнула Ковь, — Но тут тебя берут сомнения: «Ну а вдруг?» и ты не рассказываешь... Р-руки!

Ложка скрестил руки на груди с совершенно невинным видом.

— А-а-а. А Васка вообще не благоразумный, он бы точно сунулся! — Согласилась Ковь.

— Прости, что не сунулся. — Выдавил улыбку Васка.

«Я бы тебе не позволил», — Ложка отрицательно мотнул головой, — «Ты и так разгреб то, что должен был разгребать я. и сейчас ты тоже справляешься лучше меня», — Ложка улыбнулся уголком рта, — «Давай просто забудем».

— Угу. — Выдавил Васка.

Морские твари, разочарованно зевая, начали отползать обратно к морю. Лениво, медленно, неохотно, почти незаметно...

— Ковь! Тепло же, тепло, правда?! — Кирочка вскочила на диван между Ложкой и Ковью, обняла ее за шею.

— Ты к чему это? — Удивилась Ковь, бросила рассеянный взгляд в окно, — А, ну да. И правда. Тепло.

История четвертая. Верность ветреных

Кови не нравилось внутреннее убранство Школы. Оно было такое... лаконичное. Никакой красоты: каменные полы даже не покрыты паркетом, окна маленькие, едва пропускают свет, да и рамы простые, без резьбы, хоть дерево и хорошее, и, кажется, зачарованное. Ковь ни разу не видела ни трещинки, ни вздутия на простых, казалось бы, деревяшках. Стены были выкрашены в светло-зеленый цвет, нагонявший на Ковь тоску. Потолок регулярно белили — да и только.

Когда-то давно, когда Ковь только училась на магичку (если можно было назвать учебой ее шатание по Академии и окрестным кабакам), она была уверена, что в Школе на каждом углу яркие картины и росписи, как в храмах Гарры, только еще ярче, и что можно выковырять из стен кучу самоцветов на память, и никто не заметит. Она думала, что окна большие, и по утрам многочисленные блестящие штуки — ну, там какие-нибудь вазы, статуэтки, что еще у богачеев бывает красивого — переливаются в лучах восходящего, заходящего да и вообще солнца так, что больно глазам. Она ожидала роскоши: золотого, пурпурного... может, серебряного. Но никак не тускло-зеленого и белого.

Это был первый урок, который ей преподавала Школа: настоящим богачам не нужно кричать о своем богатстве. Они практичны.

Они не будут ставить вазы и вешать картины с золочеными канделябрами в месте, которое слуги регулярно отскабливают от результатов неумелого колдовства.

Ковь отлично понимала, что это разумно, но все равно, впервые переступив порог Школы, почувствовала себя разочарованной, и это разочарование первого дня никуда не делось, наоборот, все чаще возвращалось к ней. Особенно оно любило подстерегать ее вечерами в бесконечных школьных коридорах, когда за окнами было темно, и Ковь торопилась от одного светового пятна к другому на очередную пересдачу.

Кто бы мог подумать, что школьный казначей будет так скуп, что решит экономить даже на свечах!

Правда, иногда Ковь припирала себя в угол и заставляла признаться: не столько в свечах дело, сколько в пересдачах.

В Академии, чтобы прослыть хорошей ученицей, достаточно было бабахнуть погромче и не задеть случайно учителя. В Академии учили даже не плохо: там вообще не учили.

А вот в Школе за Ковь взялись хорошенько, не позволив проскочить на халяву ни одного зачета. Даже такой вроде бы бесполезный для замужней женщины предмет, как танцы, спрашивали по всей строгостью. Не только практическую, но и совершенно даже Ха даром не сдавшуюся теоретическую часть, которую Ковь ненавидела до глубины души. Кому интересно, откуда пошло то или другое ногодрыжество?

Но это, пожалуй, все равно было единственным плюсом Школы. Ковь просто вынуждали получать всестороннее образование. Здесь настолько привыкли к вывертам капризных девчонок, впервые высунувших нос из родного замка и уверенных, что вот они-то и Великими (с о-о-очень большой буквы!) магессами станут, и пару принцев инкогнито походя очаруют своей провинциальной непосредственностью, что уж с Ковью-то справлялись без труда, вежливо не замечая ее многочисленных ошибок и нисколько не выделяя из остальных учениц.

Уже второй год справлялись. Хороши!

К сожалению, второй урок, который преподавала Кови Школа, тоже был не слишком приятен: если твоих ошибок не заметили старшие, то уж равные не преминут оттянуться. Твоя оплошность — их шанс почувствовать себя чуть лучше, чем они есть, да и просто вдоволь почесать языками.

Ковь была значительно старше своих одноклассниц. Не только старше: найденный Ложкой преподаватель этикета, вертлявый мужичонка с криво сросшимся носом, сразу сказал, что она все равно будет выделяться, хоть бы и через долгие годы занятий. И был прав. Несмотря на всю тщательность, с которой Ложка подбирал ей сначала легенду, а потом под легенду — платья, прическу, украшения, несмотря на ее собственные старания вести себя не просто прилично, но образцово, она все равно так и не смогла вписаться в новую компанию. Ведь воспитание — это не только внешний вид, это еще и жесты, интонации, уверенность, что тебе многое позволено просто по праву рождения... Какие-то книги, которые читали все, какие-то сказания и песни, которые рассказывали и пели няни во всех замках Йелля, но которых никогда не слышали в деревенских избах. И Ковь ориентировалась во всех этих штуках, как слепой котенок, не понимала многих шуток и подначек. Конечно, со временем она стала ошибаться реже. Но она все еще ошибалась.

И когда одноклассницы еще в начале первого года разбились по парочкам, троечкам и прочим тесным дружеским группкам, Ковь осталась в одиночестве.

Несколько прыщеватых юнцов попытались было Ковь задирать, но та, плюнув на все неписанные законы, доложила преподавателю, и с тех пор получила еще и статус ябеды. Больше никто ее не трогал.

Иногда она ощущала себя каменной статуей на площади какого-нибудь задрипанного городишки, дешевой подделкой, поставленной вместо мраморной фигуры ворюгой-градоправителем, всеми забытым полководцем, на чью голову непрерывно гадят голуби и в чьей подлинности не убедить даже самого пропащего забулдыгу.

Наверное, будь она такой, она бы радовалась, что рядом с ней назначают свиданки влюбленные и воришки из тех, что помельче. Но она была полноватой бабищей не самых юных (по сравнению-то с прелестницами, что учились с ней в одном классе — старшей из них едва сравнялось семнадцать) лет, и все, что вокруг нее собиралось — это разнообразные сплетни.

Про Диерлихов в Столице ничего не было слышно уже много лет, и тут вот, нате, появилась! Так что почва была богатая, и про Ковь говорили многое.

И что она мужика окрутила, околдовала, обманом проникла в Школу и теперь учится на его деньги, а в свободное время прожирает его последний замок.

И что она вышла замуж в неполные четырнадцать и пошла в Школу только сейчас, потому что до того каждый год рожала по ребенку. И теперь все ее двадцать пять детей висят на шее бедного мужа, а она его бросила и еще и учиться ушла на его деньги, неблагодарная.

И что из-за ее отвратительных манер батюшка ее так прогневался, что выдал ее за первого встречного разбойника с большой дороги, а тот, не будь дурак, прирезал батюшку и получил замок в наследство вместе с титулом. А бабищу свою в Школу отослал, чтобы она изучила боевую магию, а потом помогала ему людей на дорогах грабить.

И, самый невероятный, оттого и стойкий слух, что муж ее на самом деле женщина. В прошлом — певица в бродячем цирке, рожденная от порочного союза тамошней акробатки с мимоезжим благородным рыцарем. А не разговаривает она потому, что у нее

восхитительное нежное сопрано. А Ковь с ней пела басом заместо мужика, а потом, а потом! У-у-ух, какая пикантная, страстная и нежная запретная любовь!

Ковь готова была убить ту строчительницу похабных романов для романтических девочек и мальчиков, что возвела подобные отношения в моду. Ну пусть бы передавали девчонки эту писанину из рук в руки, зачитывали до дыр и хихикали стыдливенько над особенно остренькими местами, пусть себе фантазируют, пока подобранный семьей престарелый муж не стал разочаровывающей реальностью, не жалко. Но Ковь-то тут причем? Она даже прочла на досуге, стараясь не представлять особенно сложные позы (то, что дочь акробатки умела связываться чуть ли не в морские узлы, было несомненной авторской находкой), но не нашла ни малейшего сходства ни с собой, ни с Ложкой, и так и осталась в, мягко говоря, легком недоумении.

Строчительница строчила быстрее, чем Эха зубы отращивала, так что по рукам пошел уже романчик о слишком мужиковатой воительнице и хлипком женственном рыцаре, и вот тут Ковь боялась, если что, так не удержаться.

Все чаще хотелось сочинительницу найти и набить ей морду... или косы выдергать — да, так, пожалуй, будет более женственно!

Она до сих пор не взорвалась раздражением не столько благодаря индивидуальным занятиям по контролю; ну чему мог научить этот вечно клюющий носом сморчок! Сколько потому, что боялась разочаровать своим срывом Ложку.

Ее и слухи-то задевали не из-за того, что касались ее, к таким она привыкла, бывало и похлеще; а потому, что Ложка — романтическая молчаливая фигура в черном, немой, а оттого еще более загадочный, иногда дожидался ее у Школы и вел домой (просто потому, что, ну... мужья так иногда делают? Ковь подозревала, что Ложка разбирается в этом не лучше нее), а одноклассницы никак не могли взять в толк, что же он нашел в неказистой и немолодой... Вот и строили догадки, одна другой хлеще и на его счет.

И вот за Ложку было правда обидно.

Он ведь столько для нее сделал. Она ему стольким обязана!

Хотя мог бы и чуть почаще спрашивать, что с ней происходит. Ну, хоть иногда делать вид, что ему интересно.

Обида клочкотала в груди, иногда поднималась щипучим комком в горло, грозя обернуться слезами, и Ковь чувствовала себя беспомощной, бестолковой, бесполезной и приносящей проблемы.

Вот и сейчас Ковь обострившимся слухом уловила из дальнего коридора обрывок разговора:

— Эта-то? Сразу видно, нищий род, глушь... Думаю, она прибегла к проверенному способу.

— Проверенному способу?! — и слышно, что девчонка аж трепещет от возбуждения.

А собеседница ответила, солидно растягивая слова, стараясь показаться взрослой и умудренной.

— Дитя. Обманула, вынудила подарить себе дитя, а он, как порядочный...

И разговор заглох.

Слух все так же работал как ему хотелось и когда ему хотелось. Теперь Кови не надо было даже напрягаться или стараться, от этого ничегошеньки не зависело.

Она просто слышала обрывки разговоров.

Шепотки.

Смешки.

Замечательно, отчетливо — почему-то всегда то, что слышать-то и не хотела.

Но разве она виновата?

В чем она виновата? Ложкины дружки состряпали замечательные документы, и не подкопаешься. Да, она старше, она некрасива... но это все! Они сами в большинстве своем еще неотесанные провинциалки, взять хотя бы Милу. Кем она была и кем себя возомнила, что, встретив Ковь в коридоре, только фыркнула насмешливо и задрала нос повыше? Даже не спросила, как там Кирочка, шарахнулась, как от прокаженной. Ковь не собиралась быть благодарной за то, что Мила сохранила ее тайну: еще бы она не сохранила после такой-то услуги. Ковь с удовольствием потолковала б с нахалкой по-свойски, если бы правила Школы не запрещали строго-настрого драки.

Она ведь старается!

Старается!

Изо всех сил — старается! Она больше совсем ничего не может сделать! Они изучали эти дурацкие танцы с историей с детства, они впитывали этикет с молоком матери, а Ковь — всего-то пару лет в Академии, и в основном с похмелья! Ну и сейчас...

Ковь сжала кулак так, что ногти врезались в кожу. Волосы не трещали: все-таки, не так уж сморчок и бесполезен оказался.

Она разжала пальцы и посмотрела на кроващие лунки. От руки потянуло жаром. Она прижалась к холодной стене сначала лбом, потом — пылающей рукой. Это принесло временное облегчение... пока Ковь не отняла руку и не заметила, что теперь на стене красуется угольно-черный след ее пятерни.

Хваленая огнестойкая краска вокруг отвратительно-четкого отпечатка потрескалась, пара чешуек отслоились и полетели вниз, тускло-зеленые, как жухлые листья. Отчаянно захотелось в лес, на растерзание лесовику, лишь бы не приходиться завтра сюда же.

Лишь бы не отчитываться еще и за испорченную стену. Хотя тут уж никак. Других огненных магов с проблемами с самоконтролем тут не было и не будет до следующего набора, Ковь одна такая... отстающая, так что с таким же успехом она могла бы просто написать что-то типа: «Здесь была Ковия Диерлих» и надеяться, что никто не догадается, кто именно здесь был.

Хотя, может, «Прасковия Тыпка» осталась бы неузнанной? Все-таки среди всех сплетен и слухов никто ни разу не назвал ее крестьянкой. Это же скучно. Неинтересно и совсем не романтично.

Как-то обидно.

Еще и пересдачу по истории она завалила в третий раз, перепутав полководцев третьей войны с куксами с полководцами пятой... Зачиталась вчера историей Объединения, дура!

Как же она скучает по Васке! Вот он полководцев поименно знал, разбуди среди ночи — так наверняка расскажет. Титул-то за красивые глаза не дают. Он бы и объяснил, и поспрашивал, и помог запомнить, наверняка есть у рыцарят запоминалки... Но он устраивает дела в замке. Ухитрился снова выжать доход из тех трех деревень, хотя, казалось бы, с чего бы! И из-за ее каприза в Столицу не поедет, некогда ему. Скоро будет горячее время, но, может, летом? Хотя бы на несколько дней, проездом на ярмарку, чтобы можно было потрепаться просто так, без смысла и без цели. Человеческим языком, не боясь проявить слишком много эмоций — вот бы!

Давно она ни с кем не общалась как... Прощка с Ваской. Интересно, каково это, снова

стать сэром Васкилерохом? Вот Ковией быть трудно.

Ковь еще раз посмотрела на испорченную стену.

Ложка будет разочарован.

Опять.

Ковь поспешила убраться из Школы подальше. Отчитается завтра, если местная обслуга не смилостивится и не затрет как-нибудь отпечаток. Слуги-то ее любили, Ковь не понимала почему. Возможно, тоже из-за слухов — хоть что-то хорошее.

Выйдя из Школы Ковь обернулась: она всегда кидала последний взгляд на здание, прощаясь на ночь. Вот снаружи оно было красивым и величественным: высокое, целых четыре этажа, массивное, отделанное красивым рыжеватым камнем, вокруг маленьких окон — резные наличники, из-за которых окна кажутся снаружи больше, чем оказываются внутри. На крыше многочисленные флюгеры в виде самых разных птиц, маленькие произведения искусства, которых сторожат большие: рожденные фантазией художника чудища с гордыми мордами, чьи хвосты превращаются в трубы.

Вообще, если хорошенько поискать, то морды сказочных зверей можно было найти в любом месте здания. Вроде бы наклеплены непонятные завитушки там и сям, а потом приглядишься, а это свернувшаяся в клубочек саламандра, а еще немного посмотришь, и поймешь что ее хвост — еще и рог изогнувшегося в прыжке василиска.

А по бокам лестницы у парадного входа сидят королями два маленьких дракона и смотрят на входящего лукаво и чуть снисходительно. Кажется, вот-вот расправят крылья и улетят от глупых людей далеко-далеко. Ковь просто обожала правого, у которого кто-то сколол один из клыков. У нее даже была примета: потрепlesh его по холке перед экзаменом и хоть на трояк, но сдашь. Жаль, сегодня она так с утра торопилась, что не успела.

Она огляделась: вроде нет никого, и помахала любимцу рукой, а потом поспешила домой.

Школа стояла не в центре Столицы, а на ее окраине: когда-то давно, когда ее только строили, было решено вообще перенести ее за черту города, чтобы маги не мешали обычным горожанам, а горожане не лезли к магам. Но потом город значительно вырос, к первой стене сначала прибавилась вторая, а потом и третья, и Школа оказалась частью Столицы.

Дом-резиденция Диерлихов в Столице был построен еще во времена славы этого древнего рыцарского рода, и находился в первом круге, так что дорога до него была не близкой.

Когда Ковь проходила ее с Ложкой, она старалась растянуть ее еще на подольше, утягивая его на небольшой рыночек «почти по пути» посмотреть на диковинки, или делая крюк к реке, притоку той, что омывала вторую стену. Однако сейчас она была одна, и побежала кратчайшим путем.

Она вернулась домой, когда уже почти совсем стемнело.

Ее встретила Кирочка с отбрыкивающейся Эхой на руках, бросила один-единственный взгляд на нее и как-то сразу испарилась. Наверное, Эху няньке отдавать. Не получилось поиграть в счастливую встречу. Кирочка молодчина, она сразу чувствует, когда лучше не стоит.

Кирочкины игрушки вообще-то Ковь забавляли, но в этот раз только усугубили бы отвратительное настроение.

Ковь махнула на нее рукой и ушла к себе. Завалилась на кровать, едва удосужившись сменить уличные сапоги на домашние туфли.

Сегодня должен был прийти еще и преподаватель этикета, так что переодеваться было

рано, да и некогда. Ковь не понимала, зачем он до сих пор ходит.

По его признанию, она уже выучила все, что могла; но Ложка продолжал требовать большего.

О, легок на помине, наверняка Кирочка распихала, сам бы он не пришел. Короткий стук в дверь, и Кови пришлось тянуть лениво:

— Входи!

Она поспешно встала, оправила платье. Ложка все равно найдет беспорядок, но вдруг...

— Я попортила немножко имущества Школы, но не сильно, платить не надо. — Сказала она делано-беззаботным тоном, — Совсем немножко. И...

Ложка кивнул, небрежным жестом поправил ей ворот платья. Отступил на шаг, окинул с головы до ног оценивающим взглядом... и тут Ковь снова почувствовала, как поднимается в горле горячий ком.

— и я хочу еще раз... попробовать пересдать историю, завтра, — пробубнила она, с трудом выталкивая из себя слова, — и... Можно сегодня... без урока? А то я не успею...

Ложка повертел в руках кончик косы.

«Бледная ты какая-то», — неожиданно сказал он, резко отбросив косу за спину, — «Опять горела?»

Прохладная рука легла на лоб. Ложка поджал губы.

Ковь сглотнула.

Комок в горле рос, и она боялась открыть рот, потому что ей казалось, что окончательно растеряла все приличные слова. Его забота была такой.... Отстраненной.

Такой... вымученной.

Когда-то давно она не любила, чтобы он ерошил ей волосы. Кричала: «руки, руки!» — и вот, самое интимное прикосновение за последние полгода. Как будто она зверушка, которую достаточно кормить и выгуливать. Очень полезная зверушка, с братом помогает общаться, ага.

Это так... раздражало. Быть обязанной ему — тоже раздражало. Раздражало. И он раздражал. и Школа. И этикет.

Она ненавидела чувствовать себя виноватой, но именно так она себя рядом с ним и чувствовала. Она опять подвела. Она опять...

Опять.

— Надоело. — Буркнула она, но уже не смущенно, нагло, — Ну, горела. И че? Я делаю успехи.

«Верю».

— Я стараюсь!

«Знаю».

— Тогда хватит корчить такое лицо, будто я во всех грехах мира путалась!

«Я просто не понимаю! Что может быть проще, достаточно просто сесть и выучить даты. Неужели так необходимо это затягивать? Я могу отменить сегодняшнее занятие, но оно стоит денег, Ковь. А у нас их не так много, и я настоятельно советую...»

«Стоит денег» всегда было безотказным аргументом. Ковь ненавидела транжирить деньги, и ненавидела, когда деньги транжирились на нее.

Но сейчас в голове рефреном старой сказки почему-то всплыло: «Жила-была девушка, и была она содержанка», потом ехидный бабушкин голос напомнил, чем заканчиваются подобные истории. И Ковь как никогда остро почувствовала себя на положении содержанки.

И тут уж даже еще более безотказное «настоятельно советую» не помогло, что уж говорить про здравый смысл.

Ее одевали как куклу, ее учили ходить и разговаривать правильно, она совсем забыла, каково это, говорить, что хочется и как хочется. Да, она жаждала учиться, но не знала, что это окажется приманкой в мышеловке. Ей казалось, что Школа станет началом чего-то нового, прекрасного и интересного, ступенькой к новой жизни. Вместо этого она как будто провалилась в болото.

Она дернула ворот платья: жесткий, накрахмаленный, он душил ее.

Она сама надела это платье. Когда-то она думала, что никто ее не заставит, но стоило кое-кому лишь посмотреть в ее сторону, и она натянула его с улыбкой на лице. Ради собственного блага.

Дура. Сама виновата. На что она вообще рассчитывала, принимая такое заманчивое предложение?

Она больше не смотрела, что пытается сказать Ложка. Она рассматривала его спокойное, бесстрастное лицо, его безразличные глаза. Так хотелось обвинить его в том, в чем не виноват: в своей собственной слабости.

И Ковь замахнулась. Долгие, мучительные уроки этикета не прошли даром: она попыталась дать пощечину, хотя по привычке целила в глаз, а не в щеку, но Ложка перехватил ее руку... хорошо, что левой рукой.

Хорошо, что он правша.

Она попыталась ее отдернуть. Правда, попыталась. Но он держал крепко и смотрел ей в глаза, и Ковь хотела зажмуриться, чтобы не смотреть, как расширяются от боли его зрачки. Но вместо этого смотрела, как загипнотизированная.

Это подействовало, как ледяной душ.

Он отпустил ее запястье только тогда, когда она остыла. Небрежно тряхнул рукой, как будто воду стряхивал с кончиков пальцев.

«Я настоятельно советую контролировать эмоции. Мастер Цепек мне говорил, что ты витаешь в облаках на его занятиях. Но, Ковь, однажды могут пострадать люди.»

— Ты меня довел. — Заявила Ковь скорее из упрямства, стараясь не сильно коситься на обожженную руку.

К сожалению, Ложка с помощью нее говорил, и Ковь отлично видела, как потихоньку вздувается волдырь.

Большой.

Она виновата.

Ложка покачал головой.

«Твоя сила — твоя ответственность. Чтобы взять ее под контроль, тебе нужно учиться. Чтобы учиться, тебе нужно вести себя как...»

Да что он знал? «Просто выучить даты»? А она что, виновата, что в решающий момент они вылетают из головы, как будто их там никогда и не было, путаются между собой, виновата, что этих полководцев было как грязи, а воевали они все равно за какую-то ерунду, и так не довоевались? Которая сейчас война? Пятнадцатая? И все тот же Кьяксон мурыжат!

Разве она виновата в том, что чувствует? Почему она должна стыдиться собственных эмоций, почему она должна постоянно их давить? Разве нет у нее права выпустить их хоть где-то из той жесткой клетки, куда их пытается загнать уже третий ее преподаватель по самоконтролю?!

— Вали. — Тихо сказала Ковь, понимая, что сейчас окончательно загорится, и потом будет смотреть на Ложкины ожоги, которые будут уж посерьезнее, чем та мелочь на руке, и винить себя всю оставшуюся жизнь еще и за это. — Я ненавижу тебя, я ненавижу твою логику, чтоб на ней Ха сплясал, я и сама все знаю! Почему бы тебе просто мне не посочувствовать хоть раз для разнообразия? Я что, часто этого прошу?! Я устала, устала: ты отчитываешь меня, как маленькую девочку, отчитывай Кирочку!

«А что поделать, если Кира — взрослее тебя?» — Скривился Ложка, — «Она еще ничего не подожгла и никого не обожгла; она делает все, что ей скажут, и она...»

— Знает свое место?!

«Успокойся!» — Вскинул руки в примирительном жесте Ложка, — «Я этого не говорил».

— Я не знаю, чего ты хочешь добиться, позволяя мне рассмотреть дело рук моих со всех ракурсов, но Ха свидетель, это ты сейчас делаешь себе хуже. Иди, под холодную воду сунь, пусть Кира перевяжет, такая послушная. Может, подует, так пройдет! — Ковь скрестила руки на груди. — Я — устала, и я не способна учиться сегодня. И я не хочу тебя видеть. Ты этого не говорил, потому что ты никогда не скажешь мне этого в лицо, а? Это же невежливо, не по этикету. Если плюнешь, так за спиной, зато смачно. — Какая-то часть Кови с ужасом слушала ее собственные слова, не в силах остановить истерику, — Все вы такие, как в морду плюнуть, так стыд-то и просыпается...

Она даже сбилась на бабкины слова и бабкин говор. И с ужасом слушала, что именно бабка говорит ее губами.

Она впервые смогла отвести взгляд от его рук и посмотреть в его лицо. Он побледнел, губы вытянулись в тонкую ниточку...

Ложка был в ярости.

«Это — твоя благодарность?»

— Ты сам мне предложил. — Непреклонно сказала Ковь. — Думаешь, я поверю хоть на секундочку, что это ради моего блага?

Отступать было просто некуда.

«Надеялся, что из тебя хоть что-то получится», — Ложка, выпрямившись, смотрел на нее с какой-то недостижимой высоты, — «Но ты безнадежна». — Он развел руками, — «Ты и вправду так думаешь? Я, по-твоему, настолько...»

— Бездушный сухарь. — Отчеканила Ковь. — и я устала, устала, устала от этого. Кто я тебе — игрушка? Инструмент навряд ли метательного ножа? Ты вообще хоть раз разговаривал со мной не об учебе, а? Потому что я для тебя пункт в списке, крестьянка А в задаче. Когда-нибудь ты поставишь напротив «обучить крестьянку» вожденную галочку; сейчас — уходи.

«Уже».

Ложка не стал спорить, хотя Ковь искренне на это надеялась. Она наговорила столько гадкого и несправедливого, и она знала, что наговорила гадостей, но почему-то никак не могла остановиться.

Она так устала чувствовать себя виноватой.

Она так устала не справляться.

Так устала от прогулок в тишине, когда она боялась заговорить, чтобы не ляпнуть глупость, а Ложка смотрел на реку и на диковинки, иногда вежливо спрашивая про день в Школе или погоду, но совершенно не интересуясь ответами!

Ковь показала его спине неприличный жест.

Ушел?

Ну и пошел он... к Ха!

«Пришла весна: тронулись лед, Ковь и Ложка».

Васка улыбнулся. Перечитывать Кирочкино письмо было забавно. Совсем не то, что Ложкино лаконичное: «Денег нет, мельницу не строй». Ни приветов, ни прощаний, ни, хотя бы обоснования, куда вдруг делись те деньги, которые были.

Явно не были потрачены на учителей для Кирочки.

Вчера его поймала по пути из дальней деревни русалка и вручила оба письма. Васка подозревал, что у русалок какой-то свой способ обмена сообщениями... да и не только сообщениями. Не даром Кира оказалась у дома Фылека, стоило тому случайно активировать амулет.

И недаром на письме Ложки стояла вчерашняя дата, хотя обычные письма из столицы шли около двух недель.

А ехать и того дольше, хоть Васка и выехал налегке, взяв с собой только дорожную сумку, меч, немного денег и письма, а так же расчеты, которыми планировал доказать брату, что если денег на мельницу не найдется, то они очень быстро перестанут находиться вообще. Загонять Шалого, как загоняли почтовых лошадей, Васка точно не собирался.

Потеряет он не больше трех недель, которые и так были бы потеряны: в замке ждет отмашки толковый парнишка, то ли внук, то ли правнук Выхая. Он знает о русалках, и стоит Васке упротить Кирочку отправить нужное письмо — и строительство начнется, если, конечно, паводок к тому времени спадет и земля чуть подсохнет. Как и планировалось.

Васка поморщился. Не совсем как планировалось: вообще-то изначально отмашки должен был ждать племянник Выхая, Герек, староста Осокинки. Осокинка как раз стояла на хорошем месте около реки, и поставить рядом мельницу, а кого-нибудь из многочисленной Герековой родни — мельником, казалось Васке замечательной идеей... до тех пор, пока Герек не проворовался.

Нет, подворовывали-то все трое. Даже преданный Выхай. Это не было секретом для Васки, а старосты знали, что для Васки это не секрет. Нечто вроде общественного договора: работали они на совесть, за односельчанами следили, беспорядков не допускали, приказы исполняли, налоги платили в срок и за место свое насиженное тряслись, так что сильно не наглели.

Но Герек почему-то решил, что Васка совсем дурак и не в состоянии сверить цифры на двух отчетах. Ну да Васке и не пришлось: отчеты только легли ему на стол, а через час уже прибежал тот самый правнук от Выхая и ткнул в нужные места, чтобы владетель, не дай Отец-Солнце, не пропустил ненароком аль с устатку.

Казалось бы, все просто: Герека с места старосты убрать, приткого внучонка... как там его? Миткен? Поставить. Да вот не сходилось что-то, никак не сходилось... Не был Герек дураком. И не имел привычки жадничать. Видел Васка его дом: по сравнению с хорами Выхая так, халупа... Хотя, когда у тебя пятеро не самых красивых дочерей на выданье, понятно, куда утекают деньги. Но, все же...

Да и больно вовремя Выхай за Миткена словечко замолвил, как будто был уверен, что тому и мельница, и Осокинка достанутся, и со всем-то он с женкой справится.

Пахло подставой. Раньше Васка бы и не задумался о том, что крестьяне на такое

способны, и уж точно не подумал бы, кому по справедливости мельница должна достаться, назначил бы Миткена, раз уж Выхай за него просит. Но побродив по дорогам, вдоволь наспавшись в самых разных избах и наслушавшийся разных историй про самых разных старост, не почуять знакомого тошнотворного душка не смог.

Кто сказал, что терки за владение мельницей в огромной крестьянской семье должны быть проще, чем интриги аристократов, желающих заполучить какой-нибудь серебряный рудник? Тут могли и отчет подделать, и подменить, и чего только не могли провернуть вдали от хозяйских глаз в расчете на то, что хозяину будет недосуг разбираться!

Поэтому Герека Васка пока отстранять не стал, хоть и имел с ним долгий, тяжелый разговор. Герек, конечно, все отрицал, на цифры в отчетах смотрел со священным ужасом, позвал жену, что бумаги для него переписывала, спрашивал, не она ли напутала. Женщина отнекивалась, но по ее испуганным глазам, по сжатым кулакам Герека Васка понял: быть ей битой. И стало на душе так гадостно... а что поделать? Ну, натравил он Герека на Миткена, может, это его от жениного проступка отвлечет, а Миткена оставил ответственным за дела с мельницей. Пусть следят друг за другом, авось и наследят чего путного.

Долгое было дело, выматывающее. Даже Фалка, ласковая вдовушка из Осокинки на прелести которой Васка возлагал определенные надежды, не сильно-то скрасила разбирательство, слишком уж оказалась навязчива. Так Васка дальше чая да блинов и не решился зайти, понял: такая скорее залетит, чем отпустит.

Фалка была не одна такая, целеустремленная. Стоило уехать Кови с мужем, окрестные бабы объявили охоту на молодого владельца. Ладно бы старались только служанки и местные деревенские дурочки (глядя на них Васка почему-то вспоминал едкое выказывание Кови: «В каждой деревне есть девушка, влюбленная во владельца. Иногда — заочно.»), так и родовитые девчонки старше тринадцати из соседних и не очень-то соседних замков подозрительно часто (все чаще и чаще!) попадали в грозу, теряли колеса и бесили лошадей около его замка. Даже обшарпанность Васкиных развалин их не отпугивала: соседи, к великому его сожалению, жили еще беднее.

А уж когда пришла весна... воистину «тронулись льды».

Васка уже боялся, что однажды ему просто не хватит служанок, чтобы сидели всю ночь с молодыми господами в комнатах, оберегая их честь. Как-то раз у него в замке встретилось целых три девушки: у одной понесла лошадь, другую на полпути настигла мигрень, а третья на вопрос, как же ее так угораздило, ответить не удосужилась, так, мило похлопала ресничками, покраснела щеками и томно вздохнула. Как хочешь, так и понимай.

Васка мягко посочувствовал ее внезапной лихорадке и не без злорадства предложил провести досуг с двумя другими гостями.

Кирочка иногда была поразительно метка в суждениях.

Но кое-что Васка не отказался бы выяснить лично. Ну, вот, например, что она подразумевала под фразой «Фыля не бери он созреет и сбежит не лишей приключений, вдруг он с них разнеемет?» было, примерно, понятно (если он, конечно, правильно расшифровал ее каракули). Но с чего она это взяла...

Когда Васка навещал Фыля в его кавалерийском училище (очень даже недурном, имени самого Фехелеша Второго!) жалоб не было. Впрочем, если Кира права, то Васка узнает причины через каких-то три недели.

Интересно, как там Ковь? Наверное, очень занята учебой, потому и не пишет.

Васка прищипорил Шалого.

Он уже три месяца не был в столице и соскучился зверски: все-таки одиночество в замке действует одуряюще. Иногда Васка даже понимал Ложку, который закуклился в этом одиночестве, ничего не желая делать.

Это был такой уютный и простой выход.

Все лучше, чем разбирать, чем там Герек Выхаю насолил и как именно старый лис провернул подставу...

Лучше бы он остался в замке. Раздумывал бы, чем там Герек перед Выхаем провинился, от девок отмахивался и горя не знал.

А в столичном доме творилось что-то крайне непонятное.

Взять хотя бы удивительный, потрясающий факт: в доме двое взрослых людей и одна адекватная русалка, они давно друг с другом знакомы, взрослые люди даже состоят в браке... и никто ни с кем не разговаривает! Кроме, конечно, Эхи, которая выучила слово «паня» и в младенческом восторге делится ими со всеми подряд.

Три недели.

С тех пор, как лед тронулся, видимо.

А узнал об этом потрясающем факте Васка из первых рук.

Пришел он в дом, снял сапоги — а его никто не встречает. Он, недолго думая:

— Кит, встречай, брат приехал! — Пытаясь перекрычать радостные визги Эхи, доносившиеся со второго этажа.

В глубине дома что-то громко грохнулось и разбилось. А потом воцарилась тишина, даже Эха замолчала.

Васка уже слышал подобную тишину. На кладбище. Когда отца Выхая хоронили, Выхай из вежливости владетеля позвал, а тот взял и пришел.

Потом-то привыкли, но тогда застыли с открытыми ртами, никто не ожидал, что сэр Васкилерох посетит деревенское кладбище. Что хоть один Диерлих вообще на кладбищенскую землю ступит: у владетелей был собственный склеп, который возвышался криво прилепленным к заднему крылу замка черным горбом.

И вот минуты две стояла эта огромная, онемевшая от изумления толпа. И только вороны каркали себе насмешливо, взрезая тишину хлопаньем крыльев: им что владетель, что отец старосты — и тех, и тех однажды клевать будут.

Вот и тут тишина — и звуки города на грани слышимости: где-то стучит колесами по мостовой повозка, ржет лошадь, ругается с кем-то извозчик...

Не ждали.

Васка даже ощутил укол совести. Стоило отправить вперед себя письмо, наверное. Ну да что поделаешь, задним умом все крепки.

Ложка вышел минуты через две, когда Васка уже третий раз перевесил куртку с крючка на крючок. Почему-то страшно было войти вглубь дома, куда его не звали, где, возможно, давно уже не ждут...

И тут вынырнул Ложка. Отобрал у брата куртку, набросил на первый попавшийся крючок небрежно, бросил испепеляющий взгляд на припозднившуюся служанку. Та побледнела и задрожала, как лист на ветру.

Ложка поднял было руки, чтобы что-то сказать, но Васка перебил, увлекая брата за плечо вглубь дома:

— Что это с твоей рукой? Порезался, когда с ножичком игрался? — А сам обернулся и

служанке подмигнул.

В этом доме он будет добрым братом.

«Ковь отличилась».

— Ожог? Это ж как тебя угораздило?

«Не знаю. Она со мной не разговаривает, а с первого раза я не понял», — поморщился Ложка, — «Наверное, проблема в том, что я бездушный сухарь».

— Не совсем! — Вклинилась в беседу Кирочка.

— Паня! — Сообщила Эха с ее рук и потянулась к Ложке. — Паня-ня, Паня-а-а!

Тот шарахнулся к стене. Потом нервно одернул рукава.

— Привет-привет-привет! — Разулыбалась Кирочка и ткнула Эхой в живот спешащей за ними служанке, — Забери! Паню мы напугали, теперь ей и спатеньки пора, — и, наблюдая как та поспешно поднимается по лестнице, удерживая брыкающуюся недовольную Эху, добавила, как будто бы в воздух, — и не вздумай ее увольнять! Это последняя, между прочим: где мы еще такое дешевое чудо найдем, а?

«Я несколько сократил штат...» — начал было объяснять Ложка.

— Да вы всех поувольняли к Ха! — Перебила Кирочка. — Сколько можно?! А знаешь, почему, а, паня?

«А тебя я не слушаю». — Раздраженно всплеснул руками Ложка, — «Ты натравила на меня чужого ребенка, тебе не кажется, что это... слишком даже для обделенной благословением Солнца бездушной речной твари?»

— Спокойно. — Вмешался Васка. — Кит, я бы хотел обсудить ситуацию с мельницей...

«Нет денег на мельницу», — тут же откликнулся Ложка, — «Денег вообще нет».

— Панюу-у-у-у-у! — Раскатисто заревели сверху.

У Ложки дернулся глаз. Он буквально втолкнул Васку в кабинет, захлопнув дверь у Кирочки перед носом. Та с досады пнула ее... наверное, ногой, но рваться внутрь не стала.

Ложка тяжело рухнул на стул, оперся на стол локтями, уронил голову на руки, занавесив лицо неровными прядями, выбившимися из когда-то аккуратной косы. Потом, будто что-то вспомнил, вяло открыл ящик стола и пихнул в Васкину сторону письмо: то лихо проскользнуло по лакированной столешнице, и Васка едва успел подхватить его у края.

«Сим уведомляем вас, что Фылек, воспитанник рода Диерлих...»

— Все-таки она оказалась права... — Протянул Васка. — и давно?

«Кто? Эта речная тварь? Ей не иначе как Ха на ухо шепчет, Солнце-свидетель, она и меня предупреждала недавно, что придет», — Ложка скривился, — «и ведь все, как сказала, письмо пришло ко мне три дня назад, но мальчишку я пока не видел. Думаю, он прибудет позже письма», — он грустно усмехнулся, — «он же не почтовая лошадь».

— Он мог ее одолжить, — пожал плечами Васка. — Лошадь, я имею в виду. К тому же письмо Киры с подобным предупреждением ко мне пришло три недели назад, как и твое. Тогда же я и выехал. Это немалое время, а до Столицы им ближе. Они могли сначала написать мне, ведь именно я опекун, не получить ответа и продублировать тебе.

Васка подвинул стул и себе, устроился поудобнее, откинувшись на спинку.

— Мальчишки иногда сбегают, это нормально. Возможно, была драка. Или его травят из-за внешности. Когда я его навещал, он ничего...

«Давай хотя бы это останется твоей проблемой», — перебил Ложка.

— Если мы о проблемах, то я больше беспокоюсь о мельнице. Она нам необходима, Кит. Сейчас наши крестьяне перемалывают зерно в Речном, а оно принадлежит

Дишенлихам, и...

«У нас нет денег на строительство!»

— Если у нас нет денег на строительство, то скоро не найдется и денег на жизнь. Я посчитал: у нас остаются деньги от аренды этого дома...

«Пришлось платить солидную неустойку, мы слишком торопились с въездом...»

— Это я тоже учел. Плюс доход с владений. Если мы не увеличиваем доход с владений, а для этого, подчеркиваю, необходима мельница, то деньги кончатся через два года, к тому же не стоит забывать, скоро нам снова придется выплачивать повышенный налог, и...

Ложка сверкнул глазами из-под челки. Откуда у него челка? Никогда же не было... а тут будто ножом кромсали, лишь бы откромсать. Ковь удачно опалила?

«У нас едва хватит денег оплатить Кови следующий семестр в Школе. Когда мы составляли смету, мы не учли то, что Ковь горит и все вокруг нее — тоже. Показать, сколько ушло денег на возмещение ущерба?»

Васка пожал плечами.

— Все не может быть настолько плохо. Уверен, она старалась себя сдерживать...

«Факт остается фактом. Несмотря на то, что она учится второй год, самоконтроль ей не дается. Я не понимаю, вроде бы взрослая женщина, не девочка; другие уже давно справились; как будто она просто назло не хочет его изучать.»

— О. — Сказал Васка, поняв, наконец, как Ложка ухитрился схлопотать повязку на ладонь и челку, — Надеюсь, ты ей этого вслух не говорил?

«Почему я не должен был?»

— Потому что, я уверен, она старается изо всех сил? — Предположил Васка. — Потому что я бы тоже не сумел освоить самоконтроль, регулярно выслушивая такое от любимого человека. Насколько я понимаю, она именно горит? Ты не думал, что в этом может быть отличие наследственной силы от приобретенной, например?

«Ты вечно ее выгораживаешь, ты носишься с ней, как с хрустальной рюмкой, находишь хрупкость души там, где ее нет и никогда не было», — Ложка выпрямился, — «и мальчишку своего тоже, думаешь, я не знаю, как все будет? Не нужно шепота Ха, чтобы знать. Он приедет на чужой лошади, за которую нам еще придется платить штраф. Ты его мягко пожуришь, а потом накормишь, отмоешь и на следующий же день сделаешь вид, что все забыл. Потом, когда окажется, что он не хочет возвращаться, потому как слишком слаб и не может вытерпеть элементарной дисциплины, ты вновь выкинешь деньги, которых у нас нет, на ветер и пристроишь его в какое-нибудь другое место, в котором с нас требуют втрое больше, опасаясь, что он повторит свой побег, а он повторит, потому что ничего от перемены места не изменится. Нового глаза не отрастет, и никакой цыган не перекрасит его под породистого Диерлиха. И в следующем заведении придется платить вдвое больше», — Ложка покачал головой, — «Мальчишек нужно воспитывать, а не потакать их минутным слабостям, Ковь... тоже. Ты слишком мягок с ними, брат».

— Зато ты справляешься просто замечательно. — Хмыкнул Васка. — Оно и видно. Как, Ковь уже воспиталась или еще не до конца?

«Это... временные трудности».

— и как много времени тебе нужно, чтобы их преодолеть? Что ты уже сделал, а? Нельзя сломать человека об колено и назвать это воспитанием. Неудивительно, что она сопротивляется. — Васка встал. — Ладно, хватит. Я очень устал с дороги, и... не такого приема ожидал, уж прости. Обсудим позже.

«В чем виноват я?»

— Что?

«Ты мягок с ними, но ты никак не простишь меня». — Ложка пожал плечами. — «Хотя у меня тоже тьма смягчающих обстоятельств. На похоронах отца меня не было, потому что я был очень занят: брал королевский банк. Это достаточно уважительная причина?»

— А ты не мог отложить это дело? — Скривился Васка.

Он даже знал, почему Ложка об этом заговорил. Наверняка Кира подсказала. Иногда ее советы были некстати, особенно когда их получал кто-то другой. Это было как будто... как будто он брал замок, а какой-то гад с его стороны переправлял осажденным прорву, просто прорву еды. По реке.

Так, что? Королевский банк? То есть тот, что в Аллаксе? То самое ограбление? Да того парня, которого только заподозрили в пособничестве, вздернули без суда и следствия и трубили об этом на всех углах!

«Я же не один его брал», — хищно ухмыльнулся Ложка, — «В другие дни парням было неудобно, пришлось бы возиться гораздо дольше, а у них дома жены со скалками, дети голодные: разве можно было их задерживать?»

— А меня, значит, можно кидать. — Голос предательски дрожал.

Васка никак не мог до конца поверить.

«Ты — не жена и не ребенок».

Этого просто не может быть. Ложка не мог участвовать... но ответственность за ограбление действительно взяла какая-то кукская банда! И теперь-то он понимает, какое счастье, что их безумному главарю просто никто не поверил. Неужели Шектах и был его главарем? А Ложка был другом главаря банды, обнесшей королевский банк в Аллаксе?

Невозможно, невозможно!

— Что-то я не вижу у тебя на шее ничего, кроме ожогов. Что, часто получаешь благодарности от жены? От детей я уже видел, шарахаешься. — Теперь пришел черед Васки с деланым безразличием пожимать плечами. — Если ты пытался что-то сделать ради того, чтобы загладить вину — у тебя не получилось. С банками лучше выходит, чем с людьми, да? Им плевать, как именно их вскрывают?

«Я банкрот, брат. К сожалению — я полнейший банкрот. Я ничего... Я не знаю, как из этого выпутаться. Я близок к тому, чтобы собрать шайку и вскрыть какой-нибудь банк. Снова».

Он помассировал виски.

«Понимаешь, у меня есть такая возможность и нет других. Я... привык так решать проблемы и совершенно разучился решать их иначе. За мной пойдут».

— Почему ты так уверен? — Недоверчиво спросил Васка, внезапно осознав: брат совершенно серьезен.

То есть, он не просто рассматривал этот вариант.

Он уже его спланировал.

И нет смысла закрывать глаза на очевидное. Перед ним сидит самое лучшее на свете доказательство и старательно выплетает криво сросшимися пальцами:

«Был человек, который был во мне уверен, и иногда мне кажется, что он был прав».

— Как вовремя я приехал. — Протянул Васка. — Нет, он был не прав. Ты так семью не подставишь, понял? Тебе есть, кого подставлять. Только попробуй, и я вытрясу из тебя душу. Ты-то, может, и возьмешь — но и тебя возьмут!

«Они возьмут Шелли, а не...»

— А да, а то что твоими особыми приметами можно исписать амбарную книгу — этого ты не учел! То, что ты уже вернулся, как Диерлих, и тебя уже знают, как немого Диерлиха с искалеченной рукой! Ты — Диерлих и никуда ты от этого не денешься! — Рывкнул Васка, — Я не понимаю, ты что, уже года три как пытаешься совершить какое-то ритуальное самоубийство? Вот почему ты на Кови женился: подумашь, на ком, если труп, труп вообще можно в расчет не брать? Ты жить-то начинать как, планируешь, или все кладбище поприятнее выбираешь? Мне не нужна жертва, да никому здесь не нужны твои жертвы, Ха тебя раздери, хватит играть в тупую дохлую овцу! Я приехал советоваться с живым, что б тебя, здоровым на голову братом, что делать с Ха-мельницей! Я думал, я, Ха-свидетель, я надеялся, у меня тут уже племяш появится наконец, а ты ведешь себя как жертвенная девственница и еще недоумеваешь, как же это так, Ковь почему-то жжет и горит, на тебя, бедного, наверное, срывается, как будто ты обычный человек, у которого есть жена, приемная дочь и брат! Да пойми ты, они-то у тебя есть, а вот того обгорелого парня ты убил, все, он труп, ты нет! На тебе ответственность, чтоб тебя Ха побрал, ты — старший Диерлих и никуда от этого не денешься и в склеп не спрячешься!

Он уперся ладонями в стол.

— Да если б у меня тут была хоть капля магических способностей, Кит, тут бы все не просто горело, тут бы полыхало все синим пламенем, я не понимаю, как Ковь сдерживается. Твои одолжения такие... такие... Да пойми ты наконец, что ты паня не потому, что наделал кучу одолжений, а потому, что Эха к тебе тянется! Ковь мне отказала не потому, что я младший сын и не получаю наследства, а потому что зачем ей сдался фиктивный брак?

Васка глядел в непонимающие глаза Ложки и понимал: бесполезно. Он не угадал, или угадал не до конца, или высказал угаданное не теми словами, и оно никак не дойдет до брата.

И тогда он вытащил последний козырь.

— Ха-свидетель, ты же всегда был умнее меня, ты же знал, что будешь законником еще до того, как я родился. Почему бы тебе не продолжить быть законником?

«Без языка?» — Вскинул брови Ложка.

Наконец-то хоть какая-то реакция. И Васка продолжил, стараясь не глотать слова в спешке.

— Кого волнует язык? Разве нет такой разновидности вашей братии, которая работала бы с документами? Разве, — Васка понизил голос, — Ты не можешь помогать местным парням с чем-нибудь... бумажным?

«Фальшивые деньги? Документы?» — Ложка рассмеялся, — «Ты желаешь мне не просто смерти, но мучительной смерти?»

— Разве у вас... нет... э-э-э... документации внутреннего пользования? — Удивился Васка.

Ложка замер.

«Я помогал с составлением одного крайне интересного договора... Земельное право, ха! Когда-то я хотел на нем специализироваться... пока меня не потянуло в уголовщину», — Начал было он, — «Но не думаю...»

— Ну так и не думай. — Васка пожал плечами. — Пусть поиск работы будет твоей проблемой, а этого разговора не было. Надеюсь, я сейчас ударюсь случайно виском о какой-нибудь камень и все забуду, потому что это не то, что нужно помнить двоим. Ковь дома?

Васка решил не думать о том, насколько его мало беспокоит мысль, что именно делал брат, когда его потянуло в уголовщину. В конце концов, это уже кончилось? И вряд ли Ложка делал это сам и по своей воле. Даже если и были трупы кроме того упыря — ну так и Васка из Кьяксона далеко не чистеньким вернулся. Если бы Ложкин дружок был жив, у него были бы все причины Васку ненавидеть.

Наверное, это трусость: не думать, не придавать значения грехам близких. Но если не простит он, то кто? Уж явно не сам Ложка. Наверное, это одна из тех вещей, о которых стоило бы спросить бога. Ну что же, когда Ха встретится на Васкином пути, он обязательно спросит. Может быть, после смерти и посчастливится узнать, все ли правильно он сделал. А пока он не будет об этом думать.

«Должна уже возвращаться из Школы», — задумался Ложка. — «Когда она одна, она не ходит через рынок, она ходит по Синей улице. Пойдешь по ней — ее встретишь».

Хорошо, что он сказал улицу. Читать посреди Столицы поисковую молитву совсем не то, что читать ее в маленьком провинциальном городишке, где на всех Богов один прогнивший Храм стоит.

— Ты..?

«До речной твари тебе еще далеко. Ты не настолько убедителен и не так точен. Все не решается так просто», — покачал головой Ложка. — «Но я обещаю подумать о том, что ты сказал».

Васка пожал плечами.

— Дело твоё.

«Действительно мое», — улыбнулся Ложка уголком рта. — «Не лезь в него больше, пока не потонул с головой».

Васка презрительно хмыкнул, осторожно открыл дверь, чтобы не ушибить случайно Кирочку (и угадал — конечно она подслушивала сама, хотя она бы назвала это скорее наилучшей в мире защитой от чужого подслушивания), а потом аккуратно ее закрыл. Постоял немного, опершись на дверь спиной, подмигнул русалочке — та мученически скривилась, как будто у нее уже недели три болел зуб.

Ну что же, надо идти, а то он не успеет встретить Ковь на улице.

А дома она ему задаст жару. Васка машинально провел рукой по жесткому ежику остриженных черных волос, и Кирочка хихикнула, будто догадавшись, о чем он думает.

Да уж, свидетели ему не помешают. И побольше...

— Ушел. — Сказала Кирочка, как будто Ложка был глух, а не нем, и не расслышал прекрасно звука хлопнувшей двери, — Хочешь, расскажу, что будет дальше?

«Я не хочу тебя слушать. Оставь меня в покое, речная тварь», — почти с ненавистью сказал Ложка, резко поднимаясь из-за стола.

— Как будто Васка сказал тебе что-то другое. — Пропела русалочка. — Все то же самое и все правильное! Я же хочу тебе добра, и всем добра, и вот! Вроде большой дядька — а уши затыкает: разве это правильно? Ой, хотя нет! — Кирочка вдруг нахмурилась, будто ее осенила неожиданная догадка, — Он сказал то, что ты от него хотел услышать, а? Уговорил бедного, раскаявшегося братика воспользоваться старыми связями. Сам. Долго уговаривал?

«Оставь меня в покое», — отмахнулся Ложка, — «Ты такая себе замена совести: подслушала половину разговора».

— А в прошлый раз было, кажется, — Кирочка передразнила его жесты, — «Научи меня

общаться с нормальными людьми». Тогда я еще не была речной тварью!

«Я не просил такого количества уроков», — Фыркнул Ложка.

— А я не думала, что ты необучаемый. Скажешь тебе: не бери на вину! Никто не любит, когда их заставляют кого-то жалеть! И что? Ты устраиваешь очередное маленькое предательство во благо. А я что? Я молчу. — Кирочка склонила голову на бок. — Если уж тебя прошлый раз ничему не научил, то чему научит бездушная речная тварь? — Она развела руками. — Я умываю руки и закрываю глаза. Это все твоя вина, это ты научил учителя, так и знай.

«Я ничему тебя не учил», — покачал головой Ложка, — «О чем ты вообще?»

— Не хотела я тебе давать подсказку, — Кира прищурила глаза и теперь смотрела недобро, — Но ты ж в жизни никогда не догадаешься! А все почему? Потому что ты как бесплотный дух. На людей не смотришь. Так вот, служанка думала подслушать, но я ее отослала. Ну так она свои вещи в сумку покидала — и через черный ход шмыг! Отработала скидочку.

«Скидочку?»

— Думаешь, она просто так дешево брала? — Хихикнула русалочка, — Теряешь хватку, дядя Уж. С Эхой я посижу, не волнуйся. — Улыбнулась во все клыки, лихо запрыгивая на стол, — Эху у меня никакая чувyla не заберет, пусть хоть трижды магичка.

«Что ты несешь, Кира?» — Ложка побледнел еще сильнее, смотрел на русалочку испытующе. Рука так и тянулась к рукаву.

Кира молчала, с расстроенным лицом рассматривая сломанный коготь на левой ручке. Как будто потеряла всякий интерес к разговору. Болтала тонкими ножками, мурлыкала что-то нечленораздельное. Долго. Наконец подняла наивные глаза на замершего рядом Ложку и спросила тихо, насмешливо:

— Ты не можешь одновременно делать и говорить, да? Для этого и нужен язык? Хочется взять меня за горло и припереть к стенке, а нельзя? Ах, как же я тебе завидую, завидую, завидую! — Она соскочила со стола и топнула по полу обеими ногами сразу, а потом запрыгала, тяжело опускаясь на пятки, — Ты можешь меня ненавидеть не потому, что я говорю всякое неудобное! В тебе течет кровь, в тебе бьется сердце — ты живой! А ты этим совсем-совсем не пользуешься, тфу!

«Что происходит? Ты мне ответишь, что происходит — или нет?»

— Я? Я отвечу? — Кира захихикала. — Я отвечу: когда страшно, бьется мое сердце. Это ты это начал, это ты меня этому научил... Но зачем ответ, если ты меня не слушаешь? Не хочешь слушать меня — слушай Фыля! — Она раскинула в стороны тонкие белые руки и закружилась на месте, — Слушай Фыля, слушай Фыля, слушай-слушай, вдруг — услышишь?

Растрепалась, зазеленела русая коса, расплескался по кабинету душный, тяжелый запах гнили. Показалось, тени выползли из углов, окружили русалочку, что белела среди них болотным огоньком, не разгоняя, но делая окружающую тьму лишь гуще.

И как будто она призвала его своим бессмысленным танцем, на пороге кабинета и впрямь появился встрепанный Фылек. Стекланный глаз смотрел куда-то вбок, отчего лицо его приобрело придурковатое выражение. Он открыл рот и выпалил:

— Там! — и, чуть отдышавшись, — Васку того! Убили...

Васке очень повезло.

Когда он увидел оседающую на руки похитителей Ковь — он не дернулся спасти ее. Он

замер на мгновение, в какой-то совершенно дурацкой надежде, что он все неправильно понял, плохо разглядел в сгущающихся весенних сумерках.

Замер... а потом продолжил свой путь, как ни в чем не бывало под тяжелыми взглядами пяти пар глаз. Нет, его не отпустят из этого замечательного темного переулка; но ему этого и не нужно. Если он все сделает правильно...

— Эй, ты! Мужик!

...то он навяжется похитителям и тем придется везти его со всем возможным почтением. Даже если это все-таки не Ковь, не потворствовать же похищению!

Иногда знаки Ха на ворота могут сослужить неплохую службу, особенно если к знакам прилагается подходящая голова. Рубаху в дорогу Васка надел старую, счастливую, обтрепанную за время долгих блужданий с Ковью, куртку же накинуть просто забыл, и теперь порядком мерз и готов был побиться об заклад, что синюшностью и небритостью лица весьма смахивал на пропойцу из тех, кому давно нипочем и холод, и жара. Заподозрить в нем аристократа мог бы лишь полумифический верный дворецкий, у которых, говорят, на такое особое чутье. Если, конечно, стойкий запах лошадиного пота это чутье бы не отшиб: Васка почти сутки провел в седле.

Верность же богу хаоса вполне оправдывает эксцентричность поступков. Служение богу удачи гарантирует бережное отношение тех, кто всю свою жизнь ходит по острию ножа. К счастью, они недостаточно грамотны, чтобы знать о будущем сыне Ха, что вот-вот заберет у отца эту силу... или, так же как и Кови, им плевать.

Васка широко развел руки, показывая, что не собирается браться за меч. Пошатнулся, будто не в силах удержать равновесие.

— Я просто иду мимо. Мир вам, сыне. — Сказал он неожиданно охрипшим голосом. — Кого берем?

У того, у стены — не арбалет ли? Ошибется, дрогнет — и уже не сможет играть в верного рыцаря и спасителя — с болтом-то в голове и ножом в пузе. Кисловатым привкусом во рту накатила запоздалый страх.

— Ох, сунул ты нос не в свое дело брат, да не вовремя. — Угрюмо отозвался один из громил, тот, у кого на куртке была здоровенная обгорелая прореха, — Как только мимо шугая прошел?

Дураком надо быть, чтобы не понять: они подготовились достаточно хорошо, чтобы не ожидать постороннего мужика в переулке.

Васка подавил трусливое желание повести себя таким аристократом, которым нет дела до разборок черни: это был выход, не будут они связываться... Вот, достаточно сейчас плечи расправить и зареветь оскорбленно: «какой я тебе брат, смерд вонючий?!»

В горле пересохло. Нет, не получится рева. Да и ребятки-то серьезные, могут и не испугаться: мало ли их таких, аристократишек безземельных, сбежавших со службы — да в увольнительную? Васка машинально провел ладонью по коротко стриженному затылку.

Нет, сейчас он смахивает максимум на дезертира.

Да и что потом? Если не успеет он позвать стражу, если не сможет вытащить Ковь — он же и станет тем самым дезертиром. Окончательно и бесповоротно.

Назвался рыцарем?

Спасай прекрасную даму. Некогда рассуждать.

Раз уж решил играть блаженного — на полпути останавливаться не стоит.

— Был шугай? Видать, не судьба мне была его заметить. Не иначе как Ха, — Васка

рассеянно провел пальцами по вороту, — меня направил.

Хотелось взять себя за ворот и хорошенько встряхнуть за промелькнувшие было трусливые мысли. Размяк, завладелся, чуть не забыл, кто он Кови и кто Ковь ему. Столько времени за ее огнем прятался; пришла пора самому силу показать.

Или хитрость. В отличие от силы, Васкиной хитрости могло и хватить на пятерых... если их тут не больше. Они брали магичку... магессу. Их должно быть больше.

Вот почему бы брату вместо откровений про банки не объяснить бы брату пары-тройки интересных слов? Расширить словарный запас. Раз уж он так ратовал за всеобщее образование, то мог бы и сам что-нибудь ради него сделать.

Шугай, наверное, кто-то, кто стоит на стреме. Но на стреме может оказаться и мелкий вертлявый паренек, и вышибала. А драка с шестерыми не входила в его планы. Вообще никакая драка не входила: он понимал, что в темном узком переулке у него крайне мало шансов выстоять против хоть сколько-нибудь умелого бойца с заложницей. Стоит им приставить к горлу Кови нож — и все, никакой меч не поможет.

— Да, где он, чет я его не вижу? — Спросил тот, что держал Ковь, густым басом.

— Да Ха его разберет, без обид уж, брат. — Сплюнул обгорелый. — Сестрица настояла — мы его взяли. Я сразу говорил: свистнет, как не видели, стоит отвернуться. Что есть, что нет. Но ты проверь: может, отошел куда? — Кивнул другому, тот вышел из переулка, — А ты, брат, иди своей дорогой. Мы тех, что под дланью Ха, не трогаем. — Снисходительно сказал он Васке.

Тот подавил навязчивое желание положить руку на меч.

Все хорошо, поверили.

Улыбнулся беззаботно.

— С вами хочу.

— Чейта?

— Девка понравилась, — бесхитростно ответил Васка, продолжая улыбаться.

Ныли уголки губ, хотелось напрячь плечи и хотя бы встать в стойку, но он не позволял рефлексам взять верх: как только они увидят в нем не мирного блаженного из-под левой длани Ха, так сразу можно и с жизнью попрощаться.

— Не про твою честь девка-та! — Гоготнул Горелый, — Рыцарская женка!

Болтливый, однако. Как такого вообще на дело выпустили? Да еще во главе поставили, вон, другие молчат, как немые. Кем бы не была упомянутая сестрица, она либо глупа, либо совершенно не умеет подбирать людей, либо и мысли о провале не допускает.

Что же, ему это только на руку. Для милого друга, раз уж тот на слова не скупится, и представления не жалко. И пусть простит славный меч те минуты, на которые он станет шутовской погремушкой.

— А я вот, — Васка нашарил меч и вытащил его с громким скрежетом, стараясь копировать Ложкины жесты, — Меч нашел, тоже рыцарский. Так может, и рыцарская женка — мне от Ха подарочек?

Главное, держать меч в кулаке, как дохлую крысу за хвост. Васка даже скосил глаза на меч, как будто боялся, что он сейчас вырвется и убежит.

— Сунь обратно, — рассмеялся Горелый, — пока всех тут не порубал. Откуда ж у тебя такая солидная железяка, брат?

— Да вот шел я мимо трактира, и Ха мне и говорит: зайди мол, возьми, хозяину не нужно. — Васка развел руками, заставив одного из похитителей попятиться, и со второго

раза вогнал меч в ножны. — Я-то парень простой, Ха шепнул — я сделал.

— А ну как не сделаешь?

— Ну так накажет. Меня... и всех, кто под руку попадет. Он, — Васка снизил голос до полупшепота, боязливо оглянувшись на небо, — серди-и-итый... Слушай, пди сюда, какой секрет скажу!

Горелый, посмеиваясь, подошел.

— Ну, давай свой секрет, братец.

Какой же заманчивой казалось идея дать ему под дых, скрутить и взять в заложники!

— Не хочу я с вами идти... — Горячечным шепотом выдохнул Васка в доверчиво подставленное ухо, — Ой, не хочу! И баба мне эта даром не сдалась. Но Ха сказал — я сделал. Я ж человек подневольный — все под его дланью ходим, да к моей холке длань поближе. А от твоей, сталбыть, подальше. Счастливчик ты... пока твою холку не намылили.

Вот здесь он позволил себе нотку угрозы.

Горелый понятиливо кивнул.

— Ребя, возьмем с собой братца?

Спиной к нему встал.

Эх, пропал, пропал в Васке бродячий комедиант... А в Кови — пороховая бочка. Если б она была в сознании, не пришлось тут со всяким отребьем раскланиваться, блаженненького играть. Она и магичкой сильна была, а недоученной магессой еще сильнее стала.

Да вот только парней кто-то явно об этом предупредил.

Кто?

Из своих же кто-то... Служанка?

Васка не мог вспомнить, как именно выглядела эта серая мышь: волосы, вроде, коричневые, их еще из вежливости зовут каштановыми, стянуты в узел; лица он и не видел, голоса не слышал; платье аккуратное; идеальная служанка.

Идеальная крыса?

Решено. Отныне будет брать в дом лишь дам эпатажных, из тех, за которыми за три улицы молва тянется. Тех, кого каждый день обиженные жены поносят и в Храмах не любят. Потому что такую узнают и в серой робе, и под маской; такая не скроется из дома легко и незаметно, как это наверняка уже сделала последняя Ложкина служанка.

— Да возьмем. — Басом ответили горелому как-то слишком близко, за спиной.

И Васка получил сокрушительный удар в висок. Последнее, что он услышал, перед тем как упасть в дорожную грязь, было:

— Шугай сказал — дружок это ее, хозяину брательник. Так что возьмем, как не взять? Только шепот приглушим.

Фылек боялся Шеложкитероха.

Потому что Шеложкитерох был страшный человек.

Никто, кроме Фыля, не замечал этого. Не замечал, как точны его движения. Не замечал, как любовно он поглаживает свои метательные ножи, прежде чем сунуть их в рукав. А вот Фыль замечал. И знал, что он не промахивается.

Никто не замечал, как страшно темнеют его глаза в минуты гнева. Как едва заметно дергается уголок рта на неподвижном, бесстрастном лице, когда нож с глухим звуком попадает в цель.

Фылек видел обгорелый труп и нож, вошедший под лопатку — в сердце. Второй раз. Но

он понял, что именно увидел, лишь когда другой нож в другой день вонзился даже не рядом — в мишень, нарисованную на двери кабинета.

«Поддай нож», — лениво сказал тогда Шеложкитерох.

И Фылек вытащил тот из глубокой узкой щели в дереве. Как из ножен.

Но он никому не говорил об этом страхе. Из взрослых. От Киры ничего невозможно было утаить. А вот все остальные были слепы.

Ковь ничего не замечала, потому что была влюблена в него. Она называла его Ложкой, желая дотянуться, и она придумала себе того странноватого, замкнутого Ложку, до которого обязательно дотянется.

И Шеложкитерох играл для нее Ложку. Это было даже страшнее, чем ножи.

Потому что рядом с ней он преображался почти полностью. Он больше улыбался. Он переставал экономить силы, его движения теряли четкость, он казался мягче...

Но нет-нет, да проглядывало то самое «почти» — резкий жест, жесткий взгляд, и Фылек вздрагивал, понимая: его снова чуть не провели. А Ковь ничего и не заметила.

И однажды она повернется спиной.

Как тот... мертвый. Закутанный в старую простыню, как в кокон. На его лице не осталось эмоций, все стер огонь, но Фылек почему-то был уверен, что там раньше было удивление. Непонимание — как?

А если повернется спиной Ковь, то и Васка потеряет последние крохи осторожности.

Васка называл старшего брата Китом, и Шеложкитерох играл для него Кита. Уставшего, растерянного, запутавшегося человека. И такой Кит вил из брата веревки, а тот не замечал. А если и замечал что-то не то, то не обращал внимания. Потому что Ковь была с Ложкой счастлива, а счастливая Ковь развеивала и Васкины страхи.

Кира легко почувяла страх Фыля, но сама она совсем не боялась Шеложкитероха. Когда Фыль поделился с ней причинами страхов, она лишь рассмеялась. Пожала плечами. Сказала, что видела маски и похуже. Что на месте Фылека она больше боялась бы русалку, которая однажды съела его глаз. Она считала себя чудовищем и других чудовищ не страшилась. Она говорила: «Зачем мертвой бояться за жизнь?»

И учила Фыля смотреть и видеть, и слушать и слышать. Даже мертвой старалась быть полезной. Бесконечно извинялась за его спасение. Но, как бы Кира не была внимательна, она не видела для себя причин, по которым ей стоило бы бояться.

И не боялась ничего.

Зато Шеложкитероха боялась Сестренка. Она называла его Шелли, не желая признавать, что он давно вырос из своего имени. И это нежелание выдавало ее с головой.

Сестренка говорила много красивых слов, но Фылек видел за ними совсем другое. Не желание помочь, которое она так тщательно играла, а желание отомстить. Уничтожить причину страха, что не давал ей спать ночью, что поселил глубокие тени на ее красивом — слишком красивом — лице.

Фыль не считал себя в праве помогать ей, не считал себя в праве бороться с Шеложкитерохом. У него не было права считать Васку своей собственной семьей, не было права вмешиваться. Он уже тогда, на первой встрече с Сестренкой, знал, что откажет, что поедет в закрытое учебное заведение для мальчиков, если повезет — станет кавалеристом, и если Шеложкитерох сделает что-то страшное, узнает об этом последним.

Если Сестренка справится, он и об этом узнает последним.

И он убедил себя, что ему все равно, и ничего никому о встрече не рассказал: Васка ведь

однажды не вмешался...

Пожалуй, именно из-за той, давней, обиды Фыль позволил Сестренке после долгих уговоров и посулов встретиться с Кирой, которая и сама была не против. Правда, та встреча ничем не закончилась... он так думал.

Но в результате — Васка, лежащий на мостовой, головой в кровавой луже, глаза закрыты, лицо бледное и неподвижное, будто мертвое... Фылю достаточно было закрыть глаза, чтобы увидеть это снова.

Это его вина.

Поэтому, когда Шеложкитерох схватил его за ворот и прижал к стене, Фыль даже не сопротивлялся. А может, не поэтому, может, просто не хватило сил: он больно стукнулся затылком и в глазах у него двоилось. Напротив маячило серое, мертвое лицо и очень, очень темные глаза, почти провалы на бледной коже, и рот у лица кривился в нехорошей усмешке — еще один провал. Пальцы, которыми Шеложкитерох держал Фыля, не дрожали. Рука не дрожала. Фыль как-то сразу понял, так он может провисеть очень, очень долго.

Зато Кирочка успела сбежать. Раз — и как не было ее.

В этот раз она спасать не будет. Это больше не ее долг. И хорошо. Правильно.

Потому что это Фыль виноват.

Виноват в том, что на мостовой расплывается красная лужа, по которой потом будут топтаться ноги стражников в подкованных сапогах, виноват в том, что Ковь увозят... Виноват. И уже не успеет исправить.

Другой рукой Шеложкителох достал бумажку, попытался достать грифель, но выронил его. Вдруг зашипел зло, вслух, четко проговаривая согласные:

— Убых бы х... хама!

Перехватил Фыля поудобнее, подошел к двери, волоча его за собой, как нашкодившего щенка. Правой рукой достал из кармана ключ. Повернул. Замок отозвался щелчком: запер.

Шеложкитерох поставил Фыля на пол. Разгладил ему воротник, смахнул с плеча несуществующую пылинку, посмотрел, вздернув брови в притворном изумлении. Поцокал языком, укоризненно покачав головой.

За его спиной было замечательное окно, которое так и манило Фылека приоткрытой створкой. Но что-то подсказывало: лучше даже не пытаться.

«Твоя подружка сказала мне слушать тебя», — наконец сказал Шеложкитерох, — «Я слушаю. Как убили? Кто убил? Как так вышло, что ты оказался рядом? Ждать ли мне Ковь к ужину?»

— Яааа... — Просипел Фыль и вдруг понял, что слышит свой голос, — Яаааа...

«Водички?» — Шеложкитерох достал из стенного шкафа бокал и графин и плеснул, не глядя, воды до четверти, как дорогое вино.

Он повернулся спиной, окно... Фыль рванулся — и был схвачен за ухо и водворен на прежнее место. Фыль не успел даже подумать о том, чтобы увернуться: слишком быстрое и точное движение. Ложка пододвинул в его сторону бокал, по ножке которого змеилась еле заметная трещина.

«Ну так что? Может, ты просто хочешь рассказать мне по порядку? Твоя подружка наверняка знает больше, но она уже сбежала, к тому же мне придется потратить время, чтобы ее разговорить. А вот ты... ты у нас чуть ли не запел?»

И Фыль заговорил дальше. Ему было слишком страшно, он просто не мог замолчать, и слова лились потоком, а он все никак не мог закрыть рот.

— Я шел. Я шел и спрашивал, куда идти. Мне показали, что дом в той стороне. Яааа... пошел. Через переулок. А там Васка... Упал. Его ударили в голову, он упал. Кулаком. Ка-ка-ка... Ка-а-астет. Был. У грабителя.

Ему показалось, или Шелокитерох чуть расслабился? По крайней мере лицо у него уже не было таким мертвенно-бледным, чуть ожило. На нем явственно читался скепсис.

«Какое удивительное, потрясающее совпадение! Ты шел, он шел — он упал, ты побежал!» — Всплеснул он руками и недобро прищурился, — «А теперь кончай разыгрывать комедию, зрители устали: тебе должны были передать, где я могу встретиться с... убийцами, от которых ты побежал. Так где?»

Фыль затрясся. Похоже, его тоже видели насквозь. Чем же он себя выдал, почему он так легко все понял? Как..?

«У тебя на лице написано», — руки у него не дрогнули, его брата убили, а у него даже руки не дрожат! — «Успокойся. Скорее всего, он просто ранен. Это называется — оглушить. Все к лучшему, а? Не ошибись ты так, ты б не запел... и, может, позже прибежал бы. Уверен, когда он вернется, будет рад твоим успехам... Человека бьют по голове, из головы течет кровь, это страшно... но так не убивают. Так глушат. Вряд ли это смертельно... для него.»

— Откуда вы можете знать?

Это больше походило на самоуспокоение, чем на уверенность, и Фыль никак не мог поверить... Хотя ему очень, очень хотелось — ведь тогда он не так виноват?

«Он под дланью Ха, а значит — живуч как Ха», — Шеложкитерох позволил себе сжать кулаки.

Выдвинул кресло, сел за стол.

«Я хочу в это верить. Потому что мертвому помочь не смогу. Переставай трястись, я не такое уж чудовище и не собираюсь сворачивать тебе шею. Потому что если я сверну тебе шею, то брат меня не простит», — он немного подумал, — «А еще я не люблю сворачивать шеи глупым мальчишкам, которые ввязались по чужой указке во что-то, во что им не стоило ввязываться».

Он вздохнул. Они еще немного помолчали. Фылю впервые за долгое время хотелось заплакать.

Он хотел отвернуться, спрятаться, исчезнуть — но взгляд как будто прилип к устало сгорбившейся фигуре за столом.

Наконец фигура все-таки пошевелилась, выходя их глубоких раздумий.

«Сам таким был. Так ты мне расскажешь, кто именно похитил Ковь и... ударил моего брата?»

— Откуда вы...

«О том, что мой брат в городе, я сам узнал несколько часов как», — Наигранно-недоуменное пожатие плечами, — «Он пошел встречать Ковь, что я еще должен подумать?»

— Она будет ждать вас у статуи Летека... Завтра на рассвете.

«Мне отзывать на кличку Шелли?» — Усмехнулся Шеложкитерох, — «и как она, не заболела ли? Такой замечательный план — это такая сложная работа для ее куриных мозгов. Договориться с тобой, со служа...» — Он вдруг перестал говорить.

Хрустнул пальцами.

Ухмыльнулся зло.

«Курице помогла рыба», — Фыль хотел было возразить, но его не послушали, — «Маленькая речная тварь, вот кто!»

Он рывком поднялся из-за стола, присел перед Фылем на корточки, заглянул в глаза. Фылю показалось, что он видит его насквозь, что он ему душу выворачивает. Он почти почувствовал, как Шеложкитерох протягивает руку и сжимает ее на его шее.

Фылек инстинктивно вскинул руку к горлу и попятился, дальше, дальше, пока не уперся спиной в дверь. Над головой белела небрежно нарисованная на куске бумаги мишень.

Лицо Шеложкитероха было страшно, гораздо страшнее, чем после известия о Васкиной смерти: он улыбался. Не зло, не ядовито: искренне и беззаботно веселился, как маленький ребенок. Даже глаза прояснились. Смотрели ласково, даже с сочувствием.

Как будто все те, ради кого он носил маски — дома.

«Расскажи мне, мальчик, а что это у нашей рыбки случилось три недели назад?»

...это был кастет.

— Что? — Не понял Васка.

— Ты просил камень, но получилось устроить только кастет. — Любезно сообщил собеседник. — Что касается твоего вопроса, ответ: «наверное».

— Это не ответ! — Возмутился Васка и рывком сел, открывая глаза.

В чем тут же раскаялся — голова взорвалась пульсирующей болью.

— Почему же? — Собеседник его был рыж и возмутительно весел, — Замечательный ответ. Подходящий.

Из-за железной маски голос его был нечеловечески гулок. Впрочем, перед Ваской был и не человек.

— Я умер? — Спросил Васка, разглядывая маску.

Нечто подобное было в храмовых книгах. Знаки Ха, вышитые на Васином воротнике, нашивали с изображения этой маски. Они были выгравированы у нее на лбу. Все пять. Были исследователи, считавшие, что они складываются в неприличное слово, но никто из них так и не нашел доказательств. На всякий случай Васка попросил в свое время швеюшить их в другом порядке.

Собеседник рассмеялся и маску снял. Только подтвердил Васкины подозрения: лица его было невозможно разглядеть. Черты его постоянно менялись, плыли: глаза становились то черными, то зелеными, то синими, то серыми, но всегда — без зрачка, уши оттопыривались и прижимались к черепу, рот растягивался, а потом сжимался в узкую полоску. Нос иногда казался почти незаметным, а потом вдруг вытягивался, становился шишковатым и синим, как у пьяницы. Родинки появлялись и исчезали, чтобы снова появиться в совершенно другом месте. Брови то пропадали, то срастались в одну, толстую, как рыжая мохнатая гусеница.

Васка отвел взгляд.

— Вы не могли бы... обратно?

— Никто не хочет смотреть. — Не без обиды вздохнул Ха.

— Если это доставит вам удовольствие... — Скорее из вежливости начал Васка.

Лицо Ха его не пугало, но при взгляде на него почему-то мутило. Хотя, может, мутило его и просто так. Глупый он задал вопрос: в посмертии так тошнить не должно.

— О, тогда не буду! — Возрадовался Ха. — и можно на ты. Впервые у меня такой вежливый почитатель. Давай я в твою честь свой храм назову?

И снова рассмеялся.

— Так я умер? — Осмелился перебить Васка, решивший все-таки удостовериться точно.

— С чего ты взял?

— Ну так... Бог... и вообще... — Обескураженный, Васка развел руками.

Мир вокруг дрогнул и превратился в комнату. Такая была в каждом первом клоповнике, что попадался Васке с Ковью на пути.

Ха огляделся.

— Мда... — Протянул он, — Не королевский дворец, однозначно. Ты вообще как, нормальный? Кто представляет себя в дешевой гостинице, когда может представить что угодно?

Васка вновь виновато развел руками.

— Какая разница?

— Вялый ты какой-то. — Заключил Ха. — Безжизненный.

Васка думал, что он опять рассмеется, но Ха, казалось, о чем-то задумался.

— Вот что с тобой делать, парень? — Наконец спросил он, — Я в недоумении. Когда-то из-за твоего брата я крупно проспорил... таскаю теперь это тело, а оно с дефектом. Я должен быть в обиде на тебя и весь твой род! Но ты такой заба... замечательный почитатель! И я прямо раздираюсь противоречиями! Видишь, до чего твой брат меня довел, а? Ну как такое простить?

Он встал и повернулся спиной. Голова его легко повернулась лицом к собеседнику — Васку передернуло.

— Ага. Вот такенная рукоятка! А Гарра на нее браслеты вешает. — Заговорщицким шепотом поведал Ха.

— Зачем? — Снова вопрос скорее чтобы поддержать разговор, чем из интереса. Васка и так догадывался.

— Ну, ты пробовал хотя бы денек побыть и женой, и любовницей? — Расхохотался Ха, подтверждая догадку, — Вот она иногда и становится просто Гаррой. А я бряцаю, как ходячая вешалка, слушаю за нее все эти молитвы... Ох и надоело! Надо было... — Он опасливо оглянулся, — Рраху брать... шучу-шучу!

— Надоело что? Быть и женой, и любовницей? — Удивился Васка.

Нет, конечно, все знали, что Ха подменяет беременную жену в работе, но не настолько же! Она заведовала множеством других вещей, гораздо более Ха подходящих.

— А что, если я выгляжу, как мужик, я уже и не могу стать богиней-матерью на пару веков? — Подбоченился Ха. — Ну и верующие у меня пошли, так где твоя вера-то в мое всемогущество?

— Ну, после рождения сына все ва... твои мучения кончатся. — Сочувственно протянул Васка, не обманувшись его бравадой.

Никто не любит заниматься не своим делом. Особенно боги, созданные, как правило, для чего-то конкретного... Хотя, если это конкретное — хаос, а сам бог — исключение из правил... возможно, не стоило демонстрировать сочувствие.

Но Васке было все равно, что говорить, им овладела странная апатия: потому он говорил то, что хотел. Возможно, та действовал сам Ха. Рядом с ним просто невозможно было соблюдать субординацию.

Ха явно понравилось его искренность, потому как гневаться он не стал. Наоборот, вздохнул с очень несчастным видом.

— Кончатся. Но когда еще этот парень созреет до того, чтоб родиться! — и Ха еще раз горестно вздохнул. — Все-таки ты мне нравишься, парень. Не хочется мне, чтобы ты помирал во цвете лет. Кто меня еще развлекать-то будет? Давай я тебя вознагражу, а?

Та легкость, с которой Васка перешел с Богом на ты, его уже даже не пугала. Так что он без стеснения ответил, не подбирая слов.

— Я не против.

Через несколько минут Ха развернул наконец тело грудью вперед, хрустнув при этом шеей, и спросил, несколько агрессивно нависнув над сидящим Ваской грозной тенью.

— Ну?

— Я думаю. — Меланхолично отвечал Васка.

— Чем-зачем?

— Не каждый день так везет. А ты можешь воскрешать людей?

— Нет-нет-нет! — истоково замотал головой Ха, — и не проси! Я-то могу, но ты ж не обрадуешься! Отца? Так он проскрипит еще пару дней, и снова помрет, отмучился свое. Мать? Сестренку? Так сестренка не жилец была, без мозгов уродилась, а мать без сестренки и отца — зачем, сам подумай? Пускай спят себе спокойно, они уж давно дальше ушли. Не-е-ет, никаких воскрешений, я сказал! Желай жить — и все, и распрощаемся.

— Так я и так не помру. — Пожал плечами Васка, — Те парни профессионалы. Я видел, как они арбалеты держали, а тот, что ударил, подкрался так, что я не услышал его до самой последней секунды. Они такой лажи, как смерть меня, в работе не допустят.

— Ну кому ты в глаза врешь-то? — Хмыкнул Ха, — Нашел, перед кем блефовать. Перед богом азартных игр! Вовсе ты и не веришь!

— Должен же был попробовать. — Васка вскинул голову. — Все равно — не должен я помереть. Не должен — и все. — Упрямо набычился.

— Ох, горе-горюшко! — По бабьи запричитал Ха. — Ну, думай тогда.

— А что за спор?

Снова скорее желание поддержать разговор, чем интерес. Васка думал, что Ха отделается ничего не значащими фразами, но Ха неожиданно ответил.

— Да с Солнышком нашим. На смерть. Надо было, конечно, на излом... да только когда одна фигура уже изломана, нельзя так спорить. — Он беспомощно развел руками. — Одна надежда была, что затрут твоего Ужа на первой же терке: мой-то с него пылинки сдувал. Поганый спор, сам не знаю, зачем ввязался.

— Стыдно? — С живым интересом спросил Васка.

Ха расхохотался. Он смеялся долго: все его лики успели раскраснеться, из глаз покатались слезы. Он схватился за живот, согнулся, а потом и вовсе упал на пол и заколотил ногами по доскам:

— У-у-у, хорош-хорош! К-конечно нет! Сты-ы-ыдно, придумал он! Безнадежно! Абсолютный проигрыш — вот это погано! А когда стыдно... ха-ха-ха... Умора... Мне — Ха! Стыдно?!

— Ты же самый человечный из богов. — Протянул Васка. — Ты должен помнить, что это такое.

Обессиленный Ха скосил на него лукавый глаз. Поманил пальцем:

— Слушай, пди сюда, какой секрет скажу!

Васка неохотно подполз поближе: в голове гудело, и он никак не мог встать, поэтому передвигаться приходилось по полу. С некоторым недоумением он обнаружил, что ножны все еще на поясе, скрежещут по доскам. Звук отдавался в ушах застарелой болью, но, почему-то, прояснял голову.

Он склонился к Ха, и тот ловко выкрутил ему пальцами ухо.

— Я никому ничего не должен! — Рывкнул он, и уже тише, ворчливо, — Тем более тебе, смертный. Я просто добрый. Сегодня.

— А завтра? — Васка попытался сесть более-менее прямо, потер пылающее ухо.

— А завтра не знаю. Какая разница?

— Я не...

— Естественно, не понимаешь. Потому что нет ее. Сегодня я добрый, потому что готов подарить тебе чудо; завтра я подарю чудо мертвым разбойникам — и меня будут проклинять те, кто хрустят у них на зубах... Слушай, ну не могу я толкать пафосные речи в такой унылой обстановке! — Неожиданно возмутился Ха. — Хочешь сказать, что я тут буду тебя всячески совращать, пожирать изо всех сил все твои нравственные ценности, закусывая картиной мира? — Он огляделся недоуменно и даже чуть обиженно, — Тут? В дешевой комнате дешевого трактира? Тебе самому-то не обидно? Вот сядешь ты внукам рассказывать, и что расскажешь? «Валялись мы на деревянном полу, и он мне такие речи заворачивал, я аж заслушался?» Я тебе кто — бог или собутыльник?

Васка несколько удивился тому, какое значение Ха предает окружающему миру. Почему-то ему казалось, что бог, пробродяжничавший несколько сотен лет должен быть менее брезглив. Или, может, именно из-за этого у него и появилось это чисто человеческое качество?

Но и об этом он не спросил, решив вместо этого поймать на слове.

— То есть, все-таки сяду и внукам?

— Подловил. — Хмыкнул Ха, вопреки Васкиным опасениям — не рассердившись. — Люблю внимательных.

Протянул руку: на среднем пальце сидело, как влитое, массивное железное кольцо. Васка, вспомнив, огляделся в поисках маски — ее не было.

Спрашивать ничего не стал. Ответ был очевиден: «Какая разница»?

И то, и то — символ. Может, тоже такое завести? Нет, не стоит. Ложка рассказывал, что такое железное кольцо, а он, Васка — никак не краль. Так, скромный служитель бога кралей.

Ха вдруг больно ткнул пальцем в висок, попав длинным ногтем в самую рану.

Васка взвыл, перед глазами поплыли золотые круги... а потом боль чуть улеглась, замерла тяжелым комом где-то на макушке, скорее для порядка давая о себе знать при каждом неосторожном движении. А местность, как по щелчку пальцев, изменилась.

— О, тут мне больше нравится. — Одобрительно гоготнул Ха. — Речка для речной твари — есть. Замок для магессы и ее сиятельного мужа — есть. Мельница для полузрячих — и та имеется... Родной мой, а где тут твое место, а?

Это был яркий летний день. За спиной, Васка знал, стояла Осокинка. Он слышал, как брехает на чужого старый кобель Герека, и как ему с повизгиванием вторит какой-то щенок. Вот-вот присоединятся и другие собачьи голоса и проводят бедного коробейника или старьевщика всей сворой. Слышал, как громко ревет чей-то ребенок — на слух Осокинка казалась живой, и Васка решил не оборачиваться, боясь увидеть слипшийся темный ком, как во снах.

На горизонте можно было различить замок. Его замок; что бы не говорил нахальный бог, и магесса, и ее сиятельный Ложка в нем только гости. Желанные и любимые... но замок — его. И Осокинка, и остальные деревни. И люди в этих деревнях.

И мельница чуть ниже по течению, проползти каких-то шагов десять и коснешься.

Ладная мельница, как он и представлял. Колесо вращалось с жизнерадостным плеском, свежая побелка, наверное, просто светится в сумерках...

Река была слишком прозрачной; серебристые спинки проплывающих рыб слепили глаза. Трава, на которой Васка сидел, казалась настоящей, только слишком уж свежей и зеленой. По руке проползла божья коровка. Она была слишком ярко-красная, а точки на спинке — слишком круглыми, будто нарисованными. И небо было таким синим-синим, каким только на лубочных картинках бывает.

Васка с трудом вспомнил бледное подобие этого летнего дня. Правда, мельницы тогда не было, но именно в тот день он решил ее поставить.

— Это все — мое место. Я его создал. — Ответил он, почти не задумываясь.

— Знал я одного бога-солнце, который бы с этим поспорил. — Усмехнулся Ха.

— Я использовал его материалы. — Почтительно склонил голову Васка.

— Ну, и долго мне здесь торчать? — Вдруг Ха сменил милость на гнев, а покровительственный тон — на сварливый, — Ты уже выпросил себе жизнь и не потратил желаний, ты очень-очень хитрый. Меня обхитрил, молодец. Так ты разродишься наконец, или я буду на этой травке до Конца Мира сидеть? Меня жена дома ждет, между прочим.

Васка едва сдержал ехидный комментарий и вернулся к животрепещущей теме.

— Так ты можешь воскрешать?

— Да мы же вроде покончили с этим! — Нахмурился Ха, и лица его замелькали еще быстрее, сливаясь в блин телесного цвета, на котором провалами мерцали глаза, — Некого тебе воскрешать! Нет таких людей, которым от этого была бы польза!

— А Киру?

— Какую еще Киру? — Вкрадчиво спросил Ха, — У тебя что, нет похищенной злодеями подруги, которая никогда не сможет толком овладеть силой и однажды — попомни мои слова, сгорит? Немого брата? Одноглазого воспитанника, который в обмен на глаз получил слишком много, видит то, что для его же блага не стоит видеть, и теперь боится любой давно погибшей тени, не в силах разглядеть за наносным — человека? Так про какую такую Киру ты мне тут...

— Киру Дитьерлих.

— Так ее не существует. — Хохотнул Ха. — Она даже не мертва — ее просто давно уже нет. Кого ты хочешь воскрешать, а?

— Как это, нет? — Опешил Васка, — А кто тогда носит это имя?

— Та, кому по наследству досталось тело? Но у... нее нет на него прав. — Доброжелательно просветил Ха. — Потому-то они и гниют. Я не очень долго думал, когда их создавал. Раз-раз — и мясо пошло жрать другое мясо. Был юн и циничен, знаешь ли. И все было просто. Всякие природные духи — это одно, но нежить... Никак.

— Я не...

— Ты когда-нибудь росток яблони с большими, красивыми, вкусными яблоками... породистой такой... на пенек от дикой яблони сажал? — Спросил Ха, — Это называется... то ли привой, то ли подвой: но какая разница? Так вот, твоя Кирочка — такой росток. Даже не так: она оторванная от настоящей Киры Дитьерлих веточка, а потом саму Киру срубили и посыпали солью; веточка осталась и выжила. Ей, можно сказать, повезло умереть совсем мелкой. У мелких души живучие, как печень.

— Как... что?

— Отрачивают себе все недостающее, если хоть что-то осталось! — Рывкнул Ха и

добавил уже мирно. — Не пойми меня неправильно, она мне нравится. Забавная девчонка. Только вот... поздно ты просишь.

— А когда было не поздно?

— Ну, лет... — Ха задумался, старательно загибая пальцы и шевеля губами, — Да, лет одиннадцать назад. Одним погожим весенним днем. Вот тогда было не поздно. И, главное, никакого бога не надо! Хотя нет, тогда ты бы спас Киру Дитьерлих, и река не смогла бы породить свою тварь. Упс. Вот ведь казус, та Кира, которую ты знаешь, мертворожденная, и стремится к тому, чего никогда не знала! Смешно, а?

— Ха, ты ж будешь не в обиде, если я тебя ударю? — искренне спросил Васка. — Ну очень хочется.

— Рука отсохнет! — Поспешно сказал Ха и отодвинулся, — Отсохнет, так и знай!

Васка разочарованно вздохнул.

— Раз уж мы о яблонях... — Начал он осторожно.

— Никаких яблонь! — Категорично рявкнул Ха. — У тебя целый Лес проблем, а ты все о яблонях. Да как ты вообще дожил-то до своих лет, такой однозадачный? Да еще и расплодился: две дочери, сыночек — и хоть бы кто знал, на кого похож их папочка!

— Что?

— Ты хочешь узнать об этом побольше? — Оживился Ха, — Ну так слушай...

— Нет. — Перебил Васка. — Это не мое желание.

— Как не твое? Все трое — твои!

— Это не то, что я хочу пожелать сейчас.

— Ты эту болячку от брата подцепил? — Скривился Ха. — Ну нельзя же пытаться играть с формулировками при мне! Я ж зверею, заигрываюсь, забываю, что я сегодня добрый. Не искушай меня, а?

— Кто кого искушает. — Буркнул Васка. — Я со всеми проблемами разберусь как-нибудь сам; Ковь откроет глаза и разнесет любую камеру, куда бы ее не заточили похитители. Они просто не знают, с кем связались. Брат о своей немоте пусть как-нибудь со своим богом договаривается. А вот Ки...

— Не сможет твой брат ни о чем с Солнышком нашим договориться. — Перебил Ха. — Это ты мне архиархижрец, а твой брат ему — так, букашка подданная.

— Кто я? — Васка замер, потрясенный.

— Архиархижрец. На вершине пирамиды. Снизу там всякое рванье, отребье и смерды, голь перекатная. Их я тоже люблю, и, как приходит их время, по затылку глажу, но ты... Ты хотя бы грамотный и сам мне клятвы давал. Не в обмен на жизнь, не в жажде наживы... Хотя... Можно ли назвать жаждой наживы желание сэкономить? — Ха склонил голову на бок, — Не хочу думать! А еще ты живой, в отличие от архижреца. Он упырь. — Поделился сокровенным Ха. — Так что... — Посмотрел ласково, — Ты мой архиархижрец и никуда ты от этого не денешься. Хочешь, с архижрецом познакомлю и вся нечисть тебе кланяться будет? Ну, та что разумная... и верующая... ну, не вся — некоторые... иногда.

— Я ж тебе Храм построю, — угрожающе сказал Васка.

— Ой, я давно мечтал. Значит так, хочу витражи из Гелликена. Что хочешь делай, но я хочу витражные окна, знаешь, из разноцветных таких кусочков, чтобы типа мозаика. И...

— Не хочу. Что, как какой-нибудь герцог побогаче решит тебе поклониться, так сразу и архиархиархижрец появится? — Фыркнул Васка презрительно.

— А может и появится, если мне его герцогская морда по душе придется. Но пока что я

тебя не спрашивал, хочешь ты или нет. Ты, может, с архиереем и не знаком, но он с тобой — еще как. И остальным визиты нанес, он мужик ответственный, как напьется и в разум войдет. Думаешь, чего лесовик побегал-побегал кругами и успокоился? Так он, к вашему великому счастью, ярый традиционалист. Где дочь Лесу — там и в Ха верят... Откажешься от сана — он с радостью вцепится вам в глотку... Оба вцепятся. Так-то лесовик думает, что его дочь у великого человека воспитывается. — Ха хихикнул, — Так что передай Кови: все грибы в лесах — ее, все травы — ее, весь Лес ей в ноги кланяться будет, за то, что так дочку одного из хозяев пристроила, к... — Тут Ха снова расхохотался и закончил свою мысль только минут через пять, вытирая слезы, — архиерей... умора! Жрецу.

Васка задумался ненадолго, а потом опять, упрямо:

— Так раз уж мы тут о яблонях... и Лес мне не грозит...

— Ну что, что ты предлагаешь? — Всплеснул руками Ха, — Вот что ты от меня хочешь? Все, что я могу — махнуть их с Милой телами! С живой Милой. Той, что с твоей Ковью в одной Школе учится. Той, что короткие платья носила. И тогда та, что ты называешь Кирой — она, конечно, вырастет. Но захочешь ли ты эту цену платить? Ты же не один ее платить будешь.

Глаза без зрачков потускнели. Сам Ха склонил голову в печали. Он добавил тихо:

— Не хотел я тебе этого говорить. Желал от выбора избавиться. Но ты ж настырный! А это и правда все, что я могу. Никакого лукавства — веришь, архиерей? Никакого. Так что давай ты просто пожелаешь чего-нибудь еще? Это ведь правда — очень просто. И дочка у тебя чудесная, и оба сына замечательные — младший, правда, хромоножка, но это можно вылечить — хочешь? И Ковь твоя с Силой вряд ли справится. Не по чину ей Сила досталась. И язык я твоему брату сделаю — лучше, чем был, а? Пальцы поправлю, тебе сниму тот шрам, который на погоду ноет... На боку. Помнишь, тебя зацепил тот огромный бешеный куks и ты провалился три дня оставшейся осады в палатке лекарей? Это я тебя зацепил, а то помер бы мой почти что первый в жизни добровольный архиерей из-за какой-то человеческой безделицы. Ты хрупкий. Тебе нельзя это решать. Ты же сломаешься, а?

— Хватит придуриваться. Без тебя тошно. — Буркнул Васка. — Если ты пытаешься стащить у Отца-Солнце идею испытания-инициации, то у тебя получается как-то... не очень удачно. Если это тебя потешит — могу обрить голову.

Ха аж задохнулся от возмущения.

— Для тебя ж стараюсь! — Ударил кулаком по земле. — Все для тебя, все для дурака. Много кому еще Бог желание предлагает? Да еще такой, как я? А ты совсем не ценишь... Я ж тебя породил, парень. Я. Кем бы ты был без меня? Скучным владельцем? Да стоит перестать тебя пинать — ты им и становишься. «Я создал это место», «это место мое»... да нет у тебя места. Нет ничего твоего и не будет! Нет и не будет, слышишь! Как у меня не бывает Храмов! Ты — мой архиерей, осознал? Ты от этого не откажешься, как бы тебе того не хотелось!

Он обличающе ткнул пальцем в Васкин лоб.

— Вот! Быть рыжим, как твой бог, тебе уже стыдно! — Обиженно заявил он. — А вот обойдешься! Отныне будешь у подружки только басму стрелять, так и знай! В конце концов — назвался груздем, так в кузов полезай. И не смей фыркать на мое испытание, оно всем испытаниям — испытание. Я, в отличие от Солнышка с его дурацким бритьем и celibатом для второго пострига, хоть чего-то значимого от жрецов требую!

— Так что ты от меня хочешь-то? — Попытался вмешаться Васка, но от него

отмахнулись.

Ха продолжал увлеченно.

— А чтобы ты прочувствовал, так сказать, этот потрясающий момент неопределенности... Запомни — тебе достаточно просто сказать «я хочу». И я все для тебя сделаю. Даже... — Он приблизился к Васкиному уху и зашипел, как змея, — Даже поменяю девчонок местами. Только вот волшебное «хочу» у тебя только одно. А остальные — обычные такие, человеческие, которые никто кроме тебя не исполнит. В наказание — помни!

И совсем невесомо, осторожно, почти нежно толкнул раскрытой ладонью в грудь.

Васка провалился сквозь траву, стрелой пролетел через бездонную черноту ничего и вывалился в реальность.

А реальности у него отчаянно болела голова, и во рту как будто ночевал целый полк молодых новобранцев после недельного пешего перехода.

В реальности над головой был только бугристый серый потолок камеры.

Васка потянулся рукой к мечу — его, конечно же, не было, не было даже ножен и, кажется, ремня. Пошевелил пальцами ног — сапог тоже не было.

В реальности было так хорошо, что Васка даже ущипнул себя за руку, пытаясь прогнать неизвестно откуда взявшуюся эйфорию.

Ха, несмотря на всю свою доброжелательность, очень давил. Гораздо больше, чем здешний потолок. Накатил на мгновение запоздалый испуг, но так же быстро исчез.

Впрочем, Васка все-таки ощупал висок и даже внимательно посмотрел на испачканные полузапекшейся кровью пальцы. Скосил глаза на заляпанный кровью ворот рубахи. Да уж, профессионалы, чтоб их. Может, ему приснилось? Просто сон-бред, бывает, когда по голове шарахнут.

Нет.

Не сон.

По грязной штанине, совершенно реальная и самая обычная на свете, ползла маленькая божья коровка. Слишком яркая, слишком красная, чтобы быть настоящей. Васка подцепил ее на палец и сдул: она раскрыла надкрылья, и Васка успел увидеть слюдяной блеск черных краешков крыльев.

Она полетела, тихонько стукнулась в стену и упала куда-то на пол.

Васка с трудом подавил порыв ее найти.

Некогда тут о божественном думать.

Надо Ковь искать.

Фылеку как никогда хотелось оказаться в уютной казарме училища, которое теперь казалось таким родным и безопасным.

Там его, бывало, били, а Шеложкитерох еще не поднимал на него руки. Но побои были просты и понятны, для них была причина. Достаточно было вести себя правильно, чтобы все было если не хорошо, то хотя бы сносно. А сейчас Фыль просто не знал, чего ждать и как себя вести.

— Я не понимаю...

«Видишь руку, Фылек? Мою руку? Видишь бинт? Ожогу — неделя. А Васка прилетел выгораживать Ковь. Три недели летел — но три недели назад еще не было нашей ссоры! Ты сбежал три недели назад, три недели назад Кира отправляла письма. Так что хватит играть

дурачка, оставь это тем, кто довел тебя до Столицы в целости и сохранности. Что случилось три недели назад? Почему Кира устроила... это?»

Фылек сглотнул.

— Три недели назад я получил письмо с указаниями. Кира тогда не объясняла мне, в чем именно дело, и...

«Ты пошел выполнять все, что она попросила, просто так? Сбежал из училища... Прошел с провожатым...»

Откуда он знает?

У него такое спокойное, безмятежное лицо. И эта улыбка — даже оскал был бы лучше. Слишком веселый, слишком уверенный: а ведь у него жену украли и брата.

А вдруг он этого и хотел? Вдруг Кира ошиблась? Вместо встряски — решила одним махом все его проблемы? Вдруг он не пойдет никого спасать?

— Я сбежал от провожатого на второй день. Я не мог позволить Се... Шайне думать, что я — бесполезный мальчишка. — Фылек замотал головой, — не мог. Мне нужно было... Нужно было встать шугаем. Я должен был видеть. Но если бы меня привели за ручку...

Фыль вскинул голову, желая уловить на лице собеседника хотя бы какую-то другую, правильную эмоцию, хотя бы заинтересованность... но ему было даже не интересно.

«Мне стоит спросить Киру?»

— Она... вернется, когда все наладится.

«Что все?»

— Все. — Фылек потер висок, растирая по коже капли пота, поглубже вжался в дверь, — Все. Эха не будет замешана.

«В чем же?» — Учтиво спросил Шеложкитерох, — «Объясни мне, чего именно мне стоит опасаться?»

— Шайне давно хотела...

Шеложкитерох отмахнулся.

«Я знаю, чего именно хотела Шайне. Я знаю, где она, с кем она и как. Я знаю эту курицу от и до, Фыль. Единственное, чего я не мог знать, это того, что рыба предаст курице мою...»

Он замер, фыркнул насмешливо. Откинул со лба мешавшие пряди, дернул себя за косу.

«Семью», — Заплел кончик косы в косичку, растрепал. — «Но, кажется, теперь знаю, зачем. Хотя не знал раньше человека, который пользовался бы для этого такими методами... на то она и речная тварь. Так что же Кира рассказала тебе, когда ты примчался в Столицу?»

— Я же говорил, что...

«Не играй формулировками с законником, Фыль», — Миролюбиво посоветовал Шеложкитерох, — «Я начинаю уставать.»

— Она поссорилась с сестрой. С Милой. — Фыль облизнул губы. — Вот и все.

«Что насчет капельки подробностей в твое сухое повествование?»

Секундная растерянность прошла. Теперь он снова улыбался.

Фыль решил рассказать все, понимая: этот все равно вытянет подробности. У него хватит сил на целое море подробностей. А если не вытянет — так догадается.

— Мила... утопиться пыталась. В Окраинной. А Кира узнала... она следит за тем, что творится... по привычке. Иногда помогает страже найти тела... Вот это вот все... Вы же знаете, как Кира относится к жизни? Магии ей почти не досталось... и она не понимает того, как Мила относится к магии...

«Ты общался с Милой? Сестра-близнец, так?» — Шеложкитерох вскинул брови, — «и как же?»

— Она хочет больше магии и меньше проблем с ней. — Фыль вздохнул, — Я не понимаю...

«Спросим у Кови, когда та вернется». — Отмахнулся Шеложкитерох. — «Суть я понял». Он бросил Фылю ключ от двери. Хрустнул пальцами.

«Будь добр, принеси из комнаты Кови зеленую книгу с пассами».

— Зачем? — Осмелился спросить Фыль.

«Они меня успокаивают».

Вот теперь его улыбка наконец-то стала похожа на оскал, и Фылю почему-то стало не так страшно. Но отвращение к самому себе никуда не делось.

Кира говорила, что этот идеальный план поможет Кови и Васке избавиться от врага, а Ложку, может, подтолкнет в верном направлении, стронет хрупкое и совершенно кривое равновесие. Что это как сломать неправильно сросшуюся ногу, чтобы та срослась правильно. Но Фыль с трудом в это верил.

Когда он сбегал от сопровождающего, высланного Шайне, это казалось захватывающим приключением. Когда он стоял шугаем, и видел, как медленно падает Васка, он поднял, что ошибался: он провернул самое что ни на есть настоящее предательство.

И он наконец-то ясно осознал, почему Васка так уверенно объяснял ему про приоритеты, которые нужно расставлять. Почему он так спокойно сказал, что за ним бы не вернулся.

Почему так легко признался в том, за что Фыль никак не мог его простить — в Фылевой незначительности. Почему откупился и забыл.

Потому что это было как заклинание, позволившее сначала Васке, а потом и Фылеку поверить в правильность собственного выбора.

Кира — главная, потому что спасла его.

Не сделать то, что она говорит — предать ее.

И улыбка Шеложкитероха — она не была страшной сама по себе. На его месте Фылек рвал бы и метал, может, побил бы себя — и это было заслуженно, это было то, чего он ждал.

Но у всех масок Шеложкитероха было кое-что общее. И Ложка, и Кит... разве что не давно умерший Шелли... Все они были достаточно побиты — судьбой, людьми. Все они давно поняли, в чем суть. Они не тратились на глупую обиду или бессмысленную ярость. Они замечали лишь крупных врагов, а за остальными следили краем глаза, чтобы если что — прихлопнуть.

Фыля простили, как прощают неразумного младенца. Как Эху, рыгнувшую на новую черную рубаху.

И когда Фыль вспоминал об этом, страх мешался с обидой и вовсе исчезал.

Потому что побега из училища, дней, когда его приняли за своего в близком круге Шайне — всего этого оказалось недостаточно, чтобы перестать быть ни на что не способным мальчишкой.

Ему очень хотелось бояться Шеложкитероха, потому что он мог убить его легко и непринужденно, и эта опасность щекотала Фылю нервишки.

Но теперь-то понятно: нечего бояться.

Никто не будет убивать.

Никто не будет тратить на Фыля время и принимать его в расчет.

Не дорос еще.

Васка подполз к стене, оперся на нее плечами, потом спиной и потихоньку встал, стараясь не делать лишних движений.

Ковь, конечно, надо искать, но в камере ее точно нет, а из камеры ему еще выйти надо. А как — это тот еще вопрос. Даже будь он лихим вором, способным открывать замки одним лишь длинным ногтем, не вышло бы: руки-то вон они, за спиной связаны. А про лихого вора, способного вскрыть дверь одними лишь босыми ногами, Васка и не слышал никогда.

Невозможно.

Васка оскалился, вспомнив: можно попросить помощи у Ха. Вот уж кто не откажет. Ржать будет над его слабостью, как припадочная лошадь, потешаться до конца его дней. Но не откажет.

Васка прислонился к прохладной стене пылающим виском. В жизни не думал, насколько плохой вестью может быть то, что бог слышит его молитвы. Хоть режь язык и организовывай с Ложкой клуб тех, кто слишком много болтал и наварлся.

По голове будто били тяжелым молотом — пуф! Пуф! ПУФ! Все ближе и бли... Это не по голове. Это за стеной.

Ну вот, а он беспокоился: она и сама его найдет.

Он отошел к двери, сел на пол, прикрыл руками многострадальную голову и стал ждать. Стоило, наверное, зачитать поисковую молитву, но обращаться к Ха совершенно не хотелось. Васка боялся, отчаянно боялся, что тот ответит.

Стена взорвалась каменными брызгами. Из получившейся дырищи, костеря все, всех и в особенности Ложкину кухарку, выползла перепачканная в пылище Ковь. Васка бы ее и не узнал, если бы не глаза: те горели зеленым огнем.

— Эй, ты! Ты-ты, я тебе говорю! — Рывкнула Ковь.

— Потихше не можешь? — Обреченно спросил Васка, поднимая голову, — Расшумелась тут. Как только не сбежались те, от кого ты сбегаешь.

— Ва... Васка?! — Ковь бросилась к нему, обняла за шею, потом затормошила, как тряпичную куклу. — Я думала, мне померещилось.

— Сегодня приехал. Перестань. — Он поморщился.

Ковь повернула его голову, посмотрела на рану.

— Фух, обошлось... Я-то думала, ты все. Надеялась — ну, бред, откуда, он в замке и письма не присылал... Но думала... — Горячо зашептала она, — Надеялась, причудилось в горячке, мало ли что они мне там в той тряпице сунули? А ты — ты живой!

— Зачем им было меня убивать? — Фыркнул Васка, осторожно отцепив от себя ее горячие пальцы. — Сама подумай: два заложника лучше одного заложника, так?

— Я видела, как ты упал. — Ковь на секунду прикрыла глаза, ее передернуло, — Ты упал, а я не могла пошевелиться. Как думаешь, этого достаточно для беспокойства? Ты, гад, куда меня спасать полез? Я те че, принцесса? Тоже мне — герой, голова с дырой...

— Дыру мне Ха залатал. — Рассмеялся Васка и осекся: его собственный смех искажался каменными стенами и звучал нечеловечески гулко.

Ковь только головой покачала. Развязала Васке руки: запахло паленой веревкой. От самой Кови пахло потом и пылью. И, как обычно — нотка застарелой гари. Ковь всегда пахла, как пепелище. Он соскучился по ее запаху и по ее горящим глазам, и по голосу ее соскучился. Конечно, не так он представлял их встречу, но все равно — хорошо.

Васка захрустел пальцами, разминая непослушные кисти. Он их совсем не чувствовал, но знал, что через пару минут будет жалеть о том, что чувствует. Он терпеть не мог, когда руки затекали.

Ковь резко встала, пнула противоположную стену. Обняла ее руками, как родную, лбом прижалась. Бросила коротко:

— идти можешь, башка чугунная?

Васка коснулся руками губ, чтобы не разулыбаться, как деревенский дурачок. По ее обзывательствам он тоже, оказывается, жутко соскучился.

— Почему не дверь? — Он кое-как встал, оперся локтем о выступ, — Почему ты пробиваешь стены?

— Ты знаешь что там, за дверью? — Ковь сделала паузу и ответила сама. — Вот и я. Думала, раз я в камере, то камер много. А много камер — узники в камерах. Я их вытащу и сама сбегу с ними... под шумок.

— и как? — Васка, пошатываясь, подошел и заглянул в дыру. — Много узников наосвобождала?

— Те, у кого вместо головы репка гнилая, считаются? — Огрызнулась Ковь, — Тогда одного. Только толку от него... — Она отлепилась от стены, смерила его взглядом с ног до головы, — Мне пощадить твои чувства?

— Спасибо, не надо. — Хмыкнул Васка.

— Меча нет, сапог нет, голова не работает... Да ты без железа — что та Прекрасная Дама. — Жестко сказала Ковь. — Придется спасать.

И снова распласталась по стене.

— У тебя тоже ни сапог, ни железа... ни пояса, а значит ни штучек твоих, ни травок с амулетами. Но это и не важно. Выбивай дверь. — Тихо сказал Васка. — Выбивай дверь, и меч я подберу.

— Он тебя сейчас перевесит.

— А у тебя через несколько стен кончатся силы. Думаешь, я не вижу? — Васка подошел к ней, положил руку на плечо, — Заканчивай. Выбивай дверь. Давай не будем меряться, какая из нас, дам, прекраснее, а? У тебя все равно платье, ты победила. Если бы там, за дверью, кто-то был... он бы услышал то, что ты творишь. Не думаю, что Шайне просто хотела устроить нам встречу в дружественной обстановке.

— У меня не...

— Мне тут Ха шепнул, что ты не очень-то Силу контролируешь. Он сказал, что ты можешь сгореть. — Васка скрестил руки на груди. — Хватит стен.

— Кто сказал? — Ковь снова протянула руку, взяла его за подбородок, — Все-таки с дырявой головой жить плохо: вон, уже и шепотки пролезли... А там нет голоса, который советует всех убить?

— Ковь. — Процедил Васка, отдергивая голову, — Я говорю правду. Он предложил...

Кто-то едва слышно захихикал. Васка застонал, понимая: вряд ли Ковь это слышит.

— Эй, ты! — Шепнул Ха вкрадчиво, — Как слышно, парень? Я очень старался, должно быть слышно хорошо... Ты не должен ей рассказывать. Понимаешь ли, желание, которое выскажешь не ты, не только ты, не ты один, оно ничего не стоит. Я не буду, просто не буду его исполнять. Я хочу, чтобы желал ты, а не целое вече. А то докатимся до мира во всем мире и упырей-травоедов.

— Ты...

— Ты сам пустил меня в свою жизнь. Ты сам позвал меня в свою душу. И в голову ты пригласил меня сам. — Захихикал Ха, — Чтобы ты сейчас не хотел мне сказать, помни одно. Я имею на тебя право, архиархижрец.

— Но у меня есть и право на тебя. — Возразил Васка и только потом перехватил испуганный взгляд Кови. — Да, я с ним разговариваю, это мой бог, это нормально!

Ковь пожала плечами, попыталась погладить его по голове, но Васка увернулся от ее руки.

Она выставила перед собой поднятые ладони, сказала, как будто лошадь успокаивала.

— Только не волнуйся, ладно? Это пройдет. Ты отлежишься, выспишься, и это обязательно пройдет.

Не поверила.

— Пройдет-пройдет, — Согласился Ха, — Стоит только пожелать. И это и есть твое право, твое священное право... что же, мне пора. Зови, если будет что-то интересное.

И в голове воцарилась блаженная тишина. Васка подождал немного.

— Говорит? — Сочувственно спросила Ковь, нарушая тишину.

— Нет, вроде ушел. — Вздыхнул Васка. — А ты... действительно сгоришь?

Ковь отвернулась.

— Я не знаю, может, тебе и правда Ха нашептал. — Пробормотала она тихо и уже увереннее, — Давай не сейчас?

— Сейчас. — Тихо сказал Васка и пригрозил, — А то еще голос вернется.

Ковь посмотрела недоверчиво. Наверное, решила, что он это представление только ради того и разыграл. Но все же сказала обреченно:

— Ладно, Ха с тобой, ты же все равно не отвяжешься, так? Ты не отвяжешься... Понимаешь, я, конечно, погорю однажды. Но это нормально. Для магиков с приобретенной Силой — это в порядке вещей. Для их внуков... для их правнуков. Мои две Силы очень разные. Молнии, они как домашняя корова. Меланхоличная, кушает травку, дает молочка, брыкается иногда. А огонь — это бешеная лошадь. Когда-нибудь я не удержусь, упаду и сгорю, но не сегодня.

— и как же ты получила свою бешеную лошадь?

— Я же вроде ответила? — Вскинулась Ковь.

— Погано ответила. Погано! Мне не хватило.

— Может, поищем местечко поуютнее?

— Тут очень уютно. — Отрезал Васка. — Здесь ты не сбежишь от вопроса. Да и мы не торопимся. Когда мы понадобится, за нами зайдут, не волнуйся.

— Это длинная история...

— А ты сократи. — Перебил Васка.

Ковь обреченно вздохнула.

— Не отвяжешься, я ж тебя знаю... Ладно, ты сам этого хотел. Когда-то, давным-давно, у нас на поле за деревней... помнишь, бугристое, гороховое? Так туда свалился дракон. Настоящий. Драконица. И она умерла. Но у нее было огромное, просто огромное брюхо, и бабушка...

— Ларыся?

— Парася, башка твоя дырявая! — Рывкнула Ковь, — Меня в честь бабушки назвали, ясно тебе? Не перебивай. Я тебе секрет рассказываю, угу. И бабушка сказала, что надо его вспороть на всякий случай...

— А на меня бочку из-за каких-то безобидных голосов катила! — Возмутился Васка, — Это же...

— Там были яйца. Большие яйца с хрупкой скорлупой. — Перебила Ковь. — Бабушка сказала остальным, чтобы сунули их в печи и оставили там. Бабушка тогда была совсем мелкая, но ее послушали. Потому что бабушка напомнила о том, что у яиц может оказаться очень злой отец, который наверняка не так поймет вспоротое брюхо драконицы. Она сказала, они как лебеди. Один раз, на всю жизнь, очень верны друг другу, и так далее. А она была служанкой у владельца и читала его книги. Ей поверили.

— А что на самом деле?

— Какая разница? — Ковь не заметила, как Васка дернулся от этих слов, пожала плечами, — Знала, не знала: в результате все равно оказалась права. Он пришел через долгое, долгое время. В человеческом облике. Твоя война с куксами, Васка, была пятнадцатая, та, которая до сих пор длится. Ложка, наверное, лучше всего помнит четырнадцатую. Тогда случилась Жаркая Ночь, так? Меня зацепило тринадцатой. Той, которая кончилась вынужденным перемирием, когда Йелль окончательно доконал голод, а у кукусов вспыхнула эпидемия саранчанки. Мне было лет пять, когда голод пришел к нам.

— Постой. — Васка лихорадочно пытался подсчитать в уме, — но она же началась лет сорок назад! Но я видел твою бабушку, и мать, и...

— Он пришел под личиной солдата. Попросил крова и ночлега у бабушки под крышей. Она не отказала. Еды у нас не было, но была у него — как тут отказать? К тому времени яйцо в нашей печи уже около недели трещало. Как будто огонь его доконал или что-то вроде. И когда он вошел и услышал этот треск, он бросился к печи и сунул руки прямо в огонь. Он не чаял увидеть их живыми, хоть и искал... потому что не мог иначе. Васка, бабушка рассказывает это лучше меня. В ее исполнении это как сказка, как песня. В моем — как череда глупых совпадений.

— Мне интересно. — Возразил Васка.

— Бабушка отдала ему его детей, а взамен он поделился с нами временем. Прожил эти годы за нас. Тринадцатая война — долгая война, но не думаю, что я смогу вспомнить из нее хоть минуту; я не жила тогда. И не голодала. Никто не жил и не голодал. Деревни не существовало. Только он... Платил своим временем за всю деревню. Один. Потом он помог драконятам вылупиться, и его время кончилось.

— Но ведь драконы очень долго живут. Мне казалось...

— Помнишь Рыка?

— Ну?

— Ему было шестнадцать.

Васка растерянно посмотрел на Ковь, не в силах поверить. Он вспомнил того ухажера Кови: здорового волосатого мужика в самом расцвете сил. Вспомнил, как тот раскалывал здоровущее полено с одного замаха. Как хищно и оценивающе смотрел на Ковь. Никак не юноша в пору первой любви.

Вспомнил его старушку-бабушку, как та благодарила за колодец, ее морщинистую шею и трясущиеся руки в пигментных пятнах. Это что же, сколько же тогда ей лет? Быть не может, чтобы меньше семидесяти!

— Он выглядел на тридцать!

— Значит, часто бегал волком. Это цена оборотничества, Васка. У всей магии на свете есть своя цена. У волков год идет за четыре человеческих. — Ковь пожала плечами, — Люди в

волчьей шкуре стареют как волки. Драконы в человеческой — как люди. А наш дракон очень долго искал своих детей среди людей. Слишком долго.

— Постой-ка... то есть тогда, в той деревне, после которой я тебя нашел, ты не убивала дракона? — Спросил вдруг Васка, неожиданно даже для себя самого.

Он видел, с каким лицом Ковь говорила о драконах, и понимал: она просто не могла. Он осознал это настолько ясно, его как будто ударила молния. Вспомнился Кирочкин голос: «А был ли дракон?»

И он знал, что Ковь ответит.

Не было.

— Нет, это был василиск. Для крестьян все, что чешуйчатое — это дракон. Они никогда не видели настоящих и часто обманываются. Любая большая ящерица сойдет. — Призналась Ковь. — Но я видела, как дракон умер. Если бы не видела, я бы тут не стояла. Это было... да, как игра в горячую картошку. Мы ухаживали за ними по очереди. Мама говорит, я любила сидеть с ним и слушать его дыхание. Мне это казалось забавным и я его совсем не боялась... он ведь так и остался у нас и я знала его, казалось, всегда. Он вечность лежал на кровати и хрипло дышал, это было как дыхание дома. Иногда он просил принести воды — и я приносила. Не только я была такая. К нему как магнитом влекло детей. Нас отгоняли, но мы все равно... и тогда взрослые махнули рукой и приспособили нас у уходу за больным. И однажды, когда рядом была я... Дыхание прервалось и водящий навсегда закрыл глаза. Мне досталась картошка: последний вздох вместе с искоркой от угасающей силы. Я бы сгорела еще тогда, если бы не мои молнии. Из-за них в меня вместились не все и досталось еще парочке детей, которые зашли его проводить. Ну, взрослые почесали в затылках, и, устав гасить наши пожары, разослали по разным Академиям, строго-настрого наказав, чтобы ввали про деревню. Чтобы никто не пришел и не спросил про дракона, и про то, где наши мужики пересидели войну. Такая вот история. Может, займемся, наконец, побегом?

Васка подумал, каково это: когда какой-то простой, незаметный звук вдруг исчезает навсегда. Вспомнились почему-то отцовские часы с кукушкой, которые висели в кабинете. Когда отец слег он перестал их заводить, потом они и вовсе сломались и куда-то исчезли со стены. И Васка вдруг подумал, что обязательно разыщет их и заведет снова, если у него однажды будет сын. Или дочь. Если верить Ха, то их вообще целых трое.

Желая поскорее забыть эту страшную мысль, он бешено затряс головой.

— Нет-нет, ты мне еще не до конца рассказала. Если молнии спасли тебе жизнь, разве опасность не миновала? — Он не понимал, — Ты же выросла, стала сильнее, должна была найти с Силой общий язык — искала же?

— Это было... оказалось невозможным. Отучившись в Школе больше года, я поняла: в Академии магов не учат не только потому, что не хотят. Просто это бесполезно. Владение приобретенной Силой во многом... интуитивно. По сути это всего лишь борьба с тем, что все равно сожрет тебя. Человек не должен управлять стихией. Помнишь чешую Етеля? Он очень сильный магик, и он балансирует на грани. То, что он ребенок, помогает ему: дети часто бегают между мирами, не замечая этого. Но это не будет длиться вечно: чешуя однажды прорастет у него под кожей, и если повезет, то он превратится в водяного, а не в очень большого сома.

Васка как наяву представил огромную рыбину с белесыми, тусклыми глазами. Его замутило.

Захотелось спросить Ха, зачем ему это нужно, почему бы не сделать как-нибудь...

иначе. Но он знал все ответы своего бога. И очередная смесь слов «какая разница» и «я был юн и циничен» не стоила вопроса.

— Но ты говорила, Мила сильнее? Почему у нее нет чешуи?

Ковь пожала плечами.

— Может, чтобы ее увидеть, нужно было чуть поковыряться? Мила вообще странная девочка. Она почему-то сродственна не только воде. Не удивлюсь, если это разорвет ее на части; если, конечно, она не успеет как-нибудь отсечь лишние возможности.

— Эха... тоже?

Ковь отвела глаза.

— Эха... однажды уйдет в Лес. Однажды она им станет. Но ведь и ты однажды умрешь, разве нет? Так что давай прекратим размазывать сопли и пялиться в далекое будущее и займемся, наконец, побегом. Ты говорил о Шайне?

Васка кивнул, принимая новую тему.

— Они называли ее Сестренкой, и знали, чей я брат. Каковы, думаешь, шансы, что я угадал? — Буркнул он. — Дверь.

Ковь сказала деловито:

— Отойди.

Сложила из пальцев незнакомую Васке фигуру. Постояла немного; ничего не происходило. Тряхнула головой, зашипела, расплела пальцы, в бешенстве пнула дверь ногой, затем ударила раскрытой ладонью — и та загорелась. Пламя было жарким — невыносимо жарким для Васки, хотя Ковь стояла ближе и даже не замечала, как курчавится от жара ее челка.

Васка отошел подальше.

— Мы тут не задохнемся? — Спросил насмешливо, — Дымит.

Ковь вместо ответа просто еще раз пнула обугленную дверь. Босой ногой.

Та с треском поддалась.

— Сейчас сквознячок организую. — Прошипела она.

Но второй раз ударить не успела: дверь вышибли с той стороны, и Ковь едва успела увернуться от створки.

— Здравствуйте, братец... сестрица. — Это был все тот же горелый мужик, который командовал группой, бравшей Ковь, и Васка выступил вперед, готовый, если что, броситься и попытаться ударить, — Сестренка вас ждет.

— Мы зайдем на неделе. — Пообещала Ковь.

— Сейчас.

Васка выразительно кивнул на дверь.

— Мужик. — Сказал он ласково. — Тебе лучше с ней не ссориться. Как-то раз она упыря сожгла и не поморщилась, знаешь ли. Мой брат говорил мне, что это был брат твоей Сестренки. Сложноваты у вас связи, но огонь... — он еще раз, для самых непонятливых, теперь уже рукой указал на догорающую дверь, — разбираться не будет.

Васка подумал, что него входит в привычку казаться беззаботнее, чем он есть. Делать вид, что он может себе позволить право на уверенность в себе. То, за что он уцепился сейчас — это призрачный шанс, но ему так не хочется сидеть в камере прекрасной дамой и ждать Ложку! Ну нет, обойдется: Васка так соскучился по возможности кого-нибудь спасти и брату такого лакомого куска не оставит.

Почему бы не попытаться поговорить с позиции силы, если сила есть? Только потому,

что он в камере, а Горелый нет? Ерунда!

— Это подземелья, братец. Обратись-ка к Ха, может, он тебе нашепчет, как выйти из катакомб, если вход завалило? — Насмешливо протянул Горелый. — Видишь? И у меня нашлась подходящая угроза.

— Васка, — Ковь дернула его за рукав, — Вы тут можете до конца Мира лаяться, но силы-то равны. Давай пойдем с ними — это шанс выйти.

Очень вовремя. Теперь можно сделать вид, что он неохотно поддался уговорам.

— Мы пойдем сами. — Сказал Васка спокойно. — Никаких связанных рук. Мы просто идем за вами.

— А то что?

— А то никуда не идем.

Некоторое время Васка просто стоял и молчал. Со стороны это, наверное, казалось поединком взглядов, но он, как обычно, жульничал. Смотрел Горелому в переломанную переносицу. Наконец ему надоело, и он решил: нагнать, так нагнать.

— и меч мой верните. — Как бы невзначай отступил к пробитой Ковью дыре в стене, увлекая ее за собой, — или мы просто отсюда уйдем: как думаешь, мою подругу сдержат какие-то там толстые каменные стены?

— Как ты думаешь, твою подругу удержит арбалетная стрела в брюхе? — Рыкнул Горелый, делая знак одному из подручных.

— Как ты думаешь, ее мужа удержит то, что стрелял не ты? — Ласково, как у маленького ребенка, спросил Васка. — А ведь вам, рано или поздно, придется общаться с ее мужем и моим братом. Тем самым человеком, сделавшим из брата вашей Сестренки упыря. Эй, арбалетчик! Ты как, хочешь встретиться с... Ковь, подскажи, как Шайне его обозвала?

Сам он никак не мог вспомнить. Вся надежда была на память ревлившей бабы. И та не подвела:

— Шелли.

Она поворачивала лицо то к Васке, то к Горелому, наверное, боялась упустить что-то важное в их дискуссии.

— С Шелли? — Протянул Васка.

Арбалетчик, кажется, не понял, в чем дело. По крайней мере, руки у него не дрожали, и теперь уже стрела смотрела Васке прямо в переносицу. Зато Горелый хорошенько сблелнул с лица.

Все-таки насчет Шайне Васка угадал. Хорошо: если бы это оказались какие-то свежие враги Кови, он бы не знал, чего можно ожидать. Но с Шайне он общался достаточно, чтобы понять: она слишком поверхностна. Не способна предусмотреть ничего, что не укладывалась бы в ее рамки.

И вряд ли она нашла себе хорошего покровителя, который мог бы продумать все за нее. Умный человек к Ложке в лоб не сунется.

— Ты мужик или кто? За братом прячешься. — Презрительно сплюнул Горелый.

— Ты первый подсунил мне крапленые карты, мужик. И я требую свой меч.

— Бери свою бабу и иди за мной.

— Ты не расслышал? — Васка вскинул подбородок, — Я сказал «требую».

Из-за спины Горелого, откуда-то из теней, раздалось разочарованное прицокивание.

— Э-э-эх! — Сказал Ложка, толкнул одного из похитителей на второго, пнул Горелого

под коленку. Арбалетчик дернулся, Васка толкнул Ковь к дыре в стене и сам отскочил с линии выстрела. Ложка заслонился от удара арбалетчика сумкой, потом и сам ударил по прикладу — тот задрался вверх, выпущенный болт сколол немалый кусок камня.

Ковь юркнула в дыру. Васка, перехватив одобрителный взгляд брата — за ней.

Ложка влетел в дыру через несколько невообразимо долгих секунд, кое-как прикрыв ее остатками обугленной двери, которые ухватил за оплавленную ручку.

Бинтам на правой руке не поздоровилось, но Ложка как будто не замечал этого. Он улыбался по-детски беззаботно, и Васку это немало пугало: брат никогда в детстве так не улыбался.

Через плечо у него висела огромная дорожная сумка, явно снятая с Шалого: и как только дотащил?

— Какими судьбами? — Ворчливо начала Ковь.

«Осматривал эти катакомбы с другом... давно», — фыркнул Ложка и подтолкнул ее в сторону следующей дыры, — «Еще три стены и открываем дверь».

— Скажи это Кови, а не ее спине, брат.

«Слишком громко выйдет», — фыркнул Ложка и кинул в Васку связкой ключей, — «Открываем».

В следующей камере Васка услышал хруст бедной дубовой двери, так и оставшейся прикрывать первую из спасительных дыр, так что спросил, только когда они уже запирали Ложкиными ключами заветную дверь.

— Что, так и выйдем?

Ковь сотворила маленький электрический шарик. В его не слишком ярком свете лица казались злыми и усталыми: обозначились тени под глазами, под носом... на стенах кривлялись тени-уродцы, передразнивая их движения. Васка посторонился: не хотел бы он этот шарик задеть.

«Почему нет?» — Ложка снял с плеча сумку и достал оттуда поочередно Васкины сапоги и сапоги Кови. Ложка различил на дне еще одно платье. Ложка перехватил его взгляд.

«Могла загореться», — пожал плечами.

— Лучше бы ты штаны взял. — Буркнула Ковь куда-то в сторону, не глядя на Ложку.

— Слишком легко. Не хочешь повидаться с Шайне?

«С ней сегодня городская стража повидается», — наконец-то скривился в знакомой кислой гримасе Ложка, — «А если и ускользнет, жизни Шакалам в Столице все равно не будет; не на того замахнулась».

Ковь поспешно натягивала сапоги, сердито пыхтя под нос что-то неразличимое.

— На скромного законника. — Нахмурился Васка.

Ложка отвел глаза. Ковь встала, притопнула ногой, проверяя, как сел сапог. Покачала головой.

— Змей. — Буркнула она себе под нос. — Гад ползучий.

Сияющая улыбка, вернувшаяся было на Ложкино лицо, чуть поугасла. Васка с интересом наблюдал, как Ложка борется сам с собой, упорно не кривясь в привычной кислой усмешке: улыбка держалась исключительно на силе воли, которая, увы, явно заканчивалась.

— Ладно, прощен. — Коротко сказал Васка.

Он-то нелучше. Вон, архиархижрецом стал, а кто об этом знает, кроме Ха? А ведь

говорили Васке все вокруг: одумайся, мальчик, ты чего, совсем сумасшедший? Из-за какой-то десятины кому отдаешься? Под чью длань холку подставляешь?

Но он был молод, упрям, и думал, что ничего хуже смерти матери с ним случиться уже не может. Ну-ну. Вот и сделал из своей жизни одну сплошную неопределенность. И других зацепил... Может, не стоило забирать Ковь со свадьбы подруги? Ушел бы один, а Ковь жила б куда счастливее: никто бы ее не похищал, не было бы у нее такого мужа, а был бы кто-нибудь другой, более подходящий...

Они шли по длинному, почти бесконечному, коридору. По крайней мере, Васка не видел никакого выхода из него. Преследователи, наверное, давно отстали и заблудились: Васка вот заблудился точно. Узкая каменная кишка давила на плечи, продирала холодом спину. Ковь шла первой, она единственная видела в темноте. У нее над плечом все так же парил маленький электрический шарик, худо-бедно освещая путь остальным.

Она научилась этому в Школе. Как и хотела, к чему и стремилась: хоть с одной силой она научилась управляться.

— Ковь, что случилось с драконятами? — Спросил Васка неожиданно даже для самого себя, пытаясь перекричать ватой застрявшую в ушах тишину.

Ложка прислушался, но уточнять ничего не стал. Васка подумал, что позже стоит историю брату пересказать: Ковь вроде не запрещала, а сама по себе история немало для нее значит. Кому как не мужу стоит ее знать?

— Драконенком. — Поправила Ковь глухо, — Остальные, увы, родились мертвыми. Она недавно замуж вышла.

— Она?

— Ты у нее на свадьбе гулял. И мне догулять не дал. Вичка... Викерья. Она, да.

— Но она же...

Васка попытался вспомнить, как она выглядела, но с трудом выцепил из темного омута только нос — кажется, картошкой, лицо — кажется, круглое, волосы — кажется, коричневые... каштановые, кажется...

— Она решила жить человеком. — Ковь пожала плечами. — Почему бы нет? Если ты и дракон, и человек, ты можешь выбирать, что тебе больше по душе: так мне кажется.

— Но жизнь короче, и...

— Ну да. Зато счастливее. — Ковь пожала плечами. — Ей никто силком браслет не надевал; никто не заставлял дожидаться жениха с войны, никто за калеку не сватал — он готов был ее отпустить, ага. До сих пор помню: «ну ка-а-а-ак же ты со мной, найдешь еще кого-нибудь другого, не такого... изломанного». А она его с детских лет любит, дурня: зачем ей кого-то искать, к ней жених живым вернулся, живым, понимаешь! Мужчины в своем дурацком благородстве иногда такую чушь несут, сам знаешь, сам нес... Никто не запирал ее в деревне, ее хотели даже послать в Академию, но она и дня в городе не продержалась: шумно слишком. Ее человеческая жизнь — ее выбор, и тут дело не только в любви, но и в семье, и в доме. Она выросла человеком. Так уж вышло. — Она обернулась. — если бы я не захотела тогда уйти, никуда бы ты меня не увел; если бы я не захотела за этого гада ползучего замуж — я б и не вышла. Так что не смейте тут виноватиться за мои решения, ага.

— С чего ты...

— Ты когда начинаешь заниматься самобичеванием, у тебя голос становится такой жалобный и несчастный. «Ну пожале-е-ейте меня, повесьте где-нибудь, чтобы я вам жизнь не порти-и-ил». Хотела б я знать, семейное ли это? — Фыркнула Ковь насмешливо. — Но,

кажется, буду мучиться сим вопросом до самой лютой смерти от голода в темном подземелье. Ты куда нас завел, гад ползучий, далеко ли нам идти еще?

«Твои слова — музыка для моих ушей, о жена моя», — Ложка хмыкнул, — «Так давно ты не осеняла раба своего мелодичными переливами ругательств! Еще полчаса и дойдем до развилки, там направо и выйдем как раз у реки, в которой чуть не утопилась та самая Мила, про неблагодарность которой я выслушиваю песни уже полгода».

Теперь пришла уже пора Кови удивляться.

— Что?!

Ложка остановился, прислонился к стене. Хрустнул кистью, разминая пальцы.

«Сегодня с утра Кира вела себя странно. Потом пришел Фылек, рассказал, что брата убили. Но, судя по всему, обошлось?»

Васка повернулся целым виском, стараясь сделать это не очень заметно.

— Ему показалось.

Не объяснять же, что его, похоже, Ха спас?

Мила хотела утопиться? Неужели из-за Силы?

Если она все равно хотела утопиться, значит... Почему бы...

В голове снова мерзко захихикали.

— Родной мой, только не пытайся переложить ответственность на кого-нибудь другого. — Выдавил Ха сквозь смех, — Желание-то все равно твое.

— Мое. — Хмуρο сказал Васка. — Только ты к нему меня подталкиваешь. Мне кажется, я окажу тебе услугу? Ну, признайся, девчонок-то ты перепутал когда-то давным-давно?

А что, Ха мог. Посмотрел на две почти одинаковые нити в своих руках, на двух одинаковых девчонок, что нитями владели. И рванул первую попавшуюся нить со своей любимой присказкой: «какая разница». А разница, может, была. Может, огромная была разница.

Может, его за эту разницу жена ругать будет: насколько Васка а понял, Гарра — один из наиболее действенных рычагов давления на раздолбаистого бога Хаоса.

В голове снова рассмеялись. Васка поймал обеспокоенный взгляд брата.

— Из Милы получилась бы неплохая русалка, согласишься? — Спросил он серьезно. — Куда лучше, чем из Кире.

— Если бы да кабы... — Протянула Ковь, отвечая вместо Ложки, — Судьба так у них повернулась; Гарра нить оборвала, назад не связать. Да и если бы можно было, Кира бы не согласилась: слишком она жизнь ценит, ради себя ее у сестры не отнимет. И ты это знаешь. Он все еще... говорит?

— Он ржет. Но я знаю, как это прекратить. — Вдохнул Васка. — Ладно, Ха, давай, махай... махни... Меняй.

— Точно-точно-точно-точно? А как же дочурка-хромоножка?

— В прошлый раз это был сыночек. Давай. Я сказал то, чего ты хотел... потому что я так хочу.

— Как хочешь. — и Ха расхохотался, — Ты вовремя. Еще пара минут, и не было бы разницы между «сейчас» и «одинадцать лет назад». Ух, и устроили бы мне скандал дома! Вот поэтому ты и мой архиархижрец, родной, душой меня чуешь, душой меня принял. С тебя Храм! Бывай.

И в голове стало блаженно пусто.

«Так что это было?» — Полюбопытствовал Ложка.

— Ха назначил меня своим архиархижрецом... это не смешно! — Не без обиды воскликнул Васка, ткнув Ковь локтем в бок. — Ну и сделал подарок на назначение... за который Кира меня не простит.

«Кира сдала вас Шайне», — резко сказал Ложка, — «Потому что испугалась за сестру. Когда она узнала о том, что Мила решила топиться, она и не подумала, что та решилась на это добровольно. А Шайне ей подыграла... Тогда Кира выдала все, что знала: кто, как, когда, куда ходит. Помогла девице Шайне устроиться в мой дом и порыться в моих бумагах... хорошо еще там шифр...»

— Хе-хе! — Предвкушающе улыбнулась Ковь, — Так кто тут у нас теперь послушная девочка, а?

«Тем не менее Кира внедрила Фыля к Шайне, чтобы я смог вас вовремя вытащить».

— Я бы сама спаслась. — Ковь вздернула нос, — А то, что от Киры следовало ждать маленького безопасного предательства, я и так знала. Ты ее видел, Ложка? Ее уже давно ломает. Она, все-таки, нечисть, а не маленькая девочка, и слишком давно переламывает свою натуру; немудрено, что после выходки Милы она пошла в разнос. Уверена, она не слишком-то соображала, что делает.

«Не выдумывай ей оправданий». — Нахмурился Ложка, — «Она сама с этим неплохо справляется».

— Тебе поверить, я только и делаю, что выдумываю оправдания.

«А разве нет?»

— Мы, кажется, сбегает из подземелий? — Робко попытался вклиниться в разгорающийся пожар семейного скандала Васка.

На него кинули два испепеляющих взгляда, и он бочком, бочком отодвинулся. Мало ли, еще и вправду испепелят. Давненько он не был третьим лишним.

Ковь свирепо сопела. Ложка стоял в обманчиво расслабленной позе, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди.

Васка слышал характерное потрескивание волос Кови. Осветительный шарик наоборот замерцал, потом потускнел и едва-едва освещал происходящее.

Они долго меряли друг друга взглядами.

— Ну? — Свирепо спросила Ковь, проиграв тем самым первую схватку, — Че я, по-твоему, делаю не так-то?

Ложка пожал плечами.

«Я вроде бы не давал поводов для подобной враждебности».

— Ты вообще ни к чему поводов не давал.

«А должен был?»

— Нет. — Ковь пожала плечами, как-то сразу перестала трещать. — Прости уж, что требую незнамо чего. Все, пошли.

Развернулась и пошла. Ложка удивленно вздернул бровь.

Васка поспешил за ними. Скорее бы выход.

Муторное, серое чувство раскаяния ворочалось в груди. Хотелось увидеть Кирочку, казалось — он сделал огромную, страшную ошибку...

Но кому из них сейчас так не казалось?

Может, хоть свежий воздух сможет разогнать это противное, тянущее душу ощущение. По крайней мере, Васка на это очень надеялся. Может, жизнь покажет: он был прав.

Если, конечно, они найдут выход а не погибнут в здешних катакомбах. Если не

окажется, что в одном из бесчисленных ответвлений они все-таки свернули не туда.

Ковь никак не могла взять себя в руки, встать, взять школьную сумку и пойти в Школу.

На вдруг нее навалилась какая-то удивительная апатия. Казалось бы, живи да радуйся: самолично видела, как Шайне — счастливую когда-то соперницу, а теперь лютого Ложкиного врага, как тонка эта грань! Скрутила стража.

Вроде бы Кирочка вертится рядом, счастливая в своем новом теле, так же как и Мила счастлива в ее старом. Она не знает, что все это устроил Васка: Кира осознала себя в глубине реки и с камнем в руках, решила, что это ее личное маленькое чудо. Перегрызла веревку зубами и до сих пор с восторгом рассказывает, как ее легкие горели огнем, когда она выползла на берег — живая. До сих пор не разговаривает сестрой, потому что та предпочла стать русалкой и неплохо себя в посмертии чувствует, и не собираясь раскаиваться. А еще потому, что она боится своего старого тела: а ну как коснется и все вернется обратно?

И в Школе испортила сестре табель, правда, не специально: писала Кира неграмотно, счету была не обучена, колдовала плоховато. Даже те слабые способности к приворотным и иллюзорным чарам, что у нее были, утекали из нее, как вода из разбитого кувшина. Но это ее не сильно-то расстраивало: посоветовавшись с Ганталеной, с которой завела дружбу еще до того, как Ковь в Школу поступила, она решила Школу со следующего семестра оставить ради балов. Ради самого настоящего дебюта, маленьких чайных приемов, балов в домах знати, и, конечно, Бала Урожая, который давали в королевском дворце.

Кира хотела взять от жизни все: в том числе и танцы до упаду, и многочисленные влюбленности, и кавалеров, и подружек. И, чем Ха не шутит? Возможное замужество. Пусть и под чужим именем, в чужом теле — это все равно была ее собственная выстраданная жизнь.

Васка тоже развлекался на полную катушку. После очередного вдохновляющего пинка своего капризного божества, он решил выбить для Ха Храм. И выбивал с удивительным энтузиазмом. Чего только стоила та история, когда Васка пришел на совет верховных Священников, Жрецов и Жриц и ухитрился таки занять причитающееся ему по праву четвертое кресло, пустовавшее уже многие века (Архижрец на эти сборища ни разу не являлся — непереносимость освященной земли и святых символов плохо сказывается на церковной карьере упырей). Правда, это принесло ему только множество проблем: вместо того, чтобы мирно строить свою мельницу и править деревнями, он строил мельницу, правил деревнями, и то и дело мотался русалочьими путями в столицу, контролировать сбор средств на Храм Ха.

Сбор этот был по большей части анонимный и проводился через Ложку, который с огромным удовольствием, благословленный братом, бросился в котел преступной жизни Столицы.

Он ни разу не участвовал в разборках (по крайней мере, Ковь об этом не знала) и не состоял ни в одной группировке, ничем не управлял, но пропускал через свои руки столько документов самого разнообразного содержания... и Ковь понимала: он знал, что происходит, как происходит, и что может произойти, а так же — куда нажать, если вдруг что.

Фылек поступил в местное училище на стражника. Какой из него получится офицер стражи, при таком-то дядюшке, Ковь старалась не загадывать, надеясь, что свежеприобретенная привычка Фылека к двойным, тройным и прочим предательствам не

выйдет боком ни ему, ни остальным. Если что — сбежит на мельницу и будет ей управлять вместо Герека: тот все приворочивает, ничему жизнь его не учит.

А Ковь? Она что?

Она просто училась. Носилась как белка в колесе, зарывалась в мелкие повседневные дела с головой, не позволяя себе задуматься.

Была подругой и верной дуэньей при расшалившейся Кирочке, нянчила Эху под укоряющим взглядом няньки, которая девочку обожала и откровенно к Кови ревновала, играла роль жены на тех немногочисленных приемах, от приглашения на которые Ложка не смог отказаться. Ручалась в училище за Фыля, когда тот расколотил окно и слезно умолял не рассказывать Васке.

Настолько замоталась, что совершенно потерялась во всей этой суматохе. Но вот нашлась минутка присесть и передохнуть, и она уже не смогла встать и продолжить радостную суету.

Как будто снова оказалась в том коридоре, по которому они так бесконечно долго в молчании шли из подземелья. И тот сковал ее по рукам и ногам, не давая дышать.

Ковь рванула ворот форменного платья: он душил ее. Пожалуй, сегодня в Школу она не пойдет. Не потому что нависают над головой несданные зачеты: она все сдала, и еще с месяц можно не бояться.

Просто не пойдет. Дракон со сколотым клыком сегодня останется без ласки, но он поймет.

Широкие штаны с почти незаметной дыркой на голени: она аккуратно, не спеша ее зашила. Достала бережно хранимую старую рубаху, перебрала баночки с зельями на поясе, кое-какие заменила свежими из личных запасов.

Собрала сумку и тихо вышла из дома.

Это был единственный выход, который она смогла придумать.

— Васка, Васка, где Ковь? — Требовательно спросила Кирочка, сунув аккуратно причесанную голову в комнату, затем протиснувшись сама, — Смотри-смотри, красивое, да? — и повертелась, позволяя рассмотреть новое платье со всех сторон, — Я в этом к баронессе Дифеглих поеду, у нее прием!

— До дебюта разве можно?

— Так это же чайный, а не бал! Где я, по-твоему, должна блистать до дебюта? — Отмахнулась Кирочка, — Ну что, красиво?

Простой, чуть старомодный, крой, минимум украшений, тонкая талия перехвачена широким поясом, мягкий, неброский голубой цвет: все это ей необыкновенно шло. Юность, невинность, изящество: Ганталена хвалилась, что Кирочкина дебютная книжечка уже расписана. Неудивительно.

Васка усмехнулся. Вот кокетка! Знали бы бедные парни, какие острые у этой нежной девы зубки!

— Конечно.

Кира нахмурила тонкие бровки.

— Зануда... так где Ковь, заболела, да? Я ее в Школе сегодня не видела. Хотела ей платье показать...

— А я ее не видел в особняке. Еще в конюшне на лошадь меньше. И я видел в ее комнате записку. — Васка пожал плечами, — Но я ее не трогал. Это не мое дело.

— Как не твое? Неужели ты не волнуешься?!

— Если женщина поехала к маме, то догонять ее должен муж. — Васка развел руками, — Ну, если, конечно, он это заметит. Если ее будет догонять брат мужа, это уже будет странновато выглядеть, не находишь?

Кирочка топнула ногой.

— Но он же не заметит, он же занят! Пойду к нему и скажу.

Васка удержал ее за край длинного рукава.

— Нет, не лезь в чужие семейные ссоры, пожалуйста. Ты очень нам помогла, и очень много сделала, но сейчас тебе лучше не вмешиваться. Не могут же люди всю жизнь ходить с костылями!

Кирочка надулась.

— Сам такой. Занудина и все! Ну и ладно!

— Просто подожди немножко. — Мягко улыбнулся Васка.

И правда, не прошло и четырех часов (Кирочка героически решила не ходить на прием, вместо этого помогала Васке подобрать витражи в Храм, листая каталоги с вложенными в них цветными стекляшками) как в комнату постучался Ложка.

«Я не помешал?»

— Как думаешь, что лучше, — светским тоном поинтересовалась Кирочка, пряча в глазах лукавые смешинки, — изумрудная трава и светло-голубое небо, или лазурное небо и салатовая трава?

«Первое, хотя к изумруду я бы предпочел лазурь», — отмахнулся Ложка, — «Ковь уехала по делам?»

— Правда? — Старательно удивился Васка.

«Она взяла дорожную сумку», — и, чуть поколебавшись, протянул Васке смятую бумажку, — «Вот».

«Уехала навестить родню, не беспокойтесь, вернусь через неделю», — прочел Васка.

Кирочка прыснула в кулачок.

— Видимо, домашних решила навестить. — Пожал плечами Васка. — Зная ее, может еще тварь какую-нибудь завалит по дороге, маньяка поищет... любит она влипнуть в приключения. Странно, что посреди учебного года, но... может, соскучилась? Мать с отцом ее год не видели... бабушка тоже.

Вспомнив Ларысю-Парасю он вдруг закашлялся, стараясь скрыть рвущийся наружу смех.

Не то чтобы это было действительно смешно. Скорее, Ложку стоило пожалеть.

— Хочешь, я за ней съезжу? Мне, правда, завтра договор с подрядчиком подписать надо, и...

«Да сам съезжу, если русалок попросить, получится недалеко, так?» — Ложка раздраженно выхватил бумажку из Васкиных пальцев, — «Нашел над чем смеяться, по богу и жрец».

— Это ты правильно решил. Я ее один раз из деревни вытаскивал, теперь твоя очередь. Договорите уж, что в коридоре начали. — Серьезно сказал Васка, — А то смотреть тошно.

— Ага-ага. — Согласилась Кира, — Как дети.

«Зато ты подросла», — фыркнул Ложка, — «Этого невозможно не заметить; разве что зажмурить глаза», — Потрепал ее по волосам, растрепывая прическу, — «Удачи во взрослой жизни».

Обернулся к Васке.

«Карту нарисуешь?»

— Что, правда поедешь? — Хмыкнул Васка, — А не страшно? Она вроде просила не беспокоиться...

«Она говорит одно, думает другое», — Ложка в сомнении покачал головой, — «Лучше сделать, чем в очередной раз узнавать, что я гад ползучий, раз ее послушался. Она же...» — Ложка развел руками в недоумении, — «Совершенно непредсказуема», — и вдруг спохватился, — «Что, мама у нее такая же?»

— А какая у нее бабушка! — Жизнерадостно подтвердил Васка, глядя на то, как вытягивается Ложкино лицо, — Что, уже жалеешь, что женился?

Ложка склонил голову на бок.

«Не жалею», — фыркнул он, — «зато не скучно».

— Я так бога выбрал... Лежал с пробитым виском и думал: зато не скучно!

«Сейчас-то ты жив», — Ложка похлопал Васку по плечу, — «и я тоже: как там было в старой песне? Живи, сгорай и смотри в оба?»

Кирочка дернула его за косу. Насупившись, протянула наспех накаляканную карту.

— На. Поторопись, а то и правда... сожгут еще.

Ложка пожал плечами, чуть прищурил глаза, отчего его лицо на краткую секунду приобрело оттенок некоей мечтательности.

«Да я и не против, мне нравится, как она горит».

Васка провожал брата. Он стоял у ворот и вслушивался в вечерний гул до тех пор, пока цокот копыт Шалого окончательно в нем не затерялся.

Потом он закрыл ворота, поднялся по ступеням крыльца, рассеянно скользнув рукой по нагретым за день перилам. Замер на крыльце, устремив задумчивый взгляд на кованые ворота.

Наверное, он мог бы сорваться туда и вместо Ложки? Дорога звала: хотелось бы ему снова пройти по ней, не имея за плечами ничего, кроме довольно, как он сейчас понимал, скудной суммы денег, вырученной у старого скупого перекупщика за отцовский доспех... Но так уже, увы, не получится.

Дорога уже пройдена.

Нечего колебаться.

И все же Васка простоял так еще долго, вдыхая полной грудью свежий весенний воздух.

Больше книг на сайте - Knigolub.net